

Борис Докторов

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Историко-биографические
поиски

ТОМ 1

Биографии и история

Москва

2016

УДК 316.1/.2(47+57)
ББК 60.5(2)г
Д635

Докторов Б.З.
Д635 **Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9-ти т. Том 1: Биографии и история. – М.: ЦСПиМ, 2016. – 418 с.**

ISBN 978-5-906001-46-7.

В 9-ти томнике доктора философских наук, профессора Б.З. Докторова обсуждаются результаты его историко-наукоедческого анализа становления современной российской социологии. Оригинальность и новизна данной работы определяется установкой автора на освещение прошлого и настоящего отечественной социологии на базе воспоминаний и суждений тех, кто формировал ее основы и внес значительный вклад в ее развитие. А в последние годы – и тех, кто в настоящее время активно работает в социологии и готовит новые поколения социологов.

Том 1 – «Биографии и история» – является методологическим введением ко всему проекту. Одновременно в нем представлены теоретико-эмпирические выводы проведенного исследования.

Материалы Томов 2, 4, 7 и 8 (в двух частях) – «Беседы с социологами семи поколений» – образуют эмпирическую базу исследования и придают особую значимость проделанной работе. Это – 143 глубинных биографических интервью, которые были проведены автором в 2005–2016 годах с российскими социологами разных возрастных групп.

Тома 3 и 5 содержат историко-методологические работы Б.З. Докторова, статьи о жизни и творчестве социологов, чьи гражданские позиции особенно близки автору. Также, в них представлены его автобиографические материалы

Том 6 – включает в себя книги Б.З. Докторова о Б.А. Грушине и В. А. Ядове, ярких представителях первого поколения российских социологов.

Том 9 – впервые знакомит российского читателя с биографией и творчеством историка, философа и социолога науки Б.Г. Кузнецова и содержит пространное автобиографическое интервью Б.З. Докторова.

Книга может быть полезной широкому кругу социологов-исследователей, университетских преподавателей, аспирантов и студентов, специализирующимся в области истории российской социологии. Вместе с тем, она адресована и более широкому кругу читателей, интересующихся социологией и историей нашей страны.

УДК 316.1/.2(47+57)
ББК 60.5(2)г

ISBN 978-5-906001-46-7

© Докторов Б. З., 2016

Оглавление

Благодарности.	5
Предисловие к первому изданию	7
РАЗДЕЛ I. ПОИСКИ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДА	17
Глава 1. История может менять прошлое.	20
История есть, только если она написана	20
Преемственность или возрождение?	28
Биография как источник историко-научоведческой информации	49
Глава 2. Изучение биографий и воссоздание прошлого	61
Электронное биографическое интервью	61
Биография и судьба	73
Об исторических поисках. Как это было	83
Глава 3. Происхождение современной российской социологии. Второе рождение	98
В поисках свидетельств «возрождения»	98
Не преемственность и не возрождение. Второе рождение.	104
Уточнение периодизации современной российской социологии.	117
Глава 4. Лестница поколений социологов	128
Поколенческая стратификация российского социологического сообщества	128
От модели к реальности: поколения социологов	136
Матрица биографий	146

РАЗДЕЛ II. КАК ФОРМИРОВАЛИСЬ	
ПОКОЛЕНИЯ СОЦИОЛОГОВ	157
Глава 5. До того, как стать социологами.	160
О предбиографии и начале биографии	160
Начальные страницы биографий	166
Глава 6. Один возраст – два поколения	208
Им было суждено начать	210
Это странное второе поколение: первые ученики первых учителей.	223
Глава 7. Они были призваны помогать	251
Функции поколений: общие положения	252
Реализация функций третьего поколения	256
Глава 8. Их спасла перестройка	284
Элементы нового пространства деятельности	301
Новый вызов: изучение общественного мнения и рынка	323
РАЗДЕЛ III. ОТ БИОГРАФИЙ К ИСТОРИИ	333
Глава 9. «О, сколько нам открытий чудных...»	336
И все же проблема есть	338
Не пришедшие вовремя.	343
Озабоченность сохранением прошлого	364
Глава 10. Некоторые стороны доперестоечной	
повседневности	371
Методологические замечания	372
Некоторые грани повседневности	382
Вместо заключения. Дорога продолжается...	414

С глубоким уважением и признательностью посвящается Владимиру Александровичу Ядову, деятельность которого уже свыше полувека определяет содержание и общественную роль российской социологии.

Благодарности

Настоящие три тома содержат итоги большого, многопланового исследовательского проекта, который я в принципе не мог бы выполнить без поддержки и разнообразной помощи многих людей. Я отчетливо понимаю невозможность привести здесь имена всех, с кем я сотрудничал, задумывая эту работу, формируя ее методологию и инструментарий, собирая в течение восьми лет биографическую, документальную и иного рода информацию, и кто содействовал публикации проведенных интервью и аналитических материалов.

Но я всех помню, уважаю, ценю сделанное ими и самым искренним образом всех благодарю.

Прежде всего, мне хочется сказать спасибо всем коллегам, российским социологам – около 50 человек, – кто согласился на интервью со мною и поделился воспоминаниями о своей жизни, пути в науку, осуществленных исследованиях, непростых проблемах, которые приходилось преодолевать. Рассказанное ими составляет основу данной работы, определяет не только ее структуру и содержание, но ее тональность и стиль.

Судьба так распорядилась, что уже почти два десятилетия я живу в США, но смог сохранить профессиональные и дружеские связи с теми, с кем сотрудничал и тесно общался до отъезда. На протяжении четверти века я работал в коллективе ленинградских социологов, и мне приятно осознавать, что настоящее исследование возникло и во многих своих аспектах развивалось в контакте с этими близкими мне по духу и пониманию социологии учеными. На рубеже 1960–1970-х Андрей Здравомыслов, Борис Фирсов и Владимир Ядов вводили меня в социологию, и они же в начале 2000-х определили направленность моих историко-биографических поисков. Многое в методологии проекта и в трактовке событий прошлого-настоящего дало мне регулярное эпистолярное общение с Андреем Алексеевым и Игорем Коном.

Преобладающая часть интервью с социологами и биографических очерков, включенных в Тома 2 и 3, а также аналитических материалов, представленных в Томе 1, опубликована на страницах петербургского журнала «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». Это – знак постоянного внимания его издателя и редактора Михаила Илле к настоящему историко-наукоедческому исследованию, которое, замечу, он же и инициировал. За возможность активно публиковаться в «Социологическом журнале» я признателен Ларисе Козловой; также ценю ее советы по освещению слабо изученных сторон прошлого российской социологии. Появление серии биографических интервью в журнале «Социальная реальность» стало возможным благодаря Елене Петренко и Александру Ослону. Каждое из этих изданий имеет и электронную версию, но при доброй поддержке Дмитрия Шалина на сайте российско-американского проекта «Международная биографическая инициатива» <<http://cdclv.unlv.edu//programs/bios.html>> сформирован достаточно полный web-архив проведенных мною интервью и моих теоретико-методологических текстов. Очень высоко я оцениваю вклад в развитие всего исследования Наталии Мазлуняновой: это и точные критические замечания относительно некоторых концептуальных схем историко-биографического анализа, и редактирование многих текстов.

Определяющая роль в подготовке 3-томника принадлежит Францу Шереги, который в последние годы опубликовал много книг советских / российских социологов, в том числе – несколько моих. Кроме того, он один из пионеров по выпуску в России электронных социологических изданий. В частности, по его инициативе вышла онлайн-монография – коллекция моих интервью с социологами <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=195>>.

Я также благодарю моих коллег: Елену Григорьеву, Бориса Никифорова и Евгения Чичилова. Ими спроектировано это CD-издание и в сжатые сроки осуществлен весь комплекс сложных технологических операций по его выпуску.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Обычно, цель предисловия – предварить изложение содержания книги кратким описанием того, что ожидает читателя. Я попытался это сделать и не справился, в любом варианте получается очень длинно. Поэтому решил ограничиться рассказом о том, как возник и развивался настоящий историко-биографический проект, и сухим перечислением важнейших структурных элементов 3-томника. Два эти сюжета дают представление о проблематике проведенного исследования и о том, как она складывалась.

Мое движение к изучению истории современной советской/российской социологии в опоре на биографий тех, кто ее создавал и создает, началось очень давно.

Интерес к биографиям ученых возник у меня на рубеже 50-х – 60-х годов и фактически никогда не исчезал. Летом 1959 г. после окончания школы, перед самым поступлением на математико-механический факультет Ленинградского университета молодой физик-ядерщик рассказал мне о двух книгах. Автором первой является один из крупнейших физиков XX века Эрвин Шредингер, второй – физик, работавший в Принстоне с Эйнштейном, и популяризатор науки – Леопольд Инфельд. Эти работы были трудны для выпускника школы, но, поступив в университет, я вскоре осилил их, более того, они стали для меня настольными. Монография Шредингера [1], физическое введение в генетику, определила мой интерес к прикладной математике, биологии и наукам о человеке. Инфельд рассказал о гениальном математике Эваристе Галуа [2], погибшем на дуэли

в 21 год. Несколько страниц, написанных им за пару дней до гибели, содержали основы теории групп, раздела математики, без которого не было бы современной физики. Эта книга породила во мне интерес к изучению творчества ученых, к истории науки.

Социологией я начал заниматься в начале 1968 г., но могло так случиться, что в связи с отъездом в Америку в 1994 году моя работа в этой области науки оборвалась бы. Должно было произойти многое, чтобы лишь через десять лет мои интересы к обоим этим исследовательским направлениям – социологии и истории науки – встретились и возникла тема, расположенная в «точке» их пересечения. В иных обстоятельствах приведенная автобиографическая информация казалась бы лишней, но в данном случае я счел необходимым ее привести, так как сказанное в многом определило методологию и содержание предлагаемой работы.

Цепочка событий, которые привели меня к изучению истории современной российской социологии начала завязываться далеко от этой темы в начале 2000 года. Тогда в российской и американской русскоязычной прессе обсуждались возможные итоги предстоящих в России президентских выборов, в частности, затрагивалась тема доверия к прогнозам, построенным на опросах общественного мнения. В связи с этим мне показалось интересным изучить статистику электоральных прогнозов Джорджа Гэллапа и написать заметку о том, что при выполнении определенных методических правил социологические прогнозы оказываются верными и точными. Небольшой очерк по итогам этого анализа был опубликован в марте 2000 г. в двух русскоязычных газетах Сан-Франциско и Филадельфии.

Затем захотелось узнать больше о Гэллапе: сквозь сухую информацию биографических справочников и энциклопедий проступала незаурядность его личности, множественность его профессиональных интересов, высочайшая креативность и продуктивность, вера в то, что изучение общественного мнения служит развитию демократии в стране. Но желание написать о Гэллапе возникло не в связи с осознанием некоей научной цели, но лишь потому, что в 2001 г. – так получилось – исполнялось сто лет со дня его рождения. Написал, и, как это часто случается, проведенная работа стала стимулом к новым поискам.

До отъезда в Америку я свыше двух десятилетий занимался анализом методов измерения общественного мнения и участ-

вовал в организации многих опросов. Тем не менее, несколько месяцев потребовалось на поиск и обозначение общих рамок методологии изучения жизни и творчества Гэллапа, позволяющей синтезировать движение в исходном и давно знакомом мне методико-технологическом направлении и в новом для меня – историко-биографическом. В общих чертах эта методология сводилась к тому, чтобы при анализе становления гэллаповской процедуры опроса максимально учитывать «человеческий фактор», а при рассмотрении биографии Гэллапа по-возможности детальнее изучать среду его деятельности, в частности его окружение.

Указанные общие методологические ориентиры в процессе работы начали активно формировать характер историко-биографического исследования: его предмет, географию, хронологию, источники информации и стиль изложения. Ряд неожиданных сюжетов, которые пришлось распутывать уже в начале исследования, подвели меня к осознанию того, что исследователь должен быть постоянно готов не просто к уточнению предметно-объектной направленности его поисков, но и к принципиальному семантическому и временному расширению обследуемого им социокультурного пространства.

Постепенно накапливался опыт историко-научно-исследовательских исследований и некоторые навыки биографических изысканий. В июне 2004 года я был в Петербурге, выступал на конференции по изучению общественного мнения и докладывал первые результаты моих биографических поисков. Пребывание в России заставило меня задуматься о необходимости расширить географию проводившегося исследования и обратиться истории изучения общественного мнения в СССР.

В том году исполнялось 75 лет Б.А. Грушину, инициатору первых опросов общественного мнения в СССР и автору давно признанных в нашей стране классическими книг по феноменологии массового сознания и методам его анализа. Потому мне показалось целесообразным, более того – необходимым прервать на пару месяцев исследование истории американских опросов общественного мнения и подготовить статью о творчестве Грушина. Все старые книги Грушина у меня были, а только что вышедшую тогда первую часть второго тома его «четырёхкнижия» он подарил мне, когда я был в Москве. Я позвонил ему и сказал, что буду писать о нем и обращусь к нему, если у меня возникнут вопросы. Работа оказалась очень трудной: мне впервые предстояло написать об активно действующем социологе, с которым меня к тому моменту связывали

два десятилетия добрых профессиональных и человеческих отношений. К тому же, хотя поводом для написания статьи была «круглая» дата, материал ни по жанру, ни по стилю не планировался как юбилейный; это было историко-наукоедческое исследование биографической направленности. Да и Грушин был таким человеком, что ничего «юбилейного» о себе без сарказма никогда бы не принял.

В конце лета статья о Грушине [3] была опубликована в петербургском социологическом и маркетинговом журнале «Телескоп», тогда же его издатель М.Е. Илле предложил мне подумать о создании рубрики по современной истории российской социологии. Эта идея показалась мне заманчивой, в целом она не противоречила моим научным интересам. Я согласился, хотя с моей стороны это было авантюризмом, и написал небольшую заметку, в которой не столько очертил тематические границы нового раздела журнала, сколько объяснил самому себе, почему такая рубрика необходима. «Программная» заметка [4] была опубликована осенью 2004-го, однако на тот момент исторический проект выглядел фантазией. Никаких материалов для нового «департамента» журнала не было, и его наполнение казалось проблематичным по сути и далеким – по времени.

Через пару недель после опубликования в Петербурге статьи о Грушине я получил журнал по почте, перечитал текст и лишь тогда решил показать его Грушину. Он знал о готовившейся статье, но с ним я ничего не согласовывал и рабочие варианты текста не высылал. Я позвонил Грушину, чтобы узнать, как его жизнь, он сказал, что вскоре будет в Америке. Тогда мне захотелось сделать ему сюрприз, и я отправил журнал его дочери, живущей в Вашингтоне. Через какое-то время он мне позвонил и сказал, что прочел, нашел ряд неточностей, но в целом согласился с моим изложением его жизни и работы. Услышав это, я вздохнул с облегчением... и разослал электронный вариант статьи социологам, лично знавшим Грушина на протяжении многих лет.

Вскоре ответил Б.М. Фирсов: «Так мы друг о друге не писали...». Несколько позже откликнулся Ядов: «... я с огромным интересом прочел твою статью о Грушине, каковая далеко не только о нем, но многом другом, что важно для понимания процессов развития важнейшего направления в социологии...»¹. На следующий день он добавил: «Пример Грушина заразите-

¹ Электронное письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову от 11 декабря 2004 г.

лен». Я понял эти слова как предложение заняться историей отечественной социологии. И начал.

Таким образом, предложение Илле, некоторые общие заявления, сформулированные мной при обосновании концепции новой рубрики журнала, позитивное отношение к первой работе по истории советской социологии людей, к суждениям которых я давно привык прислушиваться, заставили меня искать возможности для сбора исторического материала. Прежде всего я обратился с электронными письмами ко многим коллегам из Петербурга, Москвы и других городов с просьбой вспомнить и описать прошлое и присылать мне материалы для публикации. Это обращение не было воспринято с тем энтузиазмом, на который я рассчитывал, и тогда для поддержания уже объявленной в журнале рубрики пришлось искать что-то иное. Возник план проведения серии интервью по электронной почте с российскими социологами, с которыми я поддерживал более или менее постоянную переписку и воспоминания которых были бы, по мнению издателя и моему собственному, интересны читателям «Телескопа». Тогда я еще не думал целенаправленно ни о выборе, ни о тематике интервью.

Первым, к кому я обратился с предложением поговорить о жизни, был Б.М. Фирсов; это произошло 21 августа 2004 года. Наша «электронная беседа» продолжалась свыше трех месяцев, и в первом выпуске «Телескопа» следующего года она была опубликована [5]. Сразу после новогодних праздников 2005 г. я предложил Я.И. Гилинскому провести с ним биографическое интервью. В тот момент в Петербурге была ночь, но уже через несколько минут после отправки моего письма я получил от него позитивный и обстоятельный ответ, начинавшийся словами: «Конечно, ты задел меня за живое. Я сам давно думаю об истории натворенного нами и лично мною»². Работа продвигалась стремительно, иногда в режиме прямого диалога. В конце февраля интервью было завершено и сразу опубликовано [6]. В том же номере журнала печаталась подборка материалов об умершем в 1990 г. московском исследователе общественного мнения Я.С. Капелюше [7]. Эта публикация продолжала освещение истории исследований общественного мнения в СССР, но одновременно она показывала, что содержание рубрики не сводится к публикации интервью.

Становилось ясным, что исторический проект набирает силу; необходимо было продумать алгоритм дальнейшей рабо-

² Электронное письмо Я.И. Гилинского Б.З. Докторову от 9 января 2005 г.

ты. При поддержке Илле было решено попытаться давать информацию на эту тему в каждом выпуске журнала, но решить эту задачу казалось очень сложно. Помог В.А. Ядов: в начале 2005 г. на мое предложение «поговорить о его жизни» я получил в ответ: «...благодарю за стимул осмыслить жизнь. Я был увлечен этим и, как мог, откладывал текущее. Спасибо. Жду твои замечания и советы. Many thanks»³. Работали мы споро, текст быстро рос. В результате интервью с Ядовым было опубликовано в двух последующих номерах журнала [8], [9].

Дальше – проще: сложилась практика параллельного опроса двух-трех респондентов, и появилась возможность не торопить каждого, а форсировать лишь то интервью, которое было ближе других к завершению. К концу 2009 г., т.е. за первые пять лет работы, было опубликовано свыше трех десятков интервью, несколько биографических и более 20 методолого-методических статей; общий объем публикаций – порядка 85–90 печатных листов.

Все публиковавшееся размещалось на сайтах соответствующих изданий. В 2005 г. возник онлайн-американо-российский проект «Международная биографическая инициатива», который концентрируется на истории российской социологии постхрущевского периода и методологии биографического метода [10]. Сайт создан и поддерживается бывшим ленинградцем, профессором социологии Университета штата Невада в Лас-Вегасе Дмитрием Шалиным и мною. Таким образом, проект, зародившийся на страницах «Телескопа», получил определенное международное развитие.

И когда уже было проведено множество интервью, опубликована серия статей историко-методологической направленности пришло осознание необходимости целенаправленного анализа собранной информации и суммирования предварительных построений и выводов. Кроме того, я считал необходимым собрать вместе и опубликовать тексты всех проведенных интервью, ранее разбросанных в разных журналах.

Но лишь сказка быстро сказывается, дело долго делается. Возможность реализовать давно возникший замысел позволили два обстоятельства. В 2010 году Б.М. Фирсов задумал основательно дополнить и переиздать свою книгу по истории советской социологии [11] и предложил мне написать книгу по результатам моих историко-биографических исследований. Я сразу решил воспользоваться этим предложением, и работа

³ Электронное письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову в интервале от 24 января до 10 апреля 2005 г.

началась. Весной 2011 года, когда значительная часть рукописи уже была готова, но подготовка ее к печати еще не началась, Ф.Э. Шереги поддержал мое намерение подготовить онлайн-новую книгу, включающую в себя все интервью с социологами. В ноябре того года такая книга, содержащая 40 интервью, была размещена на сайте, возглавляемого им Центром социального прогнозирования и маркетинга, а в первые дни 2012 года было выпущено второе ее издание, в которое были включены уже 44 электронные беседы с российскими социологами [12].

Одновременно в конце лета 2011 года было решено не ограничиваться сетевой публикацией коллекции интервью, но готовить для выпуска на дискете 3-томник, объединяющий в себе и эмпирическую информацию (тексты интервью), и результаты ее анализа. Теперь – о структуре этого издания.

Том 1 – «Биографии и история» – является методологическим введением ко всему проекту, и одновременно в нем представлены теоретико-эмпирические выводы проведенного исследования. Многие проблемы историко-наукоедческого плана, рассматриваемые здесь, насколько мне известно, ранее не обсуждались российскими авторами прежде всего потому, что никто не стремился к столь плотному, настоящему, манифестируемому использованию биографической информации при изучении истории отечественной социологии. К тому же никто из специалистов, разрабатывающих проблемы истории современной российской социологии, не обладал столь объемным и многоплановым массивом биографических интервью с социологами разных поколений, как созданный в представленный в настоящей книге. Замечу, биографическая информация по своей природе не может быть лишь объектом анализа, она постоянно посылает аналитикам импульсы, уточняющие их поиски. Она, с одной стороны, расширяет поле исследований, с другой – ставит предупреждающие и даже запрещающие знаки на некоторых направлениях, которые историк, биограф хотел бы прозондировать. В частности, это определяется тем, что изучается не отдаленное прошлое, свидетелей которого уже давно нет. Но прошлое, которое по меркам истории, – настоящее, и многие, наблюдавшие его и рассказавшие о нем, живы и продолжают активно работать.

В силу объема текста и его содержания, важнейшее место в настоящем издании принадлежит Тому 2 «Беседы с социологами четырех поколений», это – тексты 44 биографических

интервью, проведенных мною в 2005–2011 годах. Структура настоящего тома – проста: интервью сгруппированы по поколениям и внутри каждой возрастной когорты расположены по алфавиту.

Поясню, почему я считаю именно этот элемент 3-томника важнейшим. Прежде всего потому, что информация, содержащаяся в интервью, – первична, с годами ее ценность для понимания истории российской социологии второй половины XX века и начала нынешнего будет возрастать. Она может и будет добавляться и уточняться будущими историками, но она не может не учитываться ими при освещении прошлого, которое через несколько десятилетий или даже раньше будет представляться им далеким. Далее, в ходе проведенного анализа я смог описать лишь тонкий, поверхностный слой имеющегося массива биографий, и углубление в него может оказаться весьма полезным для понимания процессов становления и развития социологии в стране. В таком огромном «поле» один – не воин, мне хотелось бы, чтобы к собранным данным обратилось бы как много больше уже сложившихся и начинающих специалистов. Совместными усилиями можно многое сделать. Третье, отмечу, что чтение интервью, размышления о жизни социологов, поделившихся своими наблюдениями, воспоминаниями, может породить у читателей интерес к прошлому нашей науки, подтолкнуть их к самостоятельным историко-научно-исследовательским поискам. Наконец, в совокупности все эти интервью – ценнейший материал для социокультурных исследований о жизни советской интеллигенции, ученых.

Название тома 3 – «Биографическое и автобиографическое» в полной мере отражает его содержание. Во-первых, в нем собраны мои статьи о творчестве и жизни нескольких социологов разных поколений: Андрея Алексеева, Геннадии Батыгине, Валерии Голофасте, Борисе Грушине, Якове Капелюше, Юрии Леваде, Владимире Ядове и представлены фрагменты переписки с Игорем Коном. Выбор этих ученых для «написания их портретов» обусловлен одним обстоятельством: мне близко их творчество и многое понятно в их поведении. К тому же, в опоре на объективные научно-исследовательские критерии можно утверждать, что этими людьми сделано немало для развития российской социологии. Во-вторых, в этот том включены четыре долгие откровенные беседы с Владимиром Ядовым и Борисом Фирсовым, учеными и личностями, наиболее повлиявшими на характер моих научных интересов. «Разговоры через

океан» раскрывают процесс формирования многих концепций и нравственных установок настоящего историко-социологического проекта. Названные четыре «электронные беседы» показывают, насколько в жизни исследователей переплетены, в какой мере неразделимы «производственное» и «внепроизводственное», или, скажем, личное. Завершают книгу материалы, объясняющие, как я шел к разработке историко-биографической тематики и что удерживает меня в ней свыше десяти лет. Сначала идут два интервью, в которых я выступаю как респондент, а затем – короткое автобиографическое эссе о моей американской жизни.

Конечно, готовя все эти материалы для настоящего издания, я испытывал желание немного доработать тексты, развить высказанные в них положения и выводы, добавить новый материал. Но, как и при работе над первыми томами, я старался воздерживаться от подобного вмешательства в написанное ранее. Ибо знаю, насколько велик соблазн улучшить портрет тех, о ком писал. И тем более – автопортрет.

Литература

1. Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики? М.: Гос. изд. иностр. лит., 1947.
2. Инфельд Л. Эварист Галуа. Избранник богов. М.: Молодая гвардия, 1958.
3. Докторов Б. Б.А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. №4. С. 2–13; см. также Том 3, С. 22–60.
4. Докторов Б. История есть, только если она написана: К открытию рубрики «Современная история российской социологии» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. №5. С. 30–32.
5. Электронное письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову от 11 декабря 2004 г.
6. Фирсов Б.М.: «...О себе и своем разномыслии...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №1. С. 2–12; см. также Том 2, С. 535–566.
7. Электронное письмо Я.И. Гилинского Б.З. Докторову от 9 января 2005 г.
8. Гилинский Я. И.: «...Я начинал как чистый уголовник...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №2. С. 2–12; см. также Том 2, С. 369–399.

9. Капелюш Я.С. (1937–1990) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 2. С. 13–21.
10. Ядов В.А.: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №3. С. 2–11; см. также Том 2, С. 183–209.
11. Ядов В.А.: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...». Часть 2. // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев 2005. №4. С. 2–10; см. также Том 2, С. 210–233.
12. Международная биографическая инициатива <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>.
13. *Фирсов Б.М.* История советской социологии. 1950–1980-х годов. Очерки [Учебное пособие]. 2-е изд. СПб.: Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге, 2012 (в печати).
14. *Докторов Б. З.* Биографические интервью с коллегами-социологами [электронный ресурс]. Второе издание / Ред.-сост. А.Н. Алексеев. М.: ЦСПиМ, 2012. <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=195>>.

РАЗДЕЛ I

Поиски методологии и метода

Оправданно и традиционно для социологии начинать книгу с изложения методологии исследования и описания основного метода сбора первичной информации. В общем случае, методология содержит обоснование позиции, с которой социолог рассматривает изучаемую им проблему и включает в себя комплекс логических положений, очерчивающих границы интересующего его поискового пространства. Метод – это множество процедур и правил их применения, с помощью которых исследователь формирует эмпирическую базу его теоретических заключений. Через ознакомление с методологией и методом исследования читатель кратчайшим образом входит в изучаемую тематику, получает представление о предмете, объекте и характере научного анализа.

Аналогично организована и настоящая книга. Однако ее историческая направленность придала специфичность отмеченной традиции: методология и метод излагаются здесь в историко-научоведческом ключе, т.е. не как нечто «завершенное», а как итог *поиска* баланса двух сил, в каждый момент работы определявших ее продолжение.

С одной стороны, приходилось учитывать влияние силового поля социальной и научной среды, в которой разворачивается исследование. В силу того, что я живу в США, оно воздействовало на меня иначе, чем на моих российских коллег. Тем не менее, это поле генерировало саму проблематику – становление современной советской/ российской социологии, задавало стартовый характер ее интерпретации, «подталкивало» меня к использованию апробированных логических и инструментальных приемов ее изучения. Однако ни в коей мере нельзя экранироваться от подобного «облучения». Это было бы равносильно выдергиванию рассматриваемой проблемы и многих коллизий, образующих ее, из почвы, на которой они произросли, и отказу от использования результатов тех, кто начал разрабатывать данную проблематику ранее меня.

С другой стороны, были обстоятельства, которые ориентировали меня на отыскание новой точки зрения на недавнее прошлое отечественной социологии. В частности назову: годы работы в известных советских/ российских социологических коллективах, наблюдение с «близкого» расстояния многих процессов, происходивших в науке в конце 60-х – начале 90-х, знакомство и дружба с большим числом российских социологов разных поколений, собственный опыт историко-социологических исследований зарождения рекламы и технологий опросов общественного мнения в США, которые включают в себя анализ обширного биографического материала, наконец, давний интерес к истории науки.

Так возникла установка на то, чтобы рассказать об истории современной российской социологии на базе воспоминаний людей, активно участвовавших и участвующих в этом многогранном и многослойном процессе. В первых трех главах книги обсуждается, как рождались принципы и инструментарий этого проекта и как затем они «работали» на решение главных задач исследования.

Замечу, в стремлении к процессуальному описанию методологии и методики исследования должна быть мера, иначе можно угодить в «дурную бесконечность». Ведь эффективность логических и инструментальных приемов сбора и анализа информации оказывается возможным оценить лишь, когда основная часть проекта завершена. Но к тому моменту уже закрыт путь к достройке методологии и к корректировке измерительного инструментария. Оставалось одно – размещать методолого-методические рассуждения в следующих главах этой книги, в которых центральными являются иные темы. Так я и поступил.

Более того, теоретические и процедурные вопросы изучения истории российской социологии и сбора биографической информации обсуждаются в двух других томах этой работы: в интервью с социологами (том 2) и в очерках о жизни и творчестве ряда моих коллег (том 3).

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ МОЖЕТ МЕНЯТЬ ПРОШЛОЕ

История есть, только если она написана

Наличие разработанной, обстоятельной истории того или иного раздела науки – свидетельство его развитости и одновременно устремленности в будущее. Ничто так не зовет вперед, как понимание достигнутого. Обращение российских социологов к изучению собственной истории – безусловно, одна из важнейших характеристик современного этапа развития российской–советской–российской социологии. История ставит вопросы, на которые не пытается ответить ни теория, ни методология социологии. В частности, это происходит потому, что лишь историко-научно-ведческие исследования одновременно фокусируются и на динамике идей, и на деятельности ученых.

История вершится постоянно, непрерывно, и потому она должна изучаться и описываться тоже пос-

тоянно и непрерывно. Смысл сказанного прост. Пока прошлое, бывшее существует само по себе, пока оно не изучено и не описано, все состоявшееся пассивно и ничему не учит. Марк Твен говорил, что нечитающий человек ничем не отличается от того, кто не умеет читать. Аналогично, незнание российским социологическим сообществом своей истории почти равносильно отсутствию этой истории.

В книге пойдет речь о современной российской/советской социологии. В отдельных случаях можно обсуждать, что означает слово «современная», но в целом речь пойдет о социологии постхрущёвского периода развития СССР/России. Так что «современность» – это временной интервал, начинающийся более полувека назад и доходящий до наших дней.

Термин «российская социология» имеет по крайней мере три ипостаси.

Если говорить о периоде до 1991 г., то «российская социология» во многом совпадает с понятием «советская социология», но они не тождественны. Внутри социологии, обозначаемой термином «советская», существовали национальные школы, развивавшиеся несколько иначе, чем российская социология дореформенного времени. Во всяком случае, в будущем представляется важным выявить социально-культурные и собственно научные токи, течения, исходившие из республик бывшего Союза (к примеру, из Украины, Эстонии, Литвы, Грузии, Армении) и влиявшие на становление советской социологии в целом.

«Российская социология» – это социология, создаваемая учеными, живущими и работающими в современной России. Это понятие охватывает и то, что создавалось и создается исследователями, жившими и живущими вне России, но воспитанными на российской культуре. Речь идет о достижениях так называемого Русского мира. Например, после революции значительная группа русских мыслителей, социологов жила и работала за границей СССР. Их творчество обязательно должно быть предметом исторического изучения, и это тем более важно, что современные российские ученые активно обращаются к трудам этого круга зарубежных социологов.

Парадоксально, но обращение к столь отдаленному прошлому может оказаться более полезным не для отыскания следов этого «былого» в работах недавнего прошлого, т. е. в исследованиях советских социологов, но для определения путей движения современной российской социологии в будущее. Разве российское социологическое сообщество не должно задумываться о том, каким будет лицо российской социологии через 20–30 лет? Будет ли это вестернизированная советская социология? Будет ли это русскоязычная версия европейской и

американской социологии? Будет ли это нечто синтетическое, включающее в себя различные научные традиции, в том числе традиции русской дореволюционной социологии? Представляется также интересным поразмыслить о том, какими будут (могут быть) российская православная и мусульманская социология, в какие стороны света они будут смотреть?

Конечно, ответы на эти вопросы требуют очерчивания базовых допущений о социальном устройстве и развитии России, но наука должна видеть и свое собственное будущее; любая развитая наука сама определяет кардинальные направления своего развития. Каждое поколение ученых пытается решить проблемы, оставленные ему прошлым и обнаруженные им самим, но одновременно оно выдвигает новые задачи перед теми, кто придет ему на смену. Речь идет и об идеалах науки, о ее методах, об этике.

В общем случае история – это хронологически упорядоченная последовательность значимых для общества событий. В нашем случае – это последовательность событий, определяющих, задающих, обуславливающих, детализирующих процесс развития российской социологии.

При этом имеет смысл выделить по крайней мере два класса событий.

Во-первых, события, определяющие «метрику», генеральные свойства социального пространства, в котором *существует и развивается* социология как наука и как определенное социальное образование. Одновременно это те события, которые детерминируют, корректируют социальный климат и нравственную атмосферу в стране. Во-вторых, события, процессы, протекающие *внутри самой социологии* и внутри социологического *профессионального сообщества*.

Учитывая коренные особенности политического устройства СССР, к событиям первого типа, безусловно, следует отнести появление документов КПСС и правительства, касавшихся развития идеологических процессов в стране и всего комплекса обществоведческих наук. Но это лишь видимая часть айсберга событий первого типа. В действительности существовало множество скрытых, латентных, не проявлявшихся, но активно действовавших по «умолчанию» механизмов управления развитием социологии в стране. И результатом действия или бездействия этих механизмов было множество событий, которые тоже должны изучаться историками российской социологии.

К событиям второго класса следует отнести создание и закрытие, расформирование научно-исследовательских центров, коллективов, групп ученых; появление и развитие структур по подготовке кадров; проведение крупных, значимых исследо-

вательских проектов, выход в свет книг, сыгравших заметную роль в истории советской социологии, и т. д.

События первого класса, вообще говоря, являются «оболочечными» по отношению к науке, они образуют некий постоянно меняющийся каркас, заключающий в себе социологию и регламентирующий жизнь социологического сообщества. Но эта оболочка не пассивна, и потому историк социологии не может не анализировать ее воздействие на происходящее внутри нее. Вместе с тем представляется, что история социологии как раздел истории и социологии должна, прежде всего, фокусироваться на изучении того, что находится внутри этой раскаленной социальной оболочки. По большому счету, определение состава, динамики, температуры и т. д. содержимого, или наполнения этой оболочки и составляет предмет современной истории отечественной социологии.

Написание истории не сводится к созданию летописи событий – она нужна, но ею нельзя ограничиваться. Необходимо изучение причин состоявшихся событий, а также их последствий: прямых и косвенных, кратковременных и отложенных, обнаруженных ранее и осознанных лишь в недавнее время. По сути, сказанное означает, что история социологии одновременно должна быть историей деятельности людей, причастных к формированию государственной политики развития социологии и к выработке собственно социологического знания.

Биографический сюжет № 1. Т.И. Заславская

...История науки – это всегда в первую очередь история ученых. Советские ученые были погружены в тоталитарную, а позже – авторитарную среду, каждый из них по-своему сталкивался с ее ограничениями. Одни шли на компромисс, другие просто служили ей, единицы боролись с открытым забралом. Жизнь чрезвычайно многообразна, и если взять, к примеру, историю региональных социологических школ, то у каждой она окажется своею, особой.

Вот в Перми был Захар Файнбург, исключительно глубокий и талантливый человек. <...> Был лидером Пермской социологической школы, которая имела очень высокий авторитет и оказывала огромное влияние на интеллектуальную жизнь города. Они теми или иными путями сотрудничали со своим относительно прогрессивным обкомом партии – иначе их просто стерли бы в порошок. А в меру сотрудничая и в меру вольничая, они смогли создавать интересные работы. А совсем рядом, в Свердловске, развивалась ультраконсервативная и сугубо партийная школа М.Н. Руткевича... Но все же самое главное – люди. Да и в истории самое интересное, как они себя ведут в сложных условиях. А обстоятельства были очень сложными, сложнее, чем в большинстве других наук [1, С. 3].

Идеология советского времени акцентировала значение роли государства и коллектива и явно принижала роль личности. Отчасти поэтому в российской исторической науке и советского, и постсоветского времени оказалась недостаточно развитой методология и практика изучения биографий, в частности биографий социальных исследователей. Опубликованные в последние годы работы о Николае Бердяеве, Питириме Сорокине, Павле Флоренском и о небольшом числе других социологов и социальных мыслителей, на мой взгляд, скорее являются не научными биографиями, а анализом их работ, дополненным жизнеописаниями этих ученых.

Но все же сделанное за истекшие годы не только позволило ввести в научный оборот имена и идеи, долгое время мало известные широкому кругу российских социологов, но и является заметным продвижением на пути выработки методологии создания научных биографий социологов начала XX века и наших современников.

Лишь человеку, далеко стоящему от исторических поисков, может показаться, что история социологии – спокойная исследовательская область, которой можно уделить некоторое время, отойдя от активного изучения теории общества или реальных социальных процессов, институтов, коллизий. В действительности это совсем не так. Два десятилетия назад Г.С. Батыгин говорил мне, что собственно социологические исследования включают в себя две области, два направления: методологию социологии и историю социологии; все другие социологические поиски приобретают статус научных только в том случае, если и когда они начинают оказывать влияние на характер методологии социологии и окажутся предметом исторического рассмотрения и сопоставления. Со многим в этом обобщении можно согласиться.

Серьезным препятствием к созданию летописи важнейших событий российской социологии и выработке методологии написания научных биографий ее творцов является слабость соответствующей информационной базы. Указанное обстоятельство является следствием множества объективных и субъективных причин.

Под объективными причинами, я имею в виду, во-первых, крайне низкую культуру работы российских архивов и устарелость форм архивного обслуживания. Во-вторых, – недостаточную последовательность и замедленность процесса снятия секретности с материалов, направлявшихся в свое время в партийные органы и другие директивные структуры. Вследствие этого многие отчеты о социологических исследованиях, проведенных в 60–90-е гг. прошлого века, до сих пор недоступны

историкам социологии. В-третьих, – отсутствие у большинства социологических организаций необходимого пространства для хранения собственных архивов, частые переезды из одних помещений в другие, расформирование социологических «команд». Есть и еще одно обстоятельство: на протяжении ряда десятилетий многие исследовательские коллективы не обладали своей электронно-вычислительной техникой, обрабатывали собираемую информацию в различных вычислительных центрах и потому не имели возможности для создания собственного информационного архива.

И последняя по порядку, но не по значимости объективная причина слабости информационной базы исследований прошлого отечественной социологии. Историк, как правило, имеет дело с опубликованными текстами, но почти каждая социологическая публикация была итогом длительного процесса редактирования текстов, их рецензирования и цензурирования. Мы можем судить о результатах социологии по тому, что было опубликовано, но сейчас невозможно сказать, какая в процентном отношении часть готовых социологических рукописей была издана.

Теперь о комплексе субъективных причин. По моему мнению, многое в бедности информационной базы изучения относительно близкого прошлого и настоящего проистекает из-за того, что российское социологическое сообщество в целом не до конца осознает свое общественное назначение, свое место в культуре общества. Не сложилось убежденности в том, что результаты изучения общества должны становиться известными самому обществу.

Еще четверть века назад, т. е. в середине 1980-х, исследования по истории современной российской социологии не казались актуальными, да и время было для этого совсем неподходящим. Правда, если бы тогда наше профессиональное сообщество задумалось о необходимости фиксации и изучения пройденного им пути, то сегодня осуществлять историко-научные исследования было бы значительно проще.

В написании истории есть сложности технического, организационного, инструментального плана – ведь подразумевается коллективная работа по поиску и публикации информации о прошлом. Но не это главное. Специфику сегодняшних исторических поисков нельзя сводить только к активизации сбора и налаживанию хранения материалов для будущих исследований. Современный этап, скорее всего, следует назвать *«вопросающим»*: необходимо сформулировать вопросы, которые могли бы стать координатами историко-научоведческих исследований и обозначить направления в познании истории современной

советской/российской социологии. По большому счету это проблема для всего нашего профессионального сообщества.

Четыре десятилетия назад историк и философ физики Б.Г. Кузнецов заметил: «История науки и философии присваивает себе право, в котором люди отказывают богам: она меняет прошлое» [2, С. 4]. Это означает, что сейчас для социологического сообщества первостепенное значение приобретают вопросы, которые оно должно ставить перед собою при исследовании прошлого. В силу сквозного, вневременного характера таких исследований их вопрошающий аспект сейчас много важнее, чем возможные ответы; последние будут многократно уточняться. Ретроспекция не бывает абсолютной, она осуществляется в некоей системе координат, и наши вопросы должны образовать эту координатную сетку. Тогда они будут стимулировать поиски во всех областях историко-наукovedческого пространства и наше профессиональное сообщество сможет сформировать в себе готовность обсуждать разные выводы и принимать разные точки зрения.

Я отдаю себе отчет в сложности формулирования этих вопросов-ориентиров, но в порядке первого приближения назову следующие четыре, охватывающие достаточно широкую предметную сферу.

Прежде всего, вопрос собственно историко-наукovedческого плана: каков генезис постхрущёвской социологии, каковы особенности ее возникновения? *Второй вопрос* – скорее научно-организационный: каковы критерии выделения разных поколений в нашей социологии, как происходило их становление? *Вопрос третий* – научно-гражданский: в какой степени результаты теоретических и прикладных исследований 1960–1980-х гг. отражают то, что происходило в обществе и в сознании людей? *И последний вопрос-ориентир* – теоретико-методологический: внутри страны и для мирового научного сообщества советская социология позиционировала себя в качестве инструмента, главной силы развития марксистской теории общества. Какова судьба этого движения?

Сделаю одно краткое терминологическое уточнение относительно того, история какого периода в развитии российской социологии будет обсуждаться. В целом речь пойдет о советской и собственно российской социологии постхрущёвского (точнее – после доклада Хрущёва на XX съезде КПСС) периода, в которой, как мне представляется, следует выделить два пласта. Первый охватывает период от рубежа 1950–1960-х до начала 1990-х гг., т. е. советское время; второй вмещает события, развивающиеся после распада Союза; это тоже уже солидный временной отрезок.

При обсуждении реалий первого пласта вполне оправдан термин «постхрущёвская социология», так как, во-первых, он точно характеризует социальную атмосферу, в которой нынешняя отечественная социология возникла и развивалась, и, во-вторых, он составлял исторически неповторимую среду, в которой и действовали первопроходцы. Однако при обсуждении прошлого с некоторыми российскими коллегами, а также в ряде встречавшихся мне публикаций я обратил внимание на стремление некоторых социологов избегать определения «советский». С этим трудно согласиться.

Летом 2007 г. при встрече с Т.И. Заславской я спросил ее: «Как вернее называть недавний период развития нашей социологии: советской социологией или советским периодом (этапом) российской социологии?» Она ответила: «Мне кажется, что правильнее – советской социологией. Ведь этапы – это части целостного процесса: зарождение, созревание, зрелость... причем всё это должно быть непрерывным. А в российской социологии был огромный разрыв между 1920-ми годами и началом 1960-х. В стране социологии 40 лет не существовало, она была разгромлена, называлась буржуазной лженаукой» [3, С. 166]. И затем последовало разъяснение этого утверждения и совсем краткое формулирование факторов, обусловивших возникновение современного этапа отечественной социологии.

Биографический сюжет № 2. Т.И. Заславская

...Хотя я не очень хорошо знаю историю дореволюционной российской социологии, но, по-моему, она была сравнительно слабой. Мы знаем всего несколько имен. Туган-Барановский, Ковалевский... Питирим Сорокин был яркой фигурой, но в российский период он еще был молодым и далеко не раскрылся. Только-только начинала развиваться социология, это был лишь бутон. Но его сорвали, и потом на том месте долго ничего не росло. А стимулами для возникновения или попыток оживления социологии в 1960-е годы стала действительность того времени, «оттепель» и желание ученых глубже, конкретнее понять, что именно происходит в социуме, общая неудовлетворенность историческим материализмом, знание, что на Западе существует такая наука, методология которой позволяет проникать в сущностные черты общества. Рождение нашей социологии стимулировалось этими факторами [Там же].

Эта тема была затронута и в интервью с В.А. Ядовым, приведу его ответ полностью, так как в нем содержится многое, о чем говорится ниже.

Биографический сюжет № 3. В.А. Ядов

Мы с Игорем Коном по просьбе редактора Эдгара Боргатта написали большую статью о нашей социологии для второго издания Международной социологической энциклопедии (International Encyclopedia of Sociology 2000) и долго думали, как же ее озаглавить. Статья опубликована под титулом «Социология в СССР и в постсоветских странах». Создаваемое в период «оттепели» никоим образом не опиралось на дореволюционных гигантов отечественной социологии. На международных конгрессах мы выступали как советские («русские» в терминологии западных участников) и, прямо скажу, этим гордились – многие доклады собирали изрядную аудиторию. Это – проблема самоидентификации. В науковедческом тексте, я согласен, шестидесятников следует именовать советскими социологами хотя бы потому, что немалый вклад внесли наши товарищи из ныне суверенных государств [4, С. 49].

В дальнейшем, говоря о доперестроечных временах, я буду использовать термин «советская социология», о событиях второго временного периода (пласта) – «постсоветская», «российская».

Преемственность или возрождение?

Заголовок данного раздела специально заостряет трактовку сложной историко-науковедческой проблемы о природе современной, или постхрущёвской, российской социологии. Существует множество вопросов, относящихся к этой теме; некоторые из них уже многие годы обсуждаются в специальной литературе, некоторые – пока не формулировались, но есть один – главный: современная российская социология – это продолжение, развитие, приращение социологии, начавшей развиваться в России во второй половине XIX века, или это социология, имеющая свое особое начало?

В начале своего доклада на Учредительном съезде Союза социологов России в июне 2007 г. В.И. Жуков сказал:

В развитии отечественной социологии принято выделять три периода – досоветский, советский и постсоветский. По сути, каждый новый этап рассматривается как автономный и начинается с отрицания достижений предыдущего.

Я исхожу из того, что отечественная социология развивалась на основе принципа преемственности. При этом в общей логике научно-познавательной преемственности не следует выводить за скобки «социологического бытия» советский период, особенно 70–80-е годы XX века [5].

В свое время В.А. Ядов писал, что «преподносить историю нашей социологии как продолжение русской традиции не совсем правомерно. Надо внимательнее посмотреть, какие на самом деле были традиции, где они работали и где нет, что просто приписывалось».

В этих словах Ядова докладчик увидел попытку реанимировать большевистскую традицию отказа от прошлого, некое стремление противодействовать воссозданию истории отечественной социологии в добросовестном и объективном виде. По мнению Жукова, события 1917 г. стали своеобразной разделительной чертой для развития отечественной социологической науки, тем не менее цепь преемственности не прервалась.

Очевидно, что дилемма эта непростая, имеющая как собственно науковедческую составляющую, так и политическую, идеологическую, общеисторическую и т. д. В частности, она непосредственно связана с трактовкой массы сложных тем о сущности и корнях современного российского общества, о соотношении новой и старой (дореволюционной) России.

Следует отчетливо понимать, что кажущийся в последние полтора–два десятилетия естественным поиск нитей, связывающих наблюдаемую сегодня российскую действительность, культуру, ментальность людей с аналогичными атрибутами прошлой России, не был таковым в недалеком советском прошлом. Доминирующей концепцией в анализе общественного устройства СССР, политики страны, ее идеологии и морали, культуры, трудовой этики, социальной структуры и т. д. было «качественное отличие» от существовавшего в стране до 1917 г.

Проблематика и цели настоящей книги не предполагают детального обсуждения динамики в восприятии и оценке значимости и жизненности дореволюционного научного наследия, тем более что они различны для наук, развивавшихся в советское время относительно непрерывно, и наук, объявлявшихся в то или иное время ложными, враждебными, неприемлемыми для страны. Мой анализ будет ограничен рассмотрением вопросов, относящихся к развитию социологии как одной из наук, которая на протяжении длительного – по меркам истории науки и времени становления научных поколений – периода была объявлена вне закона.

Начну обсуждение с обращения к редко сейчас цитируемой книге историка русской философской и политической мысли В.А. Чагина (1899–1987) «Очерки истории социологической мысли в СССР» [6]. Безусловно, многое в ней устарело в методологическом отношении, и в ней, конечно же, даже не мог ставиться вопрос о преемственности русской социологической

мысли. Но она ценна в том плане, что отражает понимание специфики социологического знания, разделявшееся значительной частью советских социологов и идеологов во второй половине 1970-х гг. К тому же она написана человеком, который еще в начале 1920-х гг. получил историческое образование и начал преподавать философию в ряде Ленинградских вузов. В 1931 году он закончил Институт красной профессуры, в 1960-м стал членом-корреспондентом АН СССР. На его глазах и при его участии проходили все важнейшие события в стране, отражавшиеся на развитии философской и социологической мысли. Особый интерес книга Чагина представляет в связи с тем, что в ней, пусть и очень бегло, рассмотрена история предмета с 1917 по 1969 г., когда в СССР уже начали проводиться прикладные социологические исследования.

По мнению Чагина, социологическая мысль в СССР стала развиваться с ленинских постреволюционных работ. Ученые, признающиеся сегодня основоположниками русской (российской) социологии, упоминаются лишь в критическом контексте: «На кафедрах университетов продолжали читать курсы лекций по идеалистической философии. В Петроградском университете курс социологии читал П. Сорокин, генетическую социологию – К.М. Тахтарев, историю социологических учений – Н.И. Кареев» [6, С. 8]. И далее: «В журнале “Русская мысль” П. Струве, Е. Трубецкой, С. Булгаков и Н. Бердяев поносили материализм, широко пропагандировали идеи мистика В. Соловьева. В журнале “Психологическое обозрение” подвизались идеалисты Г. Челпанов, Н. Лосский и др.» [6, С. 11]. Кончилось все тем, что «в 1922 г. были отстранены от преподавания С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, П.А. Сорокин, вскоре после этого покинувшие Советскую Россию» [6, С. 15].

Так в конце 1960-х гг. излагалась одна из самых трагических страниц в прошлом отечественной социологии и культуры в целом. Знал ли в тот момент Чагин, как в действительности все было? Ответ на этот вопрос – однозначно положительный. Во-первых, человек, изучавший в первой половине 1920-х гг. общественные науки и начинавший тогда же свою профессиональную деятельность, пребывал в среде, хранившей память о совсем недавнем прошлом. Не думаю, что все это открыто обсуждалось, но в какой-то форме присутствовало в разговорах людей, в понимаемых лишь посвященными взглядах. В одном из моих телефонных разговоров с И.С. Коном, состоявшемся в начале 2010 г., он вспомнил, что спрашивал Чагина о том, нет ли в его личной библиотеке выпусков журнала «Логос». Тот ответил, что были, но в ожидании ареста он все уничтожил.

«Логос» – международный ежегодник по философии культуры, издававшийся в Москве и Праге (1910–1914, 1925), из русских ученых в нем публиковались А.С. Лаппо-Данилевский, Н.О. Лосский, С.Л. Франк и другие социальные философы.

Второе следствие, вытекающее из исторического анализа Чагина, – то, что, по его мнению, развитие марксистской социологической мысли протекало в стране не без противоречий, но в целом это был восходящий, прогрессивный процесс. Не укладывается в современную трактовку истории российской социологии его анализ состояния этой науки в период со второй половины 1930-х до середины 1950-х гг. Нет даже упоминания об отсутствии в стране прикладных разработок и об утрате опыта эмпирических исследований, проводившихся на рубеже 1920–1930-х гг. Применительно к теоретическим поискам автор писал, что в конце 30-х гг. произошло сокращение ленинской тематики и «большинство социологов переключилось на комментирование работ Сталина». Однако «в целом происходило дальнейшее развитие марксистской социологии...» [6, С. 179].

Происходившее на рубеже первой и второй половины XX века Чагин обозначил следующим образом: «Новый этап в развитии марксистской социологии характеризуется творческим характером разработки проблем, выдвижением новых тем и вопросов, сближением их с практикой жизни» [6, С. 193]. Безусловно, автор не мог развернуто написать о сути нового этапа, он – абсолютно в логике своей книги – остановился лишь на теме динамики, изменчивости исторического материализма и на дискуссии о соотношении исторического материализма и конкретно-социологических исследований, начавшейся в 1957 г. По его мнению, первоначально некоторыми философами недооценивались конкретно-социологические исследования и их значение для марксистской социологии, более того, ставился вопрос о целесообразности их проведения. Тем не менее, отмечал Чагин, «конкретно-социологические и особенно социальные исследования проникали, подчас стихийно, в различные области познания, доказывая тем самым свою практическую необходимость» [6, С. 196].

Чагин констатировал, что в начале 1960-х гг. уже были опубликованы первые итоги конкретно-социологических исследований и научным сообществом начали осознаваться вопросы методологии, методики и техники подобных исследований, применения статистики, количественных методов и ЭВМ. Фиксировалось также появление работ по критике современной буржуазной социологии, в частности позитивно оценивались исследования в этой области Ю.А. Замошкина, И.С. Кона, Е.Д. Моржанской и других.

Чагинский обзор развития российской социологии был написан в период отступления «оттепели» и начала брежневского времени. Новый этап изучения прошлого российской социологии начался позже, на рубеже XX и XXI вв. Тогда исследователи уже имели возможность описывать и обобщать происходившее в течение четырех десятилетий, включивших в себя все стадии застоя, краткий период перестройки и ельцинское время.

Замечу, что по инициативе и при активной поддержке Чагина подготавливалась одна из первых в стране книг по истории дореволюционной российской социологии «Социологическая мысль в России», вышедшая уже после его смерти [7]. Эта книга задавала исходные координаты для анализа направлений развития социологии в стране во второй половине XIX – первые десятилетия XX в., ввела в науку имена, до той поры мало известные, и принципиально расширила источниковедческую базу историко-социологических исследований.

Чагин представлял «старую» философско-социологическую когорту, формировавшуюся в 1920–1950-е гг. Но пришло время высказаться представителям новой социологии. И они сделали это. Я имею в виду работу большого коллектива ученых, в которой были освещены достижения советских социологов в различных пластах и направлениях социологии за все истекшие годы, – «Социология в России». Редактором этого фундаментального труда, первое издание которого было осуществлено в 1996 г. [8], а второе – через два года [9], был В.А. Ядов – один из наиболее активных строителей здания советской/российской социологии. Авторы каждого раздела, описывая достижения в конкретной отрасли социологии, не только обсуждали различные концептуальные подходы к анализу соответствующей проблематики, но и кратко обозначали, как возникли и конституировались исследования в соответствующих предметных нишах. Некоторые из них говорили о непрерывности траектории движения российской социологии, но большинство отмечало 20- и 30-летние перерывы. Вместе с тем вводная глава, написанная Г.С. Батыгиным, уже своим заголовком – «Преемственность российской социологической традиции» – утверждала непрерывность развития социологии в стране.

Отмечая существование в России более чем столетней традиции секулярной общественной мысли, Батыгин датировал начало научного направления в российской общественной мысли шестидесятыми годами XIX столетия. Одновременно с теоретическими поисками, базировавшимися на позитивизме, неокантанстве, на принципах русской религиозной мысли, а несколько позже – на марксистских социологических

концепциях, земскими статистиками в то время проводились обследования имущественного положения и хозяйственной деятельности крестьян и фабрично-заводских рабочих, изучались социальная структура населения, жилищные условия, образование, санитарная культура. В первые десятилетия XX столетия в России создаются первые социологические учреждения. После революции 1917 г. на протяжении нескольких лет в стране продолжалось развитие марксистского учения об обществе и сохранялись традиции русской либеральной науки. В 1922 году возникли первые идеологические и теоретические институты новой власти, начались нападки на «бывшую» профессию: сначала она была изгнана с кафедр, а затем одних выдворили из страны, других – репрессировали. Итог: немарксистская социология в России прекратила свое существование и начался период канонизации марксизма–ленинизма по версии, предложенной Сталиным.

В 1946 году, продолжал Батыгин, в Институте философии Академии наук СССР «появилось нечто похожее на социологическое подразделение – сектор, которым руководил профессор М.П. Баскин» [9, С. 31]. При поддержке высших идеологов ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова и Ю.П. Францева это подразделение занималось изучением и критикой зарубежных социологических концепций. Активную позицию в этой команде занимали М.Т. Иовчук и В.С. Кружков. Позитивное значение деятельности этих философов Батыгин видел в формировании жанра «критики буржуазной социологии и рецепции западных идей в период, предшествовавший коренным изменениям в тематической программе советского марксизма». До начала 1960-х гг. рядом государственных структур собиралась информация о различных сторонах жизни населения, но подобная деятельность не носила научного характера, а полученные результаты обычно имели статус секретных.

Словосочетание «конкретные социологические исследования» возникло в философской литературе в 1950-е гг. В них видели некий материал для теоретических обобщений. В первое время использовались простейшие методы сбора данных: наблюдения, беседы с передовыми производственниками, с представителями хозяйственного и партийного актива, применялись элементарные, далекие от научных требований схемы опросов. Одним из итогов упоминавшейся выше дискуссии 1957 г. о соотношении исторического материализма и социологии стало конституирование в 1958 г. термина «социологическое исследование».

В конце 1950–первой половине 1960-х гг. произошли события, указывавшие на значительный прогресс в области инсти-

туциализации социологии. В частности, в июне 1958 г. была создана Советская социологическая ассоциация, и уже в октябре того же года ее принимают в Международную Социологическую Ассоциацию. Одновременно в стране возникают первые профессиональные исследовательские центры.

Время с начала второй половины 1960-х до конца 1980-х гг. обозначено Батыгиным как социологический ренессанс. В 1966 году в Академии наук СССР был образован Научный совет по проблемам конкретных социальных исследований, в 1968 г. начал свою работу Институт конкретных социальных исследований (ИКСИ) Академии наук СССР, директором которого стал академик А.М. Румянцев. Исследования проводились по трем направлениям: 1) социальная структура и социальное планирование, 2) управление социальными процессами, 3) история социологии. Первое направление возглавил Г.В. Осипов, второе – Ф.М. Бурлацкий, третье – И.С. Кон. В 1972–1976 годах во главе ИКСИ стоял М.Н. Руткевич; стиль его руководства привел к тому, что Институт покинула значительная группа ведущих ученых.

В 1974 году начал выходить первый и до середины 80-х гг. единственный в СССР профессиональный журнал «Социологические исследования», главным редактором которого с 1974 по 1986 г. был А.Г. Харчев.

В июне 1988 г. вышло постановление ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества». В номенклатуре научных специальностей «социология» была отделена от «философии», и Институту социологических исследований АН СССР дается новое название – Институт социологии АН СССР. Директором-организатором новой структуры назначается В.А. Ядов. В начале 1991 г. Институт социологии разделился; новое образование – Институт социально-политических исследований АН СССР – возглавил Г.В. Осипов.

В первые годы 1990-х система российского высшего образования еще предусматривала преподавание обязательного цикла обществоведческих дисциплин, базировавшихся на положениях марксизма–ленинизма. Одним из основных предметов этого комплекса был научный коммунизм. Но все происходившее в стране, крах марксистской идеологии привели к перепрофилированию многих кафедр научного коммунизма, истории КПСС и политической экономии в кафедры социологии и политологии.

Здесь представлена лишь часть событий, отмеченных Г.С. Батыгиным в предпринятом им анализе прошлого российской социологии, тем не менее можно считать, что в целом они

передают особенности траектории длительного пути ее развития. Ниже этот хронологический ряд будет постоянно дополняться, однако сейчас хотелось бы вернуться к заявленной Батыгиным цели его работы – показать непрерывность российской социологической традиции – и понять, в какой мере ему удалось реализовать задуманное.

По мнению Батыгина, непрерывность российской социологии просматривается в существовании унаследованной ею от немецкого интеллектуализма приверженности категориям диалектики, в духе отчаянного марксистского философствования, в тесной связи с идеологией и массовой пропагандой, в присутствии ей всегда исключительном влиянии на общественную и политическую жизнь. К сказанному можно отнести как к программе поиска признаков непрерывности, что, в свою очередь, предполагает выявление тех составляющих процесса развития социологических традиций, которые не прерывались с середины XIX в. и которые не подвергались качественной трансформации. Однако, к сожалению, сделать это невозможно.

Вступив в начало XX в. – используя современную терминологию – полипарадигмальной, полиметодологической, российская социология уже через два десятилетия стала воинственно марксистской, крепко сжатой объятиями власти и идеологии. Коридор для анализа категорий диалектики стал весьма узким, стремления к отчаянному философствованию пресекались не только партийными документами, но часто еще жестче – коллегами по цеху, боровшимися за чистоту – в их понимании – марксизма. Причем отступление от «эталона» наказывалось не просто отлучением от науки – зачастую применялись репрессивные меры воздействия на инакомыслящих. Существовала тесная связь социологии с идеологией, но их отношения не были партнерскими; идеология была хозяйкой, наука – служанкой. До конца 1920-х гг. в СССР проводились прикладные социологические исследования, использовались разные (не очень сложные) методы сбора информации и ее анализа, затем подобная практика была остановлена и – как следствие – культура эмпирических исследований исчезла. Существовавшие исследовательские структуры распались. Преподавание социологии было заменено курсами исторического материализма, философия была поделена на буржуазную и марксистско-ленинскую, немногие оставшиеся в живых старые преподаватели сохранили работу, лишь встав под знамена новой идеологии. Им не надо было подсказывать, к чему из прошлого не стоило обращаться, – касалось ли это политики, образа жизни, повседневной практики общения или социальных построений. Действительность учила их этому весьма эффективно. Вследствие

повторявшихся «чисток» с полок многих библиотек надолго исчезли философские и социологические книги и журналы дореволюционной поры. Правда, по воспоминаниям И.А. Голосенко [10, С. 9], в 1960–1970-е гг. работы многих запрещенных авторов, в том числе Сорокина, Франка, Тахтрева и др., можно было весьма недорого купить в букинистических магазинах.

Когда началось некоторое послабление, все, что сохранилось, было перенесено в спецхраны. Доступ к литературе стал возможным, но ограниченным и контролируемым. В результате лишь немногие выпускники философских факультетов, завершавших образование в первые послевоенные годы, знали о том, что до революции и в течение нескольких лет после нее в России велись теоретические и прикладные исследования по социологии.

Думаю, что если бы не ранняя и мгновенная смерть Батыгина, он и сам многое уточнил бы в своей концепции преемственности. Ведь одновременно с ее проработкой под его руководством создавался архив биографий советских социологов, внешних определяющий вклад в становление социологии в стране на рубеже 1950–1960-х гг. И многое в воспоминаниях этих ученых свидетельствовало о том, что они входили в науку, не отягощенные знаниями о прошлом социологии в дореволюционной России и в постреволюционном СССР.

Настоящее исследование имеет прямую – программную, методическую и духовную – связь с историко-биографической работой Г.С. Батыгина, и я неоднократно буду возвращаться к ней.

Сейчас же приведу некоторые выводы Здравомыслова, касающиеся временной линии Батыгина; они были опубликованы вскоре после выхода в свет второго издания «Социология в России». Здравомыслов отмечал, что Батыгин понимал непрерывность и преемственность как нечто само собой разумеющееся, требовавшее лишь внятного разъяснения [11]. На самом же деле, сначала следовало фиксировать проблему, подлежащую всестороннему изучению. Здравомыслов, обращаясь к содержанию тех разделов книги, в которых излагалась история различных отраслей социологии, делает вывод о том, что постулат непрерывности не подтверждается. Еще один момент: Здравомыслов не соглашался с Батыгиным в том, что советская социология 1960-х гг. была продолжением той линии социальной философии, которую представляли Г.Ф. Александров, М.П. Баскин, М.Т. Иовчук, В.С. Кружков и другие партийные философы. Наоборот, поколение, к которому принадлежал Здравомыслов, делало все, чтобы противопоставить свое понимание социологии тем, кто отождествлял ее с историческим материализмом.

Не принял в полной мере концепцию непрерывности и Б.М. Фирсов, рассмотревший ее в первом издании своей книги по истории советской социологии [12]. В частности, он не согласился с тем, что у Батыгина «непрерывность развития социологической традиции является чуть ли не заданным от рождения генетическим свойством, изначальной характеристикой» [12, С. 75–76]. По мнению Фирсова, в выводе Батыгина о преемственности игнорируется факт «погребения» социологии в 1930-е гг. и не принимается во внимание длительный регресс социальной мысли в стране.

Для хронологии развития исследований, затрагивающих генезис современной советской/российской социологии, целесообразно отметить, что критические замечания по поводу концепции преемственности Г.С. Батыгина были высказаны Здравомысловым и Фирсовым после выхода в 1998 г. второго издания «Социология в России».

Книга С.С. Новиковой [13] содержит массу фактов из прошлого российской социологии и предлагает пошаговое рассмотрение темы. Сначала речь идет о созревании социокультурных предпосылок русской социологии (Феофан Прокопович, В.Н. Татищев, реформы Петра и т. д.) и возникновении предсоциологического развития социальной мысли в стране (первая четверть XIX в., П.Я. Чаадаев, В.Н. Майков, К.Д. Кавелин и др.). Затем автор выделяет пять основных этапов развития социологической мысли в России: *первый этап* – 1860–1890 гг., *второй* – 1890 г. – начало XX в., *третий* – первая четверть XX в., *четвертый* – 1920–1930-е гг. и *пятый этап* – конец 1950-х–1990-е гг.

Учитывая направленность настоящей книги, освещение Новиковой первых четырех этапов не будет здесь излагаться; кратко рассмотрим лишь ее трактовку двух последних временных интервалов. В теоретико-методологическом плане четвертый этап (во всяком случае, в начальный его период) характеризовался ею наличием различных точек зрения на предмет, теорию и структуру социологического знания, на соотношение социологии и марксистской теории общества. Вслед за Н.И. Бухаринным значительная часть советских философов стала отождествлять социологию с историческим материализмом. Одновременно существовали группы ученых, не согласных с подобной точкой зрения, причем одни выделяли в историческом материализме философский и социологический аспекты; по мнению других, исторический материализм не был самостоятельной наукой, но лишь образовывал общую методологию истории, тогда как социологии вообще не находилось места в марксизме. Были и те, кто отождествлял социологию с идеалистической буржуазной наукой об обществе.

Помимо дискуссий, проходивших на платформе исторического материализма, в 1920-е гг. в СССР предпринимались попытки создания социологии, базировавшейся на достижениях психологии и ряда естественных наук: биологии, физиологии, зоологии. К примеру, разрабатывались концепции «социальная рефлексология», «физиологическая социология», «социальный энергетизм», «фитосоциология» и др. Все это в условиях быстрого распространения положений исторического материализма, становившегося теоретической и идеологической базой новой власти, не могло выжить, и к началу 30-х гг. все эти направления были свернуты.

Принципиально, что в предложенной Новиковой периодизации истории российской социологии явно обозначен длительный – два–три десятилетия – разрыв в развитии этой науки. По ее мнению, в то время в области теории социального познания расцветал догматизм, а эмпирические методы оказались фактически выведенными за рамки научной практики. Потому первые опыты проведения прикладных исследований и поиски новой трактовки в соотношении исторического материализма и социологии были признаны ею «вторым рождением» социологии в стране; начинался новый этап институционализации социологии.

И.В. Василенко и В.А. Парамонова, авторы вышедшего в 2004 г. учебного пособия по истории российской социологии [14], были знакомы с работами Батыгина и Новиковой, но предложили несколько иную периодизацию развития отечественной социологии и иначе «прописали» советский период. Ими были обозначены четыре основных этапа развития научной социологии в России. Прежде всего, временной интервал: 1860–1880, для которого было характерно «тесное переплетение социологии с социальной философией». За ним следуют два этапа собственно становления социологи: 1890–1900 и 1900–1922 гг. В данном случае замечу, что представляется оправданным отсутствие 1917 г. в качестве особой реперной точки на временной оси развития социологии. Действительно, первые несколько лет после революции новая власть не обращала особого внимания на науку, социологию в том числе. Продолжали работать сложившиеся научные коллективы и институты, даже открывались новые исследовательские и образовательные учреждения.

Последний из выделенных и рассмотренных Василенко и Парамоновой этапов охватывает все происходившее в социологии в СССР/России после 1917 г. вплоть до начала 1990-х. Этот продолжительный период разделен ими на несколько более компактных временных интервалов. 1922 год признан

моментом радикальных изменений в институционализации социологии; интервал между 1920-ми и до начала 1950-х гг. связывается с догматизацией марксизма и деформацией историко-социологической проблематики; в 1950–1970-е главным признается историко-социологическое направление; в последнем интервале (1980–1990) в качестве наиболее характерных критериев принимаются методологические поиски. В отличие от Батыгина, назвавшего социологическим ренессансом двадцатилетие перед перестройкой, эти авторы используют термин «ренессанс» для обозначения процессов, происходивших в российской социологии в конце XX в. [14].

Хотя в явном виде Василенко и Парамонова не говорят о непрерывности российской социологической традиции, у изучающих историю отечественной социологии по их учебному пособию вполне может сформироваться именно такое представление. Во-первых, на это указывает тот факт, что вся история советской/российской социологии после 1917 г. анализируется ими в рамках одного, хотя и качественно неоднородного этапа. И во-вторых, в отличие от Новиковой, они не видят в событиях 50–70-х гг. «второго рождения».

В 2008 году вышло обстоятельное историко-методологическое исследование А.Г. Здравомыслова. В частности, им специально рассматривалась проблема периодизации отечественной социологии и генезиса ее постхрущёвского периода, а также тема преемственности. Дискуссионность этого вопроса Здравомыслов передает суждениями двух социологов. Одна точка зрения принадлежит В.А. Ядову, по мнению которого постхрущёвская социология 1960-х гг. не опиралась на российские традиции социологического мышления, а возникла как следствие переноса на советскую почву сформировавшихся в западной практике исследовательских концепций и методов. Вторая была высказана Г.С. Батыгиным. Не упоминая своей публикации 2000 г., содержащей возражения против теоретико-исторических построений Батыгина, Здравомыслов писал: «Анализируя материалы этой дискуссии, а также обращаясь к рассмотрению многообразия социологических направлений в современной российской социологии, автор данной книги пришел к выводу о том, что вторая позиция, представленная Г.С. Батыгиным, более конструктивна хотя бы потому, что она дает возможность глубже понять значение советского периода в становлении социологии» [15, С. 107].

В чем видел Здравомыслов механизм поддержания преемственности, каким образом прошлое проникало, входило в современное? По его мнению, разрывы в преемственности

были обусловлены, прежде всего, политическими причинами, а сама преемственность осуществлялась путем сохранения и воспроизводства культурного капитала, передаваемого от поколения к поколению «очень непростым путем, который отнюдь не всегда обеспечивается наличием кафедр и учебных дисциплин» [Там же]. Сама преемственность при этом трактовалась им как «восприятие прошлых научных идей в их историческом, научном и культурном контексте, как выявление смыслов пережитых теоретических конструкций для современности» [Там же].

Не разделяя концепции преемственности, в наших беседах и переписке я обсуждал с А.Г. Здравомысловым аргументацию, высказанную им в ее защиту. Опуская детали, отмечу два главных моих возражения.

Первое заключается в необоснованности, на мой взгляд, рассмотрения политики как фактора разрыва преемственности российской социологической традиции, а культуры – как силы, поддерживающей сохранение научной традиции. Вряд ли можно вообще разделять политику и культуру общества, тем более если речь шла о тоталитарном или авторитарном государстве. Дело в том, что самой этой благодатной культуры долгое время в стране не существовало, она была разрушена той же политикой и в той же мере, как и социология. Не было людей, которые могли бы – пусть вне кафедр и учебных дисциплин – вспомнить и поведать новым поколениям ученых о дореволюционной и непосредственно постреволюционной социологии. С полук массовых и даже университетских библиотек были убраны многие книги и журналы социологической направленности, а домашние библиотеки подчистили сами их владельцы. Но это не главное: начиная со второй половины 1920-х гг. в советском обществе политика настолько довлела над человеком, что глушила те составляющие культуры, семейных традиций, образования, повседневного общения, которые могли бы повернуть несколько новых поколений к серьезному изучению общества. И Здравомыслов сам однозначно показал, что в обществе долго, до XX съезда КПСС, не существовало той культуры, которую он в своих теоретических построениях наделял способностью обеспечивать непрерывность развития социологии.

Хочу обратить внимание читателя на схожесть/полярность образов развития российской социологии у людей разных поколений и различного социологического, да и не только, мировоззрения. Чагин говорил о, в целом, восходящем, прогрессивном процессе, Здравомыслов – о невозможности представления этого процесса в виде восходящей прямой.

Второе возражение касается нарушения, с моей точки зрения, Здравомысловым одного из принципов исторического исследования. Как мне кажется, в своих рассуждениях о преемственности он «переносит» себя в начало 1960-х гг. таким, каким он был во второй половине первого десятилетия нового века, т. е. уже знакомым с работами дореволюционных социологов и связавшим воедино многое из русской классической культуры, литературы шестидесятников и всего, что оседает в человеке в течение десятилетий серьезной теоретической деятельности и постоянной рефлексии по поводу происходящего. Ниже, на основе интервью с социологами первых поколений будет показано, что, начиная свою работу в этой новой области социального познания, они *не знали прошлого* и потому *не могли* на него опираться. Причем имеется в виду не только то, что относится к профессии социолога, но и к культуре в целом. В начале 1990-х гг. И.С. Кюн писал о себе: «Мальчишке, который не читал ни строчки Анны Ахматовой, а с Пастернаком был знаком по одной-единственной стихотворной пародии, было нетрудно поверить докладу Жданова. Рассуждения Лысенко, в силу их примитивности, усваивались гораздо легче, чем сложные генетические теории. Дело было не в частностях, а в самом стиле мышления: все официальное, идущее сверху, было по определению правильным, а если ты этого не понимал – значит, ты неправ» [16, С. 110–111].

Если иметь в виду, что постхрущёвская социология возникла в атмосфере критики культа личности, то получается, что политика не только породила разрывы в непрерывности развития социологии в стране, но она же и обеспечила возврат к социологии. Отчасти – через культуру и искусство. Не об этом ли слова Здравомыслова, прозвучавшие в его интервью: «Я бы сказал так: Булат Окуджава имел для нас гораздо большее значение, чем Питирим Сорокин, которого мы знали в начале 1960-х годов лишь по трем упоминаниям Ленина. Тогда Сорокин рассматривался как персона *non grata*, так как с 1922 г. где-то в архивах хранится его расписка о добровольном выезде из страны с обязательством невозвращения. Только позже Игорь Анатольевич Голосенко начнет открывать эту дверь и в конце концов откроет» [17, С. 4–5].

Замечу, эти слова – вообще ключ к пониманию движения А.Г. Здравомыслова – и не только его одного – в социологию; они многое говорят о генезисе современного этапа российской социологии. Ниже представлен фрагмент из его воспоминаний о начале 60-х, которые были написаны в 2009 г. в связи с 80-летием В.А. Ядова.

Биографический сюжет № 4. В.А. Ядов

Это время «оттепели». Для нас оно становится временем исследования реальности. И обоснования методов решения этой задачи. В течение почти семи лет коллектив социологической лаборатории работал на одном дыхании: общее коллективное дело и личные интересы переплетались, и каждый вносил свой вклад и испытывал радость от признания своей части работы. Разумеется, мы продолжали ходить на демонстрации, но песенный репертуар обновился. Впервые я услышал песни Окуджавы от Володи. Первая песня была немудрящей историей про девочку, у которой улетел шарик. А вторая про синий троллейбус. <...> Мы уже утром ощутили, что перед нами не один раз [и] навсегда начертанный путь, а многообразие различных вариантов. Перспективы общества во многом зависели от политического выбора, а наши собственные перспективы – от профессии, которую мы делали и с которой мы начали себя идентифицировать [18, С. 134–135].

Одновременно со Здравомысловым и Ядовым на философском факультете ЛГУ учился Василий Яковлевич Ельмеев, многие годы отдавший развитию марксистско-ленинской социологии и критике той линии в социологии, которая строилась на отказе от догматов истмата. Его точка зрения на преемственность российской социологии сформулирована в ответе на следующий вопрос во взятом мной электронном интервью: «У Г.С. Батыгина была статья с анализом преемственности российской социологической традиции. Может быть, обсуждая прошлое и настоящее российской социологии, справедливее говорить именно о трансформации российской социологической традиции, но не о непрерывности развития российской социологии как науки?»

Биографический сюжет № 5. В.Я. Ельмеев

Название «российская социология» вместо «русской социологии» возникло после реставрации капитализма в стране. Я не согласен с тем, что русская и советская социология трансформировались в современную российскую социологию, создателями которой объявили себя «шестидесятники», что якобы с них началась постсоветская социология. Я придерживаюсь мнения специалиста по истории русской социологии А.А. Галактионова относительно того, что никакой современной российской постсоветской социологии, тем более «новорусской», не существует. Не выработали собственной парадигмы (вместо нее – что угодно, любая парадигма), нет у нее никаких национальных признаков, имеются лишь фрагменты либеральных концепций столетней давности с большой дозой более или менее близких по времени идей западных авторов, идет приспособление к социологическому глобализму, диктуемому США.

В вопросах преемственности следует исходить из наличия разных наследств. У советской социологии наследством служили взгляды русских революционных демократов (Герцен, Чернышевский и др.), труды марксистов, в том числе отечественных (Плеханов и др.), а ее продолжением является ныне существующая, но официально не признанная марксистская (материалистическая) социология [19].

Теперь вернемся к вопросу о периодизации российской социологии, сконцентрировав внимание на советском периоде. А.Г. Здравомысловым было выделено семь этапов, пять из которых приходится именно на период после 1917 г., в том числе три из них относятся к современной социологии [15, С. 108]:

1. Первоначальные варианты социологического мышления (середина XIX в.).
2. Противостояние народничества и марксизма в социологии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.)
3. Переход от полемики к идеологической монополии (1917 г. – конец 1920-х гг.).
4. Период сталинской догматики (1929–1953).
5. Возрождение социологии в 1960-е гг.
6. Институционализация социологии и ее распространение (1970–1980-е гг.).
7. Плюралистическая социология 1990-х гг.

Хотя Здравомысловым не были описаны критерии этой периодизации советской социологии, с некоторой степенью условности ее можно назвать институциональной.

Б.М. Фирсов, в своем историческом исследовании советской социологии сфокусировавший внимание на периоде 1950–1980-х гг., не предлагает собственной периодизации, но счел обоснованным использовать подход В.Э. Шляпентоха, одновременно учитывающий действие внешних факторов на развитие социологии и сил ее саморазвития. Иными словами, периодизация Шляпентоха во многом соответствует восприятию всего происходившего в современной социологии значительной частью социологов первых поколений [12, С. 36–40]. Первый период (1958–1965) назван эмбриональным. Его содержание, прежде всего, связано с определением места социологии в системе социальных наук, с обоснованием ее самостоятельности и установлением связи социальных исследователей с населением. Представляется, что термин «эмбриональный» еще и потому удачен, что он передает первородность, изначальность развития социологии в СССР на рубеже 50–60-х гг., а не трактует происходившее как продолжение чего-то коренящегося в прошлом.

Следующий этап (1965–1972) признан «золотыми годами советской социологии». Это время активной работы молодых со-

циологов, время их надежд на действенное участие в решении социальных проблем. Затем на протяжении нескольких лет (до середины 70-х) совершалось движение вспять: усиливалось недоверие власти к социологии, наблюдалось обеднение исследовательской практики и снижение качества исследований. Середину 70-х, по мнению Шляпентоха, и в этом с ним согласен Фирсов, следует обозначить как период серости – то была проекция начинавшегося застоя на сферу социологии. После 1976 г. наступил краткосрочный период умеренного оживления, который сменился временем стагнации общественной жизни, а в социологии – идеологизацией теоретических построений, потерей многими учеными социальных ориентиров и распадом профессионального единения.

Рассмотренная периодизация была разработана Шляпентохом в конце 1980-х гг. и не могла зафиксировать изменения, происходившие в российской социологии позже.

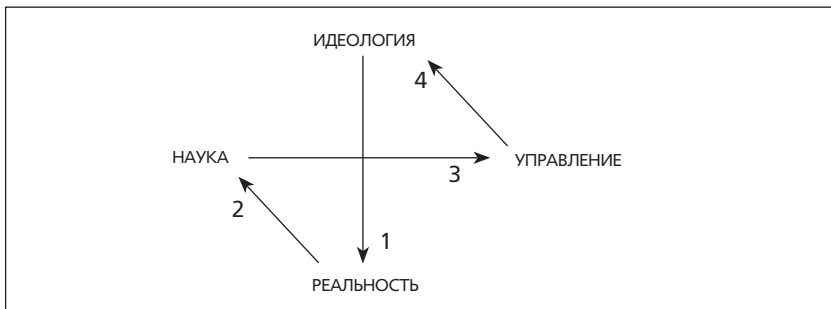
Примерно в то же время свой подход к этой проблеме был разработан А.Н. Алексеевым. Первоначально он изложил свои соображения по этому поводу в мае 1981 г. в дружеском письме к Т.М. Дридзе, пришедшей в социологию в середине 1960-х и хорошо знавшей, как все происходило. Значительно позже этот материал вошел в работу Алексеева «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» [20, С. 219–226].

Движение социологии как науки рассматривалось Алексеевым в двумерной системе координат, задаваемой четырьмя полюсами (направлениями); вертикальная ось «Идеология – Реальность», горизонтальная – «Наука – Управление» (см. рисунок; цифры 1–4 введены для обозначения полюсов системы координат).

Рисунок

**Пространство развития российской социологии:
середина 1950—начало 1980-х гг.**

Пояснения в тексте

Автор пишет, что до середины 1950-х гг. «социология благополучно размещалась в “лоне” Идеологии и даже имени своего не имела («буржуазная социология» не в счет!)». Она родилась в конце 1950-х и стала двигаться «вниз», в область *Реальности* (1). После столкновения с реальными социальными процессами она направилась к полюсу *Наука* (2) – в 1960-е гг. происходило освоение методологии, методики и техники социологии. В следующем десятилетии обозначилось движение «вправо», ориентация на *Управление* (3); появились заводская социология, работы по хозяйственным договорам, возникло стремление формулировать управленческие рекомендации в различных сферах жизни общества. И здесь желание социологов «порулить» встретило сопротивление со стороны власти, и социология вынуждена была двинуться обратно по направлению к *Идеологии* (4).

По характеру движения социологии Алексеев выделил четыре этапа: первый – «секуляризация», второй – сайентификация, третий – прагматизация и четвертый – идеологизация (точнее, реидеологизация). Последний этап тогда лишь начинался. Эти же этапы автор переформулировал в терминах функциональных приоритетов науки: гражданственный, исследовательский, управленческий и идеологический. Общий вывод из анализа 4-этапного процесса был таков: сейчас «кто-то ближе к Науке, чем к Управлению. Кто-то к Управлению ближе, чем к Идеологии. И только к Реальности уже никто не ближе, чем к чему-либо другому» [20, С. 221].

Развивая одну из генеральных линий своего исследовательского проекта, Алексеев говорил об ожидании перемен. За четыре года до прихода к власти Горбачёва он, понимая необходимость «нового прорыва к реальности», предполагал, что это может произойти в 1980-х гг. под давлением хода общественной жизни, и при этом добавлял: «Правда, ей (социологии. – Б.Д.) для этого придется как бы “отказаться от самой себя”» [20, С. 222].

Ниже будет рассмотрен подход Д.Н. Шалина к прочтению процесса становления постхрущёвской социологии; ключевым понятием в его трактовке была «секуляризация». Очевидно, что он и Алексеев ввели этот термин независимо друг о друга. Шалин – уже потому, что делал это раньше Алексеева; его статья была опубликована в Америке в 1978 г. Алексеев описал эту схему не в статье, при работе над которой был бы естественным поиск сделанного другими авторами, а в неформальном письме другу-колеге. Можно добавить: в те годы никаких контактов между Алексеевым и Шалиным не существовало, более того, казалось, что их никогда и не будет. Так что введение двумя

аналитиками одного и того же термина для описания одного и того же явления – показатель валидности этого понятия.

В 2008 году российское социологическое сообщество отмечало два юбилея. Во-первых, исполнялось 50 лет со дня образования первого профессионального отечественного социологического объединения – Советской социологической ассоциации. Во-вторых, к тому моменту прошло 40 лет со дня создания первого академического социологического института, который несколько раз менял свое название и в год юбилея назывался Институтом социологии Российской академии наук. Г.В. Осипов назвал те годы временем возрождения социологии в России.

Собственно рождение российской социологии он отнес к 1860-м гг., и все происходившее до революции рассматривал в рамках одного периода. В эти годы, по оценкам Осипова, были заложены «прочные основы социологического знания, которые не смог разрушить даже Октябрьский переворот 1917 г.» [21, С. 20]. Затем он обозначил двенадцатилетний период: 1917–1929 гг. В начале этого этапа наблюдались некоторые позитивные тенденции в развитии социологии; переломным оказалось издание работ Н.И. Бухарина, С.А. Оранского и их последователей, ставших импульсом к пересмотру всего сделанного ранее с позиций марксизма. Однако, по мнению Осипова, «социология продолжала сохранять гражданский и научный статус в российском обществе» [21, С. 21]. Третий период (1929–1955) был назван Осиповым «социология вне закона». На все, относящееся к социологии, даже на сам термин, был наложен строжайший запрет. Социология была признана буржуазной лженаукой, не просто не совместимой с марксизмом, но враждебной ему. Оформила запрет на социологию дискуссия в Институте философии коммунистической академии по проблемам философии и социологии (1929), в ходе которой был сделан вывод: «Социология – это лженаука, выдуманная французским реакционером Огюстом Контом, само это слово (т. е. социология) не должно использоваться в марксистской литературе» [21, С. 22]. В целом на смену научному знанию об обществе пришли социально-мифологические (утопические) построения.

Короткий период 1956–1957 гг. Осипов назвал «проторенессансом, за которым, согласно его историографии, последовало собственно возрождение и повторная институционализация социологии [22, С. 152]. В начале 1960-х гг. слово «социология» формально еще было запрещенным, однако советские обществоведы стали появляться на международных социологических форумах, начали осуществляться первые социологические проекты и складываться научные коллективы.

Четкое указание Осипова на четвертьвековое положение социологии «вне закона», на мой взгляд, является однозначным индикатором того, что в этот период в стране не было науки, которая, в его понимании, могла бы признаваться социологией. Особое положение Осипова в советской/российской науке, его выдающийся вклад в ее становление и в решение многих организационных проблем побуждает внимательно изучать не только сказанное в его текстах, но и то, что было обойдено вниманием. В этом смысле мне кажется не случайным отсутствие в них упоминаний о работах Г.Ф. Александрова и партийных философов из его окружения. Объяснение простое: они предлагали бесперспективный путь для становления в СССР социологии как самостоятельной науки. Согласно их представлениям, все должно было происходить в ограниченном пространстве марксистской социологии.

По мнению Осипова, даже Постановление Политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества», вышедшее в 1988 г., не решило в полной мере проблемы институционализации социологии в СССР. В нем снова речь шла лишь о марксистско-ленинской социологии. Однако это Постановление не имело серьезного значения, потому что во второй половине 1980-х гг. для институционализации социологии уже не требовалось партийных решений.

Анализ развития социологии, сделанный Г.В. Осиповым, позволил ему выдвинуть и обосновать ряд положений, еще два десятилетия казавшихся невозможными, еретическими. Одно из них – о несовместимости социологии с теорией исторического материализма [21, С. 56]. А ведь треть века назад, в учебнике по социологии (1976), сыгравшем значимую роль в подготовке социологических кадров в стране (речь идет о «Рабочей книге социолога», редактором которой был Г.В. Осипов), отмечалось, что создание научной социологии – историческая заслуга К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина. При ссылке на работы последнего подчеркивалось, что социологию в разряд науки впервые воззвала высказанная им мысль о роли материализма в истории. С формулировки этого же утверждения начинались второе издание этого учебника [23, С. 3], вышедшее за два года до перестройки, и книга, опубликованная через три года после ее начала [24, С. 3].

Обсуждая тему знакомства с прошлым с В.Э. Шляпентоном, имеющим историческое и статистическое образование, я спросил его, оказали ли на него влияние работы русских земских статистиков и книга Ленина о развитии капитализма в России. Вот его ответ: «Я хорошо знал работы Ленина и

относился к его анализу статистических данных вполне уважительно. Конечно, как прикрытие для социологии цитировал бесконечно ленинские группировки российских и американских хозяйств. Однако влияние Ленина на нашу социологию в 60-е годы было равно, по моему мнению, нулю» [25, С. 624].

Когда в беседе с В.А. Ядовым я процитировал эти слова Шляпентоха, он сказал: «Это верно. Ссылки на ленинскую анкету для рабочих, его анализ становления капитализма в России на основе переосмысления земской статистики, упоминания исследований Энгельсом манчестерских ткачей непременно приводились в тогдашних учебниках, дабы показать, что классики марксизма не отвергали эмпирические методы. Но решающие инструктивные требования к построению опросов опирались на западные источники» [4, С. 49]. Итак, в большинстве анализируемых работ, даже в случае детального прочерчивания траектории развития социологии в России/СССР/России, не делается явного вывода о преемственности российской социологии, но отмечается начало некоего нового качества в развитии этой науки на рубеже 1950–1960-х гг.; одни аналитики говорят о «ренессансе», другие – о «возрождении». В историческом и культурологическом отношении – это слова, восходящие к французскому слову Renaissance и означающие переход от средневековья к Новому времени.

Полярны ли концепции преемственности и возрождения российской социологии, или просматривается некая система науковедческих (культурологических) координат, в которых их можно было бы синтезировать? Мой ответ: четвертьвековое пребывание социологии «вне закона», т. е. длительное наличие некоей иной сущности, лишь обозначавшейся термином «социология», указывает на нарушение непрерывности, преемственности. Тем не менее наличие разрыва в развитии социологии не означает автоматически а) признания справедливости концепции возрождения и б) отсутствия «зон», «ниш» справедливости концепции непрерывности. В математике в зависимости от ряда условий, наблюдаемых в точке нарушения непрерывности функции, т. е. скачка, выделяют устранимые разрывы (разрывы первого рода) и неустранимые (разрывы второго рода). Ниже будет показано, что концепция возрождения социологии может быть принята лишь в том случае, если она сможет стать базой, предпосылкой для определения областей устранения существовавшего разрыва. И инструментом такого устранения могут быть лишь историко-науковедческие исследования.

Биография как источник историко-научной информации

Несколько лет изучая одновременно историю возникновения американской рекламы, рождение и развитие технологии изучения общественного мнения в США и историю современной советской/российской социологии, я не сразу осознал, что, по сути, все это – одна тема: творческий человек в истории, или история различных направлений социальной науки через биографии их создателей. При разработке тематики, относящейся к американской действительности [26], [27] использовались различные источники сведений (книги и статьи по американской культуре, результаты исследований по методологии измерения в социологии, воспоминания людей, внесших существенный вклад в создание арсенала приемов изучения общественного мнения, и т. д.), и при этом главное значение придавалось поиску и анализу биографической информации. Другими словами, то было стремление восстановить процесс зарождения и совершенствования методов изучения установок населения, опираясь на исследование жизни и работы творцов этих методов.

Казалось бы, можно использовать методологический опыт, накопленный при анализе творчества и биографий выдающихся американских рекламистов и полстеров, в исследовании жизненных и профессиональных путей советских/российских социологов и, как следствие, перейти от изучения биографий к рассмотрению более общих историко-научных проблем. Однако напрямую это сделать не получается; существуют сдерживающие обстоятельства, которые необходимо учитывать.

Во-первых, писать о тех, кого знаешь, кто жив и кто активно работает, а также о тех, кого знал, но кого уже нет, гораздо сложнее, чем о тех, кого не знал и кто давно умер. Я не знал никого из американских полстеров, работавших во второй половине и в конце 20 в., и потому писал о них просто как о заслуживающих внимания исторических персонах. Могу утверждать: любой, кто в ближайшие годы будет исследовать творчество действующих российских социологов, столкнется со значительными сложностями профессионального и этического плана.

Во-вторых, приходится учитывать тот факт, что в России лишь начинает складываться традиция анализа и изложения истории современной отечественной социологии, постепенно формируется методология, учитывающая как особенности развития самой социологии, так и специфику понимания роли личности в обществе и в развитии науки. Принимая многое из

сделанного российскими учеными в плане анализа становления постхрущёвской социологии, мне, однако, кажется, что в этих исследованиях слабо представлены создатели этой социологии, их жизнь и их творчество. История нашей науки в значительной степени остается «обесчеловеченной». Люди есть, но они – лица, действующие на фоне едва заметно обрисованных обстоятельств, а не личности, профессиональное и гражданское поведение которых определено конкретными социально-политическими, идеологическими и нравственными императивами, нормами, обстоятельствами.

Отчасти эта ситуация скрашивается появлением в последние годы мемуаров (назову воспоминания Т.И. Заславской [28], И.С. Кона [29], С.А. Кугеля [30], а также статей и сборников материалов о творчестве отдельных социологов. До сих пор остается уникальной по своему содержанию книга воспоминаний и биографических интервью, десять лет назад выпущенная Г.С. Батыгиным [31]. И несмотря на то что в созданном им «Социологическом журнале» и в ряде других изданий опубликовано немало интервью с российскими социологами, весь этот материал не обобщен.

В-третьих, работа с биографическим материалом – это всегда определенная форма общения человека, изучающего жизнь его героев, с «биографируемыми». Тем более это справедливо, когда историк пишет о деятельности людей, со многими из которых его связывают десятилетия совместной работы и дружеских отношений. Поэтому стиль, ритмика, язык такого произведения может оказаться отличным от представлений многих о том, как должно быть написано научное произведение. Скажем, в отдельных местах изложение может казаться (может быть) излишне «громким», т. е. публицистическим, или слишком «тихим» – исповедальным.

Существуют разные типы биографических исследований, и можно построить континуум (непрерывное множество) жизнеописаний исторически значимых людей. На одном его полюсе будут располагаться различной полноты материалы, предлагаемые биографическими справочниками типа «Who is who?» или «Who was who?». Их цель – информировать. На другом – романтизированные биографии, в которых авторы разрешают себе описывать переживания своих героев, их диалоги с другими историческими личностями; это, по выражению Даниила Данина, «кентавры», совмещающие в себе научность и художественность. К удачным примерам подобной кентавристики относятся, в частности, его книги об Эрнесте Резерфорде и Нильсе Боре.

Исходно постулируя возможность изучения истории социологии на базе рассказов социологов о себе и своей работе, а теперь

понимая, что этот путь познания прошлого весьма эффективен и даже обязателен для всестороннего освещения становления и развития отечественной социологии, я, вместе с тем, признаю существование принципиальных различий в исследовании собственно истории социологии и в стремлении к пониманию прошлого через анализ биографий социологов. Во-первых, эти подходы различаются своими предметами и объектами: первая тема относится к истории становления науки как социального института, вторая – является областью социологии личности и социологии творчества. Во-вторых, история социологии может быть продуктом анализа историка, не обязательно работающего в социологии, в то время как изучение биографий и судеб социологов должен делать человек «своего» цеха. В-третьих, описание прошлого социологии предполагает известную масштабность, полноту. Биографический анализ, может строиться на основе монографического подхода. В-четвертых, история социологии в принципе не может быть извлечена из биографий тех, кто создавал эту науку, поэтому биографический метод не может быть основным, ведущим в изучении всех аспектов прошлого, он – вспомогательный. Наоборот, при изучении судеб социологов биографический метод – основной. Наконец, история социологии – это описание того, как во взаимодействии государства, общества и ученых-социологов формировалась данная дисциплина: как возникали исследовательские центры, сколько людей в них работало, как создавалась и функционировала система подготовки кадров, география развития науки и т. д. Биографии здесь лишь дополнение, иллюстрация обнаруживаемых макротенденций. В биографическом анализе все извлекается из рассказов людей о себе и о своих коллегах, и здесь «макро» является не самостью, а фоном.

Анализ первых интервью с действующими российскими социологами потребовал заметного уточнения априорной программы исследований, и причины корректировки ясны: углублялась методология исследования, прояснялись логика и организация проекта и постепенно формировались два его центральных направления: история в биографиях и биографии в истории.

История в биографиях – это то, каким в воспоминаниях социологов представляется прошлое российской социологии. Другими словами, история в биографиях это то, что можно узнать о становлении и развитии социологии из рассказов очевидцев: какие события профессионального плана они вспоминают, как они их оценивают, каким образом они сегодня, по прошествии десятилетий, видят те события и процессы. Постепенно прояснилось, что и пути вхождения ученых в социологию – это часть истории самой социологии, ибо они определя-

ются не только биографией человека, но и степенью развитости социологии как института. Такой вывод непосредственно следует из анализа жизненных путей представителей разных поколений социологов.

Механизмы памяти таковы, что запоминается и при опросе всплывает из прошлого лишь важнейшее, а точнее – то, что тогда или по истечении многих лет представляется таковым. При стремлении ответить на вопрос «Что и как было?», человек прежде всего вспоминает факт, некую картину событий, свое эмоциональное ощущение происходившего, но далеко не всегда способен точно датировать запомнившиеся события и дать их «объективное» описание. Здесь вообще трудно говорить об объективности, ибо само восприятие происходившего было актом субъективным, к тому же за прошедшие годы оно, осознанно или непроизвольно, могло еще более субъективироваться. Не просто прошли годы, но жил и действовал в том прошлом один человек – молодой, мало что сделавший, с неглубоким жизненным опытом, а вспоминает – совсем другой, ставший на 40–50 лет старше, зрелый профессионально, часто – с тяжелыми думами о прожитом. Потому в восприятии и описании того далекого одни аспекты, грани событий могли «потеряться», «исчезнуть», другие, наоборот, стать ярче, зримее. К тому, что было в действительности, могло «приклеиться» то, чего вообще не было или было, но присутствовало в другом событии, в другое время, в ином окружении.

Кроме того, в интервью человек не только рассказывает о прошлом, настоящем, рассуждает о будущем; благодаря не только сказанному, но и утаенному он в некоторых случаях, возможно, подает себя таким, каким представляет себя сейчас и/или каким он хочет, чтобы его видели. Причем не только сегодняшние читатели, многие из которых знают этого человека десятилетиями, но и социологи следующих поколений.

С другой стороны, без этого личного, ауторефлексивного, «субъективного» историю социологии не узнать, не описать. Замечу, тех, кто будет знакомиться с биографиями, нередко это личностное в описании событий и людей будет интересоваться не менее, чем фактическая сторона дела. Так, при обсуждении одного из опубликованных интервью Л.Е. Кесельман, которого я тогда опрашивал, заметил: «...в какой-то момент я сообразил, что, по сути, в этих сюжетах ценна не столько информация о событиях, сколько видение этих событий твоими собеседниками»⁴.

⁴ Электронное письмо Л.Е. Кесельмана Б.З. Докторову от 12 января 2007 г.

Тем не менее и общее в биографиях, и уникальное, дополненное общим и другим уникальным, каким-то образом трансформируются в то, что может стать объективным и быть отражено в истории науки. Имеет смысл постоянно помнить также, что все представленное сейчас в биографиях и документах – всего лишь незначительная часть той информации, которой будут обладать следующие поколения историков российской социологии. Вполне возможно, что их изыскания подтвердят что-то из известного нам сейчас и «объективизируют» историю, а что-то – уточнят или полностью пересмотрят.

Биография – это некий уникальный, единственный и неповторимый синтез социального, физического и биологического, это история конкретного человека и одновременно некая в чем-то уменьшенная, но где-то и увеличенная копия того периода большой истории, в котором он жил. Автобиография, являющаяся продуктом, итогом биографического интервью, – это в той или иной мере отрефлексированное описание человеком своей жизни, несколько отретушированная самофотография, автопортрет, созданный художником в определенном интерьере и при продуманной им постановке света. Можно допустить, что автобиография социолога выстроена с более глубоким пониманием специфики социального времени, в котором ему было суждено жить, чем автобиография представителя иной профессии. Другими словами, в рассказе первого более зримо присутствуют дух, специфика среды его социализации и жизнедеятельности.

Опыт А.Н. Алексеева показывает, что ауторефлексия респондента-социолога всегда социологична. Поэтому с полным основанием можно говорить еще об одном, встречном, сопряженном направлении изучения полученных интервью – *биографии в истории*. Это исследование того, как история страны отражена, представлена в биографиях социологов, какие социально-политические и иные реалии определяли их жизнь, что формировало их гражданские установки и профессиональные воззрения. Безусловно, поколение социологов – это не группа людей, профессиональное поведение которых тождественно в силу детерминированности макросредой их социализации и деятельности. Вместе с тем жизненные траектории людей одного поколения расположены в относительно небольшом числе семантических ниш и потому могут сравниваться.

Если написать рядом «история в биографиях» и «биографии в истории», то легко заметить, что синтез двух этих направлений в принципе дает возможность решить главную задачу настоящего исследования: через биографии социологов погрузить историю социологии в историю страны. Таким образом, с

одной стороны, описание становления и развития науки оказывается соотносенным с «большой историей», прежде всего, особенностями политики, идеологии, образования, а с другой – оно (описание) несет в себе субъективное, пережитое людьми.

В рамках ряда теоретико-методологических проблем в изучении биографий российских социологов Л.А. Козлова [32] выделяет два направления, различающихся по степени их обобщенности и характеру предметной фокусировки; она называет их *индивидуально-биографическим* и *социально-биографическим*. В первом случае индивид рассматривается в качестве исторической личности, исследования второго типа нацелены на общество, определенные социальные группы, «эпохи», но не на отдельных «героев». Это направление ориентировано на реконструкцию характеристик общества, а не жизни и облика отдельного человека. Козлова отмечает, что индивидуально-биографический – в ее классификации – подход близок к обозначенной мной «историей в биографиях», а социально-биографический родственен направлению анализа, названному «биографии для истории».

На определенном этапе работы В.А. Ядов, который во многом инициировал ее и проявлял постоянный интерес к исследованию, назвал три направления в современном науковедении и попросил меня указать, как мой подход соотносится с ними [33, С. 41]: с куновской концепцией, связывающей движение знания с научными революциями и сменой исторически сложившихся картин мира; с построениями Роберта Мертона, в которых наука трактуется как социальный институт и акцентируется плодотворность изучения социальной среды ученого; с идеями этнометодологов, касавшимися наблюдений повседневной жизни групп ученых. Его интересовало также, предлагаю ли я новую парадигму, отличную от известных в науковедении.

В то время я не считал, и в этом отношении мало что изменилось, что в моих попытках изучить становление рекламы и опросов общественного мнения в США и дать анализ недавнего прошлого российской социологии на базе изучения биографий содержится новая парадигма. По моему мнению, сам термин *парадигма* слишком многозначен, на это еще в 1960-х гг. ряд теоретиков указывали Т. Куну, и нередко он используется некритически. За последние десятилетия в науковедении, социологии науки и знания сделано так много, что трудно предложить что-либо действительно новое. Даже в самых инновативных концепциях эксперты увидят продолжение построений, которые предлагались еще учеными в XIX в. или значительно раньше. К тому же все последние годы я был настолько погружен в собственно историко-науковедческие исследования био-

графической окрашенности – решение здесь и сейчас конкретных методолого-методических проблем; сбор труднодоступной информации, совокунно заполняющей чрезвычайно обширное предметное пространство; наконец, анализ собранных материалов, что не мог «со стороны» посмотреть и оценить разрабатываемую методологию. Более того, создание целостной методологической программы изучения того или иного пласта истории российской социологии на основе биографий социологов исходно не обозначалось в качестве самостоятельной цели.

Однако я думаю, что характер задач, которые я ставил и продолжал ставить перед собой, комплекс используемых аналитических приемов, разделяемые мной нормативы научности, стилистика или риторика изложения результатов – все вместе, возможно, содержит элементы новой методологии историко-биографического анализа. Некоторые ее положения я приводил выше, дополнительно о ней можно судить по научным школам и именам ученых, оказавших на меня наибольшее влияние. Однозначного ответа здесь нет, пристрастия менялись во времени, ведь мое ознакомление с историко-наукведческой литературой началось в 70-х гг., хотя тогда эта проблематика явно не вписывалась в круг моей повседневной профессиональной деятельности.

Если говорить о последних годах, когда происходило мое вхождение в собственно исторические штудии, то идеи Тома са Куна явно не довлели надо мной. Но именно так было много лет назад при обстоятельном изучении мной истории физических исследований первой половины XX столетия, которые привели к появлению теории относительности, квантовой физики, другими словами – к совокупности фундаментальных теоретических и эмпирических открытий, изменивших картину мира. Там куновский подход к науке, на ее переходы из одного состояния в другое смотрится обоснованным. Но калибр орудия, сконструированного Куном, слишком крупный для использования в моих явно тактического уровня боях.

Что касается теоретических построений Мертона, то они настолько универсальны и настолько глубоко сидят в сознании всех современных социологов, что в той или иной степени всегда присутствуют в наших рассуждениях. Мне хотелось бы думать, что мой подход к анализу генезиса методов изучения общественного мнения и становления рекламы в определенном смысле дополняет (конкретизирует) модели Мертона, ведь я рассматриваю становление рекламы и науки об общественном мнении на тех этапах, когда они еще не были институционализированы. Да и анализируемая российская реальность в значительной степени относится к тому времени, когда отечествен-

ная социология лишь начинала институционализироваться, и поэтому рассмотрение науки в мертоновских координатах чаще вело бы к констатации отсутствия признаков социального института, чем к анализу институциональных аспектов российской социологии. Вместе с тем, собранная биографическая информация, безусловно, может быть со временем рассмотрена в рамках науковедческого подхода, позволяющего описать историю постхрущёвской социологии с позиций становления социального института.

На мой взгляд, понимание полярности позиций «биографии в истории» и «история в биографиях», с одной стороны, и стремление к их синтезу при исследовании прошлого-настоящего отечественной социологии – с другой, во многом сближают предлагаемый здесь историко-науковедческий подход с рядом положений гуманистической социологии Томаса Лукмана. В частности, это признание весомости, во многих случаях – первичности самоорганизующего начала в становлении российской социологической науки как института. Самоорганизация – традиции, этические коды, особенности коммуникации и прочее – всегда была и остается ведущим фактором развития науки, тем более в период ее зарождения. Гуманистический подход к миру социальных отношений позволяет выявить то прошлое, в котором существовали и работали социологи, понять индивидуальные и коллективные представления о социологии 60–90-х гг. прошлого века.

В некоторых случаях мне казалось обоснованным говорить о целях данного историко-науковедческого исследования как о создании истории «с человеческого лицом», или истории, написанной от лица тех, кто ее делал и делает. Если бы уже в начале разработки этого проекта я был знаком с парадигматикой Лукмана и тем, как он (проект) будет складываться под влиянием эмпирического материала, его можно было бы более прочно связать с собственно «гуманистической» методологией.

Использованный биографический метод входит в арсенал понимающей, феноменологической социологии, и в этом смысле мне близко многое из того, что делается науковедами-этнометодологами, представляется привлекательной синтетичность этого направления исследований, сохраняющего в себе черты экзистенциализма и многих аспектов культурной антропологии. Однако их внимание, если говорить именно о науковедении, в большей степени сосредоточено на рассмотрении генезиса научного знания в процессе анализа смыслов, мне же более интересна личность и природа деятельности ученого.

В целом то, что я пытаюсь делать, скорее относится не к социологии науки, не к тому, что и в российской литературе

часто обозначается аббревиатурой STS (science and technology studies), но к социологии и психологии творчества, в частности научного, и собственно к истории науки, развивающейся в рамках культурологических традиций. Мое понимание личности формировалось давно, в процессе участия в известном ленинградском семинаре Б.Г. Ананьева, при чтении работ Б.М. Теплова, А.Н. Леонтьева, Ж. Пиаже, Л.С. Выготского и И.С. Кона. Если говорить о работах историко-наукоеведческого плана, то это, прежде всего, исследования А.В. Ахутина, Л.М. Баткина. В.С. Библера, А.Я. Гуревича. Но, пожалуй, самое сильное впечатление в свое время оказали на меня историко-биографические книги Б.Г. Кузнецова, В.П. Зубова, А.З. Манфреда, У.И. Франкфурта, И.И. Канаева и некоторых других историков науки. Это одновременно и глубокие научные исследования, и блестящие художественные произведения; в них через анализ судеб и творческого наследия гигантов науки показаны становление и динамика их представлений о картине мира. В этих книгах есть то, что я теперь называю «биографии в истории» и «история в биографиях». Именно эта литература обратила меня к чтению Куна и других науковедов.

Так что методология данного исследования является в полном смысле полипарадигмальной и междисциплинарной. Мне кажется, что это продуктивнее, чем, вообще говоря, всегда мифическая «чистота жанра».

Соглашаясь с этим моим выводом, Ядов все же отнес мой подход к мертонианскому, поскольку в нем выражена попытка уловить воздействие социальной среды на формирование и творчество ученого. Одновременно он фиксировал всплеск увлечения качественной методологией, этнометодологией в частности, не без сожаления отметил увеличение разрыва между объясняющими моделями и понимающими интерпретациями. По его мнению, идеальным было бы совмещение макро- и микроанализа, и здесь он напомнил метафору Пера Монсона о том, что хорошо бы проплыть на лодке по аллеям парка [34].

Грешно отказываться от того, что я «стараюсь схватить воздействие социальной среды на творчество ученого», что мне близки идеи Мертона. Но в той же мере я отношу себя и к марксистам, хотя конструктивистский позитивизм Джорджа Пойи, Имре Лакатоса, Марио Бунге мне всегда был ближе. Вместе с тем замечу, что деятельность моих героев я вижу не как павловско-уотсоновское реагирование на социальную среду, но прежде всего как следствие их личностного отношения к данной среде. Трудно судить, чего в этом больше: мертонианства или следования взглядам этнометодологов.

Так что в свете сказанного двуединство ориентиров исследования – «биографии в истории» и «история в биографиях» – действительно можно рассматривать как синтез макро- и микроподходов. Движение в первом направлении должно выявить, как история, т. е. вся совокупность политических, экономических, социокультурных и иных обстоятельств, формирует, проявляется, отражается в биографиях ученых, творческих личностей. Продвижение во втором направлении должно показать, как эти люди, личности участвовали в создании пост-хрущёвской советской/российской социологии.

Очевидно, что настоящее историко-наукоеведческое исследование формировалось как двухобъектное и является таковым. Первый объект – это история развития определенных разделов научного знания, второй – люди, создававшие эту историю. Каждый объект имеет сложную структуру, и если ядра этих структур могут быть локализованы достаточно четко, то обозначение их границ представляется затруднительным и мало-перспективным. При изучении биографий необходимо быть социологом-партикуляристом, исходить из признания важности множества социокультурных факторов, обстоятельств, формирующих личность человека. Здесь крайне сложно оперировать логическими конструкциями высокого уровня абстракции. Наоборот, лишь позиция универсалиста, или дженералиста, позволяет отыскивать и удерживать в поле внимания множество событий, в их единстве создающих историю. Некоторые философы науки отмечают конвергенцию партикуляризма и универсализма. Междисциплинарность и полипарадигмальность настоящего исследования удерживают меня от необходимости занять крайние позиции в этой дихотомии.

Литература

1. Заславская Т.И.: «Глоток свободы был слишком основательным» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 5. С. 2–4.
2. Кузнецов Б.Г. Разум и бытие. М.: Наука, 1972.
3. Заславская Т.И.: «...Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие – это наука» // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 137–169; см. также Том 2, С. 16–49.
4. Докторов Б., Ядов В. Разговоры через океан: о поколениях отечественных социологов на протяжении полувека // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 3. С. 47 – 60; см. также Том 3, С. 278–304.

5. Жуков В.И. Социология в современной России (доклад на Учредительном съезде Союза социологов России 27 июля 2007 г.) // СОЦИС. 2007. №12 <http://2008.isras.ru/files/File/Socis/2007-12/zhukov_doklad.pdf>.
6. Чагин Б.А. Очерки истории социологической мысли в СССР. Л.: Изд-во «Наука». 1971.
7. Голосенко И.А., Зверев В.М., Лиоренцевич И.Г. Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века / Ред. Б.А. Чагин. Ленинград: Наука, 2003. <<http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/62381.html>>.
8. Социология в России / Под редакцией В.А. Ядова. М.: Изд-во «На Воробьевых», 1996.
9. Социология в России / Под редакцией В.А. Ядова. 2-е изд. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН. 1998.
10. Интервью с профессором И.А. Голосенко // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. №2. С. 5–19.
11. Здравомыслов А.Г. О судьбах социологии в России // Социологические исследования. 2000. №3. С. 136–145.
12. Фирсов Б.М. История советской социологии. 1950–1980-х годов. Курс лекций. Санкт-Петербург: ЕУ в СПб. 2001.
13. Новикова С.С. История развития социологии в России: Учеб. пособие. – М.: Издательство “Институт практической психологии”, Воронеж: НПО “МОДЭК”, 1996 <http://polbu.ru/novikova_hsociology/>.
14. Василенко И.В., Парамонова В.А. История российской социологии. Учебное пособие. Волгоград: ВГУ. 2004 <http://window.edu.ru/window_catalog/files/r25865/volsu449.pdf>.
15. Здравомыслов А.Г. Социология. Теория. История. Практика. М.: Наука. 2008.
16. Кон И.С. Эпоху не выбирают. В кн.: Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 110–131.
17. Здравомыслов А.Г.: «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит – надо искать объяснение в мире людских отношений» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5. С. 2–10.
18. Здравомыслов А.Г. Заметки о времени социологического прозрения. В кн.: Vivat, Ядов! К 80-летнему юбилею: сборник / Ред.-сост. Данилова Е.Н., Козлова Л.А., Козырева П.М. и др. М.: Институт социологии РАН. 2009.
19. Ельмеев В.Я.: «Я был и остался сторонником материализма в социологии» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Том X. № 2.
20. Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауто-рефлексия: В 4-х т. СПб.: Норма. Том 1, 2. 2003. Дата обращения к документу: 09.09.2009. URL: <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>>.

21. *Осипов Г. В.* Возрождение социологии в России: как это было на самом деле / Руковод. изд. проекта Г.В.Осипов. М.: 2008. С. 18–71.
22. Юбилейная научная сессия РАН // Социологический журнал 2008. № 2. С. 150–153.
23. Рабочая книга социолога / Отв. ред. Г.В.Осипов. 2-е изд. М.: Наука, 1983.
24. Марксистско-ленинская социология / Отв. ред. Г.В.Осипов, В.Н.Иванов. М.: Наука, 1988.
25. *Шляпентох В.Э.* Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: ЦСП. 2006; см. также Том 2, С. 128–182.
26. *Докторов Б.З.* Отцы-основатели. История изучения общественного мнения. М.: ЦСП. 2006.
27. *Докторов Б.З.* Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. М.: ЦСП. 2008.
28. *Заславская Т.И.* Избранные произведения. Том. 3. Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: Экономика. 2007.
29. *Кон И.С.* 80 лет одиночества. – М.: Время, 2008.
30. *Кугель С. А.* Записки социолога. СПб.: Нестор-история, 2005.
31. Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999.
32. *Козлова Л. А.* Биографическое исследование российской социологии: предварительные теоретико-методологические замечания // Социологический журнал 2007. № 2. С. 59–87.
33. *Докторов Б.* «Работа над биографиями – это общение с моими героями» (интервью В.А.Ядову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 1. С. 40 – 50; см. также Том 3, С. 174–205.
34. *Монсон П.* Лодка на аллеях парка: Введение в социологию: Пер. со швед. М.: Весь Мир, 1995.

ГЛАВА 2

ИЗУЧЕНИЕ БИОГРАФИЙ И ВОССОЗДАНИЕ ПРОШЛОГО

Электронное биографическое интервью

Исследование биографий современных российских социологов было начато в середине 1990-х гг. Г.С. Батыгиным и его коллегами. Первый опыт работы в этом направлении был обобщен в книге [1]. После его смерти это направление в изучении истории отечественной науки продолжили Л.А. Козлова и Н.Я. Мазлумянова. Значительное число биографий, прежде всего социологов, работающих на социологическом факультете Петербургского университета, в последние годы опубликовано на страницах «Журнала социологии и социальной антропологии». Несколько биографий ученых, причастных к разработке проблематики экономической социологии, собраны в небольшой книжке В.В. Радаева [2]. Весь этот материал в той или иной мере используется в настоящей работе.

Однако центральное место в ней занимает биографический архив, созданный мной в 2005–2011 гг. Его основу составляют обстоятельные интервью, которые я проводил по электронной почте. Еще одним источником информации является значительный по объему – в несколько тысяч единиц хранения – архив моей многолетней электронной переписки с большим числом российских социологов разных поколений. Правда, замечу, что использование этой части архива будет крайне редким и ограничится приведением лишь фрагментов писем. Объясняется это двумя обстоятельствами.

Во-первых, в большинстве случаев эти письма не содержат интимных сведений, тем более нет в них и никакой секретной информации, однако, как правило, они носят личный характер, и с их отправителями не оговаривалась возможность последующей публикации написанного ими. Естественно, не используются письма, имевшие приписку типа «сообщаю только для тебя/вас». Во-вторых, обычно содержание письма является развитием давно начатого разговора, таким образом, цитирование даже краткого фрагмента текста предполагает описание предистории той или иной дискуссии, что невозможно по многим причинам.

Теперь опишу подробнее применявшийся метод сбора данных, в частности приемы формирования респондентского массива.

К рубежу 2004–2005 гг., когда настоящий проект начинался, я уже несколько лет наблюдал за развитием в США технологии онлайн-опросов при изучении общественного мнения, в том числе опроса с помощью электронной почты. В то время эксперты указывали на множество достоинств онлайн-опросов, но в качестве главных недостатков отмечались трудности в достижении репрезентативности опроса и незначительное число откликов потенциальных респондентов на предложение об участии в опросе. Понятно, эти обстоятельства не могли серьезно осложнить схему задуманного исследования, поскольку оно априори не имело атрибутов массового выборочного опроса. И все же у меня и у ряда моих коллег, с которыми я неформально обсуждал начало работы и ее методический замысел, были сомнения в перспективности и качественности проведения интервью по электронной почте. Мне и сейчас не известны работы историко-биографической направленности, где использовалась бы эта методика, а в середине «нулевых» это было крайне новым и необычным. Прежде всего, высказывались опасения по поводу того, что электронная почта слабо освоена российскими социологами, в том числе – представителями старших поколений, и возникнут препятствия для поиска респондентов. Помимо этого, существовало и существует

множество вопросов, касающихся организации электронного биографического интервью и главное – специфики общения, возникающего между спрашивающим и отвечающим. Так или иначе, но итогом анализа критических аспектов и достоинств этого метода (к примеру, простота, дешевизна) стало решение о начале проведения опроса.

Живя постоянно в крошечном американском городке, редко и ненадолго приезжая в Россию, я понимал ограниченность моих возможностей в изучении истории современной российской социологии. Очевидно было, что я не смогу в полной мере использовать такие традиционные и эффективные методы исторических поисков, как работа в российских архивах и библиотеках, посещение научных центров в различных частях страны и встречи с большим числом социологов, обсуждение «лицом к лицу» промежуточных результатов исследований со специалистами. Не было у меня долгих рассуждений по поводу технологии интервьюирования – использование электронной почты оставалось единственным способом получения новой эмпирической информации. Мои интервью, во всяком случае на первых порах, были продолжением неформальной переписки с моими коллегами, которые и стали первыми «респондентами». Накопленный к тому времени опыт историко-биографических исследований однозначно запрещал мне конструирование жесткой анкеты и ее массовую рассылку. Только подчеркнуто личное общение.

Беседа о жизни человека – всегда штучна, интимна, ее развитие во многом определяется тем, как мы слушаем этого человека, как реагируем на сказанное (в моем случае – написанное) им. Иногда по развернутому, детальному ответу чувствуешь, что попал в дорогую для собеседника «точку», нащупал то, о чем ему самому давно хотелось рассказать. По содержанию ответов, их аргументированности и детальности можно было попытаться понять, интересна ли респонденту та или иная тема или она не казалась ему заслуживающей обсуждения. Но бывает, что ответ явно (или скрыто) указывает на нежелательность обсуждения предложенной темы или конкретного фрагмента жизни интервьюируемого. В таком случае я не настаивал, переходил к новой теме.

Все электронные беседы строились примерно по одному плану, поэтому можно говорить о присутствии во всех интервью ряда общих информационных блоков. Однако все беседы были сугубо индивидуализированными по набору и последовательности вопросов, по динамике развития линий жизни, степени открытости обсуждаемых тем, ритмике и литературному стилю. Все это формируется в процессе интервьюирования и во

многим определяется личностными особенностями респондентов, их жизненным и профессиональным опытом и, конечно же, особенностями их взаимоотношений. Это данность, которую нельзя не учитывать, и иного не могло быть. Более формализованная, жесткая схема беседы противоречила бы стремлению к максимальному раскрепощению респондента и приданию интервью духа мемуарности.

Биографическое интервьюирование людей, достигших определенных успехов и признания в своей профессиональной деятельности, во многом отличается от других видов, форм, типов социологического интервью. Особенно если респонденты – социологи, десятилетиями использовавшие различные формы опроса населения и его отдельных групп. Ибо в таком случае беседа становится специфической, многошаговой рефлексией опрашиваемого и опрашивающего по поводу задаваемых вопросов. Это аналогично тому, что испытывают два опытных врача при обсуждении болезни одного из них.

Проблема отбора респондентов возникла сразу, но специфика сбора данных – личные и весьма продолжительные интервью по электронной почте – не требовала предварительного ответа на все просматривавшиеся на старте работы методические и организационные вопросы комплектования выборки. Интервьюирование можно было начинать сразу, поскольку границы изучаемой совокупности в целом были ясны и несколько «жестковаты» для проведения первых опросов были намечены без особых затруднений.

Посителями информации о становлении постхрущёвской российской социологии являются люди, которые участвовали в этом процессе, задавали его основную конфигурацию и непосредственно наблюдали все происходившее. В начале работы предполагалось, что исследование прежде всего будет фокусироваться на рассмотрении процессов, протекавших в относительно узком временном интервале – конец 1950–начало 1980-х гг. В те годы, особенно в первой половине указанного отрезка времени, научных центров было немного и не существовало широкой системы профессиональной подготовки социологов, генеральная совокупность (здесь этот термин очень условен, так как он относится к методологии выборочных опросов) настоящего исследования виделась достаточно ограниченной. Однако ее границы были расплывчаты, и ее полный охват был невозможен. Многих участников этого процесса уже нет в живых; кто-то отошел от социологии. Ряд специалистов, внесших заметный вклад в развитие советской социологии, теперь живет в независимых постсоветских государствах, и хотя многие из них активно продолжают свою профессиональную

деятельность и их воспоминания могли бы быть крайне ценными, на настоящем этапе работы я не включил их в изучаемую общность.

Весьма скоро обнаружилась ошибочность установки на интервьюирование лишь представителей первых поколений социологов. Сама логика исследования подвела к необходимости обращения к биографиям социологов следующих когорт.

Начинать опрос следовало по возможности быстрее, поэтому первым критерием для отбора респондентов оказалось наличие у них электронной почты. Практика показала, что это не слишком жесткий критерий; – в начале нового века электронная почта подавляющим числом социологов старших поколений уже была освоена. Вместе с тем то, что некоторые из потенциальных респондентов не пользуются электронной почтой, сделало невозможным проведение с ними интервью.

Второй критерий – возраст опрашиваемых. Ниже данная тема рассматривается подробно, сейчас лишь замечу, что первоначально это были ученые, возраст которых варьировал в узком возрастном промежутке: старшие приближались или уже отметили 80-летие, младшие перешагнули 60-летний рубеж. Ведь именно эти ученые могли многое рассказать о прошлом. Позже возрастной интервал был расширен, и я стал опрашивать более молодых социологов.

Третий критерий – успешность деятельности ученых. Она не связывается напрямую с наличием степеней и званий, должностным статусом, количеством опубликованных работ и т. д. Речь идет скорее о признании потенциального респондента профессиональным сообществом. (Сводная информация об участниках настоящего исследования приведена ниже, Гл. 4, раздел «Матрица биографий».)

Безусловно, значимым фактором в выборе собеседников является характер моих личных отношений с потенциальными респондентами, особенно важным это было в начале работы. И я ценю их согласие – ведь решиться на биографическое интервью нелегко. Во-первых, это трудоемкое дело: приобрести некий опыт, я предупреждал, что беседа будет длиться не менее двух–трех месяцев. Во-вторых, говорить о себе – дело сложное. Это не просто воспоминания, но осмысление прожитого, тем более в «присутствии» множества потенциальных слушателей, т. е. будущих читателей.

Было естественным начинать изучение прошлого с анализа биографий тех, кто стоял у истоков советской социологии и кто шел непосредственно за ними. Именно они формировали социологическое знание о жизни советского общества во второй половине XX в., и позже – так распорядилась история

– им пришлось закладывать основы социологического изучения современной российской действительности. Исследование биографий социологов-первопроходцев – это не некая периферийная тематика, изучение которой можно было отложить на будущее; оно – одно из центральных для понимания процесса зарождения современной отечественной социологии и многих особенностей ее развития. К тому же в памяти этих людей хранится уникальная информация о становлении социологического знания и функционировании нашего социологического сообщества.

Трое из уже названных выше ученых, с опроса которых начинался рассматриваемый процесс – Я.И. Гишинский, Б.М. Фирсов и В.А. Ядов, – известны специалистам России и многих стран; к тому же они обладают высшими учеными степенями и званиями, являются почетными докторами ряда университетов и членами международных профессиональных ассоциаций. Поэтому можно утверждать, что, каковы бы ни были критерии формирования массива для проведения биографического интервьюирования, они были бы включены в него.

Биографическое интервью я определяю, прежде всего, как специфическую форму коммуникации между доверяющими друг другу знакомыми (необходимо иметь в виду разную степень знакомства) людьми. Интервью превращало наши отношения в определенном смысле в неравные (интервьюер – респондент), и, таким образом, каждый брал на себя новые коммуникационные функции. В настоящий момент, проведя свыше четырех десятков интервью и несколько раз выступив сам в качестве респондента, я отдаю себе отчет в том, насколько сложны и ответственны эти роли в диалоге, где предметом обсуждения является биография, профессиональная деятельность одного из участников беседы.

Таким образом, еще до начала опроса жанр задумывавшихся интервью трактовался как синтетический, соединяющий в себе черты мемуаров и исторического исследования. Историзм возникал уже постольку, поскольку темой интервью были значимые для человека события его профессиональной жизни (а у подавляющего числа опрошенных другой жизни фактически и не было), мемуарный аспект – поскольку не предполагалось ограничивать опрашиваемых в их праве освещать то, что они наблюдали, что с ними происходило, так, как это виделось им.

Фактор личного знакомства с большим числом социологов России на первых порах имел большое значение: дело было новым и, естественно, приходилось рассчитывать на дружеское понимание и поддержку людей, которых я давно знал и считал

своими друзьями. Но на каком-то этапе в силу многих причин пришлось искать и других, новых потенциальных респондентов. Самый простой путь – в теории выборки он называется методом «снежного кома» – просить коллег называть тех, кого, по их мнению, следует опросить в рамках развивающегося проекта. Так, в ходе интервью Ядов дал очень высокую оценку работам А.Б. Гофмана, специалиста по истории западной социологии, известного мне тогда лишь по его публикациям. Отправленное Гофману электронное письмо, в котором формулировались цели биографического опроса и перечислялось уже сделанное, а затем короткий телефонный разговор с ним имели позитивный отклик. Так я начал опрашивать социолога, с которым лично не был знаком; познакомиться с ним мне удалось лишь в середине нашей беседы, когда я был в Москве. К настоящему моменту уже накоплен определенный опыт ведения биографического электронного интервью с людьми, с которыми я совместно не работал, и даже с теми, с кем никогда не встречался. Таким образом, личное знакомство – фактор, который упрощает коммуникацию и облегчает первые этапы проведения интервью, но не ограничивает область использования рассматриваемого метода.

Обращаясь с предложением об интервью, я всегда говорил не только о важности получения информации о жизни и работе моего потенциального респондента, но и об ответственности каждого, кто работает в социологии, за то, чтобы наша история была максимально полной, представительной. Тем не менее, далеко не все мои обращения к коллегам – знакомым и незнакомым – имели положительный отклик. Кто-то объяснял свой отказ занятостью, кто-то нерасположенностью к использованию электронной почты, кто-то отсутствием установки на рассказ о себе.

Были случаи, когда респонденты старались свести рассказ о себе к минимуму. Так, начав интервью с Б.И. Максимовым, с которым к моменту опроса мы были знакомы около четырех десятилетий, с ряда общих вопросов, я через некоторое время предложил перейти к собственно биографической тематике. Но он ответил: «Так то так, но я не хотел бы выпячивать свою автобиографию, по крайней мере, начинать с нее. Во-первых, полная автобиография – это необъятно, во-вторых, я человек скромный. Разумеется, мне не обойтись без автобиографического стиля, но я хотел бы ограничиться приключениями в сфере социологии. Говорить хотя и о себе, но через социологию, и через себя о ней в основном, личное подавать через социологическое (или наоборот)» [3, С. 4]. И затем, уже подходя к середине интервью, я еще раз попросил моего собесед-

ника рассказать о родительской семье, обучении в школе и т. д. И после замечания: «Ты все же настаиваешь на автобиографических вопросах. Ну, что ж делать... только кратко!» он начал рассказ о себе.

Замечу: отказ кого-либо от участия в интервью не означает, что информация об этом человеке, его жизненный опыт и профессиональный путь автоматически не были отражены в книге. При необходимости такие данные можно было найти в уже опубликованных интервью с ним или в мемуарной литературе. Сказанное относится лишь к представителям старших поколений (первого и второго) социологов, но оно практически не распространяется на биографические интервью с учеными третьего поколения; мне не были известны беседы подобного типа и с социологами четвертой когорты.

Условиями проведения интервью оговаривалась его последующая, причем скорая, публикация; этот факт имел серьезное, системообразующее значение как для характера общения «интервьюер – опрашиваемый», так и для результата электронной беседы. Каждый понимал, что, с одной стороны, сказанное вскоре станет опубликованным и заживет своей собственной жизнью. Пройдет время, какие-то факты, события, обстоятельства, приведенные в интервью, будут проверены и приняты профессиональным сообществом и, как результат, войдут в историю социологии; рассказы, воспоминания о людях помогут восстановить коммуникационные сети, существовавшие в разные периоды развития отечественной социологии, и лучше понять пути ее движения. С другой стороны, что-то окажется неверным, ошибочным с исторической точки зрения, противоречащим документам и воспоминаниям других участников описываемых событий. Это вполне возможно, ибо жанр интервью, характер общения не предполагает того, чтобы опрашиваемый при описании своей жизни постоянно сверял воспоминания с какими-либо записями, документами. Да чаще всего это и невозможно.

Как интервьюер и одновременно исследователь, я позволял себе – но каждый раз старался делать это максимально тактично – просить моего собеседника развернуть, детализировать тот или иной фрагмент описания и очень редко – снять какие-то факты или утверждения. Конечно, тем самым я вмешивался в ход повествования и препятствовал тому, чтобы то или иное событие прошлого стало публичным. Но я старался это делать только в случаях, когда предполагал, что оглашаемая критическая информация, особенно касающаяся умерших наших коллег, имеет скорее межличностный, чем общественно-профессиональный характер, и потому она мало существенна

для описания и понимания процесса становления отечественной социологии. Это – первая причина моего «редакторского» вмешательства в текст интервью. Вторая причина – технологическая – это ограниченность журнального пространства, где проходила первоначальная обкатка материалов – всего два печатных листа. Что касается собственно редакторской правки, то она была минимальной: мне хотелось сохранить не только смысл высказываний моего собеседника, но и присущие ему особенности письма.

Довольно быстро сложился режим общения в ходе беседы: я старался высылать новые порции вопросов вскоре после получения ответов, понимая важность, необходимость использования «сегодняшнего» настроения моего собеседника на воспоминание и описание былого. (Речь идет об использовании инерции движения.) Но при этом мне не хотелось торопить моего собеседника с ответом, я делал это лишь в тех случаях, когда работа завершалась и подготавливалась к публикации. Обычно интервью продолжалось 3–5 месяцев, но были и рекорды обоих типов: быстрые – несколько недель и долгие – более года.

Вопрос редактирования текстов интервью имеет разные аспекты. Прежде всего, отмечу, что в процессе сбора биографической информации я выступал не как «киберинтервьюер», диктующий респонденту вопросы, сформулированные неким анонимным исследователем, но как аналитик, преследующий определенные научные цели. Потому я в той или иной мере ограничивал пространство высказываний моего собеседника и фокусировал его внимание на темы, интересные мне. Таким образом, редактировать тексты приходилось постоянно, но сложнее всего было готовить материалы к публикации. Дело в том, что, неспешно начинаясь и развиваясь, интервью с какого-то момента стремительно набирает темп и наращивает объем: человек осознает, что ему предоставлен редкий случай рассказать о прожитом и сделанном, и не известно, будет ли у него еще когда-нибудь подобная возможность, а если да, то как скоро. Таким образом, завершить интервью, прервать поток воспоминаний часто оказывается не легче, чем ответить на первые вопросы. Начинать страшно, завершать – грустно, а может быть, наоборот.

Теперь еще об одной стороне вмешательства в процесс интервьюирования, о которой приходится постоянно помнить и понимать, что это – неизбежно. Своими вопросами интервьюер провоцирует ответы собеседника, вынуждает его размышлять относительно тех событий и тех людей в его жизни, о которых в силу тех или иных обстоятельств ему не хочется вспоминать. И это не обязательно что-то неприятное или тяжелое. Может

быть, наоборот, очень близкое человеку, но то, что он не хотел бы открывать другим. Безусловно, власть интервьюера весьма условна, тем более в избранной форме проведения интервью, и все же она существует. И не каждый из собеседников может напрямую отказаться от ответа на присланный вопрос или от размышления по предложенной теме. С одной стороны, сказанное высвечивает этическую сторону процесса интервьюирования. С другой стороны, интервью, о котором здесь идет речь, трактуется как инструмент исторического, науковедческого исследования, и – возможно – такая его целевая ориентация «разрешает» интервьюеру проявлять некую настойчивость – не разрешаемую повседневной этикой общения – в его устремлениях к поиску информации о прошлом.

Опыт написания биографий людей творческого труда, в том числе советских/российских социологов, и биографического интервьюирования позволяет мне проводить аналогии этих процессов с тем, что мы наблюдаем и переживаем, знакомясь с людьми, совместно с которыми нам предстоит что-либо сделать. Сначала – встречаемся и взаимно представляемся, потом – выполняем задуманное, и наконец наступает момент расставания. И, как в реальной жизни, биографическое портретирование – создание биографий или беседа с человеком о нем самом – может быть легким или трудным, совместный труд может вызывать или не вызывать чувство удовлетворенности, а расставание может произойти, но может и не произойти. Очевидно одно: невозможно в процессе общения с человеком оставаться равнодушным к нему. Однако конкретика возникающих отношений детерминирована многими обстоятельствами, которые, по-видимому, можно объединить в две группы. Первая включает в себя личностные черты «биографируемого», которые могут импонировать биографу, но могут и не нравиться ему. Вторая группа складывается из параметров внешнего, оболочечного типа, например, успешности профессиональной деятельности человека, тесноты его связей с другими действующими лицами историко-биографического исследования и множества других личностных и средовых обстоятельств.

Методология биографических интервью не дает однозначного ответа относительно права интервьюера-исследователя рекомендовать респонденту воздерживаться от резкостей. Есть точка зрения, согласно которой все произнесенное опрашиваемыми должно сохраняться, ибо эти оценки – часть жизненных реалий и характеристика сознания людей. Теоретически это положение мне импонирует, в нем есть логика, но на практике следование ему способно привести к появлению в печати массы заявлений, суждений, потенциально «напрягающих» наше

и без того далекое от единства социологическое сообщество. Если бы собираемые сейчас интервью лишь «складировались» для публикации в середине XXI в. или позже, то, возможно, в них надо было бы все сохранять: пусть разбираются во всем следующие поколения социологов. Но тексты интервью публикуются сейчас, и потому мне не часто, но все же приходилось отдельные высказывания моих респондентов корректировать или просто не публиковать. Я благодарен всем, кто, осознавая ответственность за сказанное, воспринимал это с пониманием.

Получив первую порцию вопросов, респондент отвечал на них и высылал мне ответы. Я старался в течение нескольких дней все прочесть и выслать новые вопросы. По моему представлению, это должно было убедить опрашиваемого в том, что мне не безразлично, о чем он пишет, что я со всем знакомлюсь и жду его ответы. Одновременно это позволяло респонденту сохранять инерцию воспоминаний, держать ритм общения. Представьте себе, что в живой беседе вы просите собеседника рассказать о себе, о своем детстве, о родителях, но когда он начинает отвечать, вы не слушаете его, часто отвлекаетесь. Будет он с вами откровенен?

Такова общая схема проведения интервью, однако, встречались и некоторые отклонения от нее. Большинство из биографических бесед строились в строго линейном порядке: от детства респондента до времени опроса. Но иногда сюжет интервью развивался в ином ключе. Как правило, это было вызвано тем, что я недостаточно знал моего собеседника до начала интервьюирования, и поэтому, прежде всего, приходилось лучше ознакомиться и с областью его научных поисков. Несколько варьировала и степень «мягкости» электронной беседы. В общем случае это было неформализованное анкетирование. И в целом такой прием эффективен – ведь общая историческая направленность исследования должна быть конкретизирована применительно к собеседнику: его научным интересам, поколенческой принадлежности, опыту работы по той или иной проблематике. Однако в ряде случаев развитие беседы свидетельствовало о том, что вопросы не столько помогают человеку, сколько сковывают его. Тогда я старался задавать более общие – стратегического плана – вопросы, а в работе с Е.А. Здравомысловой возникла схема, получившая название интервью-эссе. Были сформулированы лишь несколько тем для ее воспоминаний, а все остальное я оставил на ее усмотрение.

У каждого метода сбора информации есть позитивные и негативные стороны; это относится и к электронному интервью. Тем не менее, соотнося цели и характер проводимого историко-наукоедческого исследования и возможности онлайн-интервью

беседы, я склонен оценивать этот метод весьма высоко – в определенных отношениях он представляется мне более эффективным, чем живое интервью. Мне приходилось давать интервью «под диктофон» и отвечать на вопросы, получаемые по электронной почте. И я отдаю предпочтение второму варианту. Этот метод оказался релевантным целям настоящего исследования, он комфортен для опрашиваемого и информативен для исторического поиска.

Во-первых, онлайн-беседа – это «мягкая» форма анкетирования, позволяющая респонденту обстоятельно ознакомиться с вопросами, настроиться на ответы, выбрать подходящее для работы время и отвечать на вопросы с той степенью развернутости, которую он считает необходимой. Он может спокойно подумать, вспомнить что-то, обратиться к документам или дневниковым записям, которые многими ведутся на протяжении десятилетий, уточнить кое-что по своим публикациям и лишь затем отвечать. У отвечающего есть возможность *многократно редактировать* свои ответы, дополнять их, вспоминая нечто важное.

Во-вторых, постепенно интервью превращается в диалог: спрашивающий и отвечающий имеют возможность уточнять вопросы и ответы. Случалось, что респондент возвращался к вопросам, на которые он уже ответил, и дополнял сказанное несколькими страницами текста. Обычно такие дополнения – о «наболевшем», давно хранившемся в памяти, но почти забытом – это более личностное, чем сказанное ранее. Это – мемуарность.

В-третьих, почти всегда переписка, относящаяся непосредственно к интервью (повторю, в целом оно длится несколько месяцев), дополняется, окаймляется обсуждением многих тем, выходящих за рамки предмета. И это придает самому интервью более неформальный, дружеский тон, сближает опрос с беседой. Нередко переписка – конечно, уже не с такой регулярностью – сохраняется и после завершения интервью.

В-четвертых, в этом методе интервью, в отличие от, скажем, беседы под диктофон, интервьюер не сидит напротив и своим присутствием (молчанием или взглядом, нетерпением или репликами и т. д.) не влияет на мнение респондента. Нет ощущения цейтнота; напротив, у респондента нет необходимости отвечать слишком быстро и кратко на вопросы, требующие не просто размышлений, но точной датировки и развернутой аргументации. Человек остается сам с собой, он думает и пишет, отвечая даже не на сам вопрос, а на собственную версию этого вопроса. Мне не раз приходилось видеть, что мой собеседник понимал вопрос не так, как я предполагал. Вот эта свобода рес-

пондента в интерпретации вопроса, в выборе времени для ответа, а также пребывание в привычной для него (как правило, домашней) обстановке сближает ответы человека с тем, как если бы он просто записывал свои воспоминания.

После публикации текстов нередко люди, давно знающие человека, рассказавшего о себе, отмечали, что в интервью он – узнаваем, чувствуются его интонации. Значит, беседы были по-настоящему обстоятельны, исповедальны.

Биография и судьба

Существует некая сила, детерминирующая долгосрочные научные интересы ученых, удерживающая их десятилетиями в одном объектно-предметном пространстве, которое, конечно же, расширяется во многом благодаря их исследованиям, но которое вместе с тем хранит свое качественное своеобразие. Как они открывают для себя эту нишу? Как происходит ее освоение? Что не позволяет им покинуть ее и какие факторы или причины, наоборот, вынуждают ученых оставлять сделанное и обживать новые исследовательские пространства? В какой мере эти переходы плодотворны для ученого и науки? Это вопросы, на которые ищет ответы историческая наука.

Может быть описан набор внешних обстоятельств, которые влияют на поиски человеком своего жизненного пути, помогают или ограничивают выбор им главного в жизни дела, регламентируют характер и процесс его работы и возможности профессионального общения. Но практика показывает, что в сходных ситуациях одни творческие личности (в частности, речь идет о социологах) быстро находят «свою» область рационального и чувственного освоения и, несмотря на множество различных проблем и препятствий, которые им приходится преодолевать, чувствуют себя в ней комфортно, долгие годы неистово обследуют ее и добиваются заметных результатов. Другие, часто не менее одаренные, пробуют что-то, но, не испытывая удовлетворенности, пытаются найти себя в новой области. Иногда на определенном этапе поиск завершается успехом; человек находит свое дело и тем самым – себя. Третьи – так все время и мучаются, понимая, что жизнь уходит, а родное дело не найдено. Человек не распознал себя, не понял себя. Но бывает и так, что обстоятельства вынудили его отказаться от «себя».

Итогом анализа интервью должна быть история советской/российской социологии как она видится ее создателями, но невозможно обойти вниманием темы более общего характера. Что такое биография? Как биография соотносится с судьбой?

К какой области науки относится изучение биографий? Какие методологические принципы лежат в основе понимания личности ученого? Эти и подобные вопросы постоянно напоминают о себе в процессе интервью и при анализе собранной информации. Нередко сама практика «по ходу дела» подсказывает ответы на них. Но вряд ли имеет смысл останавливаться на описании процедуры поиска решений подобных прикладных, частных задач, можно лишь сказать, что в общем случае эти решения являются проекцией неких общих исследовательских представлений, установок и подходов на конкретную проблемную ситуацию. Вместе с тем имеет смысл определить, что в данной работе понимается под биографией и судьбой.

Историком и искусствоведом И.Ф. Петровской [4] обосновано научное направление «биографика», призванное дать методологию изучения биографий. Биографика как специальная область исторической науки включает в себя разработку теоретических проблем познания биографии и закономерностей человеческой жизни, а также – собственно биографическое знание. Целостную биографию она понимает как повествование об истории индивидуального жизненного пути от его начала до конца; биография – больше, чем хроника жизни и творчества, в ней должно присутствовать понимание целостности прожитого человеком.

По мнению Петровской, воссоздание целостной биографии человека предполагает знание его жизненного пути, а также условий его жизни, включая быт, формы досуга и т. д. Внесоциального, внеисторического человека не бывает, познание индивидуального жизненного пути предполагает и изучение эпохи, в которой человек жил. Эпоха – не «исторический фон», а партнер человека на протяжении всей его жизни. Следовательно, значимой оказывается личная позиция человека в исторических событиях: участие или неучастие в них, их восприятие и оценка. В изучение индивидуального жизненного пути входит изучение эпохи и среды. Жизнь – это не только события, но и их переживание, следовательно, большое значение имеет также область чувств человека. Вникая в характер личности, приходится учитывать, что в нем сосуществуют «ведущие» и «второстепенные» черты, которые могут дополнять друг друга или контрастировать друг другу.

Аналогичный взгляд на биографию высказан социологом и культурологом Б.Н. Дубиным, но он жестче, на более высоком уровне обобщения выделяет в ней два неразрывных аспекта. С одной стороны, биография – это «схема упорядочения собственного опыта, авторегулятивная конструкция и в этом смысле компонент системы ориентации самого дей-

твующего индивида. С другой – это косвенное, так или иначе гипотетическое воспроизведение (дублирование) схемы самопонимания и самопредъявления индивида теперь уже другим действующим лицом в ходе его специфического смыслового действия – в ситуации и акте биографирования, биографической реконструкции, “внешнего” понимания, интерпретации апостериори» [5].

Традиционно ученых, изучающих жизнь и творчество выдающихся личностей, называют биографами, словом, производным от био-графия (описание жизни). Это представляется очевидным. Мне ни в коем случае не кажется необходимым нарушать сложившийся порядок, но представляется важным указать на существование несколько необычной, но весьма плодотворной трактовки деятельности по восстановлению образа биографируемых людей. Она принадлежит известному специалисту в области истории и философии физики Б.Г. Кузнецову, автору научных биографий А. Эйнштейна, Г. Галилея, И. Ньютона и других выдающихся ученых и мыслителей. Во введении к своей небольшой автобиографической книге, являющейся коллекцией эссе о встречах с людьми, оставившими неизгладимый след в его памяти (к примеру, Г.М. Кржижановский, В.И. Вернадский, И.Е. Тамм, Ф. Жолио-Кюри, Луи де Бройль), он отмечал, что исследователя прошлого науки и творчества ученых, возможно, более уместно называть «биологом», нежели «биографом» [6]. «Графия» указывает на описание жизни, тогда как не используемый в наше время в его исходном смысле линнеевский термин «биолог» соединяет «Биос» и «Логос» и указывает на *постижение, познание* жизни в ее единстве с окружающим миром.

То обстоятельство, что история науки не сводится к анализу жизненных путей и творчества отдельных социологов, заметно усложняет использование в настоящем исследовании возможностей, вытекающих из «био-логической» интерпретации «био-графического» материала. И все же именно био-логическая «платформа» лежит в основании осуществляемого ниже рассмотрения жизнеописаний.

Согласно Петровской, «биография – это всегда история, рассказ о прошедшем». На мой взгляд, это верно лишь в том отношении, что биография – это описание преимущественно уже того, что состоялось или не состоялось, но было возможным или вероятным, иногда – лишь желанным.

Однако, серьезно написанная автобиография или биография, созданная профессиональным историком, не может быть лишь о прошедшем, само по себе отдаленное время интересно только узкому кругу специалистов. Биография как *био-логи-*

ческий портрет личности, оставившей яркий след в той или иной области человеческой деятельности, значима только в том случае, если прошлое, присутствующее в ней, воспринимается современностью как значимое, и в этом смысле биография, даже человека жившего много веков назад, – это и рассказ о настоящем. Другими словами, «чистого» прошлого в историко-биографических исследованиях не существует.

Историко-методологический анализ сжимает прошедшие годы, приближает прошлое и одновременно заставляет вглядываться в будущее. Или иначе: такой анализ раздвигает границы настоящего, *утощает* его. В историческом взгляде на развитие тех или иных процессов настоящее не ограничивается временными рамками, как-то: вчера, сегодня, завтра, – но задается внутренней логикой этих процессов. События, удаленные от «сегодня» (в его буквальном понимании) на сотни лет, не кажутся далекими, древними, если их следы обнаруживаются в текущей повседневности. Люди, определившие развитие этих событий, оказываются современниками не только своего окружения, но и всех последующих поколений. Изучение прошлого, вырванного, отгороженного от современности, генерирует лишь вопрос: «А что было раньше?», тогда как историческая тематика, встроенная в «настоящее», добавляет к нему: «А что будет потом?».

Так, в рамках исследования постепенно оформилось стремление к постоянному «утолщению» настоящего, переносу из прошлого в современность того, что мне кажется необоснованно забытым, отброшенным. Невозможно освободиться от мысли о том, что настоящее – лишь точка в развитии различных процессов. Пришло осознание того, что прошлое, настоящее и будущее не абсолютны в социальном пространстве-времени, что в каждой его клеточке существует «свое» прошлое, настоящее и будущее.

Обсуждаемая в этом исследовании тема судьбы, в полной мере соотносимая с концепцией «толстого времени» и вписывающаяся скорее в био-логический, чем в био-графический подход к анализу жизненных траекторий, появилась в поле моего внимания в конце 2003 г. после прочтения небольшой книжки Ю.М. Беспаловой о западносибирских предпринимателях [7]. Не сразу, но я обратил внимание на раздел работы, в котором трактовалось соотношение имени, биографии и судьбы. Поскольку речь шла о людях, живших во второй половине XIX–начале XX в., то мне показался естественным разговор об их судьбе. Тогда, по моему представлению, о судьбе было оправданно говорить лишь применительно к персонам прошлого. Но постепенно такое ощущение стало размываться, ему на сме-

ну пришло понимание судьбы, которое, вообще говоря, можно распространить как на людей, жизненный путь которых уже завершился, так и на живущих и продолжающих работать.

Понятие судьбы и все, что его окружает, что с ним связано, восходит к глубокой древности и является предметом анализа, интерпретации, рассуждений религиозных и светских мыслителей, литераторов, исследователей культуры. Судьбу трактуют как рок, как книгу, в которой записана жизнь человека, как «звучащие» или «предупреждающие» знаки, которым человек должен следовать, как нечто родственное предназначению каждого человека, цели и смыслу его жизни. Судьбу рассматривают как некую высшую силу, или меру, устанавливающую баланс между самостоятельностью человека и его зависимостью от высших сил, между выбором и заданностью, или предопределенностью. В некоторых работах биография рассматривается как приближение к заранее предначертанному, в других – как никому не известный абсолютный идеал.

Мой опыт изучения жизненного пути людей, оставивших заметный след в ряде областей науки и культуры, показывает познавательную и методологическую плодотворность разделения биографии и судьбы – понятий близких, но имеющих разную субстанциональность. Для меня биография – это совокупность всех действий и мыслей человека, приходящихся на годы его жизни. Все, что происходит после этого, – дальнейшее движение истории, развитие сферы деятельности, в которой человек работал, и прочее – не в силах изменить траекторию его жизни и окружавшее его некогда социокультурное пространство, ибо все это уже произошло, состоялось, ушло. Но время придает прожитой человеком жизни новый смысл, детерминирует, проявляет его судьбу. Судьба – это комплекс всего, что предопределяет биографию человека (предбиография), наполняет его жизнь (собственно биография) и связано с ним после ее завершения (постбиография). У биографии есть начало и конец, судьба же теоретически бесконечна, точнее сказать – судьба обычно дольше, продолжительнее жизни. Судьба – более многомерна, чем биография.

В рамках биографического анализа можно говорить о трех смыслах понятия судьбы. Во-первых, судьба – это то, с чем человек приходит в мир, каждому что-то дано от рождения. Одним дано воспринять и распознать этот дар, «зов» довольно рано, и тогда комплекс этих ощущений детерминирует ведущие жизненные ценности и установки человека, в частности выбор им профессии. Например, Т.И. Заславская так определила свое решение заняться наукой: «...посвящение жизни науке легко объяснимо: дед и отец были профессорами, и я с детства

знала, что наука – самое интересное и достойное занятие» [8, С. 150]. С особенностями внутрисемейной атмосферы связывает свою судьбу исследователь и А.Ю. Мягков: «Мама хотела, чтобы я стал преподавателем, ученым. Папа тоже никогда не возражал. Он и сам очень многие годы работал со студентами энерготехникума и энергетического института. <...> У нас в доме, как правило, в периоды вузовских сессий... часто бывали студенты с их неизменными тубусами, чертежами и папками. <...> Ко всему этому я за долгие годы настолько привык, что к моменту выбора профессии иной судьбы для себя я уже просто не представлял» [9, С. 5]. Напротив, А.Е. Чирикова лишь благодарит родителей за их невмешательство в ее выбор: «Мои родители... были довольно далеки от той сферы деятельности, которую я себе выбрала как будущую профессию еще в 8-м классе... Я до сих пор благодарна им за то, что они всегда уважали мой выбор. Я была убеждена с 14 лет, что буду психологом» [10, С. 5]. Скорее всего, в ее предбиографии, в необычности истории ее родительской семьи были не замеченные ею или не упомянутые в интервью обстоятельства, определившие направленность развития ее интересов от биологии – что весьма распространено в детстве – к психологии, т. е. к человеку.

Но многим в силу объективных и субъективных обстоятельств не дано ощущение того, что он должен, призван что-то сделать для себя и других, возможно, для человечества в целом. К примеру, в одном из писем В.А. Ядов, характеризую Б.А. Грушина и отмечая близость восприятия ими обоими социологии и жизни, писал о своем друге: «Он по природе человек ДОЛГА, но долга не только перед близкими и своим обществом, но как пророка – долга перед самой историей. Мессионерская черта»⁵.

Во-вторых, судьба, которую человек сам создает своей жизнью; это судьба рукотворная, не унаследованная, не «подаренная», но приобретенная, слепленная самой жизнью человека. В-третьих, судьба – это форма существования человека после его смерти, это жизнь того, что он оставил другим.

В своей давней книге И.С. Коп предпослал разделу, озаглавленному «Биография и судьба», слова И.А. Бунина: «Все человеческие судьбы слагаются случайно, в зависимости от судеб, их окружающих...» [11, С. 170]. Пока наше общество было атеистическим, иногда воинственно антирелигиозным, оно так же формировало все новые поколения. Соответственно обществоведы, в том числе и биографы, могли не учитывать (и не учитывали) фактора религиозности среды и приобщенности

⁵ Электронное письмо В. Ядова В. Докторову от 10 мая 2009 г.

населения и личности к церкви. Тем более что большинство людей скрывало свою религиозность. Процессы, происходящие в последние годы в российском социуме, указывают на то, что эта исследовательская парадигматика в ближайшие годы будет трансформироваться.

В беседах с социологами, особенно при личных встречах, они не раз говорили мне о том, что были крещены в детстве или принимали решение о крещении самостоятельно в юности или в зрелые годы. Однако по договоренности эти факты не входили в финальный текст интервью. Лишь в двух интервью эта информация присутствует: в беседах с М.А.Тарусиным [12] и В.А.Бачининым [13].

Мне кажется, что в историко-наукоеведческих отечественных работах, касающихся становления современного этапа советской/российской социологии, сюжеты судьбо-биографического рода не рассматривались. Прежде всего, это может быть объяснено дальновзоркостью истории, ей необходимо время, чтобы понять и оценить истинные масштабы сделанного тем или иным социологом. Второе: явно существующие методологические сложности в исследовании этой проблемы просматриваются уже на стадии очерчивания того, что такое судьба и как она может анализироваться. И третье: задумываясь, а тем более пытаясь заглянуть в судьбу человека, биограф испытывает определенный душевный дискомфорт; он взваливает на себя огромный груз, погружает себя в сложное нравственное пространство, ведь определение судьбы, если отвлечься от деталей, – это формулирование своего рода приговора. Прав С.С.Аверинцев, указывая на родственность слов «суд» и «судьба». К счастью, сама история, будущее наделены правом отмены, пересмотра решения о судьбе творческого человека, вынесенного его биографами.

В богатой постбиографической жизни исторических личностей невозможно отделить факты от мифов, и дело не в ограниченности информационной базы, а в психологии людей. Например, в уже написанных биографиях Владимира Высоцкого, умершего в 1980 г., сложно отделить правду от мифов, вымысла. И в будущем отфильтровать одно от другого будет невозможно, ибо каждый, кто возьмется за описание его жизни, будет не только читать его стихи, слушать его песни, но вынужден будет постоянно обращаться к тому, что будет опубликовано до него. Аналогичная метаморфоза произошла и с образом Андрея Дмитриевича Сахарова в течение двух десятилетий после его смерти. Одни фрагменты его жизни в силу закрытости тематики, по которой он работал, и сложности для неспециалистов исследовавшихся им научных проблем остаются прак-

тически не известными, анализ и освещение других сторон его жизни, в частности его правозащитной деятельности, нередко крайне субъективизированы, политизированы.

Лишь в исключительных случаях истории, биографы имеют дело с биографиями, как правило же, – с судьбами. И чем более продолжительный интервал времени разделяет биографа и биографируемого, тем тоньше оказывается биографический пласт и тем сложнее выделить его из судьбы. Обычно, к тому моменту, когда ученые, писатели берутся за изучение биографий своих героев, они уже давно пребывают во власти судеб этих людей, «околдованы» ими. В противном случае нет повода для всматривания в жизнь этих акторов. Ведь нередко проходят десятилетия от момента первого знакомства будущего исследователя с именем, фрагментами жизни заинтересовавшей его исторической личности до принятия им решения о направленном познании жизни этой личности и создания ее жизнеописания.

Мифологизация образа человека, «пропитывание» биографии судьбой происходит за несколько десятилетий, а часто и значительно быстрее. И есть моменты, способствующие мифологизации образа того или иного человека, ускоряющие ее. Во-первых, это бедность, неполнота информации о жизни человека, иногда – в силу стечения жизненных обстоятельств, например утраты «материализованного прошлого»: документов, следов деятельности человека, в других случаях это происходит в силу личностных особенностей человека, его стремления «закрыть» свою жизнь от других. К примеру, до недавнего времени весьма скудной была информация о жизни Ю.А. Левады, который добровольно отделил себя от «всех значимых социальных субъектов» (А. Левинсон), отводил друзьям роль не поддерживающих, а не мешающих (А. Левинсон), живший «наедине с собой» (Б. Фирсов). Он сам говорил о себе: «Я довольно одинокий волк всю жизнь» [14, С. 165]. Вышедшие в последнее время книги воспоминаний о Леваде [15], [16] позволяют по-новому увидеть его биографию.

Природа второго обстоятельства коренится в восприятии современниками личностей, оказывающихся в центре важных исторических событий. Так, все перипетии давления властей на Леваду, поводом для которых были его «Лекции по социологии», и его стойкое сопротивление этим акциям сразу внесли его биографию в историю становления советской социологии. Поэтому на протяжении значительной части жизни Левады его биография оказалась вплетенной в его судьбу. Существовал человек, и существовала легенда о нем.

Биографии исторических личностей, написанные в разное время, даже если они базируются на одном и том же фактичес-

ком материале, различны в силу двух обстоятельств. Во-первых, автор, стремящийся написать новую биографию героя, находится в ином поле судьбы последнего, чем те, кто воспринимал его жизнь и дела десятилетиями, часто – столетиями раньше. Во-вторых, данный автор и герой будут находиться совсем в ином коммуникационном пространстве, у них будет иное общение, чем у тех, кто писал на эту же тему раньше. Так, к примеру, личное знакомство с биографируемым может способствовать анализу его жизни и творчества, но может, наоборот, связывать работу биографа.

В общем случае *познание судьбы* предполагает изучение *предбиографии* человека, его *биографии* и *постбиографии*. Исследование предбиографии как части судьбы – мало разработанная тема, хотя в жизни родителей и более далеких предков, а также в достаточно консервативном мире традиций и культуры, в который человек входит сразу после своего рождения (или даже раньше), может быть обнаружено многое для понимания его деятельности. Часто именно это прошлое, не осознаваемое человеком в детстве, но окутывающее его, может оказаться доминирующим фактором его первичной социализации.

Есть еще одно понятие, редко используемое в историко-наукоеведческой практике, но отвечающее установке на биологическое прочтение жизненного пути человека. Это – мания, свойство одновременно личное и надличное, его истоки иногда коренятся в предбиографии, но бывает оно и почти осознанно самоформируемым. Это свойство творческой личности, во многом определяющее ее биографию и, как следствие, постбиографическую часть ее судьбы.

Слово «мания», нередко с негативной коннотацией, используют как категорию психопатологии, но мне хотелось бы вернуться к его базовому греческому значению: страсть, влечение, одержимость, неистовство. В моем понимании, мания – это комплекс разнообразных идей, возникающих у исследователя под воздействием какого-то сложного взаимодействия внешних обстоятельств и внутренних переживаний и детерминирующих его суперактивность в разработке представляющихся ему важными проблем. Обычно это множество идей захватывает сознание человека целиком, порождает его высочайшую сосредоточенность, концентрацию на выделенных им самим познавательных проблемах и заставляет его отказываться от многого, почти от всего ради достижения поставленной научной цели. Естественно, речь может идти как о теоретических проблемах, так и о программах прикладной направленности. Историками культуры и науки нередко подмечаются элементы маниакальности в творчестве великих музыкантов, худож-

ников, поэтов, математиков, ученых-естествоиспытателей и изобретателей.

Анализ процессов зарождения рекламы и технологии массовых опросов в США, а также изучение большого числа биографий выдающихся американских бизнесменов, рекламистов и полстеров позволил мне наблюдать пути становления и характер деятельности большого числа творческих личностей, зажженных своими идеями, совершавших то, что противоречило существовавшим традициям нормального ведения бизнеса или сложившимся представлениям об изучении рынка и массовых политических установок. Каждый из них вошел в историю как «отец» инновации, изменившей жизнь людей и общества. В своем деле они видели некое предназначение, ответ на вызовы прошлого и запросы будущего. Они могли быть одержимыми и были таковыми. Они чувствовали себя свободными и – главное – независимыми от власти, от государства. Они не ждали от него помощи и не выстраивали свои дела, согласуя их с интересами государства. Их жизнь – это торжество личности. В старости у людей всегда много печальных мыслей и тяжелых воспоминаний, но вряд ли все эти люди с грустью думали о том, что государство, власть противодействовали им.

Изучение биографий российских социологов дает иную картину взаимоотношений творца и власти: здесь стремление что-то сделать постоянно осаживалось сверху. Те, кому историей было уготовано в конце 1950–начале 1960-х гг. начать новый этап в развитии российской социологии, шли в университеты, познав тяготы войны, пережив гибель родных, испытав огромную радость Победы. Они гордились своим государством, верили в могущество, силу социализма, были заботливо ограждены родителями, старшими от знания дореволюционной жизни и событий конца 1930-х гг. Они осознанно шли учиться, чтобы лучше узнать мир и чтобы улучшить жизнь людей. То была юношеская одержимость; они прекрасно учились, многие были сталинскими стипендиатами и получали «красные» дипломы, искренне занимались общественной работой по линии комсомола, рано начинали самостоятельные научные исследования.

В период еще сохранявшегося «оттепельного» тепла эти молодые ученые, тогда 30-летние, боролись за конституирование социологии как самостоятельной науки и смогли провести исследования, признанные сегодня классикой советской социологии. Но прошло несколько лет, и многое стало меняться. Планы – разваливались, надежды – улетучивались, возможности для работы и публикации результатов – сокращались, и т. д. Одержимость ученых в познании общества и их предложения по коррекции социальной политики начинали пугать

власть, поддержка властными структурами социологии сменилась подозрительностью к ученым и созданием условий, в которых творчество активно подавлялось.

Усиление цензуры и распространение самоцензуры имело следствием выхолащивание из публикуемых результатов наиболее ценного, нового, могущего будоражить сознание. Высокой степени драматизм присутствует в суждении Левады, высказанном им в начале 1990-х гг., о возможности заниматься интеллектуальной деятельностью во второй половине 1970-х: «Она [возможность], на самом деле, у всех есть. Если кто захотел бы, она бы сохранилась, потому что сплошной завесы не было, стена была дырчатая» [14, С. 165].

Власть еще обращалась к социологам, но одновременно ограничивалась семантика пространства, в котором им было разрешено работать. Выход за «флажки» грозил приостановкой проекта или отлучением строптивых от него. Перед ученым возникали следующие альтернативы: изучение иных ниш социологической проблематики, либо переход в смежные области науки, либо уход из науки вообще. Обращение к биографическому материалу дает массу примеров подобной эволюции жизненных траекторий социологов нескольких поколений. Лишь единицам удавалось, претерпевая множество неудобств и идя на жертвы, не отступить от своих замыслов, демонстрируя некую маниакальность или следование предначертанию судьбы. Одной из отличительных черт хрущёвского и более поздних советских режимов было стремление к унификации поведения личности, и, безусловно, это оборачивалось сокращением допустимых стилей творческого поведения.

Наука развивалась в ненормальных условиях, бессмысленно было думать о реализации своих планов познания общества и участия в его трансформации. Неистовство не могло быть востребовано, обстановка в стране глушила его. Перестройка показала, что молчание и пассивность социологов первых поколений в 1970–начале 1980-х гг. была вынужденной; они были резко ограничены в правах и возможностях.

Об исторических поисках. Как это было

Содержание данного раздела составляют три сюжета. Каждый из них показывает, насколько сложным и одновременно захватывающим является историко-биографический анализ, как много скрывается за высказываниями людей и как быстро казалось бы недавнее прошлое «закрывается», «захлопывает-

ся», и его трудно вытащить на свет. Эти сюжеты конкретизируют методологию настоящего исследования и раскрывают некоторые аспекты его технологии.

Кто на фотографии? Задача с 42 неизвестными

События, давшие толчок этому поиску, происходили свыше сорока лет назад и детально описаны, т. е. приближены к настоящему, их участником – профессором Тартуского университета Л.Н. Столовичем в начале 2000-х гг. Речь идет об известных в свое время, но сейчас, к сожалению, почти забытых семинарах в поселке Кяэрику (Kääriku), недалеко от эстонского города Тарту. В 1966–1969 гг. там собирались социологи, изучавшие теорию и практику массовой коммуникации. Тема первой встречи в октябре 1966 г. была «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации»; второй, в 1967 г., – «Ценностные ориентации личности и массовая коммуникация»; на третьем семинаре в 1968 г. обсуждалась проблема «Личность и массовая коммуникация». В 1969 году состоялась четвертая и последняя встреча социологов. Итоги работы первых трех семинаров отражены в сборниках, но публикацию материалов четвертого запретили партийные органы республики. Как недавно написал Л. Столович, «пустыня уже грозно надвигалась на оазис» [17, С.14].

В тех встречах участвовали молодые ученые, имена, которых вошли в историю отечественной социологии: В.А. Ядов, И.С. Кон, Б.М. Фирсов, А.Г. Харчев из Ленинграда, московские социологи Ю.А. Левада, Б.А. Грушин, Л.А. Седов и философы П.П. Гайденко, Ю.Н. Давыдов и Г.П. Щедровицкий. Свердловчане Л.М. Архангельский и Л.Н. Коган со своими сотрудниками, из Новосибирска приезжал В.З. Коган, из Латвии – А. Милтс. Одно из заседаний вел Ю.М. Лотман. Активнейшую роль в организации встреч и в обсуждениях играли эстонские социологи: Юло Вооглайд и сотрудники возглавляемой им лаборатории социологии при Тартуском университете: Марью Лауристин; Яак Аллик; Пеэтер Вихалемм; Ассер Мурутар; Пауль Кенкман; Миик Титма. Впоследствии они стали видными социальными аналитиками и политическими деятелями независимой Эстонии, представляющими разные политические течения.

В начале 2010 г. Столович любезно согласился предоставить написанный им ранее и опубликованный лишь в Эстонии материал о Кяэрику для переиздания в петербургском журнале «Телескоп». Текст сопровождался групповой фотографией с изображением 61 участника одной из этих встреч. Он не знал,

когда точно был сделан снимок, и сам смог указать лишь имена 16 человек.

Готовя эту статью Столовича для «Телескопа», я подумал, что хорошо было бы указать имена и тех, кого он не знал. При первом взгляде на фото стало ясно, что трех человек будет очень сложно определить: были видны лишь небольшие фрагменты их лиц. Значит, предстояло идентифицировать оставшихся непознанными 42 человека.

Какова была цель этой работы? Прежде всего, я считал, что это отвечает требованию исторического анализа. Пройдут годы, и если не зафиксировать сейчас многое из происходившего 30–40–50 лет назад, но еще хранящегося в памяти участников этих событий, то оно вообще исчезнет из истории. И априори сложно определить, что подлежит поиску и анализу, а что – нет. Во всяком случае, естественным было идентифицировать на фотографии как можно большее число людей. Кроме того, имея опыт исторических поисков, я полагал, что подобное расследование может привести к неожиданным результатам. И действительно, в какой-то момент эта задача трансформировалась из «арифметической» (определить как можно большее число людей на фото) в историко-научную.

Вторая причина, давление которой на меня возрастало по мере уточнения деталей группового портрета, – возникшее в процессе работы желание проанализировать в будущем биографии людей, запечатленных на фотографии. Их вместе свел случай, но поскольку отображенный момент был квантом того социального времени, то он был и частью закономерного. Мне представлялось, что в совокупности жизнеописаний этих людей можно будет нащупать некие *общие тенденции, коллизии* становления и развития жизненных траекторий ученых, входивших в советскую социологию в первом десятилетии после ее второго рождения. Ведь на фото представлены не только авторы ставших классическими для отечественной социологии книг, люди, внесшие большой вклад в социологическое образование СССР/России и Эстонии. На нем – и лица менее известных исследователей, но они – среди первых, кто в советской социологии начинал разрабатывать новые для своего времени предметные области. Наконец, на нем – студенты, аспиранты, только входившие в науку, но к настоящему времени ставшие крупными специалистами. Запечатлены лица социологов, умерших и не успевших сделать всего того, на что они были способны. Есть среди них подвергавшиеся позже жесточайшему давлению со стороны властных структур и в сопротивлении им продемонстрировавшие верность своей

профессии и гражданским убеждениям; есть и ставшие в годы перестройки политиками новой волны; наконец, есть и вынужденные эмигранты.

Размышления относительно перспективы создания биографического портрета группы тогда советских, а теперь – российских и эстонских социологов подвели меня еще к одной проблеме, которая в последние годы заявила о себе в исследованиях по истории советской/российской социологии и которая также обсуждается в ряде проведенных мной интервью. Речь идет о проникновении идей, концепций, методов западной социологической науки в постхрущёвскую советскую социологию. Говорят о влиянии функционализма, позитивизма и феноменологических схем, о присутствии в построениях советских социологов влияния работ американских, французских, немецких, польских авторов. В рамках этой тематики имеет смысл обсуждать роль семинаров в Кяэрику более широко – эффект близкого сотрудничества, даже некоторого единства ленинградской и эстонской социологических школ.

Присмотревшись внимательнее к фотографии, я понял, что знаю некоторых ленинградцев, которых не отметил Столович, но одновременно стало ясно, что одному мне не решить задачу идентификации. Здесь была необходима помощь тех, кто изображен на ней, а также тех, кого я не увидел на снимке, но кто, по моим сведениям, участвовал в семинарах. Мои письма с позывными SOS ушли сразу по ряду электронных адресов. Первой ответила Л.Н. Федотова (ее нет на снимке), ныне профессор МГУ. В одной из девушек она опознала Рениту Тимак, тогда студентку Тартуского университета, многие годы работающую в области социологии массовой информации; я знаком с ней более четверти века. Э.В. Беляев, живущий в США с 1977 г., узнал в одном из молодых людей бывшего сотрудника сектора Ядова, три десятилетия назад эмигрировавшего в Америку.

Вскоре написал О.Б. Божков, он добавил к списку Столовича 15 человек (весьма значимый вклад!) и указал, что снимок сделан 1 апреля 1969 г. Однако, по мнению Столовича, эта дата – ошибочна⁶. Прежде всего, социологи не собирались в Кяэрику в апреле, а обычно осенью – в октябре или ноябре. Так, Столовичу запомнилось, что присутствовавший на одном из семинаров поэт Игорь Губерман, узнавший, что дискуссией будет руководить социологический Сенат, спрашивал у него: «Леня, где у вас тут Сенатская площадь? У меня есть планы на декабрь!» Столович датирует фото осенью 1967 г.

⁶ Электронное письмо Л. Столовича Б. Докторову от 21 декабря 2010 г.

Один из участников группового фото мне показался похожим на Андруса Саара, выпускника Тартуского университета, создателя и руководителя Saar Poll Ltd – известной в Эстонии и за ее пределами организации по изучению общественного мнения и рынка. Я несколько десятилетий знаю Саара и написал ему. Я ошибся, его нет на снимке, но он прислал мне электронный адрес Тимака, которая, как мне и представлялось, могла помочь в идентификации эстонских участников семинара. Действительно, она указала 14 имен членов «эстонской команды», не названных ни Столовичем, ни Божковым. Некоторых их них я знал когда-то, но признать их на фото не смог.

В процессе проведенного поиска из 42 «неизвестных» было идентифицировано 32 человека, т. е. вдвое большее число, чем было приведено Столовичем. Итого, из 61 участника семинара определено 48 имен. Другие детали поиска и все найденные имена приведены в моей статье, в которой комментируются материалы Столовича [18].

Кто перевел книгу У. Гуда и П. Хатта?

Входившие в социологию во второй половине 1960-х гг., не только ленинградцы, помнят перевод книги У. Гуда и П. Хатта [19] по методам эмпирической социологии. Этот неизданный текст многим помог в овладении азами социологических методов. Через четыре десятилетия после описываемых ниже событий на мой вопрос В.А. Ядову, знакомили ли студентов в годы его обучения на философском факультете ЛГУ с основами тестирования и опросными методами, он ответил: «Конечно, о тестах, эксперименте в психологии я знал, но впечатления это не произвело. Гуд и Хатт – совсем другое, так как я понял, что есть эмпирическая социология» [20, С. 9]. По мнению А.Г. Здравомыслова, Гуд и Хатт вооружили первое поколение социологов методами, т. е. грамотными средствами реализации идей, которые сформировались у них самих [21, С. 4].

Тогда отечественных книг по этой тематике не было, и потому перевод играл роль введения в предмет, своего рода учебника для тех, кто делал первые шаги в области сбора и анализа социологической информации.

В моем проекте тема перевода этой книги возникла в 2005 г. в продолжительной беседе по электронной почте с В.А. Ядовым. По его воспоминаниям, все началось с того, что однажды И.С. Кон сказал: «Володя, мне попалась книга Гуда и Хатта о методах социологического исследования. Посмотри, я думаю, тебе будет интересно». «Почему он так решил, – продолжал

Ядов, – не знаю, хотя догадываюсь. В отличие от него, в полном смысле академического ученого, который все время проводил в библиотеке и за своим рабочим столом, я с энтузиазмом занимался общественной работой, бегал по собраниям и прочее» [20, С. 4]. И далее Ядов отметил, что книга произвела на него сильное впечатление. В то время они вместе с А.Г. Здравомысловым создавали первую в стране социологическую лабораторию и одним из ее первых сотрудников стал Э.В. Беляев. По тогдашним воспоминаниям Ядова, «Андрей (Здравомыслов. – Б.Д.) перевел гудов-хаттовский учебник, который долго ходил по рукам в машинописном виде» [Там же]. Но из сопровождавшей интервью переписки с Ядовым у меня возникло чувство некой неопределенности относительно того, кто же переводил книгу. Иногда он говорил об участии в переводе не только Здравомыслова, но и Беляева. К моменту проведения интервью с Ядовым Беляев уже почти три десятилетия жил в США, но в 2005 г. мне не удалось получить от него развернутого ответа по поводу состава переводчиков книги.

Завершив интервью с Ядовым, я обратился за комментариями к Кону. Он написал, что видит свою заслугу лишь в том, что раньше «других понял необходимость эмпирической социологии, выписал нужную книгу и не был собакой на сене, а отдал ее тем, кому она была реально нужна» [20, С. 11; дополнение И.С. Кона]. Получив книгу, он, по его воспоминаниям, «...отдал ее ребятам, среди которых был и мой аспирант Эдик Беляев. Они немедленно начали ее осваивать, и это существенно облегчило их собственный старт». Здесь «ребята» – это, прежде всего, Ядов и Здравомыслов, отчасти и Беляев, ведь в то время в лаборатории было лишь несколько сотрудников.

В 2005–2006 годах я интервьюировал Здравомыслова. В моем архиве сохранился текст интервью (от 4 июня 2006 г.), в котором есть фрагмент, касающийся перевода книги Гуда и Хатта. В полном виде он не вошел ни в одну из опубликованных версий.

Биографический сюжет № 6. А.Г. Здравомыслов

Из лабораторной жизни помню такой эпизод. Я занимался переводом книги Гуда и Хатта «Методы социального исследования». Этот учебник приобрел тогда на свои деньги Игорь Кон, Володя (В.А. Ядов. – Б.Д.) передал мне книгу, и я работал в основном дома. Раз два в неделю я приезжал к машинистке и надиктовывал ей переведенный текст. И вот, когда дело уже подходило к концу, Володя вдруг начал читать мне мораль на тему о том, почему я не бываю в лаборатории и чем это я там вообще занимаюсь? Причем, как это иногда с ним водилось, он стал разговаривать со мной на повышен-

ных тонах. Я напомнил ему, в чем состоит моя работа на данный момент и о чем мы с ним договаривались. Разговор закончился ничем, а через несколько дней я принес всю рукопись книги в распечатанном виде и представил в лаборатории. Каждую из глав мы обсуждали на семинарах. Особенно много времени уделяли вопросам выборки и проверки достоверности ответов респондентов. К сожалению, все экземпляры рукописи после смерти Веры Николаевны (сотрудница В.А. Ядова. – Б.Д.) оказались утерянными [22].

Складывалось ощущение, что основным переводчиком был Здравомыслов, но участие в работе принимал и Беляев. Казалось, что тема исчерпана, в том числе и в связи со смертью многолетней сотрудницы Ядова Веры Николаевны Кауровой, создававшей архив ядовской лаборатории, позднее – сектора, и прекрасно помнившей, что, кто и когда делал.

Однако на рубеже 2009–2010 гг. в интервью с Эдуардом Беляевым вопрос о переводе Гуда и Хатта возник снова. В одном из писем Беляеву я привел отрывок из процитированного выше воспоминания Здравомыслова и получил ответ: «Не помню ничего, кроме того, что я уже сказал. То, что Здравомыслов перевел Гуда и Хатта, для меня, откровенно, открытие. Но, повторяю, я, может быть, просто не помню» [23, С. 8].

Тогда я полагал, что книга Гуда и Хатта была опубликована в виде ротапринтного издания; помнилось, что я читал ее именно в таком виде, но поиски в электронных каталогах ведущих российских библиотек не привели к желаемому результату – работу обнаружить не удалось. Я написал в Москву Л.А. Козловой и попросил ее посмотреть книгу в библиотеке Института социологии РАН. Оказалось, что в библиотеке книги нет, более того, она вообще не была опубликована; этот факт ей лично засвидетельствовал В.А. Ядов.

Опять не легче. Тогда я обратился за помощью в Петербург, к О.Б. Божкову, давно работающему в социологии и заботливо относящемуся к прошлому. Я допуская, что у него может быть один из перепечатанных экземпляров перевода. Так оно и оказалось, в его электронном письме от 4 февраля 2010 г. я прочитал: «Держу в руках машинописный вариант книги Гуда и Хатта... Титульный лист: Лаборатория социологических исследований (для внутреннего использования). Вильям Гуд и Поль Хатт. Методы в социологических исследованиях. Сокращенный перевод выполнен А.Г. Здравомысловым, главы 11, 12 и 13 переведены В.А. Ядовым».

Я был бесконечно благодарен Козловой и Божкову за их помощь, но полученная от них информация еще более запутала ситуацию. Ядов никогда не говорил мне о своем участии в пе-

реводе. Что же произошло? Возникла гипотеза, которая базировалась на общем понимании ситуации, складывавшейся в советской социологии вокруг человека, который эмигрировал на Запад в 1970-е гг., и на одной фразе Беляева из нашего интервью. По поводу его участия в известном исследовании Ядова по ценностным ориентациям личности [24] Беляев заметил: «Я участвовал в “ценностных ориентациях” полностью в построении концепции и вплоть до окончания сбора эмпирического материала. Я был уволен из института в 1973 г. В предисловие к книге Ядов включил упоминание обо мне, назвав меня Черняевым (по его собственному объяснению в личной беседе мне и другим). Это понятно, поскольку я был *persona non grata*» [23, С. 7].

Я подумал, что, может быть, титульный лист рукописи перевода был изменен после отъезда Беляева и вместо его фамилии был указан Ядов. Звоню Владимиру Александровичу, объясняю ему сложившуюся ситуацию. В моем письме Беляеву так описан итог разговора: «...только что говорил с Ядовым... конечно, его память не лучше твоей... он не помнит, как и почему на титуле появилась его фамилия и отсутствует твоя, но – его слова: «В моей памяти Эдик – главный»⁷.

Можно было бы и закончить поиск, ведь оставалось лишь ходить «по кругу». Но одно из замечаний Беляева, которое он внес в ранее написанное, дало надежду на прояснение ситуации. Мне вдруг открылось, что Ядов и Здравомыслов имели в виду один этап перевода, а Беляев – другой. Прошу его указать, когда он переводил, сам ли перепечатывал текст, докладывал ли на семинарах свой перевод, видел ли финальный текст перевода. Вот его ответ:

Последовательность событий была такая:

- 1960–1963: я работаю в лаборатории, и мы все учимся. Андрей (А.Г. Здравомыслов. – *Б.Д.*) должен был присутствовать на этих семинарах. При этом я не переводил (насколько помню) формально весь текст, но делал устно его выжимки и анализ, которые готовил дома. Я ничего не печатал на машинке (насколько помню), но писал все от руки. Никаких формальных записей этих семинаров, моему, не велось.
- 1963–1966: я – в аспирантуре. Иногда прихожу в лабораторию, но далеко не каждый день. Вот в это время Андрей и мог делать формальный перевод. Я еще раз повторяю, что я никогда не знал об этом переводе, для меня это полное открытие, я его никогда не видел. Я узнал об этом

⁷ Электронное письмо Б. Доктрва Э. Беляеву от 8 февраля 2010 г.

переводе впервые от тебя. Почему я думаю, что этот перевод был сделан, возможно, в эти годы? Потому что: а) был один экземпляр книги (по крайней мере, в 1960–1963-м), и он был в моих руках; б) я ничего не знал о формальном переводе; в) ты упоминал, что перевод был найден в архиве Веры Каюровой, которая пришла в лабораторию несколько позже нас первых пятерых (Ядов, Здравомыслов, Водзинская, Орнатский, Беляев), когда проводились семинары; г) Здравомыслов уезжал на год в Африку (не помню год), и, возможно, этот перевод был ему подспорьем в языковой подготовке или в том, ради чего он уезжал в Африку...

- 1966 осенью я снова в лаборатории.

Итак, Беляев первым начал осваивать содержание книги Гуда и Хатта. Он более других был подготовлен к этому благодаря хорошему знанию английского и владению основами математической статистики. Скорее всего, его доклады и обсуждение их на семинарах привели к принятию решения о письменном переводе книги. Это было осуществлено в основном Здравомысловым. Книгу читали многие приезжавшие в лабораторию из всех уголков СССР, Ядов активно использовал материалы книги при подготовке его лекций по методологии социологических исследований, опубликованных в Тарту в 1968 г. [25].

Такова история восстановления одного важного факта, показывающего, какими были первые шаги советских ученых по освоению методов эмпирической социологии.

Дополнение. По следам написанного. Поиск ответа на «простенький» вопрос, кто же перевел книгу Гуда и Хатта, продолжался пять лет. Конечно, это не был ежедневный, непрестанный поиск, но все равно он потребовал значительных усилий и участия многих моих коллег. Поскольку итог этих поисков оказался неожиданным, я разослал еще даже не вполне завершенное описание «расследования» тем, кто был так или иначе вовлечен в изучение содержания книги, ее перевод, кто читал книгу во второй половине 60-х. В ответах были ценные предложения, которые учтены в настоящем издании, но они не касались общего вывода. Особо выделяю реакцию И.С. Кона. И потому, что с его «подачи» начался перевод книги, и потому, что Э.В. Беляев был его аспирантом. Вот ключевая фраза мемуаров Кона: «Андрей Здравомыслов ее перевел...» [26, С. 211], однако в ней не отражена роль Беляева. Это было сделано в коротком письме Кона по поводу описанного выше «социолого-детективного» сюжета:

Биографический сюжет № 7. И.С.Кон

...мне кажется, что картина сложилась. И было так. Я купил книгу (до того, как это сделать, я просматривал ее в какой-то московской б-ке и она мне понравилась; она была довольно дорогой), дал ее Ядову, Беляев там больше всех разбирался в методологии и методике, поэтому не мог ее не читать, потом они подробно докладывали и обсуждали ее по главам (я там не участвовал, но они рассказывали), причем основой были какие-то беляевские заметки. А потом Андрей (А.Г. Здравомыслов. – Б.Д.) сделал полный перевод, который стал доступен и другим социологическим группам. Ядов и его ребята не были собаками на сене и охотно делились информацией с другими. Так поступали не все. <...> Эдик (Э.В. Беляев. – Б.Д.) вообще человек скромный и много из того, что он делал, может не помнить. Для него это не имело особого значения⁸.

Первый Всесоюзный форум социологов. Как воссоздается прошлое

Не раз мне приходилось наблюдать процесс образования из разрозненных обрывков воспоминаний, всплывших в памяти моих собеседников, нечто цельного о событиях, значимых для освещения истории современного этапа российской социологии. Приведу один пример подобного «коллективного восстановления» прошлого. Замечу, все воспоминания были спонтанным. Я не участвовал в описываемом событии, до последнего времени не знал о нем, и, соответственно, никого не спрашивал о нем.

В конце февраля 2010 г. в ходе интервью Э.В. Беляев заметил, что в 1966 г. у него была заметка в журнале «Вопросы философии», подготовленная совместно с В.В. Водзинской. Мое обращение к ряду электронных каталогов не выявило этой публикации, и я попросил Беляева уточнить выходные данные. Через пару дней получаю ответ: «ВФ. 1966, № 10. “Несколько лет эмпирических социологических исследований в СССР. Заметки с Всесоюзного симпозиума по социологии, октябрь 1966 г.”. Это название – перевод с английского. Статья была написана в соавторстве с Верой Водзинской». Продолжение поисков не дало результата, тогда я попросил Беляева поискать этот выпуск журнала в библиотеке Колумбийского университета, в котором он работает. К счастью, этот номер сохранился. Оказалось, что – более четырех десятилетий – и в силу двойного перевода Беляев неточно указал название

8 Электронное письмо И. Кона Б. Докторову от 9 февраля 2010 г.

статьи: «Всесоюзный симпозиум социологов» [27] и имена соавторов. В действительности ими были: Г.И. Саганенко, Ю.А. Дмитриев и С.И. Голод. Приведу некоторые данные из этой публикации, присланные мне Беляевым; это важная статистика и фактология о начале развития социологии в стране – ведь то был первый форум подобного масштаба, и на нем подводились первые итоги в разработке проблем социологических исследований.

Первый Всесоюзный симпозиум социологов состоялся в Ленинграде с 16 по 19 февраля 1966 г., и в нем участвовало 600 человек, 380 из которых представляли различные города страны. В его подготовке участвовали разные организации, в том числе лаборатория социологических исследований при ЛГУ. Согласно анкетированию, среди социологов, участвовавших в симпозиуме, 25 % имели философское образование, 27 – бывшие историки, около 5 % – инженеры и математики. 75 % заявили, что знакомы с методологией и техникой социологического исследования. В выступлении А.А. Зворыкина сообщалось, что в течение 1960–1964 гг. было опубликовано 10 000 работ, значительная часть которых была выполнена в области социологической теории и методов.

Работали четыре секции: методология, методики и техника, математические методы (под председательством В.А. Ядова); технический прогресс и трудовая деятельность (Г.В. Осипов); духовная жизнь общества и личность (Ю.А. Замошкин) и быт, градостроительство, досуг (А.Г. Харчев). Отмечались доклады Т.И. Заславской, О.И. Шкаратана, В.В. Водзинской, А.К. Уледова, И.С. Кона, А.В. Баранова и других социологов по разным исследовательским направлениям. Была в той заметке и критика некоторых работ за их непрофессионализм. Отмечался разрыв между общей теорией (истмат и научный коммунизм) и конкретными исследованиями, а также указывалось на отсутствие системы профессиональной подготовки кадров.

Оценивая тот форум в начале 2010 г., т. е. более чем через четыре десятилетия, Беляев заметил, что с точки зрения сегодняшнего дня социология в тот момент еще не вышла из объятий истмата и научного коммунизма; большинство докладов по теории и методологии были в рамках этих дисциплин. Лишь несколько эмпирических исследований были действительно профессиональными.

Мне показалось важным больше узнать о первой встрече социологов СССР, о том, где она проходила, об обстановке на ней. Но Беляев не мог вспомнить этого.

В те же дни я интервьюировал Т.З. Протасенко. Вот ее ответ на вопрос о том, почему она – в тот момент стенографистка

философского факультета ЛГУ – решила учиться там, а затем начала заниматься социологией (замечу, вопрос никак не соотносился с конференцией):

Биографический сюжет № 8. Т.З. Протасенко

...к социологии интерес появился позже, когда я уже поступила на философский факультет. По-моему, в феврале 1966 года при активном участии факультета и декана факультета В.П. Рожина в Ленинграде на территории главного здания АН СССР состоялся первый Всесоюзный социологический конгресс. Мне это слово – социология – как-то нравилось гораздо больше, чем философия. Приехали любопытные люди. Мне удалось с ними познакомиться, поскольку я частично стенографировала, частично отмечала командировки. Кое-что я послушала. И это меня заинтересовало [28, С. 4–5].

Еще одну дополнительную краску в описание форума (замечу: постоянное расхождение в датах) внес В.В. Колбановский:

В январе 1966 г. в Ленинграде состоялось фактически первое крупное совещание социологов страны. Вслед за ортодоксальным вступительным словом вице-президента П.Н. Федосеева с крупными докладами поднялись на трибуну конференц-зала Ленинградского филиала АН СССР В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов (о структурном функционализме), Р.В. Рывкина (о социальном эксперименте). Уже тогда все эти доклады отличались своей непохожестью на кондовый истмат [29, С. 285].

А вот воспоминания Б.И. Максимова, подобно большинству участников симпозиума начинавшего знакомиться с основами социологии:

Биографический сюжет № 9. Б.И. Максимов

Новые изыскания так и назывались: конкретные социологические исследования. И в эту отдушину ринулись несметные массы обществоведов; энтузиазм конкретного познания охватил всех, многие стали называть себя социологами. Я помню первый социологический симпозиум, проходивший в Ленинграде, в здании Академии наук в 1967 (или 1968) г. Огромный конференц-зал был набит до отказа, люди – часами! – стояли в проходах, толпились в примыкающих помещениях. Атмосфера была почти праздничная. Доклады и выступления, в которых сообщалось, например, о реальном составе читателей библиотек, слушались как откровения, сопровождалась аплодисментами, бесконечным числом вопросов, необъятным количеством желающих самим выступить [3, С. 4].

Крайне ценны воспоминания о симпозиуме Т.И. Заславской, на котором, по ее словам, она «приобщилась к собственно

социологии»⁹. Сказанное ею интересно и тем, что показывает, как быстро, легко складывались тогда отношения между людьми, строившими социологию.

Биографический сюжет № 10. Т.И. Заславская

...Когда делегаты были уже в Ленинграде, партийные органы устали своей смелости и решили срочно переименовать конференцию из *социологической* в *социальную*. В течение ночи общими усилиями пришлось переделывать все растяжки, лозунги, объявления. Даже напечатанная и наполовину розданная участникам программа конференции, содержащая опасное слово «социология», была перепечатана заново. Но какой блестящей и невиданно интересной показалась нам сама конференция! Как интересно было слушать «наших первопроходцев», среди которых, как звезды первой величины, выделялись Ядов, Грушин, Кон, Здравомыслов, Харчев... <...> ...где-то в кулуарах мы встречаемся с Ядовым, коротко знакомимся, и буквально через пять минут я чувствую себя с этим человеком так, словно знала его всю жизнь! Закончив какие-то неотложные дела, В.А. ведет нас... в какое-то небольшое кафе, и в центре нашего внимания сразу же оказались главные в ту пору вопросы развития социологии. В чем-то мы соглашались, в чем-то расходились и спорили, но главное – сразу стало понятно, что «мы одной крови», иными словами, одних ценностей и убеждений. Не случайно чуть ли не в первый день мы перешли на «ты» и стали обращаться друг к другу как Володя и Таня [30, С. 143–145].

В истории социологии, написанной в традициях институционального подхода, можно было ограничиться упоминанием времени первого Всесоюзного симпозиума, указанием количества его участников и перечислением секций. В рамках истории, пишущейся с позиции тех, кто создавал социологию, оказывается важным отразить ее атмосферу. Именно она позволила почти полвека хранить в памяти впечатления о той встрече. Многие помнят, как они впервые в жизни, возможно – единственный раз за всю жизнь, оказались на Стрелке Васильевского острова, шли по набережной Невы вдоль старинного здания Петербургского университета или мимо величественной петровской Кунсткамеры. Как входили со стороны Невы в здание, выстроенное в конце 18 в. Джакомо Кваренги, и поднимались по широкой лестнице, украшенной фреской Ломоносова с изображением Полтавской баталии. Как под портретами известных ученых обсуждали проблемы социологии в комнатах, обшитых деревянными панелями с романтическими орнаментами. Эти люди, читая через много лет

⁹ Электронное письмо В.А. Ядова Б. Докторову от 12 марта 2010 г.

статьи и книги Заславской, Здравомыслова, Кона, Осипова, Ядова и других участников того форума, вспоминали их совсем молодыми и чувствовали и свою причастность к становлению социологии в СССР.

Так, «пошагово», и воссоздается картина прошлого.

Литература

1. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин. М.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999.
2. Экономическая социология в России: поколение учителей / Сост., отв. ред. В. В. Радаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.
3. Максимов Б.И.: «Социолог как лошадь, скачущая в стойле» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 4. С. 2–14; то же, Том 2, С. 400–422.
4. Петровская И.Ф. Введение в биографику. Источники биографической информации о россиянах 1801- 1917 гг. Российский институт истории искусств. – СПб. : Logos, 2003.
5. Дубин Б.В. Обращенный взгляд / Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: НЛЮ, 2001, С. 100 <<http://ec-dejavu.ru/b-2/Biography.html>>.
6. Кузнецов Б.Г. Встречи. М.: Наука, 1984.
7. Беспалова Ю.М. Западно-сибирские предприниматели второй половины XIX – начала XX вв: имена, биографии, судьбы. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2002.
8. Заславская Т.И.: «...Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие – это наука» // Социологический журнал. 2007. № 3. С.137–169; то же, Том 2, С. 16–49.
9. Мягков А.Ю.: «Иной судьбы для себя просто не представлял» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 2. С. 2–11; см. также Том 2, С. 1196–1230.
10. Чирикова А.Е.: «Мой профессиональный выбор был правильным» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 1. С. 2–13; см. также Том 2, С. 1288–1320.
11. Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: «Полигиздат». 1984.
12. Тарусин М.: «Мы формировались во времена отрицания» // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 55–79; см. также Том 2, С. 1262–1287.
13. Бачинин В. А.: «...Объединяющим началом веры и науки выступает личность ученого-социолога, его мировоззрение» // Социологический журнал. 2010. №3. С. 123–147; то же, Том 2, С.1032–1058.
14. Левада Ю.: «Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 155–174.
15. Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / Составитель Т.В. Левада. М.: Издатель Карпов Е.В., 2010.

16. Памяти Юрия Александровича Левады / Сост. Т.В.Левада. М.: Издательство Карпов Е.В. 2011.
17. *Столочич Л.* Социологи в Кяэрику // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 1. С.14–20.
18. *Докторов Б.* Как это было. Решение задачи с 42 неизвестными // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 1. С. 20–22.
19. *Goode W.J., Hutt P.K.* Methods in Social Research. New York: McGraw-Hill, 1952.
20. Ядов В.А.: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №3. С. 2–11; то же, Том 2, С. 183–209.
21. Здравомыслов А.Г.: «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит – надо искать объяснение в мире людских отношений» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5. С. 2–10.
22. Здравомыслов А.Г. «Социология как жизненное credo» Электронный архив Б. Докторова. Версия от 4 июня 2006 г.
23. Беляев Э.В.: «Естественно-научные и социальные интересы – определяющая черта моей личности» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 3. С. 2–11; то же, Том 2, С. 572–599.
24. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под. ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979.
25. *Ядов В.А.* Методология и процедура социологического исследования. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1968.
26. *Кон И.С.* 80 лет одиночества. – М.: Время, 2008.
27. *Беляев Э.В., Саганенко Г.И., Дмитриев Ю.А., Голод С.И.* Всесоюзный симпозиум социологов // Вопросы философии. 1966. № 10. С. 156–165.
28. Протасенко Т.З.: «Становление меня как социолога шло зигзагами» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 2. С. 2–13; то же, Том 2, С. 843–877.
29. *Колбановский В.В.* О праве социологии на свободу мысли. Vivat, Ядов! К 80-летию юбилею: сборник / Ред.-сост. Данилова Е.Н., Козлова Л.А., Козырева П.М. и др. М.: Институт социологии РАН. 2009.
30. *Заславская Т.И.* Мы с Ядовым – «братья по разуму». Vivat, Ядов! К 80-летию юбилею: сборник / Ред.-сост. Данилова Е.Н., Козлова Л.А., Козырева П.М. и др. М.: Институт социологии РАН. 2009.

ГЛАВА 3

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ. ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

В поисках свидетельств «возрождения»

В настоящем разделе продолжается рассмотрение генезиса современного (постхрущевского) периода российской/советской социологии. Итог анализа дилеммы «преемственность или возрождение», осуществленного в гл. 1, по сути, формулировался так: не преемственность и не возрождение. Признание преемственности было бы возможным, если бы: 1) исторический анализ указывал на то, что постреволюционные и дореволюционные ученые проводили исследования в рамках сходных воззрений на социологию; 2) существовали преимущественно внутринаучные – не идеологические, не политические – факторы динамики, смены парадигм; 3) наиболее яркие представители российской/советской социологии, работавшие на рубеже XIX–XX вв., лично пере-

дали свой опыт следующему поколению, а оно – новым, т. е. лестница социологических поколений не прерывалась бы. *Но ничего этого не было.*

По воспоминаниям Н.И. Лапина [1], социологи-шестидесятники не имели непосредственных предшественников, поэтому многие из них стали основателями, а в дальнейшем – лидерами российских социологических школ. Напротив, социологи следующих возрастов входили в профессию, когда такие школы уже возникли.

Возможно ли вообще говорить о непрерывности развития науки, о преемственности в науке при отсутствии непосредственных контактов между старшими и младшими, учителями и учениками? Если можно, то тогда в каком аспекте и как ее искать? Поиском ответов на эти вопросы и установлением связи научных поколений я смог заняться лишь несколько лет назад, когда в беседах с представителями всех когорт российских социологов стали называться, звучать имена их учителей, руководителей, наставников, консультантов. Однако ничего подобного не было в воспоминаниях социологов первого поколения. В статье 2004 г. о творчестве Б.А. Грушина [2] я писал, что он все начал с «нуля», без опоры на ранний отечественный опыт. Позже в беседе со мной А.Г. Здравомыслов, когда речь зашла о возникновении современного этапа российской социологии, заметил:

Биографический сюжет № 11. А.Г. Здравомыслов

Можно было бы сказать, что весь этот проект возник «из ничего», как ты говоришь про Бориса Андреевича Грушина; можно сказать, что он возник «из ничего» при помощи Гуда и Хатта! Но с этим я не могу согласиться. Что дали нам Гуд и Хатт? Вооружили нас методами, то есть грамотными средствами реализации идей, которые сформировались у нас самих. Эти идеи были подготовлены нашим предшествующим образованием, они выкристаллизовались в качестве некоего сухого остатка из того, чему мы учились на факультете, а усваивали мы определенную версию марксизма. <...> Я убежден, что и Зиновьев, и Грушин, да и Мамардашвили¹⁰, на слова которого ты ссылаешься, произошли из атмосферы «оттепели». Только поняв этот момент, можно продолжать дискуссию о традициях. Возникла ли «оттепель» как феномен культуры из ничего или у нее были некие культурные предпосылки в российской истории? Это... самый главный вопрос! Для того чтобы на него ответить, необходимо проана-

¹⁰ Мамардашвили М.К. Начало всегда исторично, то есть случай-но: Фрагменты из беседы М. Хромченко с М.К. Мамардашвили 5 апреля 1990 г. // Вопросы методологии. 1991. № 1 <<http://www.circle.ru/archive/vm/v911mam.html>>.

лизировать духовную атмосферу того времени и показать ее связь с движением наших чувств и мыслей. <...> Профессиональной преемственности с нашими предшественниками 1920-х годов не было: сталинские репрессии прервали эту связь, но все же сохранился некий культурный капитал, который передается и осваивается вместе с переживанием и осмыслением опыта становления личности. Это сохранение капитала не институционализировано, оно, если угодно, невидимо и выражено в загадочной формуле М. Булгакова «Рукописи не горят!» [3, С. 4–5].

Теперь, возвращаясь к сформулированной выше дилемме относительно генезиса современного этапа отечественной социологии, зададимся вопросом: можно ли – если не обнаруживаются признаки непрерывности – говорить о том, что конец 50–начало 60-х гг. было временем проторенессанса и ренессанса? В моем понимании, это могло быть так лишь в том случае, если бы советские социологи, начинавшие работу в то время, одновременно с разработкой собственной методологии и собственного арсенала эмпирических методов, с освоением теорий и методов западной социологии *осознанно обратились* к тому, что делали русские и советские социологи до них. Если бы *возникла программа освоения прошлого* и стремление к использованию существовавшего ранее в стране опыта. Если бы сразу была объявлена установка на преемственность.

Умерших и расстрелянных не вернешь. Но еще были живы Г.Д. Гурвич, Н.О. Лосский, П.А. Сорокин, Н.С. Тимашев, и многие помнили люди, работавшие с Н.И. Кареевым, знавшие П.А. Флоренского, А.В. Чайнова, Н.Д. Кондратьева. К примеру, в относительно недавней статье Р.Г. Яновского [4] отмечается, что в архиве семьи Кондратьева хранится свыше ста писем от него из Суздальской ссылки, куда он был отправлен в 1932 г. и где был расстрелян в сентябре 1938 г. Они многое приоткрывают в его исследовательской методологии и рассказывают о его личностных качествах. Наверное, можно было бы записать воспоминания об А.К. Гастеве, его сын, логик, математик Юрий Алексеевич Гастев (1928–1993), был ровесником первых советских социологов и работал в Институте конкретных социальных исследований в секторе Ю.А. Левады.

Из Англии можно было получить ценнейшую информацию о жизни и творчестве С.Л. Франка, из Франции – С.Н. Булгакова, из США – Е.В. Спекторского, из Израйля – Б.Д. Бруцкуса, из Швейцарии – С.Н. Прокоповича, из Праги – С.С. Маслова.

Однако более или менее целенаправленное освоение наследия русского зарубежья началось лишь в начале 1990-х гг., а до этого времени работы опальных социологов, экономис-

тов, социальных философов цитировались крайне редко и преимущественно в критическом ключе. Их труды не переиздавались.

Многие факты могли вспомнить представители поколения Б.А. Чагина. Можно было приступить к анализу прошлого и готовить методические пособия и учебники, включить курс истории дореволюционной социологии в программу подготовки кадров, подключить к разработке этой проблематики молодых ученых. Но подобные шаги не просто не были сделаны. Принципиально то, что они и не могли быть сделаны.

Политические и идеологические обстоятельства, характер культуры того времени, установки, сформированные пропагандой и школой, реже – семьей, препятствовали зарождению такого отношения к прошлому. По историческим меркам оно было совсем близко, отстояло менее чем на полвека. Но люди не знали истории своих семей, того, что было с их родителями (если родители были живы), и тем более – истории государства. Все, что было до 1917 г., по умолчанию не могло оцениваться позитивно.

Таким образом, вероятность того, что на рубеже 50–60-х гг. могло спонтанно, снизу оформиться движение по возрождению дореволюционной социологии, была крайне мала. Более того, если бы кто-нибудь и задумался о разработке программы возрождения русской социологии, т. е. обращения к прошлому, к «корням», то можно утверждать, что это намерение не было бы поддержано «верхами». Работы пассажиров «философского парохода», высланных в 1922 г. из России по распоряжению правительства РСФСР (Н.И. Бердяев, Н.О. Лосский, И.А. Ильин, С.Л. Франк, П.А. Сорокин и ряд других социальных мыслителей), попали в разряд запрещенных, в некоторых библиотеках они хранились, и не составляло большого труда их прочесть. Помимо этого, действовал запрет на контакты советских граждан с этими учеными и людьми из их окружения. Так, Г.В. Осипов [5] вспоминает, что в 1962 г. во время работы V Всемирного конгресса социологической ассоциации в Вашингтоне к нему подошел Питирим Сорокин и сказал, что давно хотел поговорить с советскими учеными, но они его избегают. Далее Осипов поясняет, что советским участникам форума было категорически запрещено по собственной инициативе вступать в контакт с иностранцами, а тем более с Сорокиным, высланным из страны и приговоренным к смертной казни. Без разрешения руководства делегации нельзя было разговаривать один на один с зарубежными участниками конгресса – только в присутствии третьего лица. На свой страх и риск Осипов не отказался от знакомства, и все сложилось благополучно.

В любом случае принятие концепций, развивавшихся до революционными социальными мыслителями и социологами, в то время было невозможно, поскольку они не отвечали положениям марксизма–ленинизма. С целого ряда социологов, которые работали в России в первые послереволюционные годы и в 30-х гг. подверглись репрессиям (Н.И. Бухарин, А.К. Гастев, Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов), еще не было снято клеймо «врагов народа» (это произошло значительно позже – в конце 80-х)¹¹. Связь с учеными, жившими за границей, была чрезвычайно затруднена. И.С. Кон вспоминает:

Биографический сюжет № 12. И.С. Кон

В 1968 г. я основал сектор истории социологии в ИКСИ, а в 1970 г., во время Всемирного социологического конгресса в Варне, – Исследовательский комитет по истории социологии Международной социологической ассоциации, в состав которой вошли крупнейшие социологи мира, начиная с Парсонса и Мертонса. В течение 12 лет я был сначала его президентом, а затем вице-президентом; поскольку советские власти ни разу за эти годы не выпустили меня для участия в его работе; меня выбирали заочно [6, С. 215].

Еще меньше шансов в СССР было на возрождение того немалого по объему и важного по содержанию пласта русской до-революционной социологии, который был образован религиозными социальными учениями. Вне зависимости от того, что и кому в этом наследии представляется значимым, оно в любом случае должно быть заново проанализировано и осмыслено. Вот что считает в связи с этим В.А. Бачинин:

Биографический сюжет № 13. В.А.Бачинин

Я бы сказал так: слухи о возрождении российской социологии весьма преувеличены. Это похоже на разговоры о возрождении демократии в современной России. Есть отдельные интеллектуальные всполохи и гейзеры, но в целом приходится пока жить надеждой на грядущее возрождение.

Мы должны помнить, что уже сама семантика понятия возрождения предполагает хотя бы частичное восстановление чего-то ранее уже существовавшего, потом отринутого, забытого и теперь вновь обретшего ценность в глазах новых поколений ученых. Годится в данном случае и термин *деконструкция*, дополняющий понятие возрождение новыми смысловыми оттенками [7].

¹¹ Н.И. Бухарин был реабилитирован в 1988 г., Н.Д. Кондратьев и А.В. Чаянов – в 1987 - м. Только А.К. Гастева реабилитировали в 1956 (1957?) г.

Столь же пассивно – возможно, даже еще пассивнее, чем дореволюционный этап, – исследовалась советская послереволюционная социология. Ф.Э. Шереги, который начал обучаться в аспирантуре ИКСИ АН СССР в 1973 г. и стал разрабатывать вопросы использования различных методов в прикладной социологии 20-х гг., «был приятно удивлен открытием для себя богатой практики прикладной социологии в СССР в те годы» [8]. В его статье 1978 г. перечень цитированных публикаций того периода, содержал около семидесяти источников [9].

В первое постреволюционное десятилетие работало немало социологов, однако биографическая информация, причем весьма скудная, существует лишь о мизерном числе ученых. Так, лишь в начале 90-х гг. была написана обстоятельная статья об А.С. Звоницкой [10]. Незадолго до смерти известный советский экономист А.А. Конюс (1895–1991), который посещал лекции Прокоповича, считал себя учеником Чайнова, работал с Кондратьевым и слушал на семинарах Бруцкуса, вспоминая начало 20-х гг., сказал в заключение своего интервью: «На старости я сызнава живу, минувшее проходит предо мною <...> Хочется поблагодарить Вас и Ваших коллег, взявшихся всерьез за изучение закрытых прежде или односторонне освещавшихся страниц истории нашей экономической науки. Думаю, многое из того, что было давно и несправедливо забыто, может стать полезным сегодня. Я всегда прекрасно сознавал цену тем обвинениям, которые послужили основой для осуждения Н.Д. Кондратьева и его сотрудников. Я рад, что дожил до того времени, когда этот выдающийся ученый реабилитирован» [11].

Во *Введении* я упоминаю о моей небольшой заметке 1987 г., призывавшей не терять преемственности в развитии постхрущёвской социологии. Сегодня меня удивляет то, что мои рассуждения о прошлом не шли дальше рубежа 50–60-х гг., но ведь пару фраз всегда могли дописать те, кто редактировал текст?! Через два десятилетия в ходе нашего заочного диалога Л.А. Козлова, многие годы занимающаяся изучением разных этапов российской социологии, резонно заметила, что предлагавшийся тогда столь близкий горизонт исторического анализа объясняется отсутствием в то время у меня и тех, кто готовил заметку для публикации, ощущения прошлого, осознания связи с предшественниками [12]. Похоже, что в начале второй половины 1980-х гг. советские социологи просто не видели себя «продолжателями дела предыдущих поколений российских социологов».

По мнению Козловой, действительно в середине 1980-х гг. тематика исследования дореволюционной и советской социологии 1920–1930-х гг. не считалась актуальной, тем не менее

определенные исследования проводились. Они велись в Институте социологии РАН в отделе теории и истории социологии под руководством Г.В. Осипова (З.Т. Голенкова, Ю.В. Гридчин, А.И. Черных; чуть позже к ним присоединился В.В. Сапов), в Ленинграде работали И.А. Голосенко, В.М. Зверев и др. Там же еще в 1970-е гг. вышли несколько фундаментальных книг о послереволюционной социологии, написанных Б.А. Чагиным и В.И. Клушиным. Именно в начале 1980-х гг. научный руководитель Козловой Л.Г. Ионин, занимавшийся историей и теорией западной социологии, посоветовал ей написать диссертацию о социологических концепциях личности, существовавших в СССР в 1920–1930-е гг. По прошествии многих лет она считает, что угол зрения в этих исследованиях соответствовал своему времени, но не это важно. Важнее, что на рубеже 70–80-х гг. поиски истории российской социологии шли довольно активно, а затем нормальные, основанные на документах, исследования в этой области фактически прекратились.

Возвращаясь к фрагменту статьи А.Г. Здравомыслова, приведенному в начале этого раздела, замечу, что его замечание о сохранении культурного капитала было воспринято мной не как вывод, но как историко-научоведческая проблема: если такая трансформация культурного капитала в весьма специальные профессиональные концепции и навыки действительно происходила, то предстояло попытаться выявить какие-то социокультурные или внутрипрофессиональные механизмы этого процесса. Эта задача, при всей сложности операционализации ее формулировки, стала одной из сквозных для всего исследования, стремление к ее решению во многом объясняло содержание проводившихся интервью. Отмечу, что методологические трудности решения этой задачи усиливались процедурными особенностями технологии проведения интервью. Его подчеркнутая неформальность, установка на максимальный учет атмосферы диалога с собеседниками ограничивали возможность обсуждения с каждым из них всего комплекса изучавшейся историко-биографической тематики.

Не преемственность и не возрождение. Второе рождение

Теперь вернемся к дилемме «преемственность или возрождение» и попытаемся ответить на вопрос: если не то и не другое, то что? Как можно обозначить, интерпретировать начало процесса становления в СССР нового этапа социологии?

Несколько парадоксально, но подход к разрешению этой дилеммы возник не при анализе собственно исторической про-

блематики, а при желании понять, каким образом весь комплекс реформ, происходивших в СССР/России на рубеже 1980–1990-х гг., повлиял на историческую науку в целом и в том числе на исследование прошлого российской социологии.

Главный логический посыл был следующим: реформы, которые являются следствием глубочайших изменений в обществе, сложившемся в тоталитарной среде с крайне жесткими идеологическими императивами, позволяют по-новому проанализировать и оценить события, развивавшиеся в течение последних десятилетий. Новая реальность не только по-своему формирует проблемный и организационный аспекты современной отечественной социологии, но порождает и новые взгляды на ее прошлое. Конечно, российская социология развивалась в течение полутора веков, но только *реформирование общества дало российским социологам их историю.*

Отсутствие преемственности в развитии российской социологии было очевидным. Однако изучение содержания примерно полутора десятков интервью, работу над которыми я завершил к середине 2007 г., анализ биографического материала, собранного Г.С. Батыгиным и его коллективом, а также другими исследователями, не позволяли обнаружить признаки или даже следы той совокупности явлений, которые можно было бы описать понятием «возрождение». Этот термин представляется слишком неопределенным, не имеющим конкретного наполнения, и поэтому его закрепление в историко-научоведческих исследованиях может стать основой мифа или ложной интерпретации генезиса российской социологии, а значит, и сего последующего развития современной отечественной социологии.

Так, просматривая материалы состоявшегося в сентябре 2007 г. Учредительного съезда Союза социологов России (ССР), одну из подобных тенденций в освещении недавнего прошлого выявил В.Э. Шляпентох. Он назвал ее «умолчанием имен» [13]. Эта система, отмечает Шляпентох, начала складываться в СССР в конце 1920-х гг., когда авторитаризм достиг достаточно высокого уровня. Количество людей, вычеркнутых из истории, продолжало расти до середины 1930-х и практически никогда не снижалось до начала перестройки. Воскрешение имен стало одним из ее чудес.

Однако в основном докладе на открытии Учредительного съезда ССР, сделанном В.И. Жуковым, среди 45 упомянутых ученых были те, кто внес значительный вклад в развитие отечественной социологии, но были и имена, мало известные в социологическом сообществе. При этом оказались забыты Б.А. Грушин, Ю.А. Левада, А.Г. Здравомыслов – ученые, работы которых составляют золотой фонд российской науки.

Детальное рассмотрение явлений, составлявших суть процесса становления советской социологии в постхрущёвские годы, и поиск соответствующей терминологии позволят принципиально обогатить спектр и содержание исторических изысканий, а также ориентировать их на восстановление той атмосферы – внутрицеховой и внешней, в которой все это происходило.

Испытываемые тогда молодыми учеными – сегодня они составляют первое поколение современных социологов – прилив активности, напористая агрессивность, кураж не были и *не могли быть порождены* ощущением себя *преемниками* дореволюционных социологов. Что за удовольствие быть вторыми по отношению к тем, кого давно нет и к кому в стране существует устойчивое критическое отношение? Хотелось делать нечто свое, а не выглядеть лишь соучастником некоего долголетнего научного и культурного проекта. Решение задачи возрождения, при всей значимости этого начинания, также могло казаться им чем-то вторичным – это было бы движением вперед, с головой, повернутой назад. Молодое поколение стремилось создать нечто по-настоящему новое, объективно они не были отягощены наследием прошлого, им никто ничего не завещал, никаких ключей к кладовым и сундукам не передавал. В профессиональном отношении – именно как социологи – они были бедны, но они надеялись на свои силы, а не на ренту от старого капитала.

Сказанное позволяет предложить иную версию, модель возникновения социологии в годы «оттепели». Скорее всего, речь должна идти не о подключении к существовавшему (преемственность) и не о возрождении, что непременно предполагает знание, точнее, – признание былого. Происходившее было *вторым рождением* социологи в России/СССР. Этот процесс лишь формально можно трактовать как возрождение: по своей внутренней логике, механизму зарождения, мотивации деятельности первопроходцев социологии это совсем иной феномен; это процесс иного строения, принципиально иной энергетики. Молодые философы, историки, экономисты, которые на рубеже 1950–1960-х гг. стали называть себя социологами, не были готовы (да у них и не могло возникнуть такого желания) возводить свою социологию на руинах фундамента дореволюционной и ранней советской социологии.

Концепция второго рождения российской социологии впервые была мной изложена в тезисах для конференции, проходившей в Тюмени в конце октября 2007 г. [14]. Но к тому времени уже существовало некое эмпирическое подтверждение возможности рассуждать подобным образом. В интервью с Т.И. Заславской, начатом в апреле 2006 г. и опубликованном через год, мной был задан вопрос: «Мои беседы с социологами Ваше-

го поколения показывают, что точнее говорить, что в 1960-е годы произошло не возрождение советской социологии, но ее второе рождение. Она родилась и, осматриваясь, естественно, задалась вопросом: а что было раньше? Тогда И.А. Голосенко по инициативе И.С. Кона начал заниматься творчеством П. Сорокина, Ф.Э. Шереги, будучи аспирантом В.Э. Шляпентоха, изучил работы советских специалистов, в основном – статистиков 1920-х годов, в области выборки. Но это все не шло под лозунгом возрождения российской дореволюционной или ранней советской социологии...» Ответ Заславской был кратким: «Я согласна, что было именно второе рождение. Это уже потом возник интерес к историческим корням, который сохраняется и сейчас» [15, С. 166].

В состоявшейся в то же время «электронной беседе» я спросил Ж.Т. Тощенко: «Не кажется ли Вам, что точнее говорить не о возрождении, но о втором рождении социологии? На мой взгляд, возрождение предполагает осознанное соединение нового с тем, что было ранее, поиск в прошлом опыте стимулов для создания чего-то нового. Однако освоение советскими социологами достижений предшественников началось довольно поздно и было настолько слабым, что говорить о возрождении у нас нет оснований». Тощенко заметил:

Биографический сюжет № 14. Ж.Т. Тощенко

Конечно, говорить о возрождении можно довольно условно. Но в то же время в определенной степени это оправданно. При такой формулировке вопроса мы подчеркиваем некоторую преемственность, дань традициям, призыв не забывать предшественников. Но есть и другая сторона вопроса. В реальности русских социологов XIX века, 20-х годов XX века вспоминали скорее по форме, чем по существу. О том, что это возрождение было скорее формальным, говорит тот факт, что многие разработки наших предшественников практически мало или совсем не востребованы [16, С. 166–167].

А вот итог рассуждений Тощенко:

Конечно, в 1960–1980-е годы перед отечественной социологией стояли иные задачи. Поэтому все крупные исследования 1960-х годов – «Научно-технический прогресс» (Г.В. Осипов), «Человек и его работа» (В.А. Ядов), «Таганрог» (Б.А. Грушин) и другие – отвечали на волновавшие науку и практику вопросы именно этого периода, не учитывая то, что делалось в 1920-е годы. Поэтому в этом случае более уместно говорить о втором рождении социологии, которая во многом носила сугубо осовремененный характер, больше обращала внимание на аналогичные исследования за рубежом в этот период [16, С.167].

Мне представляется, что все сказанное Ж.Т. Тощенко является кратким и вместе с тем аргументированным и иллюстрированным утверждением в пользу концепции второго рождения. Кроме всего прочего, здесь четко и честно отмечено: исследователи стремились решать проблемы, которые диктовало время, их интересы были сфокусированы на настоящем, поэтому прошлое их не привлекало. Однако и это не совсем так: классика социального познания – давняя и относительно новая – не отвергалась и, более того, – весьма тщательно изучалась.

Вспоминая начало своей работы в социологии в первой половине 60-х гг., Н.И. Лапин писал: «Работу в социологии я начал с интенсивного изучения теорий социальных групп: от Гоббса и аркса до Мэйо и Левина, Хоманса и Парсонса. Собрал гору материалов и стал систематизировать их» [17, С. 9]. Но указаний на изучение работ российских социологов дореволюционного и послереволюционного времени здесь нет, хотя различные аспекты организации труда в старой России и в послеоктябрьское десятилетие разрабатывались весьма активно.

Определенная точка на рассуждениях о том, освоено ли современными российскими социологами наследие их дореволюционных предшественников, была поставлена Г.В. Осиповым в год полувекового юбилея постхрущёвской социологии: «“Русский период” отечественной социологии еще не изучен в должной мере, недостаточно известен не только за рубежами страны, но и в самом Отечестве» [18].

Обсуждалась концепция второго рождения и с Ф.Э. Шереги. Вот что он сказал:

Биографический сюжет № 15. Ф.Э.Шереги

Я согласен с этим выводом. Мало кто из первых советских социологов знал о практике советской социологии 1920-х годов. Да и опираться только на этот опыт было бы недостаточно, так как за период запрета советской социологии на Западе были достигнуты значительные успехи в развитии методов прикладной социологии и изучения общественного мнения. Поэтому приобщение советских социологов к опыту Запада в решающей степени способствовало успехам советской прикладной социологии. Это не умаляет научности и большой исторической значимости опыта советской прикладной социологии 1920-х годов [8, С. 13].

Затрагивалась тема возрождения и второго рождения российской социологии и в интервью с В.И. Ильиным – представителем четвертого поколения социологов, историком по базовому образованию. В своем ответе он вышел за рамки узкой трактовки этой темы и затронул общую проблему отношения к прошлому нашей науки:

Биографический сюжет № 16. В.И.Ильин

Я согласен, что в период «оттепели» не было речи о возрождении отечественной социологии. Она рождалась в закамуфлированной попытке интеграции тогдашней западной социологии в прокрустово ложе советского марксизма–ленинизма и реалий политической и духовной жизни СССР. Нет возрождения и в современной России. И я не уверен, что такое возрождение возможно и имеет смысл. Мы ведь живем в XXI веке! Правда, П. Сорокин в своих работах российского периода показал методологию изучения социальной стратификации, но он не остановился на этом, став американским социологом. Его классическая «Социальная мобильность» – это чье наследие? И эта методология пришла к нам не из его «Системы социологии», а из американской социологии XX века. Но сказанное не исключает необходимости знать наследие. Нередко совершенно неадекватные времени теории могут подтолкнуть к совершенно современным вопросам. Однако я не стал бы углубляться в эту тему по одной простой причине: я плохо знаю это наследие, чтобы компетентно судить о возможностях его использования в качестве современного ресурса. Стратегия развития современной науки, опирающаяся на поиск национальных корней, мне кажется, противоречит самой логике науки как системы знания, индифферентной к национальности и языку. Там, где начинается копание в родословной, наука тихо умирает [19, С. 159].

В первом полугодии 2007 г. было завершено интервью с Л.Г. Иониным; оно состояло из двух частей. Начало – это беседа Ионина с В.В. Козловским, вторая часть – мое интервью с ним. Мнение Ионина относительно природы обсуждаемого момента в истории отечественной социологии важно потому, что он многие годы работает в социологии и, кроме того, история социологии – одно из направлений его собственных многолетних исследований. Отвечая на один из вопросов Козловского, Ионин сказал: «Разумеется, есть интересные статьи и книги, есть отдельные направления, последовательные реализующиеся и достойные внимания, например экономическая социология. Но в целом нынешняя российская социология не радуется. От своих корней (до 1917 года) она отрезана, и эту связь вряд ли можно восстановить» [20, С. 5]. Принимая во внимание сказанное Иониным, я попросил его прокомментировать еще одно суждение: «Многим нашим отцам-основателям я задавал вопрос о том, знали ли они, начиная свои социологические исследования, работы дореволюционных социологов и тех, кто работал в 20-е годы. Нет – не знали. Я согласен с твоими словами: “От своих корней (до 1917 года) она отрезана, и эту связь вряд ли можно восстановить”. Получается, что постхру-

щевская советская социология возникла из ничего, лишь из атмосферы «оттепели». Так ли это?». Приведу некоторые фрагменты его развернутого ответа.

Биографический сюжет № 17. Л.Г.Ионин

Нет, она получилась из духа «оттепели» и американской социологии – Беккера–Боскова, например. Ну, и существовали не совсем еще забытые работы 20–30-х годов, С. Струмилина например, Б. Бруцкуса и других экономистов с мощным социологическим интересом. Эти последние работы имели приемлемую, в общем, для начальства мотивацию (быт рабочих, демография, другие социальные вопросы) и не входили в конфликт с идеологической установкой. Поэтому я бы сказал так: в области теории базой становился функционализм, достаточно легко сочетавшийся с системным вариантом марксизма, а в области эмпирии – социально-экономическая проблематика, связанная с отечественной наукой 20–30-х годов. Поэтому нельзя сказать, что постхрущевская социология возникла из ничего.

Что же касается того, что отцы-основатели «не знали», то я не очень в это верю. Они, конечно, «не знали» эти работы с точки зрения того, что они составляют особый период в институционализированной истории социологии, но имена эти им были знакомы, как вообще была знакома технократическая культура ранней советской общественной науки. Что, они про НОТ, ЦИТ и Гастева не знали? А с В. Подмарковым, например, они не были знакомы? Судя по его работам, он знал. Я думаю все-таки, что они знали. Это не было глубоко рефлексированное знание, может быть, даже они не рассматривали себя как продолжателей их дела, но в атмосфере все это присутствовало [20, С. 10].

Прежде всего, Ионин однозначно указывает обстоятельства, определившие становление современного этапа советской/российской социологии: «оттепель» и американская (скорее – Западная) социология; русские дореволюционные ученые не упоминаются. Что касается значения работ С.Г. Струмилина (1877–1974) и Б.Д. Бруцкуса (1874–1938), то здесь мы имеем разные ситуации. Экономист и статистик Струмилин, несмотря на свое меньшевистское прошлое, смог сотрудничать с большевиками, многие годы занимал высокие посты в государственных плановых органах, в 1931 г. был избран академиком, стал Героем Социалистического Труда и лауреатом Ленинской премии. Его труды не входили в конфликт с идеологией, постоянно издавались, однако никто из современных социологов – в том числе заложивших основы российской экономической социологии – не отмечал серьезного влияния работ Струмилина на свое творчество. Бруцкус, почти ровесник Струми-

лина, считающийся одним из крупнейших специалистов по сельскому хозяйству России, был вывезен из страны на «философском пароходе» в ноябре 1922 г.; ему, как и всем другим «пассажирам», под угрозой расстрела было запрещено возвращаться на родину. Взгляды Бруцкуса на социализм, в отличие от излагавшихся Струмилиным, были «перпендикулярны» идеологическим установкам власти не только в 1920-е гг., но и много позже [21]. В свете сказанного, скорее всего, в начале 60-х социологи не знали работ Бруцкуса и уж точно не могли базировать свои теоретико-эмпирические поиски на его концепциях.

Теперь относительно того, знали ли отцы-основатели исследования А.К. Гастева (1882–1939) и В.Г. Подмаркова (1929–1979).

В 2005 году, в интервью с Ядовым, я поинтересовался, изучали ли они в период осуществления проекта «Человек и его работа» результаты дореволюционных исследований по социологии труда. Приведу некоторые из высказанных им суждений.

Биографический сюжет № 18. В.А. Ядов

...Сильно сомневаюсь, что до 1917 года были публикации в этом именно плане – отношение к труду. <...> Реально все началось с Гастева и Центрального института труда. Цитовцы адаптировали Тейлора и его последователей к советским условиям. Нам было особо важно ухватить различия в мотивации полуграмотных работниц и рабочих массового производства вскоре после Октября и тех, с кем мы имели дело в шестидесятых. Один из ключевых выводов нашего исследования – эффект «излишнего» образования ленинградских молодых рабочих. Этот ресурс они в большинстве своем использовать не могли.

<...> Вообще, эвристическая ценность публикаций царско-романовского периода, первых пятилеток, военного периода 1941–1945 и двух пятилеток послевоенного времени, так или иначе относящихся к нашему исследованию, не представлялась высокой. Главная проблема состояла ведь в том, чтобы понять, становится ли труд первой жизненной потребностью, как декларировалось в 1960-е. <...> Бригады коммунистического труда в хрущевское время – вот что нам было интересно [22, С. 2].

Что касается В.Г. Подмаркова, то, естественно, с ним были знакомы и дружили многие из представителей первого поколения российских социологов, к тому же он был их ровесником. Фрагмент из интервью со Здравомысловым – свидетельство того, что в тесной группе первопроходцев социологии нового этапа Подмарков был своим:

Биографический сюжет № 19. А.Г.Здравомыслов

...в самом начале своей административной практики – М.Н. Руткевич пригласил Ядова и меня к себе домой. <...> Михаил Николаевич повел разговор о том, что хорошо было бы нам втроем написать учебник по социологии, в котором так нуждается страна. Мы обещали подумать и через пару дней сказали, что такой учебник должен быть создан более широким коллективом с участием Г.М. Андреевой, Б.А. Грушина, Ю.А. Левады, Н.И. Лапина, В.Г. Подмаркова и еще некоторых авторов из числа тех, кто, по сути, и составлял в то время советскую социологию. Руткевича такая позиция не устраивала... [23, С. 171].

Зная многих из этих людей и представляя спектр проблем, интересовавших социологов как профессионалов и граждан в 1960–1970-е гг., мне трудно допустить, что они могли углубленно обсуждать нечто, связанное с прошлым российской социологии. В те годы ни для кого из них эта тематика не была предметом собственных исследований.

Тема преемственности в социологии была затронута и в интервью с Э.В. Беляевым, который работал в первой в СССР социологической лаборатории В.А. Ядова с начала ее существования. Вопрос формулировался так: «В последние полтора-два десятилетия некоторые авторы, говоря о становлении на рубеже 50–60-х гг. социологических исследований в СССР, используют термин “возрождение”. Имеется в виду то, что это было продолжение социологии, возникшей в России во второй половине XIX в., и исследований, проводившихся в первые полтора послереволюционных десятилетия. Мои интервью показывают, что скорее было «второе рождение» – т. е. к социологическим исследованиям приступило поколение, которое не знало работ российских и советских социологов, работавших до них, а часто и не подозревало о том, что все это было. Ты застал время рождения современной советской социологии, что ты мог бы сказать о происшедшем?» Вот ответ Беляева:

Биографический сюжет № 20. Э.В. Беляев

Полностью согласен с тобой. Как бы это ни называлось, но не было никакой преемственности, именно потому, что мы не знали, что было в этой области до революции и вплоть до 1930-х годов. Мы только знали, что что-то было. Да, иногда мы делали открытия, что кто-то из европейских или американских социологов русского происхождения. Но они не занимались Россией или Советским Союзом, поэтому какое значение имеет, что они были “русские”? Советские же социологи и психологи были нам совсем не известны. Если я вынужден был читать в спецхране книгу А. Раппопорта (математика), которую он мне прислал на мое имя, как я мог знать, что было и кто был

и что советские социологи и психологи 1920–30-х делали, поскольку их имена были уничтожены из советской памяти и библиотечных каталогов? Например, это был, по-моему, Игорь Кон, кто принес к нам в лабораторию имя Л.С. Выгодского. Что касается эмпирической социологии, то даже если бы мы знали раннюю советскую эмпирическую социологию, как она могла бы нам помочь с ее устаревшими методами? [24, С. 11].

Приведу обстоятельный ответ В.А. Артёмова, многие годы отдавшего изучению бюджетов времени и хорошо знающего историю развития этой отрасли социологии. Мой вопрос был сформулирован следующим образом: «Вы – один из тех, у кого на глазах происходило становление постхрущевской социологии, одновременно – Вы занимаетесь историей дореволюционной русской социологии и работами ранних советских социологов. Сейчас говорят, что на рубеже 50-х – 60-х годов происходило возрождение советской социологии, я же полагаю, что точнее говорить о ее втором рождении. Уже позже, встав немного на ноги, советские социологи обратились к изучению своего прошлого... какая точка зрения в этом вопросе Вам ближе?» Сначала была сформулирована суть ответа: «Вопрос не простой и даже несколько “провокационный”. Если коротко, то мне ближе вторая позиция. И то, что “обратились, встав на ноги”, считаю очень точным выражением» [25, С. 14]. Затем последовала аргументация этого суждения:

Биографический сюжет № 21. В.А. Артёмов

...обследования-исследования использования времени были наиболее распространенным направлением социологических исследований 20-х–начала 30-х гг. Хотя так они тогда не назывались: мне не встретилось ни разу такое определение, кроме одной ссылки без точного адреса. Они носили чаще всего прикладной, характер, были связаны с получением знания для каких-то конкретных решений-действий или для оценки реальной ситуации, которая тоже нужна была для выводов о результатах уже предпринятых действий. В большинстве своем проводились весьма профессионально – статистически или социологически. И если в других прикладных областях были единицы исследований-обследований, то здесь они носили почти массовый характер.

И все равно, обратились к ним уже после того, как были проведены первые обследования сотрудниками НИИТруда и сибиряками. Если не считать публикаций С.Г. Струмилина (1957 г.) и первых послевоенных обследований в вузах. По большому же счету многие обследования 20–30-х гг. продолжали оставаться «неизвестными».

Мне также представляется, что в 20–30-е гг. социология понималась прежде всего как теоретическая наука. И в этом качестве о «возрожд-

дени» говорить нет достаточных оснований, так как наработок тогда было маловато, чтобы давать такую оценку – «о возрождении» или «о втором рождении». А в итоге получается, что современная социология родилась уже в послевоенной стране. <...> Если же отвечать именно на поставленный вопрос, то склоняюсь «ко второму рождению». К моей исследовательской области этот ответ больше подходит [25, С. 14].

Косвенным, но вписывающимся в общий фон свидетельств об отсутствии какой-либо связи исследований советских социологов первого поколения с разработками их российских предшественников дает анализ авторефератов докторских диссертаций В.А. Ядова, защищавшегося в марте 1967 г., и А.Г. Здравомыслова, сделавшего это двумя годами позже. Эмпирической базой обеих диссертаций был проект «Человек и его работа», но внимание Ядова фокусировалось на методологии социологического исследования [26], а у Здравомыслова центральными были проблемы изучения социальных интересов [27]. Безусловно, в авторефератах цитировались работы Маркса и Ленина, отмечалось сделанное в соответствующих направлениях советскими социологами; кроме того, оба диссертанта называли ряд фамилий американских социологов (к примеру, П. Лазарфельд, Р.М. Мак-Ивер, Р. Мертон, Т. Парсонс и др.), но не было ни слова об исследованиях дореволюционных социологов и тех, кто работал в 20-х гг. Таким образом, во второй половине 1960-х гг. знание работ американских – в тогдашней лексике буржуазных – социологов считалось нормальным и свидетельствовало о современности теоретических и методических построений советских ученых, но заявлений и действий, указывавших на преемственность российской социологической традиции, не было. Скорее всего, их и не ждали.

Теперь процитирую начало статьи Б.М. Фирсова под названием «Две жизни одной науки: история и роль социологии в России от XIX века и до наших дней», подготовленной в начале 2010 г. для сборника, публикуемого во Франции:

На фоне общемировых трендов развития социальных наук история российской социологии может показаться запутанной, а роли, в которых ей приходилось выступать, – амбивалентными. Достаточно сказать, что она дважды рождалась. Первый раз в середине XIX века. Тогда своим появлением на свет она была обязана Огюсту Контю, чьи идеи почти мгновенно перешагнули границы Франции и стали достоянием Старого и Нового света. Успешное развитие науки превралось в конце 1920-х гг. вследствие того, что Сталин не признавал социального знания, если его было нельзя привести к присяге на верность марксизму–ленинизму. Социологию объявили буржуазной

«лже-наукой» и предали насильственному забвению на несколько десятилетий.

Второе рождение состоялось в конце 1950-х гг. Послесталинская социология возникла буквально на пустом месте. Отцы-основатели «нового научного направления» скроили его по западным меркам и образцам и только лишь какое-то время спустя обнаружили, что социология в России *была* и даже обладала статусом самостоятельной науки. Вина за этот парадокс лежит на власти, которая вплоть до середины 1980-х гг. видела в социологии источник нарушения общественного спокойствия и потенциальную угрозу своему существованию [28].

Выше уже отмечалось, что понятие «второго рождения» применительно к 50–70-м гг. было использовано в работе С.С. Новиковой, но оно промелькнуло лишь раз в заголовке соответствующего раздела книги и не получило какого-либо анализа. Какие еще названия этого периода, помимо «возрождение» и «второе рождение», встречаются в российской историографии? Не претендуя на исчерпывающий ответ, укажу некоторые из них.

В статье 1978 г., т. е. задолго до начала обсуждения рассматриваемых здесь вопросов, Дмитрий Шалин говорил о «secularization» (секуляризации) советской социологии в 1960-е гг., обозначая этим термином то, что на Западе к тому времени называлось «новая социология в Советском Союзе» [29] (Shalin 1978). Значение термина секуляризация не раскрывалось, поэтому в начале 2010 г. я спросил его, какой смысл он вкладывал в него. Вот его пояснение:

Я использую термин «secularization» метафорически. Марксизм позиционировал себя как антирелигиозное учение, и потому он вряд ли был открыт секуляризации. Но поскольку марксистская идеология пронизывала всю советскую повседневность, то она воспроизводила существенные особенности религии, если не культа. Советская социология пыталась сопоставить советскую идеологию и действительность, и это угрожало священному статусу марксизма. Отсюда и моя ироническая ссылка на институционализацию социологии в СССР как на «секуляризацию»¹².

Сегодня, более чем через три десятилетия после публикации статьи Шалина, его метафорически-ироничный термин представляется точным и обоснованным. Однако он скорее отражает качество, свойство, направленность новой в то время науки, но не ее генезис.

¹² Электронное письмо Д.Н. Шалина Б.З. Докторову от 16 апреля 2010 г.

В солидной хрестоматии по социологии, вышедшей в 2006 г., есть серия кратких биографических очерков об авторах текстов, включенных в книгу. Очерки написаны А.Г. Здравомысловым и Н.И. Лапиным [30]; в них говорится о вкладе того или иного ученого в «восстановление социологии как самостоятельной науки в СССР».

В тот момент, когда Лапин завершал работу над хрестоматией, в нашем интервью я спросил его: «Интервью по электронной почте и личные беседы с социологами первого поколения (Грушин, Заславская, Здравомыслов, Кон, Шляпентох, Ядов) все же не позволяют понять, из чего произросла советская социология <...> Из ответов моих собеседников получается, что земские социологи на нее никак не влияли, работы Ленина по развитию капитализма не влияли, работы Маркса – мало влияли. А что же влияло?» Отвечая на вопрос о том, что побудило его заняться социологией, Лапин говорил о «возобновлении советской (российской) социологии в конце 1950-х – 1960-х годов XX столетия» [1, С. 141], т.е. не о возрождении.

Еще одна трактовка научного и политического процесса, обозначаемого здесь как «второе рождение», была предложена в нашей переписке с В.А. Бачининым:

...зная Вашу привязанность к термину «второго рождения», осмелюсь возразить: я бы все-таки отнесся к нему осмотрительнее. Дело в том, что само по себе это словосочетание противоречит основам здравого смысла. Рождение бывает всегда один раз. Второе рождение как таковое невозможно в физическом смысле. Но оно возможно в смысле духовном. <...> Если говорить о советской социологии, то получается, что ее второго рождения не было, то есть не было той генеалогической онтологии, когда она уже существовала ранее, затем перешла назад в зачаточное состояние и затем родилась еще раз. Не было и ее духовного возрождения как трансформации наличного интеллектуального капитала во что-то духовно более зрелое и более совершенное.

Что же было? На мой взгляд, было то, что Деррида называет деконструкцией. То есть был эпохальный акт вычленения из мирового социологического интертекста его, условно говоря, смысловой субстанции. Последняя была подвергнута переформатированию, демонтажу, доведена рядом деструктивно-аналитических (т. е. сугубо деконструктивистских) процедур до состояния утраты самотождественности и превратилась в нечто, хотя и внешне напоминающее социологическую науку, но по сути ею не являющееся.

Таким образом, Деррида дает нам не только методологический ключ к пониманию того, что произошло в 1960-е гг., но и предлагает сравнительно аутентичное обозначение этого непростого феномена, который Вы в своих исканиях назвали «вторым рождением» социологии¹³.

¹³ Электронное письмо В.А.Бачинина Б.З. Докторову от 18 апреля 2010 г.

Суждение Бачинина представляется мне весьма интересным и настраивающим на специальные исследования как сути деконструкции, так и реальных процессов, проходивших в советской социологии в 1960-е гг., пока же ограничусь двумя замечаниями. С одной стороны, пока мне представляется, что использование в данном случае термина, введенного Жаком Дерридой, может сдвинуть центр изучения вопроса генезиса постхрущёвской социологии из области истории и науковедения в сферу постмодернистской философии. С другой стороны, анализ результатов специальных исследований показывает, что на рубеже 50–60-х гг. состоялось – отчасти в метафорическом смысле – именно «физическое» второе рождение. Но не советской, а российской социологии, ряд достижений которой в начале XX в. уже приняты Западом [31]. В краткий послереволюционный период советская социология явно не успела конституироваться и институционализироваться; уже в то время начался процесс разрушения дореволюционного наследия, «успешно», с точки зрения властей страны, завершившийся в 30-е гг. И однозначно можно говорить о духовном возрождении социологии, ибо она возводилась, особенно если иметь в виду процесс ее строительства «снизу», новыми людьми – «шестидесятниками».

Уточнение периодизации современной российской социологии

Принятие концепции «второго рождения» и анализ ее в рамках понятия «толстого настоящего» позволяют предложить несколько иную, чем приводились выше, периодизацию современной, постхрущёвской советской/российской социологии. Вместе с тем в ней учтено многое из ранее описанных подходов А.Н. Алексеева, А.Г. Здравомыслова, Г.В. Осипова, В.Э. Шляпентоха и других авторов.

Вся совокупность приведенных рассуждений может интерпретироваться как обозначение, даже акцентирование антагонизма между «вторым рождением» и «возрождением». В действительности принципиальное различие между ними существует, но не все сводится к их противопоставлению. Значительно вернее и полнее суть обращения российских социологов к своему прошлому можно было бы описать тезисом: «*К возрождению через второе рождение*». В 50–60-х гг. такой программы не могло быть – тогда состоялось лишь второе рождение. Однако теперь, когда обозначилась установка российской социологии

логии на то, чтобы действительно продолжить и развить сделанное во второй половине XIX века и начале XX, необходимо *манифестировать* программу Возрождения и систематически двигаться в этом направлении.

На мой взгляд, концепция возрождения российской социологии должна найти место в широкой и многогранной, но пока слабо артикулированной политической, идеологической и социально-культурной программе согласования и соединения с дореволюционной историей страны тех путей развития России, которые открылись для нее после распада СССР и становления нового постсоветского общества. Так сложилось, что прошлое российской социологии не стало импульсом для развития настоящего этой науки. Но настоящее в силу разных причин заставляет нас обернуться назад. И осознать, что сначала Хрущёвская «оттепель» позволила российской социологии родиться во второй раз, а затем горбачёвская перестройка создала предпосылки для ее возрождения.

Взгляд в прошлое показывает, что новыми социологами могли стать и стали люди не просто талантливые, хорошо образованные и работоспособные, но готовые годами выдерживать суровые идеологические, жизненные испытания и сохранять социальные идеалы молодости. Отсутствие у этих людей социологической подготовки в конце 1950-х – начале 1960-х годов компенсировалось их стремлением к совершенствованию социализма, детьми которого они были и в возможность улучшения которого искренне верили. Безусловно, в те годы были ученые, знавшие философию, историю, экономику лучше, чем их тридцатилетние коллеги, но они были многократно биты. В прямом и переносном смысле.

Наступало время людей, чувствовавших, отгадывавших в социальной атмосфере, в лишь намечавшихся общественных преобразованиях новые вызовы, а в себе – силы, амбиции, желание, кураж ответить на них. Нужен был некий романтизм и значительный запас социального оптимизма. Необходимо было некое, пусть умеренное, допустимое бунтарство, стремление к поиску новых социальных, если не горизонтов, то технологий. При этом новые должны были уметь сотрудничать с либерально настроенными представителями властной элиты.

Как это не покажется странным, этим новым людям нужно было именно *незнание*, точнее – лишь частичное знание истории своей страны и даже прошлого своей семьи. Знание могло оказаться тяжелейшим интеллектуальным и душевным грузом для тех молодых, которым историей было предначертано создание советской социологии, оно могло «придавить» их думы, лишать воли. И очень точно сказал И.С. Кон [32, С. 114]: свободомыслие его поколения отчасти было выстрадано молчанием их предков.

Опасения относительно погружения в прошлое своих семей и своей страны привели к тому, что социологи долго не интересовались по-настоящему тем, что росло раньше на огороде, который они начали вспахивать. По-началу различные обстоятельства не позволяли им внимательно посмотреть в прошлое, потом, т.е. в 70–80-е это стало более безопасно, но пространство научных интересов основной части социологов уже определилось, и прошлое занимало в нем незначительную нишу. Прошлое приблизилось к настоящему, или настоящее утолстилось за счет «подплыва» к нему прошлого, лишь на рубеже 80–90-х.

В ходе исторического анализа ученым еще предстоит уточнить, какой круг научных поисков может быть очерчен в опоре на программу возрождения. Но очевидно, что она должны включить в себя восстановление исторической справедливости и возвращение в науку имен ученых, создававших российскую (русскую) социологию во второй половине XIX и начале XX веков. Заслуживает всяческого внимания и поддержка установки группы ученых к определению специфики становления русской (российской) ментальности с целью уточнения особенностей развития страны в XXI веке. Вместе с тем излишнее акцентирование специфики характера общественных отношений в российском обществе и российской ментальности с целью обоснования «особого» пути страны, в частности стремление внести элементы религиозных учений в парадигматику современной российской социологии, может привести к тому, что новая социология окажется вне магистральных направлений движения мировой научной мысли.

Периодизация любого процесса, в данном случае – развития современной социологии – начинается с выбора «нулевой точки», т.е. стартового момента.

Внедавно вышедшую в Екатеринбурге книгу о жизни и творчестве Л.Н. Когана включена его с соавторами статья 1990 г. по истории социологических исследований на Урале. Освещается столетний период времени, с конца XIX века до 1985 г., но в данном случае хотелось бы сконцентрироваться на датировке ими начала послевоенных исследований. Сказано все однозначно: «Развитие социологии в регионе с 1949 г. связано с именем член-корреспондента АН СССР М.Т.Иовчука. Хотя в Свердловске он был фактически в ссылке (до этого он занимал руководящие посты в Москве и Минске), но имел гражданскую смелость и мужество начать большую работу по возрождению социологических исследований. С сентября 1949 г. Иовчук являлся заведующим кафедрой философии Уральского университета» [33, С. 194]. С 1950 г. исследования стали проводиться

на Уралмашзаводе, Первоуральском и Синарском трубных заводах. Изучалась заводская статистика, материалы партийных и общественных организаций, заводская печать, проводились беседы с рабочими. Анкетных опросов и массовых интервью в те годы не проводилось. Книга «Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса» [34], вышедшая в свет в 1961 г. и включившая в себя итоги многолетних исследований большой группы ученых, по мнению авторов статьи, «явилась первым в стране в послевоенные годы крупным монографическим исследованием по конкретной социологии. Ее появление вызвало немало откликов в советской печати и за рубежом» [33, С. 194].

Отмечая значение поисков уральских ученых для оживления социологической науки в стране, Коган и его коллеги, одновременно указали на серьезные недостатки проводившихся ими исследований:

- они были написаны, прежде всего, на основе материалов заводской статистики, очень неточных, а подчас и фальсифицированных, и обильно иллюстрированы высказываниями рабочих. Однако беседы проводились только с рекомендованными руководством предприятий «знатными» новаторами производства. Мнения рядовых рабочих игнорировались. Отсюда и общий тон изданий: они говорили преимущественно о победах, о создании «нового типа» человека, о достижениях в культурно-техническом росте рабочих <...> Их главная цель состояла в обосновании известных тезисов партийных документов того времени;
- из всего арсенала методов социологических исследований лишь в незначительной степени использовались методы неформализованного интервью и анкетного опроса. При этом обоснованной выборки исследователями не делалось. Анкеты раздавались по случайному признаку, обсчитывались вручную, их результаты давались в виде «слепой» процентовки;
- совершенно не критически производился отбор источников исследований. В частности, широко использовались изданные рабочими книги и статьи, многие из которых фактически писались знающими конъюнктуру журналистами;
- таким образом, эти исследования не учитывали накопленный в стране в 1920–1930-е гг. опыт, но и представляли существенный шаг назад по сравнению с ним. Сам этот опыт уральскими социологами в те годы обобщен не был. Не учитывался ни в коей мере и опыт мировой зарубежной социологии [33, С. 194–195].

Тема начала социологических исследований на Урале оказалась одной из центральных и в автобиографическом эссе Л.Н. Когана, написанного – скорее всего – через десять лет после цитированной статьи. Оно содержит многие дополнительные детали и новые суждения, оживляющие сказанное выше. Коган работал с Иовчуком с 1949 г. и с 1952 г. руководил всей работой на предприятиях, так что его воспоминания представляются крайне ценными.

Посмотрим, что стоит за фразой «таким образом, эти исследования не учитывали накопленный в стране в 1920–1930-е гг. опыт, но и представляли существенный шаг назад по сравнению с ним». Какой опыт имелся в виду и почему был сделан шаг назад, а не вперед? Сначала о названной книге:

Биографический сюжет № 22. Л.Н. Коган

Ни я, ни Иовчук, откровенно говоря, не имели понятия о методике и технике социологических исследований. Никакой литературы по социологии в Екатеринбурге не было. К счастью, я нашел изъятую в свое время, но сохраненную моим отцом книгу его коллеги В.И. Величкина «Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского металлургического завода», изданную маленьким тиражом в Свердловске в 1936 г.. Эта, к сожалению, забытая ныне монография заслуживает того, чтобы войти в историю российской социологии. Крупный организатор здравоохранения на Урале, врач-гигиенист В.И. Величкин провел сплошной анкетный опрос рабочих сравнительно небольшого (в то время) завода. Результаты вызвали резкое недовольство руководства предприятия, городских и областных партийных органов. <...> Автор называл свою работу санитарно-гигиеническим исследованием, но на самом деле она освещала все стороны жизни предприятия и сразу же была строжайше запрещена, упоминать ее было невозможно, а почти весь тираж уничтожен. Эта книга стала для меня первым учебником социологии. Иовчук, бегло просмотрев ее, категорически запретил мне какие-либо ссылки на нее даже в разговорах с аспирантами [35, С. 284–285].

Биографическая справка, найденная в сети, показывает, что книга, по которой Коган осваивал азы методики и техники социологии, была написана опытным специалистом. Владимир Иванович Величкин (1890–1953) окончил МГУ в 1915 г. и с 1927 работал на Урале, занимая весьма ответственные позиции в сфере гигиены труда. В 1941–47 – был директором Свердловского медицинского института. Был награжден орденами Ленина и «Знак Почета» [36]. Когда коллектив Иовчука начинал свой проект, Величкин был жив и, вообще говоря, мог консультировать начинавших социологов.

Руководство «Уралмаша» выделило для опроса лучшие цеха и участки, однако уже первые результаты привели в ужас заводское начальство. Несмотря на заявления о «всеобщем походе за знаниями», обнаружилось, что чем ниже образование группы рабочих, тем меньшая доля в ней учится. В парткоме завода появилось недовольство, социологов обвинили в искажении облика рабочего класса. Все таблицы были изъяты и сданы в спецотдел. Иовчук заверил партком, что «компрометирующие» завод цифры в книгу не войдут.

Несмотря на известность исследований уральских социологов-специалистов по социологии труда, их опыт не нашел широкого распространения в СССР и не оказал заметного влияния на становление социологии.

Г.В. Осипов характеризует и оценивает их следующим образом: «Формально первое социологическое исследование было инициировано группой свердловских ученых, в основном философов (рук. М.Т.Иовчук, члены исследовательской группы – Г.А. Пруденский, М.Н. Руткевич, Л.Н. Коган и др.). Осуществлялось оно с теоретических позиций исторического материализма, с использованием традиционных абстрактно-дедуктивных методов...» [18, С. 25]. Продолжая свой анализ полувекового развития социологии в СССР/России, Осипов отметил: «Первыми проведенными с позиций индуктивных методов, с использованием современного арсенала методического инструментария социологии стали исследования московских и ленинградских ученых. Их приоритет в данном случае бесспорен. И в первую очередь здесь надо назвать имена Владимира Ядова и Андрея Здравомыслова» [18, С. 25].

Принимая во внимание факт учреждения Советской социологической ассоциации (1958), создания первых социологических коллективов в Свердловске, Москве, Ленинграде и Молдавской ССР, завершение первых крупных социологических проектов и выхода ряда книг, в которых обобщались результаты теоретико-эмпирических исследований, выход за рамки истмата и другие обстоятельства, будет обоснованным считать, что второе рождение российской социологии состоялось на рубеже 1950–1960-х гг.

Именно тогда пошел отсчет времени движения в СССР марксистско-ленинской социологии, и траектория этого зигзагообразного движения в конце 80-х изменилась качественно, ибо само движение начало осуществляться в новой макросреде: брежневская эпоха завершилась и пришло время плюрализма мнений, гласности, смены идеологических императивов. Существовавшая в СССР социология внешне мягко переходила в иное состояние. Наступал период, который сейчас связывает-

ся не просто с выработкой новых парадигм и методов познания, но с глобальной социокультурной идеей возрождения российской социологии. Это произойдет, только если одновременно с разработкой новых теоретических конструкций и эмпирических приемов, соответствующих требованиям современности и позволяющих обновленной науке отвечать на важнейшие общественные вызовы, будет реализовываться программа изучения наследия, оставленного рядом поколений предшественников. И если выше, говоря о преемственности, прежде всего подразумевалась необходимость знания и учета опыта социологов, работавших в предреволюционные и первые постреволюционные годы, то теперь российская наука обрела еще один вызов. Ей предстоит проанализировать, обобщить, оценить сделанное в период между «оттепелью» и перестройкой и выработать методологию использования наработанного. Если этого не будет сделано, то фактически это будет означать новый разрыв непрерывности, или еще одно нарушение преемственности в развитии российской социологии.

Принципиально, что принятие концепции второго рождения, открывшего путь к возрождению, не требует кардинального пересмотра периодизационных схем, рассмотренных выше. Периодизация В.Э.Шляпентоха сохраняется в ее хронологическом членении процесса развития советской социологии, но период 1958–1965 гг. будет точнее называть не эмбриональным, но «младенческим». Ведь социология уже не вынашивалась, а родилась. Также сохраняется и схема А.Г. Здравомыслова, но в ней следует иметь в виду не просто «социологию», но «марксистско-ленинскую социологию».

Используя математическую терминологию, реализацию научной и социокультурной программы возрождения можно назвать «сглаживанием» процесса развития отечественной социологии, придания ему черт непрерывного. Однако в этой желанной единой, цельной, неделимой истории не будет одного *принципиального* для развития науки момента – человеческой, творческой, живой связи поколений, начавших работать после «оттепели», с их профессиональными предшественниками. Не будет передачи тепла рукопожатий. Никто даже из советских/российских социологов первого поколения не мог и не сможет сказать относительно кого-либо из столпов дореволюционной русской социологии: «...нас заметил и, в гроб сходя, благословил». Это – печальное следствие трагических событий начала XX века.

Итоги рассмотрения вопроса о генезисе постхрущевской социологии и ее отношения к дореволюционной и ранней советской социологии могут быть иллюстрированы с помощью прос-

той «двухконусной» модели, которая, мне кажется, отражает многое из сказанного экспертами. Замечу, что развитие науки, как и ряда эволюционных процессов, удобно и эффективно представлять в виде конуса, обладающего многими интересными математическими свойствами. К примеру, траектория движения сверху вниз по поверхности конуса, если это не падение по его образующей, дает расширяющуюся спираль. Наоборот, подъем от основания конуса к его вершине – сжимающуюся спираль.

Представим себе прямой конус, направленный вдоль оси времени, его основание расположено на уровне начала XX века, а вершина – конец 1930-х годов. Этот конус задает характер изменения дореволюционной русской социологии и ее перехода в раннесоветскую. В годы Гражданской войны резко сократилось число социологов, изменился их состав, произошло «сжатие» социологии как науки по всем критериям, принятым в науковедении и наукометрии. К концу 30-х социология в СССР как самостоятельная наука *выродилась в точку*, этому ее состоянию отвечает вершина конуса.

На рубеже 50–60-х стал формироваться новый конус, его вершина расположена над вершиной старого, а расширение происходит вверх вдоль оси времени. Пространство, прилежащее к новой вершине, указывает на существование небольшой группы социологов первого и второго поколения и области их научной деятельности, которая быстро формировалась, но оставалась весьма ограниченной. Затем идет слой, отвечающий периоду формирования социологов третьего поколения и совокупной сферы деятельности трех когорт ученых. Над ними – еще более широкое пространство – это область активности представителей уже четырех поколений. И так далее.

Подобно любой знаковой модели конструкция двух конусов имеет ограниченную объяснительную и эвристическую функцию. Но она несет в себе *импульс* для содержательных, собственно историко-биографических размышлений и исследований.

Литература

1. Лапин Н.И.: «Наша социология стала полем профессиональных исследований, свободных от идеологического диктата» // Социологический журнал. 2007. №1. С. 141–175; см. также Том 2, С. 89–127.
2. Докторов Б. Б.А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. №4. С. 2–13; см. также Том 3, С. 22–60.

3. Здравомыслов А.Г.: «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит – надо искать объяснение в мире людских отношений» // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2006. № 5. С. 2–10.
4. Яновский Р.Г. Суздальские письма Н.Д.Кондратьева // *Социологические исследования*. 2004. №5. С. 10–17.
5. Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным // *Социологические исследования*. 2004. №5. С. 4–10.
6. Кон И.С. 80 лет одиночества. – М.: Время, 2008.
7. Бачинин В. А.: «Есть ли Бог в социологии?». Рукопись. 2010. Архив Б.З. Докторова.
8. Шереги Ф.Э.: «Тогда я и пришел к выводу: СССР стоит перед распадом» // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2007. № 5. С. 5–14; см. также Том 2, С.1000–1026.
9. Шереги Ф. Э. Методический аппарат прикладной социологии 20-х годов (проблемы репрезентативности исследований) // *Социологические исследования*. 1978. № 1. С. 192–201.
10. Голосенко И.А., Зверев В.М. Социолог Агнеса Звоницкая: работы и судьба // *Социологические исследования*. 1991. № 2. С. 75–81 <<http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2006/05/10/0000276705/11Golosenko.pdf>>.
11. Колюс А.А. На старости я сызнова живу, минувшее проходит предо мною... (Интервью С.Л.Комлеву) // *Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли*. Вып. 1./ Редкол. В. А. Жамин (глав. ред.) и др. М.: Экономика. 1989 < http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn_newlife.pl?type=ru&links=../ru/kondratiev/biogr/kondratiev_b4.txt&img=brief.gif&name=kondratiev>.
12. Докторов Б., Козлова Л. «Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев?..» Рассуждения о том, как и для чего пишутся биографии 2007, июнь <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/doktorov_kozlova.html>.
13. Шляпентох В.Э. Умолчание имен как индикатор авторитаризма // *Новая газета*. 2007. 27 сентября <<http://www.novayagazeta.ru/data/2007/kentavr05/04.html>>.
14. Докторов Б. Российские реформы и история российской социологии. Тезисы к Международной научно-практической конференции «Гуманитарные стратегии российских трансформаций». Тюмень, 26–27 октября 2007 г. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/doktorov_reform.html>.
15. Заславская Т.И.: «...Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие – это наука» // *Социологический журнал*. 2007. № 3. С.137–169; см. также Том 2, С. 16–49.
16. Тощенко Ж.Т.: «Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина» // *Социологический журнал*. 2007. №4. С. 149–70; см. также Том 2, С. 471–500.

17. Социальная организация промышленного предприятия: соотношение плаинруемых и спонтанных процессов / Под ред. Н.И.Лапина. М.: Изд-во «Academia», 2005.
18. Осипов Г. В. Возрождение социологии в России: как это было на самом деле / Руковод.изд. проекта Г.В.Осипов. М.: 2008. С. 18–71.
19. Ильин В.И.: «Социология как образ жизни – это автономная сторона социологии как профессии» // Социологический журнал. 2010. №2. С. 134–160; см. также Том 2, С. 1136–1165.
20. Ионин Л.Г.: «Надо соглашаться с собственным выбором» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 3. С. 2–14; см. также Том 2, С. 654–687.
21. Сорокин В. Я сделал свой прогноз...// Наука и жизнь 28.02.2007 <http://www.nkj.ru/forum/user/3452/post/all/?PAGEN_1=6>.
22. Ядов В.А.: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...». Часть 2. // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев 2005. №4. С. 2–10; см. также Том 2, С. 210–233.
23. Здравомыслов А.Г. Социология как жизненное кредо // Социологический журнал. 2006. №3/4. С. 151–186; см. также Том 2, С. 50–88.
24. Беляев Э.В.: «Естественно-научные и социальные интересы – определяющая черта мой личности» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 3. С. 2–11; см. также Том 2, С. 572–599.
25. Артёмов В.А.: «Время было моим главным ресурсом...» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 5. С. 2–14; см. также Том 2, С. 294–328.
26. Ядов В.А. Методологические проблемы конкретного социологического исследования. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. доктора философских наук. Ленинград: ЛГУ им. А.А.Жданова. 1967.
27. Здравомыслов А.Г. Теоретические и методологические проблемы исследования социальных интересов. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. доктора философских наук. М.: АОН при ЦК КПСС. 1969.
28. Фирсов Б.М. История и роль социологии в России от XIX века до наших дней (Histoire et role de la sociologie en Russie du XIX siecle a nos jours). В кн.: Статья для хрестоматии: «Урочища русской памяти» / Ред. Ж.Нива и А. Архангельский. *Sites de la memoire russe (Russkie Urocisca)*. Paris: Editions Fayard. 2011. (в печати).
29. Shalin D.N. The Development of Soviet Sociology, 1956–1976 // Annual Review of Sociology. 1978. V. 4. P. 171–191.
30. Общая социология. Хрестоматия / Под ред. Н.И.Лапина. М.: Высшая школа. 2006.
31. Кукушкина Е.И. Русская социология и Западная наука (XIX-начало XX вв.) // Социологические исследования. 2006. №3. С. 113–119.
32. Кон И.С. Эпоху не выбирают. В кн.: Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 110–131.

33. Коган Л.Н. Анисимов С.А, Павлов Б.С. Из истории социологических исследований на Урале (конец XIX в. – 1985 г.). Свердловск, 1990. Цитируется по: Л.Н.Коган. Феномен многогранной творческой личности / Под ред. Ю.Р.Вишневского и др. Екатеринбург: ИПЦ «Маска». 2008. С. 189–197.
34. Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса. М.: Соцэргиз, 1961.
35. Коган Л.Н. «Неповторимая романтика социологии» В кн.: Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 280–300.
36. Величкин В.И. Уральская Историческая Энциклопедия <<http://www.ural.ru:8000/spec/ency/encyclopaedia-3-335.html>>.

ГЛАВА 4

ЛЕСТНИЦА ПОКОЛЕНИЙ СОЦИОЛОГОВ

В настоящей книге проблема поколений в советской/российской социологии является сквозной, таким образом, многие методологические задачи исследования истории современного этапа отечественной социологии и результаты анализа прошлого в значительной степени определяются описываемой ниже поколенческой стратификацией российского социологического сообщества. Поколенческий подход трактуется как модуль, соединяющий институциональное прочтение истории и собственно (в узком смысле) биографическое. Этот модуль позволяет переходить от одного уровня исследования прошлого к другому.

Поколенческая стратификация российского социологического сообщества

Тема поколений в современной российской социологии относительно нова. Вместе с тем уже

существуют некоторые подходы к подобной стратификации нашего сообщества, фиксирующие наблюдаемое возрастное и статусное расслоение.

А.Г. Здравомыслов связывал успешность анализа внутреннего поля социологии с вопросами разработки поколенческого подхода. В его конструкции [1] было два поколения. Первое – социологи-шестидесятники, второе – «примерно на 20 лет моложе». Называя наиболее активных и известных представителей первой группы, Здравомыслов указал имена социологов, годы рождения которых укладываются в одиннадцатилетний и достаточно однородный в социальном плане интервал от 1923 до 1933 года. Но, обозначая состав второй плеяды, он объединил людей, годы рождения которых заключены в промежутке от 1945 до 1961 года, продолжительность которого – 17 лет и который охватывает разные в социально-историческом отношении времена. Таким образом, вторая плеяда оказалась весьма неоднородной, и это подсказывает, что она объединяет в себе представителей разных поколений. К тому же, и я обсуждал эту тему со Здравомысловым, недостатком предложенной им поколенческой стратификации является то, что в ней вообще не отражена большая группа социологов, родившихся с 1934 по 1944 гг..

Л. Козлова обращается к рассматриваемой теме в связи с попыткой построения карьерно-профессиональной модели современных поколений российских социологов. Принимая во внимание ряд критериев развития карьеры, ею были выделены три поколения: «старшее» (родившиеся во второй половине 1920-х – 1930-е гг.), «среднее» (1940–1960-е гг.) и «младшее» по возрасту (1970-е и позже). Первое поколение далее подразделяется на два пласта: социологи-«шестидесятники», составляющие исследовательское крыло российской социологии, и социологи партийно-идеологического направления, образующие идеологическое крыло. Два других поколения – расщепляются вновь по возрасту; «среднее» – на старших, средних и младших, «младшее» – на старших и младших [2].

Козлова замечает, что границы выделенных ею когорты достаточно размыты, и потому представители предыдущего по хронологии слоя имеют много общего с представителями последующего, и наоборот. На мой взгляд, подобная размытость типологий на границах – явление нормальное, она характерна для многих социологических типологий вне зависимости от их предметно-объектных особенностей. Но то обстоятельство, что расщепление ею двух поколений повторно осуществляется по возрастному параметру (такое расслоение можно повторять многократно), указывает на необходимость даль-

нейшего логического поиска координат карьерно-профессиональной модели.

Ниже под поколением социологов понимается достаточно однородная по возрасту группа ученых, удовлетворяющая двум условиям: 1) их первичная социализация происходила в сходных исторических, социально-политических обстоятельствах и 2) их вхождение в социологию состоялось в рамках одной и той же фазы развития отечественной социологии.

Первое требование – очевидно, оно отвечает мангеймской традиции видеть в поколении совокупность людей, социализировавшихся в сходных условиях, и стало универсальным, базовым для когортного, поколенческого анализа. Второе – проистекает из того, что создаваемая система *профессиональных* поколений должна учитывать особенности становления постхрущёвской социологии в СССР и своеобразии личной деятельности ученого. В частности замечу, что в первые десятилетия современного периода российской социологии существовали принципиально разные пути вхождения в науку. Поэтому профессиональное становление ровесников, т.е. их дороги в социологию, нередко проходило в различных обстоятельствах и, следовательно, из принадлежности к одной возрастной когорте не вытекает автоматически принадлежность к одному поколению социологов.

Поколенческое стратифицирование социологического сообщества трактуется как построение типологии, в каждую секцию которой по определенным правилам может быть занесен каждый, кто в СССР/России занимался, занимается и будет заниматься в ближайшем будущем социологическими проблемами. В таком случае совокупность *всех* поколений – это идеальная конструкция, которая в историко-наукovedческих построениях может служить *моделью*, или теоретико-эмпирическим описанием возрастных страт этого профессионального цеха.

Существует большое число алгоритмов создания и анализа типологий, и эти правила могут быть объединены в две группы, описываемые принципами Эйнштейна, которые предлагались им для установления верности теоретических конструкций: принципы *внутреннего совершенства* и *внешнего оправдания*. Согласно первому, создаваемые теории (типологии) должны базироваться на минимально возможном числе общих положений, т.е. отказываться от введения *ad hoc* допущений, порождаемых локальными, частными факторами. Другими словами, стремление к учету логического требования предполагает конструирование такой модели поколений, в которой существовала бы внутренняя «числовая» гармония, простым было бы правило продолжения типологии в будущее и, если

надо, в прошлое, чтобы она легко выдерживала ее логически и математически оправданное дробление. Второй принцип утверждает, что новые типологии должны позитивно коррелировать с ранее выработанными и зарекомендовавшими себя классификациями и отвечать более широким требованиям среды, в которую погружены типологизируемые объекты. Критерий внешнего оправдания требует «простого и очевидного»: интерпретируемости типологии, ее привязке к биографиям людей, образующих эти поколения.

В этой главе рассматриваются лишь два аспекта типологизационной процедуры: вопросы о *количестве поколений* в современной российской социологии и их *временных границах*. Не будем бояться присутствия признаков «пифагорейства» в алгоритме конструирования типологии; много опаснее для устойчивости, жизненности любых типологий отсутствие подобных признаков. Математика не существует сама по себе, она отражает ядерные структуры мироздания и мышления.

Итак, поколения российских социологов – это, прежде всего, наделенные рядом социально-профессиональных характеристик возрастные группы, и потому их вычленение внутри профессионального сообщества в первую очередь связано с определением хроно-границ этих поколений, с нахождением их *временной* протяженности, или продолжительности. Формально эту задачу можно рассматривать как количественную, или «арифметическую». Но уже смоделированные поколения должны хранить в себе следы реального процесса развития отечественной социологии, соотноситься с множеством глобальных социально-политических процессов, формировавших поколенческую структуру всего советского/российского общества.

Построение *поколенческой стратификации* российского социологического сообщества развивалось мною итерационно: делались некоторые количественные построения и проверялась их интерпретируемость; затем процесс продолжался. Ниже представлена лишь *логика* движения к модели, но не отражена вся последовательность шагов.

После долгих попыток определения хроно-границ поколений я пришел к заключению о том, что существует лишь один способ *освободиться* от давления «Монблана» частных случаев: сделать все поколения *равной* продолжительности. Это важнейший, базовый принцип построения системы поколений; на мой взгляд, от него следует *отказаться лишь* при наличии весьма серьезных аргументов собственно исторической и конструктивно-методической природы. Причем, речь непременно должна идти о построении *конкурентной* модели, т.е. предлагающей иную, но непременно *полную* систему поколений.

На определенном шаге разработки типологии стало ясно, что для решения в будущем *конкретных* аналитических задач историко-биографической направленности эти *сконструированные*, или *модельные* поколения часто придется *дихотомизировать*: выделять внутри них естественные для поколенческого анализа подструктуры: «старшие» и «младшие». Следовательно, временной интервал, заключающий в себе годы рождения членов одного поколения, назову его «длиной поколения», должен непременно задаваться *четным* числом.

Аналогично, часто возникает потребность в расчленении всего поколения на столь же очевидные три группы: «старшие», «средние» и «младшие». Из этого, опять же сугубо логического требования вытекало, что длина поколения должна быть *кратной трем*. Наименьшим числом, одновременно делимым на 2 и 3, является 6. Таким образом, алгоритм конструирования поколений равной продолжительности включал в себя лишь одно требование: искомая длина поколения (на модельном уровне) должна быть кратной 6. Ничего «астрологического», таинственного в этих рассуждениях нет, как и отсутствует примат «числа» в собственно историческом анализе. Есть лишь понимание того, что типология поколений – не самоцель, это средство, *инструмент исследований* истории нашей науки, прежде всего – жизни и творчества ее создателей. И этот инструмент должен быть достаточно универсальным.

Итак, описанный алгоритм определения длины поколения сведен к двум простейшим и однозначно-формулируемым правилам: *равная* длина временных интервалов и *делимость* длины интервала на 6.

Каждое поколение в науке рождается и существует для того, чтобы ответить на некий общественный *вызов*: в его отсутствии наука прекращает развиваться. Потому в общем случае научное поколение не может быть очень коротким, тогда оно автоматически становится малочисленным, слабым, не способным ответить на вызовы истории и решить задачи развития теоретического и методического аппарата науки. Но поколения не могут быть и слишком продолжительными; в нормально развивающемся обществе в науке постоянно рождаются проблемы, и их решение – ответственность новых поколений.

Легко понять, что типология, базирующаяся на интервалах длиной в шесть лет, не отвечает *теоретическому* видению функции поколений в науке; они слишком короткие. Таким образом, длина интервалов должна быть увеличена, но при этом их искомая величина все равно должна делиться на 6. Следующим после 6 числом с таким свойством является 12.

Оно и положено в основу предлагаемой ниже системы поколений российских социологов.

Предложенное обоснование продолжительности поколений *равной длины* удовлетворяет требованию внутреннего совершенства. Ниже будет показано, что выделенной длины поколения удовлетворяют и требованию внешнего совершенства. Но прежде всего замечу, что 12-летние (или около того) поколения в структуре населения СССР/России, выделяемые по разным основаниям, достаточно распространены в социологической и демографической литературе, т.е. *логически* найденная длина в 12 лет не выглядит странной, непривычной, слишком продолжительной или чрезмерно короткой.

Н.А. Головин, соединяя формативные периоды первичной и вторичной социализации когорт с важнейшими событиями в истории СССР/России, выделил девять политико-поколенческих групп, родившихся в интервале с 1903г. до 2000 г. [3]. Приведу те из них, которые родились в период, охватываемый разрабатываемой типологией социологических поколений. Когорта «первых советских людей» (1903 – 1918 гг.), военное и послевоенное поколение (1919 – 1933 гг.), поколения «оттепели» (1934 – 1952 гг.), «застоя» (1953 – 1964 гг.), «перестройки» (1965 – 1971 гг.), «кризиса» (1972 – 1980 гг.) и поколение периода «относительной стабилизации» (1981 – 1990 гг.). «Длина» этих возрастных когорт варьирует от 7 до 19 лет, и их средняя продолжительность – 12, 5 лет.

В. Семеновой на основе субъективной самопрезентации респондентов было выделено четыре поколения (околовоенное, доперестроечное, переходного периода и постпереломное) каждой продолжительностью в десять лет [4].

Прежде всего, подчеркну два принципиальных обстоятельства. Первое, выше говорилось не о *всех атрибутах* типологии социологических поколений, но лишь о *длине поколений*. Второе, как показано выше, при обосновании *длины* социологических поколений, я не обращался ни к каким *содержательным* (собственно историческим) реалиям их формирования. Другими словами, к настоящему моменту изложения эти выделенные 12-летней продолжительности поколения можно рассматривать исключительно как плод пифагорейских, или «арифметических», построений. Содержательная сторона этих конструкций обсуждается ниже.

Определение «длины» поколения – лишь первый шаг в создаваемой типологии. Далее необходимо было расположить на временной оси эти 12-летней продолжительности интервалы так, чтобы они оказались привязанными к жизненным траекториям социологов. И *априори* не приходилось предполагать,

что социологические поколения каким-либо естественным образом будут вписываться в основные социально-исторические типы советского населения.

Вот здесь началась эмпирическая фаза создания теоретико-эмпирической типологии. Изучение биографической информации показывает, что значительное число ученых, с именами которых связано становление современной социологии в СССР, родилось в узком четырехлетнем интервале между 1927–1930 гг., серединой которого являются 1928–1929 гг. Помещая именно *это двухлетие* в центр искомого (первого) временя го интервала, в котором родились советские социологи-первопроходцы, и помня о 12-летней длине этого интервала, легко получить его левую границу – 1923 г. ($1928-5=1923$) и правую – 1934 г. ($1929+5=1934$). «Расположив» это базовое поколение на временной оси, мы – подчеркиваю – *автоматически* получаем положение на этой оси всех других поколений (Таблица 1). Каждый раз «левая» граница следующего поколения приходится на год, следующий за «правой» границей предыдущего поколения; при этом продолжительность каждого – 12 лет. *Исключением* из этого правила являются границы второго поколения.

Таблица 1

**Лестница поколений социологов в постхрущёвской
русской социологии**

Поколение российских социологов	Годы рождения	Центр интервала рождения поколения	Социально-хронологическое название поколения
первое	1923 – 1934	1928 – 1929	шестидесятники (первая волна)
второе	Последние годы 20-х –1934		шестидесятники (вторая волна)
третье	1935 – 1946	1940 – 1941	военное
четвертое	1947 – 1958	1952 – 1953	первое послевоенное
пятое	1959 – 1970	1964 – 1965	постоттепельное
шестое	1971 – 1982	1976 – 1977	предперестроечное (годы застоя)
седьмое	1983 – 1994	1988 – 1989	дети перестройки
восьмое	1995 – 2006	2000 – 2002	первое поколение постсоветской России

Итак, вся эта «лестница» поколений – результат двухшагового процесса. Шаг первый: маркировка на временной оси эмпирически найденного двухлетия 1928–1929 годы (центр периода рождения социологов первого послевоенного поколения) и определение левого и правого концов этого 12-летнего интервала. Шаг второй: простое, механическое расположение каждого следующего 12-летнего временного интервала встык с предыдущим. Замечу, в момент определения границ интервалов *невозможно* было сказать, каким образом найденные *профессиональные* поколения будут соотноситься с *историческими* поколениями советского общества.

Напомню, при создании типологии поколений современной советской/российской социологии *не принимались* во внимание никакие макрообстоятельства, никакие веховые для истории СССР/России моменты. Это делалось преднамеренно, по сути это было одним из следствий принципа внутреннего совершенства. Ибо стремление к априорной привязке лестницы *социологических поколений* к истории страны фактически требовало бы априорного выделения в прошлом СССР/России множества событий, детерминировавших процесс становления социологических поколений, т.е. надо было начинать весь процесс построения типологии с квантования истории страны. Очевидно, это крайне сложная в своей природе задача, явно лежащая вне пределов рассматриваемой темы.

То, что выделенные профессиональные поколения мягко, естественно вписались в исторический контекст, стало ясно, когда обнаружилось, что революционный 1917 г., ровно на дюжину лет отстоит в прошлое от одной из центральных точек интервала рождения первого поколения советских социологов (1929 г.). И ровно двенадцать лет отделяют большевистскую революцию от Первой русской революции – 1905 года. Сам 1929 год входит в историю России как момент «великого перелома». Далее с интервалом в 12 лет на временной оси «расположены»: 1941 – начало Великой отечественной войны и 1953 год, смерть Сталина. Еще через одиннадцать лет (1964 год, тоже являющийся центральным для поколения, вступившего в жизнь в 1959–1970 гг.) наступила эпоха Брежнева. 1977 г. оказался переломным в том плане, что Брежнев занял все высшие посты в стране и начался формироваться период, иногда называемый «культом, без личности». Наконец, 1989 г. – «пик» перестройки, реальные выборы Народных депутатов СССР, образование Горбачевского парламента.

Суммируя сказанное, можно утверждать, что действительно поворотные в истории страны события происходили именно в серединах указанных в Таблице 1 временных интервалов.

Это означает, что сами интервалы оказались (еще раз повторю, что алгоритм построения типологии этого *не предполагал*) не произвольно «нарезанными» временными промежутками, не абстрактными математическими образованиями, но интерпретируемыми теоретико-эмпирическими конструктами, логично вписывающимися в российский исторический контекст.

Здесь возникают два вопроса, относящихся к теме интерпретации найденных поколений. Первый, почему в российской истории наблюдается такая 12-летняя цикличность, т. е. почему именно с такой частотой в обществе возникают события, надолго задающие его изменения? Вопрос второй, почему поколения социологов так естественно вписались в некоторые типологии когортной организации населения?

Ответ на вопрос о том, почему выделенные когорты социологов так естественно вписываются в населенческие поколения, я хотел бы начать с утверждения о том, что *этого могло и не быть*. Но история именно так распорядилась. Сталин умер в 1953 г. и хрущёвская оттепель наступила в те годы, когда поколение родившихся в конце 1920 годов набирало гражданскую силу и оказалось подготовленным к тому, чтобы через несколько лет по собственной воле и в силу собственных интересов начать социологические исследования в нашей стране. Во второй половине 1940-х годов по личному указанию Сталина в Московском и Ленинградском университетах стали преподавать психологию и начался процесс возрождения советской/российской психологии, прерванный в конце 20-х – начале 30-х годов. На социологию это решение не распространялось. Трудно сказать, как развивался бы послевоенный процесс становления социологии в СССР и какие поколения взяли бы на себя роль первопроходцев, если бы Сталин умер на несколько лет позже и если бы осуждение «культы личности» состоялось позже и происходило бы иначе, чем оно происходило. Одно ясно, система (лестница) поколений советских/российских социологов была бы иной.

От модели к реальности: поколения социологов

Важнейшим атрибутом предлагаемой модели поколенческой стратификации является *открытость* временных интервалов, обозначенных в Таблице 1; другими словами, хроно-границы трактуются как «мягкие». Отсутствие жесткого разделителя между поколениями позволяет обоснованно решать два вида задач. Во-первых, при необходимости можно объединять, скажем «младших» какого-либо поколения со «старшими»

следующего. Во-вторых, при изучении творчества конкретного социолога, формально принадлежащего к одному из поколений, с учетом ряда обстоятельств можно относить к поколению предыдущему или следующему. Это возникает в тех случаях, когда годы рождения ученого лежат в начале или конце выделенного для данного поколения интервала.

Значительная протяженность временного интервала, образующего годы рождения представителей каждого из семи обозначенных поколений, а также мягкость границ этих модельных представлений не позволяют сводить описание особенностей поколений лишь к указанию событий, произошедших в середине этих интервалов, в точках смены социальных смыслов. Эти моменты лишь передают квинтэссенцию всего происходившего, его главную окрашенность. Однако в каждом интервале существует множество латентных, подготовительных политических, социокультурных, идеологических событий, готовивших вскоре наступавший разрыв между главными смыслами «вчера» и «завтра». Затем наступали последствия этих, общесторического звучания, по терминологии Б.А.Грушина, «социотрасений». Кроме того следует принимать во внимание, что все происходившее не могло восприниматься современниками тех событий одинаково, эти различия детерминировались множеством субъективных и объективных факторов. Если мы говорим о периодах возникновения поколений и формировании тех ощущений времени, которые постепенно составят основу чувства, ощущения своей принадлежности к определенному поколению, то, конечно же, подразумевается, прежде всего, период первичной социализации, юности и ранней молодости. И, естественно, что восприятие основополагающих для этого периода политических и социокультурных событий зависело от семьи и ее образа жизни, школы, каких-то случайных обстоятельств, определивших общие интересы, позже каким-то образом трансформировавшихся в выбор социологии как профессии. При этом очевидно, что формирование поколения – тем более социологов, в силу своих гражданских и профессиональных особенностей особенно остро реагирующих на происходящее в социуме, – не завершается в годы студенчества, а продолжает происходить под воздействием событий, задающих основные социально-исторические черты образов следующих поколений. Итак, процесс формирования поколений социологов многоаспектен, задается множеством обстоятельств и продолжителен, и прекращается лишь при завершении профессиональной деятельности человека.

Выше отмечалось, что в силу ненормального, т.е. искусственно прерванного процесса развития социологии в России,

профессиональное становление ровесников, т.е. их приход в социологию нередко проходил в различных обстоятельствах. Следовательно, необходимо говорить о двух составляющих процесса формирования социолога-профессионала. Это не разделенные во времени этапы, фазы, а скорее, качественно различающиеся, но одновременно развивающиеся процессы.

Один процесс можно охарактеризовать как *социально-биологический*, здесь главное – взросление человека и становление его как личности под воздействием совокупности макро и микро обстоятельств. Здесь индивид рассматривается, прежде всего, как представитель определенной возрастной когорты, внутренний мир и профессиональные ориентации которого развиваются по общим правилам, законам первичной, ранней социализации. И в общем случае этот процесс никак не соотносится с развитием социологии как науки в стране. А вот второй – это собственно *социологическая профессионализация*, овладение знаниями и опытом, вхождение в профессиональную среду, освоение традиций и кодов науки. При нормальном, т.е. непрерывном развитии научного знания и естественной смене научных кадров, социально-биологическое и собственно профессиональное в становлении поколений ученых в целом соотносено, при нарушениях такого хода движения науки параллелизм оказывается ослабленным.

Сказанное представимо в виде схемы, предусматривающей существование трех групп внутри каждой возрастной группы социологов. Вообще говоря, люди примерно одного возраста одновременно или в достаточно узком временном интервале входят в избранную ими науку и начинают делать профессиональную карьеру; при этом последующее будет развиваться по-разному и определяться множеством обстоятельств. Эта «типичная», обычно – наиболее многочисленная группа специалистов расположена в центре схемы.

Схема 1

Вхождение в профессию представителей одной возрастной когорты

Начало профессионализации			
возрастная когорта продолжительностью в 12 лет	с опережением	вместе с большинством поколения	с отставанием

Однако, во всех областях творческой деятельности, в науке – в частности, есть люди в силу удивительного сплава одаренности, трудолюбия, внутренней собранности, иногда по причинам внешнего характера развиваются в своей профессии быстрее

других представителей своей когорты. Это делает их в социальном, профессиональном плане старше своего биологического возраста. Со временем многое в этом плане выравнивается, но «эхо» раннего стремительного профессионального, иногда и карьерного роста всегда сопровождает таких людей.

Итак, критерии отнесения конкретного исследователя к тому или иному поколению выстроена, теперь это почти автоматически решаемая задача. Но сделаю принципиальное замечание: принадлежность к поколению – не титул и не звание. Система поколений – это лишь *особый историко-научоведческий концепт*, инструмент, позволяющий полнее описать становление отечественной социологии, ее коммуникационные сети, ролевые позиции ученых, соотносить «институциональное» и «человеческое».

Сейчас назову основные события, происходившие во временные отрезки, полученные в результате описанной выше типологической процедуры.

Первое поколение советских социологов (годы рождения: 1923–1934) входило в жизнь после смерти Ленина, в годы свертывания НЭПа и перехода к развернутому строительству социализма; на рубеже 1920–1930-х зарождался культ личности Сталина. На годы их детства/юности пришлись годы массовых репрессий конца 30-х, а затем – война. Старшие – участвовали в ней, младшие испытали всю тяжесть военного времени, оставаясь на территориях, занятых немецкими войсками, в блокадном Ленинграде, в труднейших условиях эвакуации. Многих из них потрясла смерть Сталина (5 марта 1953 г.), казалось, что потеряны главные ориентиры жизни. Их поздняя юность и ранняя молодость прошли в период политической оттепели, наступившей после доклада Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX Съезде КПСС (февраль 1956 г.), десталинизации. Свою профессиональную (социологическую) деятельность они начинали на рубеже 1950–1960-х годов, практически «с нуля», *самостоятельно осваивая* современные для того времени теории и эмпирические методы социологии.

Второе поколение (годы рождения: вторая половина 20-х – 1934) – особое в предлагаемой типологии. Его «странность» заключается в том, что его представители по возрасту в среднем лишь ненамного моложе ученых, образующих первую возрастную когорту. Как личности «вторые» формировались в том же социальном пространстве, что и «первые». Однако в силу разных жизненных обстоятельств «вторые» пришли в социологию несколько позже «самых первых». Возникновение именно такого второго поколения – прямое следствие, или индикатор *ненормальности* развития социологии в стране. Аномалия за-

ключается в том, что представители второго поколения, фактически будучи ровесниками «первых», одновременно *были их первыми учениками*.

Пока сложно сказать, чем в своем мироощущении и творчестве второе поколение отлично от первого, об этом можно будет говорить лишь по итогам специальных историко-научно-исследовательских исследований, тем более что многие из «старейшин» нашего цеха продолжают активно работать. Оба этих поколения относятся к шестидесятникам. Но «первые», так сложились их судьбы, входили в социологию *азартно, горячо*, «вторые» – более трезво, взвешенно, им приходилось *отказываться* от ранее избранного ими профессионального пути (среди них были журналисты, партийные и комсомольские работники, юристы, учителя и т.п.). Некоторые из них приходили в социологию в результате глубокого пересмотра своих политико-нравственных воззрений.

Тот факт, что отнесенным мною ко второму поколению социологов уже было у кого учиться, чей опыт перенимать, является главным критерием для включения всех их во вторую когорту российских/советских социологов. Возраст здесь является вторым, сопровождающим критерием.

Все поколения после второго имеют свою *собственную* нишу на временн ой оси.

Детство *третьего* поколения (годы рождения: 1935–1946) пришлось на годы войны, старшие – в полной мере хлебнули ее тяготы, и помнят нелегкое послевоенное время. Атмосфера «оттепели» осознавалась представителями этого поколения через песни Окуджавы, стихи поэтов-фронтовиков и поэтов ентушенковского «призыва». Общая социальная, идеологическая среда, в которой формировалась эта когорта, формировала их менее политизированными, чем старшие социологи, менее скованными в своих рассуждениях об общественном устройстве, более критичными в отношении советской политической системы.

Одной из особенностей третьего поколения, которая обнаруживается в специфике его вхождения в социологию и которая определяет его роль в становлении советской/российской социологии, является характер базового образования значительной части его представителей. Так, среди них значительно выше, чем в первых двух и в следующем поколениях, доля пришедших в социологию с математическим, физическим или техническим образованием. По своим политическим взглядам, по общему мироощущению третье, «военное» поколение можно назвать младшими шестидесятниками. Однако в своих философских представлениях многие из них скорее склонялись

к позитивизму, чем к марксизму, а в отношении к окружавшему их социальному миру – менее романтичны, чем их старшие коллеги.

Первое поколение, почувствовав время и ощутив свои силы, оторвалось от традиционного для тех лет теоретико-идеологического познания общества и перешло к его наблюдению и измерению. Второе – активно способствовало расширению предмета нового типа обществоведческих исследований и внесло в нарождавшуюся советскую социологию свой к тому времени уже немалый жизненный, практический опыт. В третьем – оказалось много математиков, поскольку необходимо было налаживать обработку больших массивов первичной информации. К тому же, именно социологами третьего поколения по инициативе и при поддержке «отцов» был сделан первый заметный шаг в сторону освоения феноменологических теорий и методологии мягких методов.

Четвертое поколение социологов (1947–1958) – послевоенное – формировалось в атмосфере, складывавшейся в СССР после смерти Сталина. XX Съезд КПСС и «венгерские события» не могли коснуться их напрямую, но освоение целины, полеты первых спутников и Юрия Гагарина, «пражская весна» – составляющие той социальной атмосферы, в которой прошла их юность и ранняя молодость. По возрасту – это поколение детей социологов первого призыва.

Пятое поколение (годы рождения: 1959–1970) входило в жизнь и взрослело вместе со становлением и трансформацией брежневской эпохи: строительство БАМа и начало войны в Афганистане, Хельсинский мирный договор и ссылка А.Д. Сахарова в Горький. Великая Отечественная входила в сознание многих представителей этого поколения через чтение «Малой земли» и вручение в 1978 году ордена Победы маршалу Л.И. Брежневу.

Представители *шестого* поколения (годы рождения: 1971–1982) в детстве тоже наблюдали все это, но их гражданское сознание формировалось уже в годы перестройки и реформ Б. Ельцина. О войне они узнавали уже не от родителей, но от дедушек и бабушек, песни Галича и Окуджавы для них менее «свои», чем Высоцкого, Гребенщикова и Цоя.

О последнем – *седьмом* поколении (годы рождения: 1983–1994) еще рано говорить, но следует помнить, они – скорее дети эпохи В. Путина, чем Б. Ельцина.

Следует осознавать, что на важнейшие социальные и внутринаучные вызовы отвечает не поколение, заставшее их в уже зрелом, «утопленном» возрасте, и не родившееся в период их возникновения (им еще предстоит созреть граждански и про-

фессионально), а представители наиболее активной, подготовленной на момент этого «звонка» возрастной когорты. Первые два поколения – «шестидесятники» – родились во второй половине 20-х–начале 30-х, но вступили в дело, почувствовав и прочувствовав признаки хрущёвской оттепели. В то время это были тридцатилетние люди, имевшие и достаточно богатый жизненный опыт и знания в области философии, истории, экономики. Третье поколение входило в социологию преимущественно в конце 60-х–начале 70-х, тогда крайне актуальным для развития советской социологической науки как средства обнаружения и описания социальных противоречий было освоение методов сбора и обработки эмпирической информации и повышение надежности процесса измерения. Не случайно тогда в очень короткий временной интервал в Москве и Ленинграде, в других крупных городах Союза в социологические подразделения пришла значительная группа молодых людей с математической подготовкой. Им предстояло заниматься вопросами выборки, шкалированием, созданием программ для простейшей обработки больших массивов, освоением правил интерпретации результатов математической обработки. Прошло четыре десятилетия, и сегодня часть этих задач воспринимается как рутина. Но это произошло и потому, что третье поколение ответило на те вызовы.

«Шестидесятники» вытянули на себе рождение социологии, и они же стали первыми в годы перестройки, это ненормально, но это – отражение того, как развивалась наша социология. Однако, в первых рядах тех, кому предстоит ответить на вызовы современной глобальной социологии и «путинского периода», должны быть сегодняшние 30-летние (шестое поколение).

Выше отмечалась «открытость» поколенческих границ, сложность в прописке тех или иных ученых, особенно родившихся в пограничных зонах, к тому или иному поколению. Это – объективная характеристика любой строго операционализированной типологии. Однако, необходимо оговорить и наличие субъективного момента – понимание человеком своего места в поколенческой стратификации современного российского социологического сообщества. Мне не раз приходилось встречаться с суждением социологов о своем «промежуточном», межпоколенном положении.

З.Т. Голенкова (1939 год рождения) начала свое биографическое интервью словами: «Раннее детство моего поколения пришлось на довольно суровые годы, годы войны» и затем: «Дети очень быстро выросли, послевоенное поколение или военное поколение очень быстро понимали...». Таким образом, в системе поколений населения она четко нашла свое рас-

положение. Затем ей был предложен вопрос относительно ее принадлежности к профессиональным поколениям. Ее ответ: «К «промежуточному». Я не попала в старшее поколение, мне не хватило десяти лет. И к молодому не могу уже себя причислить в силу возрастных особенностей. Поэтому я как-то между поколениями оказалась» [5].

В одном из писем Т.З.Протасенко (1946 год рождения) отметила, что верхняя граница возрастного интервала третьего поколения (1946 год) проведена неверно. Родившиеся в 1945 и 1946 г. относятся к послевоенной когорте, и потому значительно отличны от родившихся несколькими года ранее. По ее представлениям, важнее учитывать, не годы рождения, но время завершения ВУЗа¹⁴.

В. В. Семенова (1950 год рождения), рассказывая о себе, заметила: «Я не могу сказать, что я как социолог отношу себя к какому-либо из поколений. Скорее есть ощущение, что я попала в некий «зазор» между ними. С одной стороны, я всегда ощущала идейную, да и административную, близость с шестидесятилетками, хотя по возрасту была значительно младше. Они считали меня «своей» <...> С другой стороны, в постперестроечное поколение тоже не попала, поскольку по возрасту уже не попала в число тех, кто проходил через учебу и стажировки в западных университетах» [6].

Представляется, что здесь мы имеем примеры, с одной стороны, упрощенного подхода к строению лестницы поколений социологов, с другой – с акцентирования *ad hoc* допущений в алгоритмах строения такой типологии. В ответе Голенковой неявно проявился бинарный подход к стратификации поколений: «старшие» и «младшие». Ознакомившись со строением предлагаемого мною поколенческого строения социологического сообщества, она написала: «По поводу «поколения социологов», наверно ты прав. Возможно, это «третье поколение». И чуть далее: «Я согласна, что от «промежуточного» поколения можно отказаться. Я рада быть с Вами!»¹⁵. Крайне ценно и ее объяснение того, почему она относилась к «промежуточному»: «Просто я значительно раньше представителей третьего поколения пришла в социологию. Я уже в 1966 г. после МГУ <...> начала работать в секторе «Новых форм труда и быта» (зав. Г.В. Осипов) в Институте философии АН СССР, старшим лаборантом, а потом плавно перешла в ИКСИ АН СССР

¹⁴ Электронное письмо Т. З. Протасенко Б. З. Докторову от 30 апреля 2009 г.

¹⁵ Электронное письмо З. Т. Голенковой Б. З. Докторову от 11 января 2010 г.

в 1968 г. и в этом же институте работаю до сих пор». Действительно, многие из этого поколения пришли в социологию позже, однако есть и пришедшие раньше или в то же время.

Ощущение своей принадлежности к профессиональному поколению это – сложное образование, детерминирующееся многими обстоятельствами. Трудно сказать, какое из них важнейшее, но начать можно с численности людей, образующих поколение. Тех, кто составляет активную часть первого и второго поколений всегда было мало, и значительная их часть жила в Москве, Ленинграде, Свердловске, Новосибирске и еще небольшом числе городов; во второй половине 60-х практически все активно работавшие социологи знали друг друга лично или по публикациям. Поэтому в этих стратах чувство принадлежности к поколению наиболее развито. Затем численности когорт стали расти, география деятельности социологов расширяться и – конечно – доминирующим стало понимание себя частью некоей географической общности и группы специалистов, участвующих в разработке тех или иных проблем социологии. Разрастались также отношения «начальник-подчиненный», «преподаватель-студент», «профессор-аспирант», т.е. разные формы связей «старший-младший». При этом внутр поколенные связи явно ослабевали. Тем не менее, представители третьего поколения в целом неплохо знают друг друга лично или по публикациям. О масштабах и характере внутр поколенных связей в четвертом и следующих поколениях известно мало. Развитость «чувства поколения» зависит и от личностных особенностей социолога: в частности, от того, насколько активно он публикуется, участвует в различных научных форумах, от его общительности.

В чем эвристическая сила и аналитическое удобство поколенческого подхода? В том, что он позволяет рассматривать влияние эпохи, социального времени на группы социологов и, таким образом, реализовывать то положение, что прорывы в науке делаются единицами, а сама наука – поколениями. Наука и время обращают свои вызовы всем или многим, но их «улавливают» далеко не все, скорее – единицы. Если речь идет о серьезных вызовах, то общность ученых, фиксирующая их, чаще всего – в силу существования устойчивых собственных научных интересов и загруженности – не будет вовлекаться в поиск ответов на эти вызовы, а возложит это на своих учеников: младших коллег, аспирантов и студентов.

То обстоятельство, что за решение новых задач принимаются молодые специалисты примерно одного возраста, с одной стороны, создает предпосылки для формирования групп ученых, которые потом в течение многих лет будут исследовать эту проблему, с другой – именно это обстоятельство создает ус-

ловия для возникновения внутригрупповых и внутрипоколенных лидеров. Таким образом, отдельные ученые «обгоняют» свое профессиональное поколение. Но бывает и иначе, к решению новой проблемы подключаются – случайно или специально – люди, уже какое-то время поработавшие в ином направлении науки или вообще пришедшие из другой науки. Тогда они как бы «отстают» от своего поколения. Все это обнаруживается при анализе не модельного (лестница поколений), но реального строения поколений.

В книге предполагается проанализировать становление и деятельность лишь *первых четырех поколений*. Но методология исследования, описания этих поколений, может быть применена и при изучении следующих «волн» специалистов. Самые старшие из представителей пятого поколения отметили в конце первой декады нового века свой полувекковой юбилей, седьмое – еще формируется. Некоторые из тех, чьи годы рождения приходятся на два предперестроечных года, уже имеют дипломы с профессией «социолог», а кто-то находится на пороге защиты кандидатской. Но среди тех, кто в ближайшее десятилетие вольется в это поколение, многие еще вообще не сделали своего профессионального выбора. Замечу, что каждое новое поколение вписывается в существующую схему поколений и принимает существующую в ней систему профессиональной коммуникации и этики. Молодые в основном следуют стандартам своих учителей, наставников, университетских преподавателей, учатся по их книгам, участвуют в руководимых ими семинарах. При этом зачастую асимметрия отношений «учитель-ученик», «профессор-студент», сохраняется на всю жизнь, даже при наличии небольшой возрастной разницы между людьми.

Фокусирование внимание на первых четырех поколениях объясняется не только тем, что сейчас еще недостаточно информации для описания жизненных путей представителей более поздних когорт. Дело еще и в том, что профессиональные траектории этих социологов складывались в постперестроечное время, когда многое из того, что принципиальным образом детерминировало сознание и поведение социологов предыдущих поколений, стремительно размывалось. Прежде всего: давление идеологии, цензура, ограничения на контакты с представителями западной социологии. Все социологи первых трех поколений и преобладающая часть образующих четвертый «слой», сначала были советскими социологами, а затем стали – российскими. Все следующие поколения – «чисто» российские; для старших из них советская действительность существует в воспоминаниях детства и ранней юности, младшие – вообще не имеют собственного опыта контактов с нею.

Матрица биографий

Сказанное о структуре социологических поколений и о возникающих в ряде случаев сложностях с отнесением тех или иных социологов к конкретным поколенческим образованиям, а также некоторые другие обстоятельства уже на ранних стадиях анализа собранного массива биографий делали необходимым выработку метода «сжатия» и упорядочения накопленной информации. Без этого было невозможно решение главных исследовательских задач – описание жизненных и профессиональных траекторий российских социологов и формулировка общих историко-научоведческих заключений. Принимая во внимание тот факт, что почти каждое из проведенных по электронной почте интервью имеет объем около двух авторских листов, становится понятным, что в совокупности это весьма значительный по объему и сложный по составу информационный массив. Сложность определяется природой (тематикой) биографического дискурса как такового и нестандартизованностью интервью.

Прежде чем двигаться дальше, обозначу общие параметры массива биографий, анализируемого ниже. Прежде всего отмечу его неоднородность, что типично для любого рода исторических исследований. В общем случае представляется оправданным говорить о двух частях изучаемого массива биографий: во-первых, *основной массив* и, во-вторых, *дополнительный*. Основной – является главным объектом исследования, обращение к дополнительному обусловлено необходимостью расширения основного массива, усилением доказательной и иллюстративной составляющих проводимого историко-биографического анализа, а также стремлением к более полному показу коммуникационных сетей, действовавших/действующих внутри советского/российского социологического сообщества.

Основной массив – это совокупность биографий социологов, имена которых приведены в Таблице 2. Это – 51 социолог, представляющие четыре поколения ученых: девять социологов первого поколения, 10 – второго, 19 – третьего и 13 четвертого. В приведенной «арифметике» нет никакой устремленности к репрезентации поколенческого строения нашего профессионального сообщества, была лишь установка на формирование достаточно «объемных» групп для поиска того, что их роднит и что – разделяет.

Этот массив биографий назван *основным*, поскольку он образован в ходе работы над данным проектом. С большинством социологов этого массива (43 респондента) биографические ин-

тервью по электронной почте были осуществлены мною, одно личное интервью с А.В. Барановым было проведено Марией Алесиной, но мною задавалось общее направление их беседы. Включена в этот набор и информация, сообщаемая мною как респондентом. При освещении жизни и работы И.С. Кона активно использовались его автобиографическая книга «80 лет одиночества» и материалы нашей электронной переписки. Наконец, есть группа из шести социологов, с которыми я не успел или не мог провести интервью: Г.С. Батыгин, Б.А. Грушин, В.Б. Голофаст, Я.С. Капелюш и Ю.А. Левада, но которых я лично знал и жизненные пути которых мною целенаправленно анализировались.

Таблица 2

Перечень социологов, биографии которых составляют основной массив исследования (51 человек)

ФИО	Даты жизни	Ученая степень	Место жительства
Поколение 1			
Грушин Борис Андреевич	1929–2007	д.ф.н.	Москва
Заславская Татьяна Ивановна	1927	д.э.н.	Москва
Здравомыслов Андрей Григорьевич	1928–2009	д.ф.н.	Москва
Кон Игорь Семенович	1928–2011	д.ф.н.	Москва
Лапин Николай Иванович	1931	д.ф.н.	Москва
Левада Юрий Александрович	1930–2006	д.ф.н.	Москва
Шляпентох Владимир Эммануилович	1926	д.э.н.	США
Ядов Владимир Александрович	1928	д.ф.н.	Москва
Ельмеев Василий Яковлевич	1928–2010	д.ф.н., д.э.н.	С.-Петербург
Поколение 2			
Алексеев Андрей Николаевич	1934	к.ф.н.	С.-Петербург
Артемов Виктор Андреевич	1938	д.ф.н.	Новосибирск

Продолжение табл.

ФИО	Даты жизни	Ученая степень	Место жительства
Баранов Альберт Васильевич	1930	к.ф.н.	С.-Петербург
Гишинский Яков Ильич	1934	д.ю.н.	С.-Петербург
Максимов Борис Иванович	1934	к.ф.н.	С.-Петербург
Русалинова Алла Александровна	1931	б/с	С.-Петербург
Столович Леонид Наумович	1929	д.ф.н.	Тарту, Эстония
Тощенко Жан Терентьевич	1935	д.ф.н.	Москва
Тукумцев Будимир Гвидонович	1927	к.ф.н.	С.-Петербург
Фирсов Борис Максимович	1929	д.ф.н.	С.-Петербург
Поколение 3			
Беляев Эдуард Викторович	1936	к.ф.н.	США
Божков Олег Борисович	1941	б/с	С.-Петербург
Воронков Виктор Михайлович	1945	б/с	С.-Петербург
Голофаст Валерий Борисович	1941–2004	к.ф.н.	С.-Петербург
Гофман Александр Бенционович	1945	д.с.н.	Москва
Докторов Борис Зусманович	1941	д.ф.н.	США
Ионин Леонид Григорьевич	1945	д.ф.н.	Москва
Капелюш Яков Самуилович	1937–1990	к.ф.н.	Москва
Кесельман Леонид Евсеевич	1944	б/с	С.-Петербург

Продолжение табл.

ФИО	Даты жизни	Ученая степень	Место жительства
Константиновский Давид Львович	1937	д.с.н.	Москва
Могилевский Роман Семенович	1938	к.ф.н.	С.-Петербург
Панова Людмила Васильевна	1938	к.э.н.	С-Петербург
Петренко Елена Серафимовна	1940	к.ф.н.	Москва
Протасенко Татьяна Захаровна	1946	б/с	С.-Петербург
Саганенко Галина Иосифовна	1941	д.с.н.	С.-Петербург
Смирнова Елена Эмильевна	1941	д.ф.н.	С.-Петербург
Толстова Юлиана Николаевна	1942	д.с.н.	Москва
Травин Виктор Иванович	1936	к.ф.н.	С.-Петербург
Шереги Франц Эдмундович	1944	к.ф.н.	Москва
Поколение 4			
Батыгин Геннадий Семенович	1951–2003	д.ф.н.	Москва
Бачинин Владислав Аркадьевич	1949	д.с.н.	С-Петербург
Беспалова Юлия Михайловна	1955	д.с.н.	Тюмень
Давыдов Андрей Александрович	1954	д.с.н.	Москва
Здравомыслова Елена Андреевна	1953	к.с.н.	С.-Петербург
Илле Михаил Евгеньевич	1952	б/с	С.-Петербург
Ильин Владимир Иванович	1950	д.с.н.	С.-Петербург

ФИО	Даты жизни	Ученая степень	Место жительства
Козлова Лариса Алексеевна	1956	к.ф.н.	Москва
Мялков Александр Юрьевич	1954	д.с.н.	Иваново
Семенова Виктория Владимировна	1950	д.с.н.	Москва
Тарусин Михаил Аскольдович	1958	б/с	Москва
Чирикова Алла Евгеньевна	1951	д.с.н.	Москва
Ядов Николай Владимирович	1957	к.п.н.	С.-Петербург

Годы рождения этих ученых заполняют три десятилетия: от 1926 г. до 1958 г., и на конец 2010 г. возрастное распределение респондентов было таким: 15 человек – 75 лет и старше, 20 человек – от 61 до 74 лет и 9 человек – от 52 до 60 лет; восемь социологов, биографии которых рассматриваются, умерли в период с 1990 по 2010 годы. В массиве 12 женщин и 39 мужчин.

29 человек из основного биографического массива имеют степени доктора наук, среди них: один академик РАН – Т.И. Заславская и двое член-корреспонденты Н.И. Лапин и Ж.Т. Тощенко, 15 – являются кандидатами наук и семеро – не имеют научных степеней.

21 человек из представленных в Таблице 2 – москвичи, 23 – петербуржцы, по одному человеку из Иваново, Новосибирска и Тюмени; наконец, трое – бывшие советские социологи, к моменту интервью уже достаточно долго жили в США и один – в Эстонии. Вместе с тем отмечу, что в рассказах респондентов о прожитом отражен не только опыт их работы в городах, в которых они жили в момент опроса. Представлена более широкая география становления и развития советской социологии; так Заславская, Константиновский и Шляпентох много лет работали в Новосибирском академгородке, Тощенко – в Красноярске, Тукумцев – в Самаре. Прежде, чем уехать в Москву, Кон, Здравомыслов и Ядов многие годы проработали в Ленинграде и создали ленинградскую социологическую школу. Травин родился, получил образование и начал работать как социолог в Москве и позже переехал в Ленинград.

Дополнительный массив имеет два «пласта». Первый пласт – это в основном автобиографические интервью, вошедшие в подготовленную Г.С.Батыгиным книгу по истории российской социологии [7], и ряд бесед, опубликованных в социологических журналах в последнее десятилетие. Второй пласт включает рассказы социологов, которых я интервьюировал, о своих коллегах и наставниках. Вспомогательный массив включает в себя свыше 40 биографий.

Таким образом, в целом в книге описаны и проанализированы в разной степени подробности пути в социологию и исследовательская деятельность около сотни ученых. Все интервью, проведенные мною, образуют содержание Тома 2. Биографические очерки включены в Том 3.

Весь собранный биографический материал можно мысленно представить в виде матрицы; каждый столбец которой – это информация об одном социологе. Строки матрицы – это ниши, ячейки, обобщенные координаты семантического пространства, образованного содержанием, тематикой всех биографических интервью. В силу качественной неоднородности и многомерности этого пространства, оно не может быть упорядочено по одному критерию, хотя здесь видны два главных предметных подпространства. Одно – содержит характеристики биографий социологов, в нем расположено описание траекторий их жизни: информация об их ранней, первичной социализации, о вхождении в социологию, о собственной карьере. Другое подпространство хранит в себе мнения, рассуждения опрошенных о развитии и становлении советской/российской социологии, о событиях прошлого-настоящего, о людях, с которыми они работали.

Условно первое подпространство может быть названо «собственно биографическим», или просто «биографическим», и его анализ позволяет увидеть индивидуальные и коллективные (поколенческие) жизненные пути социологов, соединить собственно биографическое с макросредовым: политическими, идеологическими, социокультурными характеристиками времени. Второе подпространство – «историко-социологическое». Можно сказать так: историко-институциональные исследования, в которых социолог рассматривается, прежде всего, и преимущественно как профессионал, как носитель и творец тех или иных теоретических конструкций, часто – как функционер по сути осуществляется внутри историко-социологического подпространства. С другой стороны, работа аналитика исключительно в «биографическом» подпространстве на выходе оказывается лишь серией жизнеописаний социологов, коллекции портретов, но не показывает процесса развития науки.

Сформулированные выше два исследовательских направления: история в биографиях и биографии в истории реализуются в процессе перемещения между обозначенными семантическими подпространствами.

Свыше трех десятилетий назад, в 1976 г., И.А. Голосенко выделил три главных типа интерпретации истории социологической мысли; в определенном смысле его подход может быть использован и для обозначения различных подходов к истории социологии. Первый тип интерпретации Голосенко назвал: «биографическим», второй – «социологическая мысль как система». Третий тип не получил своего названия, но про него было сказано: «Здесь социологические идеи анализируются не только в логическом контексте, но и в культурном, социальном, т.е. в более широкой системе отношений и связей [8]. Сформулированные Голосенко типы исторических поисков, с рядом оговорок, есть не что иное, как исследования в «биографическом» подпространстве (первый тип), в «историко-социологическом» (второй тип) и как подчиненное общей идее исследование в обоих подпространствах (третий тип). По мнению Голосенко, именно этот тип интерпретации истории наиболее важен и плодотворен.

Изучение и изложение истории становления современной американской опросной технологии шло по «столбцам», т.е. через рассмотрение творчества создателей этой технологии [9]. Движение, как правило, начиналось из биографической части семантического пространства, а потом продолжалось сложным петлеобразным способом. Отчасти такой маршрут был производной от избранной методологии биографического анализа, но уточнялся он практикой исторического поиска. К примеру, иногда через какое-то время, когда все известное мне о жизни и деятельности того или иного человека было проанализировано и описано, обнаруживалось, что ранее не известный мне человек встречался с моим героем и оставил о нем ценные воспоминания. Этот новый сюжет мог не иметь четкой временной прописки, но интересным образом характеризовал как говорящего, так и того, о ком он говорил. Нахождение на уже созданном портрете места для новой краски иногда бывало очень сложным делом, но я стремился найти его, поскольку это придавало дополнительную объемность сделанному ранее.

Второе важное условие применения «постолбцовой» методологии в историко-биографическом исследовании, это непрерывность прошлого-настоящего, которая предопределяет возможность прослеживания динамики науки и развития профессиональной коммуникации на длительном интервале времени. При этом имеется в виду, что непрерывность развития науки, особенно – социальной, возможна лишь в эволюционно меняю-

щемся обществе, в котором не наблюдается резкого изменения основополагающих социальных институтов.

Оба эти условия для использования «в чистом виде» «постолбцового» биографического анализа не выполняются при исследовании прошлого/настоящего советской/российской социологии. Конечно, можно говорить о ключевых фигурах постхрущёвской социологии, но их, очевидно, больше, чем одна-две. Соответственно, выбор респондентов для проведения биографического интервью был принципиально иным, чем при изучении американской истории опросных методов. И последнее, процесс развития социологии в России – принципиально прерывистый. Есть по крайней мере три точки разрыва: революция 1917 г., конец 1920-х – начало 1930-х, когда социологические исследования в СССР были прекращены, и вторая половина 1980-х – начало 1990-х, включившая в себя перестройку, распад СССР и возникновение новой, постсоветской России.

Сказанное объясняет, почему в настоящей книге предпринимается попытка описания истории советской/российской социологии в опоре на «построчный анализ» информации, заложенной в биографиях-столбцах. Работа становится *не серией биографических очерков*, но сюжетным, динамически организованным изложением истории социологии, какой она предстает в биографиях и воспоминаниях исследователей. Логика такого анализа задается целями исследования и учитывает содержание проведенных интервью.

Методология стратификации «биографического подпространства» определяется особенностями интерпретации, прочтения собранной информации. Биографические данные никогда не «отрываются» от индивида, сообщившего их, они всегда представлены как «именные». Однако весь материал рассматривается, прежде всего, как отражающий жизнь поколения, к которому принадлежит респондент, и профессионального сообщества в целом. Именно такой прием позволяет реализовать обозначенное исследовательское направление «биографии в истории». Аналогично, многое из сообщенного конкретным человеком о тех или иных явлениях, отражавшихся на его деятельности, трактуются как элементы среды, в которой формировался и действовал не только он, но в которой пребывало большинство представителей его профессионально-возрастной когорты. Легко понять, что использование описанного интерпретационного правила открывает путь для синтеза индивидуального, поколенческого и межпоколенческого, а также объективного (характеристик среды) и субъективного (отношения к среде).

Структура «биографического подпространства» включает в себя пять блоков информации, обозначаемых как: «память

о родителях и детстве», «выбор жизненного пути», «вхождение в профессию», «годы застоя» и «перестройка в судьбах социологов». Если принять во внимание, что старшие из современных советских/российских социологов родились в конце 1920-х годов, то наблюдаемый период времени – восемь десятилетий, так что история отечественной социологии, опирающаяся на беседы с ее создателями, вписывается в широкий социокультурный контекст развития страны. Первые два блока – собственно биографичны, особенно если иметь в виду годы детства и юности представителей первых трех поколений. Поле массовой информации, в котором они существовали, их школьные программы, их разговоры с родителями и друзьями фактически были свободны от слова «социология» и производных от него. Также никто не мог говорить с ними о социологии как о профессии. Четвертое поколение оказалось уже несколько в иной ситуации, родившиеся в начале 1950-х годов, в 15–16 лет, в принципе уже могли слышать о социологии и о социологах. В частности, это были дети первых социологов и друзья детей.

Другие информационные блоки являются одновременно биографическими и историко-социологическими. Анализ этой информации и позволяет переходить от биографического к общеисторическому и связывать явления макрофона с траекториями жизни конкретных социологов. Эти информационные блоки в свою очередь задают содержание второй и третьей частей книги.

Все начинается с краткого анализа семей социологов четырех поколений, это сугубо личностная информация, но в ней представлена, отражена большая история страны. Хотя началу работы над книгой предшествовал предварительный теоретический анализ поколенческой тематики и просмотр собранной эмпирической информации, оставались серьезные сомнения относительно того, что изучение прошлого семей будущих социологов и их детства, т.е. обращение к их предбиографиям и самому началу биографий, это – обоснованный и необходимый старт для нашего историко-наукоедческого анализа. Могло случиться так, что этот этап жизненной траектории людей оказался бы далеко отстоящим от их движения в социологию, т.е. не детерминировавшим их дальнейший профессиональный путь. Однако, как и предполагалось, этого не произошло. Среда, в которой формировались первые поколения социологов, не могла напрямую подталкивать их к социологии, но явно подвала их многих к обществуведению, более того, она формировала их ценностный мир, позже повлиявший на их профессиональную деятельность. Итоги рассмотрения этой темы позволили

гуманизировать изучение прошлого нашей науки, приоткрыть мир, из которого пришли создатели социологии и их младшие коллеги. Кроме того, оказалось возможным сформулировать новое направление в поколенческо-биографических исследованиях – генеалогия профессиональных групп.

Далее рассматриваются фрагменты жизни представителей нашего профессионального сообщества, предшествовавшие началу их работы в социологии, это годы формирования их личности, ценностных ориентаций, интересов, которые – часто это заметно – привели их в социологию. Конечно же центральное место здесь отводится воспоминаниям о школе и учителях, читательским пристрастиям. Второй центр – события, обстоятельства, которые привели людей в социологию; для многих это произошло «абсолютно» случайно, но для значительной части респондентов стало осознанным выбором. В жизни значительной части социологов, особенно двух первых поколений, заметную роль сыграло активное участие в общественной жизни. Одновременно собранный биографический материал показал необходимость анализа включенности респондентов в те сферы жизни советского социума, в которых шел поиск менее идеологизированных форм культуры и поведения. Здесь же рассматривается отношение будущих социологов к двум событиям, во многом определившим нашу историю и менталитет значительной части россиян: война и смерть Сталина.

Центральной темой следующих глав, можно сказать – книги в целом, является процесс формирования обозначенных четырех поколений советских / российских социологов. Исходно я видел в этом некий алгоритм сжатия, упорядочения собранной биографической информации, скорее всего это объяснялось поверхностным пониманием логики и содержания профессиональных жизнеописаний. Не было осознания того, что для большинства моих собеседников социология является не просто совокупностью теорий и методов, которые они изучают, используют и развивают, не просто социальным институтом, задающим правила и нормы их труда, не просто сферой их профессиональной коммуникации, но много большим. Социология как наука, как социальный институт и как среда коммуникации для подавляющей части опрошенных – это главная, для многих – единственная ниша пространства их жизнедеятельности, область концентрации их интересов, творчества, жизненных планов, радости и огорчений. Воспоминания каждого – это анализ, описание его вхождения в социологию и существование в ней. Но одновременно, – это рассказ о людях, точнее – коллегах, которых он там встретил и рядом с которыми прошла его жизнь. События, запомнившиеся одним из со-

беседников, не прошли мимо других. Так, переходя от одной биографии к другой, сопоставляя картины прошлого, «изображенные» разными очевидцами происходившего, мы в итоге имеем несоизмеримо большее, чем множество жизненных путей российских социологов разных профессиональных когорт. Перед нами – понимание и анализ виденного, пережитого индивидом, а также – проявление поколенческого и межпоколенческого отношения к становлению и развитию социологии. Все вместе – это история людей, делавших науку, без воспоминаний которых нет и самой истории нашей науки.

Литература

1. *Здравомыслов А.Г.* Поле социологии в современной России: дилемма автономности и ангажированности в свете наследия перестройки // *Общественные науки и современность*. 2006. № 1. С. 5–20 <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/zdravomyslov_russiansoc.html>.
2. *Козлова Л.А.* Карьерно-профессиональные модели современных поколений российских социологов в исторической динамике. 2010 <http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/kozlova_inst.pdf>
3. *Golovin N.* Zur politischen Sozialisation der „Generation der Krisengesellschaft“ in Rußland (Geburtsjahrgenge 1972 bis 1980) <http://www.soc.pu.ru/persons/golovin/doc/GolovinAufsatzJena_ru_de.doc>.
4. *Семенова В.В.* Возраст как социальный ресурс: возможные источники социального неравенства // *Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2004* / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 157–170.
5. *Голенкова З.Т.*: «У нас был довольно большой свой мир...» // *Социологический журнал*. 2009. №4. С. 141–164.
6. *Семенова В.В.*: «Мой долгий путь к профессии» // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2010. № 6. С. 2–12; см. также Том 2, С. 1231–1261.
7. *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах* / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин. М.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999.
8. *Голосенко И.А.* История социологии как научная проблема: анализ главных подходов в зарубежных исследованиях // *Социологические исследования*. 1976. №1. С. 169. С. 164–172.
9. *Докторов В.З.* Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. М.: ЦСП. 2008.

Как формировались поколения социологов

Исходно я считал, что воспоминания социологов о себе и о своей работе содержат полезную, но «промежуточную» информацию, которая в будущем может заинтересовать историков отечественной социологии, соответственно, я назвал этот проект «Биографии для истории». Однако, как отмечается в Гл.1, довольно скоро возникла иная интерпретация накопившихся материалов, они начали приобретать новый, более высокий научный статус. Становилось ясным, что сами судьбы ученых, их жизненные траектории, их коммуникационная среда, их творческие планы и различного рода – профессиональные, гражданские, бытовые и прочие – проблемы, с которыми им приходилось сталкиваться и которые им приходилось преодолевать, являются важнейшей частью истории социологии как науки. Можно сказать так: история науки все более гуманизировалась, приобретала «человеческое лицо».

Постепенно ключевые понятия проекта: «история» и «биография» обрастали новыми деталями, конкретизировались и дали импульс для возникновения двух взаимодополняющих исследовательских направлений: *история в биографиях* и *биографии в истории*. В рамках первого направления воспоминания социологов разных поколений рассматриваются в качестве источника информации о прошлом-настоящем российской социологии. Даже беглое ознакомление с содержанием тома 2, – более сорока глубинных интервью – показывает, насколько богата, неординарна эта коллекция фактов и размышлений о происходившем в социологии. По моему мнению, даже самые жесткие критики биографического интервью как инструментально-историко-научоведческих поисков, сомневающиеся в валидности данного метода, согласятся с тем, что картина прошлого, не учитывающая сказанного респондентами, будет бедна в фактологическом и эмоциональном отношениях.

Главная задача второго направления – изучить, как история страны представлена в биографиях социологов, какие социально-политические и иные реалии определяли их жизнь, их гражданские установки и их профессиональные воззрения. Материалы настоящего раздела книги (главы 5–8) отражают результаты анализа процессов формирования первых четырех послевоенных поколений советских / российских социологов. Представителей старшей и младшей возрастных когорт разделяет четверть века, и потому во многом их жизненные и профессиональные пути принципиально различны. Но общим для всех является то, что они начинали свою исследовательскую деятельность в СССР, в доперестроечные годы. Уже следующее, пятое поколение вступило в социологию в постсоветское время.

Напомню, при конструировании лестницы поколений принципиально не принимались во внимание никакие макросредовые (общественно-политические, социальные, идеологические и прочие) обстоятельства, которые детерминировали характер социализации советских людей и непосредственно влияли на процесс развития социологии как социального института. Поэтому изучение биографий социологов, отнесенных к разным поколениям, имело две цели. Во-первых, выявить общее и специфическое в их вхождении в социологию и определить, если возможно, функции каждой когорты в развитии науки. Во-вторых, содержательно, т.е. уже в процессе изучения биографий, валидизировать предложенную систему советских / российских социологов. Представляется, что это удалось сделать, или – во всяком случае – заметно приблизиться к достижению указанных целей.

Проведенный анализ биографий социологов уже расширил наше видение процесса развития отечественной социологии, конкретизировал понимание ее прошлого и – что особенно важно – через судьбы людей соединил *историю науки с историей страны*. Но нет причин останавливаться. Жизненные истории социологов, в полном объеме представленные в томе 2, содержат многое для продолжения движения по направлению – «биографии в истории».

ГЛАВА 5

ДО ТОГО, КАК СТАТЬ СОЦИОЛОГАМИ

Биография человека начинается с его рождения, но ей предшествует *предбиография*, т.е. долгий процесс формирования семьи, в которой он родился и воспитывался. Одни люди хорошо знают это прошлое и имеют возможность ощущать себя частью долгой истории своей семьи, для других – эта история очень коротка, для третьих – ее вообще нет. Проведенные интервью содержат богатейшую информацию о родителях российских социологов, но я приведу лишь общие выводы проведенного мною анализа этих разделов биографий.

О предбиографии и начале биографии

В целом полученный материал может стать основой не одного романа о жизни советских людей, кроме того он дает многое о предбиографическом мире представителей пер-

вых четырех поколений современной российской социологии. Прежде всего скажу, что этот мир – очень богатый, включающий в себе множество социально-структурных и социокультурных образований, характерных для дореволюционной России и для всех периодов СССР. Генеалогические линии выходят из двух столиц, из крупных, средних и малых городов, из русских деревень и еврейских местечек. Из Западной части страны, Центральной, Южной, Северо-Западной, Уральской, из Дальнего Востока. Есть среди социологов «посланцы» семей, корни которых уходят в 16–17 века, есть – с небогатым прошлым. Среди предков социологов – представители большого числа сословий дореволюционного российского общества (дворяне, мещане, купцы и мастеровые, учителя, врачи, крестьяне, священники, военные, казачество) и всех социальных образований советского общества. Люди с прекрасным образованием, в том числе, полученном в лучших европейских университетах, но были малограмотные и совсем неграмотные. Многие участвовали в войнах, проходивших еще в царское время, в Гражданской войне: на стороне «красных» и на стороне «белых», в Великой Отечественной войне. Практически по всем семьям прокатились волны постреволюционных репрессий.

Мне не известны работы по *генеалогии профессиональных групп*, хотя допускаю, что нечто подобное могло быть сделано применительно к музыкантам, священникам, военным, т.е. представителям профессий, для которых характерна преемственность. Потому невозможно воспользоваться методологией такого типа исторических поисков и нет возможности для сопоставления полученных результатов с генеалогией других профессиональных образований. Выше отмечалось, что изучение состава родительских семей современных российских социологов стало развитием, утилизацией концепции «толстого настоящего» и порождено повышенным вниманием к предбиографиям. Это – теоретические предпосылки, но есть – общесоциальные, макрофоновые. Такое исследование стало возможным только в начале наступившего века и лишь благодаря изменениям в отношении к прошлому, произошедшим в последние десятилетия XX века в стране и в сознании россиян.

В интервью, особенно в первых, я не просил моих собеседников вспоминать далекое прошлое их семей, спрашивал лишь о родителях. Так что возникновение таких рассказов – отчасти спонтанное. Просто наступившее время способствует воспоминаниям, да и возраст многих моих собеседников располагал к тому, чтобы поговорить о своих корнях; так и писали – остаются детям, внукам. Даже 15–20 лет назад мало кто из россиян в рассказах о своих предках решался говорить об их служ-

бе при царском дворе, о белых офицерах, казачьих атаманах, дедах-немцах, бабках-полячках, евреях – домовладельцах, репрессированных «врагах народов». Существовало несколько эталонных биографий советских людей, и все отличное от этого заданного «стандарта» на семейное прошлое государством явно не приветствовалось. Лучше было иметь неграмотных родителей или вообще быть сиротой, чем деда – профессора Императорского Университета или дядю-наркома.

Своеобразным показателем валидности полученной биографической информации является то, что среди родителей первых трех поколений российских социологов часто указывались крестьяне; среди этих социологов многие первые в роду, получившие высшее образование. Родители старших по возрасту социологов родились на рубеже XIX–XX веков, т.е. еще в дореволюционной – сельской преимущественно – России. Представители четвертого поколения в основном оказываются выходцами из семей, в которых родители (а нередко и родители родителей) являются обладателями высшего образования и нередко – ученых степеней.

Проведенный генеалогический анализ трактуется как *культурологический* поиск, направленный на понимание особенностей макросреды, в которой формировались первые поколения современного социологического сообщества. Может ли собранный материал стать объектом «жесткого» социолого-наукоедческого исследования, нацеленного на поиск влияния истории семьи на выбор человеком профессии «социолог» и на характер его профессиональной деятельности?

Вообще говоря, «зацепки» для проведения подобного анализа находятся в самих интервью. Так, А.Г. Здравомыслов завершил рассказ о своей семье словами: «Какое отношение это имеет к социологии? Моя гипотеза состоит в том, что с детства я жил в социально неоднородной среде и, возможно, это обстоятельство пробудило интерес и внимание к самым разным людям» [1, С. 154]. Из воспоминаний Ю.А. Левады: «Интерес к философии – наивный интерес, просто из домашней библиотеки. У нас были тома истории философии; первый я прочел в девятом классе, но на Аристотеле запутался – не сумел разобраться в его категориях. Однако было представление, что в МГУ чему-то научат» [2, С. 82]. Социолог-криминолог Я.И. Гилинский еще в школе начал читать Канта, Спинозу, древнегреческих философов, некоторые книги по истории философии. И более конкретно: «У нас дома была большая библиотека, было в ней и несколько выпусков «Архива гениальности и одаренности (эвропатологии)». Не с них ли в сочетании с профессиональной деятельностью юриста началось мое нездоровое увлечение девиациями?» [3, С. 4]. Когда А.В. Русалинова заканчивала шко-

лу, ее отец, в 20—х годах работавший под началом В.М. Бехтерева, дал ей прочесть книгу своего друга Б.Г. Ананьева «Очерки психологии», и эта наука заинтересовала ее.

Тем не менее, в силу ряда обстоятельств пока я смотрю без повышенного оптимизма на возможность нахождения прямых, жестких коррелят между особенностями «поля» семьи и будущей работой человека в социологии. Прежде всего, практически все социологи первых четырех поколений начинали свою деятельность, когда в стране не существовало социологического образования и не было проблемы выбора профессии социолога. Многие пришли в социологию, имея базовое образование в областях, далеких от обществоведения, многих привел случай, внешние обстоятельства. Еще одна причина – методическая, эта задача не формулировалась в начале исследования, и потому информация о семьях не обладает должной полнотой, иногда полностью отсутствует.

Скорее речь должна идти о *выявлении влияния* интеллектуального и нравственного полей семьи и ближайшего окружения, прежде всего, школы на стремление к получению высшего образования, на формирование предрасположенности к восприятию социальной проблематики, на зарождение в человеке мечты о совершенствовании окружающего мира. Важны также семейные традиции отношения к труду и другие характерные для мира, окружавшего человека в процессе ранней социализации, элементы трудовой этики. В частности, установка на достижение, поддержка самостоятельности и творчества. Другими словами, приведенные выше краткие описания родительских семей задают состав почвы, на которой в условиях хрущевской «оттепели» произросли первые послевоенные российские социологи.

Предбиография обрывается в момент рождения, и сразу начинается собственно биография. Если бы центром книги были бы судьбы одного-двух социологов, можно и нужно было бы обратиться к их детству, к поискам ранних истоков творчества. Но в этом исследовании фокус внимания направлен на поколения, и это определяет специфику сбора и анализа информации. В общем случае трудно однозначно сказать, где завершается «начало» биографии, но в данном случае подобное решение все же может быть принято: окончание института, т.е. приобретение человеком специальности. На этом пути есть два основных этапа: получение общего среднего образования и затем – высшего. Кроме того, в этот временной отрезок может включиться работа и служба в армии.

Начало биографии включает в себя многое, но мне показались важным остановиться на четырех составляющих этого периода жизни человека.

Прежде всего – *школа*, или точнее, получение общего среднего образования. В одних биографиях этот процесс занял семь-восемь лет, в других – 10–11, но случилось и более. Для старших этот период пришелся на годы войны, для младших – на те или иные этапы застоя.

Наиболее сложно было определить подход к анализу и описанию периода получения социологами четырех первых поколений *высшего образования*, и проблематичность этого коренится в особенностях времени, когда каждое из них училось в ВУЗах, и в специфике развития социологии в СССР. Кроме того, необходимо было учитывать, что значительное количество социологов второго и третьего поколений по базовому образованию были далеки от обществоведения и человекознания.

Третья составляющая начала биографии – политико-идеологические установки, с которыми входили в жизнь четыре профессиональные когорты, и формы деятельности, которые они демонстрировали. Не коснуться этой темы нельзя, ибо разговор идет о социологах, исследователях общества. Но осветить ее весьма непросто, ибо сам феномен политико-идеологического сознания и поведения сложен, многомерен, а при его изучении мы входим в интимные области прошлого человека. Не все модели поведения, казавшиеся четыре-пять десятилетий назад естественными, нормальными, общественно поощряемыми, смотрятся таковыми в начале XX века. По ходу книги к этой теме придется возвращаться не раз, но применительно к «началу биографии» остановимся на двух ее аспектах: *восприятие смерти Сталина и комсомольская активность*.

В определенном смысле и следующая, четвертая составляющая жизни в студенческие годы – *включенность в неформальную культуру общества*, или, по словам Б.М.Фирсова, в пространство разномыслия в СССР, является частью, слоем политико-идеологической жизни общества и человека. Но эту составляющую целесообразно рассмотреть отдельно. Ибо она: первое – элемент не только политики и идеологии, но и многих типов культуры и второе – неформальная культура часто противопоставляла себя государственной идеологии и была направлена на изменение, много реже – разрушение – существовавшей политики.

Воспоминания социологов четырех первых поколений о годах обучения будут рассмотрены ниже, но начать этот раздел считаю должным с цитирования фрагментов воспоминаний опрошенных о войне. У одних она пришлась на школьные годы, у других – на дошкольные, третьи – совсем еще маленькими переживали с родителями тяжелое послевоенное время, наконец, представители четвертого поколения подружились к

событиям войны через воспоминания старших. Многих – особенно последних, я не спрашивал напрямую о войне, но она так или иначе присутствует во всех интервью.

Память о ней – общая и одновременно у каждого – своя.

Т.И. Заславская значительную часть своих мемуаров [4] посвятила описанию ее жизни в годы войны, вместивших: долгую и драматическую поездку из Киева в Узбекистан с родственниками, шок от сообщения о гибели матери в Москве при первой бомбардировке города, борьбу за выживание в Ташкенте, нищенскую жизнь по возвращении в Москву в 1942 г., завершение школы и начало обучения в МГУ. В нашей беседе [5, С. 139] она сформулировала то главное, что в самом общем виде оставила в ней война:

...Затем – война, когда формировались патриотические идеалы. И вот, скорее всего во время войны, я стала относить к своим важнейшим ценностям, даже сверхценностям, каких у меня не больше пяти и которые определяют всю жизнь, такую странную и необычную ценность, которую я называю – Россия. Россия как ценность – она многогранна, одно из ее проявлений – то, что я не представляю своей жизни вне России.

Б.М. Фирсов, вспоминая 900 дней блокады Ленинграда, сказал, что он вышел из того времени : «с громадным запасом жизненного оптимизма и желанием стать полезным обществу человеком» [6, С. 2]. В.Э.Шляпентох на всю жизнь сохранил то отношение к войне и победе, которые сложились в его сознании шесть десятилетий назад: «Я войну очень хорошо помню. И тогда, и сейчас я считаю, что это была действительно народная война против нацистской Германии. Никакие новые материалы не изменили моего отношения к войне, которое сложилось у меня тогда, когда я воспринимал каждый салют в честь освобождения города как мою личную удачу» [7, С. 2].

А.Г. Здравомыслов указывает на связь между пережитыми военными годами и выбором профессии социолога:

Думаю, дело вот в чем. Трудно представить себе что-нибудь более ужасное, чем блокада Ленинграда, голод, смерть окружающих, которые видишь в детстве. С этим может сравниться только Холокост, о котором я написал в своей книге «Немцы о русских». Что я вынес из блокады? Я остался без отца и без брата, потерял массу родственников и друзей детства, сохранил на всю жизнь воспоминание о свисте бомбы, летящей на наше жилище. И все это влияло на формирование сознания [8, С. 8].

В.И. Ильин – четвертое поколение социологов – воспринял войну через награды отца, они вызвали в нем сильные чувства,

а много позже осмысление поведения отца-фронтовика формировало в нем отношение к войне как к трагедии:

У отца за плечами была война от звонка до звонка и далее: с 1939 по 1947 гг. Его ордена были для меня источником вдохновения, хотя он почти ничего не рассказывал о войне. Я тогда не мог этого понять. И только гораздо позже до меня дошло: война – это не то, что показывают в кино, это не романтические истории, которые свято холят и лелеют в памяти. Это то, что нормальные люди стремятся забыть как страшный сон, ибо война – это извращение цивилизации [9, С. 134].

Война пришлось на раннюю юность и детство одних социологов и стала частью предбиографии других, но это событие для всех имеет одну и ту же временную прописку – первая половина 40-х годов. Все остальное, что происходит в жизни человека в период взросления и приобретения профессии, имеет свою особую локализацию, определенную собственно поколенческим временем.

Начальные страницы биографии

Война не отпускает....

Отношение к войне – это одно из немногих, возможно – единственное событие в истории СССР/России, объединяющее большинство россиян всех возрастов. Приведенные выше фрагменты интервью фиксируют то общее, что переживают социологи разных поколений при воспоминаниях или просто при размышлениях о войне. Я планировал побеседовать с социологами-участниками войны, но не получилось. С.А.Кугель недавно опубликовал воспоминания о своей жизни, и ему не хотелось многое писать заново [10]. В.Н.Шубкин – тяжело болел, и это делало невозможным проведение с ним электронного интервью. В общем плане их отношение к войне очевидно, но все же какие-то события в их военном прошлом могут быть интересны многим.

Читая воспоминания социологов, не участвовавших в войне, но столкнувшихся с ее проявлением, следует помнить, что они сделаны более чем через полвека после описываемых ими событий войны и первых послевоенных лет. И следует помнить: события воспринимались детьми, но вспоминались – «очень» взрослыми людьми. Те впечатления были бесконечно яркими, сильными, они остались в этих людях навсегда.

Сначала – воспоминания трех блокадников: Б.М. Фирсов и В.А. Ядов – ровесники, они встретили войну школьниками, Э.В. Беляеву – в 1941 г. было пять лет.

Биографический сюжет № 23. Б.М. Фирсов

...важно сказать о том, почему мы не были эвакуированы. Причина всему – позиция мамы. Она сказала: «Умирать будем вместе. Сына, школьника 12 лет, не отдам, а мать-старуху в неизвестность не отпущу». <...> Принято думать, что главной бедой был голод. Но на самом деле, едва ли не равноценных с ним угроз для жизни было больше. И каждую нужно было отвести, преодолеть. Блокада – это вынужденное, принудительное изобретение и освоение способов борьбы за жизнь – собственную и близких людей. <...> Дети-школьники особым распоряжением властей летом 1942 г. были направлены на сельскохозяйственные работы в пригородные совхозы. Причин было несколько. Надо было «вырвать» детей из неподвижного и тяжелого блокадного квартирного быта; переместить их в среду сверстников, от чего все дети отвыкли; настроить на другой образ жизни, приучить к мысли, что снова предстоит учиться в школе. Повторный выезд на эти работы состоялся в 1943 г.. За это мы были награждены самой почетной для ленинградца тех лет наградой – медалью «За оборону Ленинграда» [11, С. 209–212].

Биографический сюжет № 24. В. А. Ядов

К июню 1941-го я окончил четвертый класс. Немцы начали бомбить, но почему-то не фугасными, а зажигалками. Это термитные бомбочки, которые сбрасывались десятками. Мальчишки дежурили на крышах своих домов со здоровенными ухватами. Бомбу надо было сбросить вниз во двор. Мне не повезло. Счастливики получили медаль «За оборону Ленинграда».

В середине июля школу эвакуировали в сторону Луги, то есть именно туда, где немцы прорвались к городу. Нас сажают в автобусы, едем на железнодорожную станцию. Вдруг немецкий патруль – десантники. Ребята орут: «Фашисты, убийцы!» Мы только что узнали о Зое Космодемьянской. Учительница приказывает ложиться, а мы из окон кричим. Немецкие солдаты пропускают автобус и дальше видим наши разбитые танки по обеим сторонам дороги, а на станции все горит. Все же погрузились в эшелон, и я попал в интернат возле Вологды. Сестра отца тетя Клава нашла меня там и вывезла в Ярославскую область, где работала в детском интернате (сколько гробиков захоронили на сельском кладбище в Контееево!). Зимой 1942-го бредем по снегу на станцию встречать эвакуированных ленинградцев. Я ожидал свою объемистую маму и тощую сестренку, а из теплушки высадились сухая старушка и вполне нормальная девчонка. Мама до конца жизни не выбрасывала картофельную шелуху, варила ее для себя и говорила, что это самое вкусное в картофеле [12, С. 9].

Биографический сюжет № 25. Э.В. Беляев

И я летом, когда детсад не работал, проводил время с мамой на почте или на улице катался на самокате, уезжая иногда один довольно далеко от ее работы. Она работала в почтовом отделении на Московском вокзале. В те летние дни 1943 и 1944 гг. я был совсем один, только иногда со взрослыми, со-работниками матери, на почте.

Именно в это время, я помню, я начал задавать себе и окружающим вопросы естественно-научного характера, если можно так выразиться о вопросах ребенка шести-семи лет. Я помню, что взрослые не могли ответить на мои вопросы, а читать я еще не умел: мать только тогда начала учить меня буквам. Я родился в 1936-м и пошел в школу в 1944 г., мне было 8 лет [13, С. 3].

История, хранящаяся в памяти Ж.Т. Тощенко, уверен, никого не оставит спокойным.

Биографический сюжет № 26. Ж.Т. Тощенко

Жизнь моего отца завершилась в сентябре 1941 г., он был расстрелян после нечеловеческих истязаний немецко-фашистскими приспешниками. Все происходило в присутствии матери и нас, троих детей. Фашисты хотели получить сведения о партизанском отряде и местонахождении какого-то архива районных властей. Отцу припомнили и его участие в организации колхозов, и то, что он стал комиссаром партизанского отряда. <...> Когда отец потерял сознание, его расстреляли вблизи деревни, в небольшом лесу у истоков древней реки Трубеж.

Если обобщить мои детские воспоминания об этом периоде жизни, то стоит сказать о трех самых сильных впечатлениях. Первое – это страшная гибель отца. Второе – расстрел всех жителей, от малых детей до старух, трех соседних лесных деревень за содействие партизанам. <...> И третье – из нашей деревни ушли воевать 127 мужчин. После войны вернулись в деревню, считая и искалеченных, 21 [14, С. 150].

Рано начались «трудовые будни» Б.Г.Тукумцева, знакомство с его интервью позволяет предположить, что сначала этот опыт механизатора определил его профессиональный выбор, он получил инженерное образование, а позже социология труда стала главным направлением его многолетних исследований:

Биографический сюжет № 27. В.Я. Тукумцев

Поскольку и отец, и мать к тому времени оказались безработными, а отец был «белобилетник» – инвалид по зрению, да к тому же ему было за 50, им было выдано предписание о эвакуации в Северный Казахстан. За двадцать дней до закрытия блокады мы выехали

из Ленинграда в далекое степное село Иртышское Павлодарской области. <...> Там родители работали учителями в средней школе. Отец был завучем. Сестра и я учились. Но я учился заочно, потому что одновременно работал в местной школе механизации сельского хозяйства трактористом, а затем инструктором тракторного дела. В ту пору мне уже исполнилось 14 лет, и я был мобилизован по закону военного времени в «трудовую армию» [15, С. 5].

З.Т. Голенкова была совсем маленькой в начале войны, но в ее памяти хранятся картины жизни в оккупированной немцами деревне и первые послевоенные годы, когда «еда вилками» рассматривалась как признак экономического благополучия семьи:

Биографический сюжет № 28. З.Т. Голенкова

Когда началась война, мне не было 2 лет. Говорят, что дети обычно ничего не запоминают в таком возрасте, но я какие-то пару картинок очень хорошо помню. <...> Я родилась в Брянской области, в селе. Первая картинка, которая отложилась в памяти: ранним утром мама топит печку. Крестьяне всегда рано топили печку, и вдруг какой-то шум на улице, и тут соседи... Мама быстро заливает печку водой и выскакивает на улицу со мной на руках. А с железнодорожной станции идут колонны немцев. В конце наших огородов было колхозное поле конопли, и там крестьяне заранее выкопали землянки. Лето мы прожили в такой землянке, а осенью, когда стало холодно, вернулись домой. Помню, как немцы жили в нашем доме. <...> После войны вернулся домой отец. На фронте он получил тяжелое ранение, потерял ногу. Но все-таки он вернулся, а у других отцы не вернулись. Поэтому наша семья считалась благополучной. <...> Может быть, кто-то жил и лучше. Но мои родители всегда любили работать. Поэтому в нашей семье по тем временам все было. Считалось, что у нас все есть. Даже в деревне говорили, что: «Да, у них вилками едят!» [16, С. 141–142].

Родившиеся в начале войны М.Е.Позднякова и Ю.Н. Толстова рассказали о драматических последствиях войны, виденных и прочувствованных ими в первые мирные годы:

Биографический сюжет № 29. Р.Е. Позднякова

Родители преподавали биологию на биофаке МГУ. Началась война, и отец вместе со своими студентами ушел на фронт. <> Отец пропал без вести, и мы о нем ничего не знали. Но в 1945 или 46 году мы с матерью стояли в очереди за какими-то продуктами на Павелецкой площади. Меня, еще совсем маленькую, мама посадила на какой-то колченогий стол, сама стояла рядом. Тут же притулились два инвали-

да, один без ног, другой на костылях. Они друг другу что-то рассказывали. И мама, случайно услышав их разговор, поняла, что это были студенты моего отца, с которыми он был отправлен на фронт (при этом он носил пенсне своего отца). Она ужасно закричала и вцепилась в них. Они рассказали, что попали в окружение в сентябре 1941 г. бежали к последней машине. Других машин уже быть не могло. Отец упал. Они пробежали мимо него и забрались в кузов. Я осознала эту историю много позже. Много лет я не могла понять, как можно было бросить своего командира. Кругом все говорили.. как ценой своей жизни выносили своих командиров с поля боя. А тут.... [17].

Биографический сюжет № 30. Ю.Н. Толстова

Моей первой длинной и совершенно правильной фразой, произнесенной в начале 1944 г., было повторение сказанного Левитаном насчет того, что войска первого Белорусского фронта ... Игры были соответствующие. <...> Папу демобилизовали в 1944 г. . Контузия. Товарищи его не узнавали. Он всегда был очень веселым человеком, и я его знала именно таким. Но на войне он разучился улыбаться; и это не метафора. Не скоро пришел в норму... <...> своеобразная обстановка была в Москве после войны. Я росла с мыслью о том, что люди без руки-ноги – это норма. И еще об одном своеобразном воспоминании. Когда в школе учителя спрашивали каждого ученика, кто у него родители, мне было очень неловко отвечать о том, что мой отец там-то работает. Моя фамилия была в конце списка, почти всех спрашивали передо мной, и ответы моих одноклассников об отцах были примерно одинаковы: погиб, погиб... А у меня – вдруг жив... До сих пор помню чувство неловкости [18, С. 944].

Безусловно, время и многое, с чем человек встречается в жизни, стерли картины военных лет, они перешли в глубинные ниши сознания и не влияют напрямую, непосредственно на восприятие человеком повседневности и на его профессиональную деятельность. Однако никто всех этих цепочек не просматривал, не «прозванивал». А ведь «те» военные и послевоенные события и впечатления не просто долго не отпускали людей, они вошли вглубь их сознания и – скорее всего – через сложную систему осознаваемых и не осознаваемых импульсов вели его все последующие годы.

Воспоминания о школе и учителях. Чтение

Семья создавала поле, в котором проистекала первичная социализация человека, война – непосредственно и через семью определяла макрофон его развития и повседневную среду его пребывания и деятельности. Однако в этом поле и на этом фоне

крайне слабо просматриваются истоки профессиональных интересов тех, кто позже стал социологом, но они (истоки) обнаруживаются в воспоминаниях о школе, о любимых учителях, о читательских предпочтениях. В свете всего, что говорилось выше о состоянии социологии в СССР в предвоенные годы и в первые послевоенные десятилетия, нет причин для поиска социокультурных и собственно образовательных факторов, или механизмов, подталкивавших учеников школ в сторону именно социологии. Тем не менее, учебные программы включали в себя русскую классическую литературу, и потому у преподавателей была возможность для ознакомления их учеников с творчеством Пушкина и Лермонтова, Некрасова и Гоголя, Толстова и Тургенева, с литературно-критическими материалами Белинского, Добролюбова с целью стимулирования их собственных размышлений о человеке и обществе.

Вот как А.В.Баранов увязал поэзию Лермонтова, которую он изучал в школе, с поисками смысла жизни: «... вот у меня это было где-то в 16 – 17 лет. Особенно остро – девятый класс школы. В то время я рещал философские вопросы: в чем смысл жизни, что такое смерть... Эти вопросы были передо мной поставлены мною же, я сам их формулировал. На меня произвела очень сильное впечатление поэма Лермонтова «Мцыри». Я до сих пор знаю наизусть оттуда огромные куски. «Старик, ты хочешь знать ...», в общем, мальчик говорит: «Ты жил. Я тоже мог бы жить». И вот этот вопрос: «Что такое жизнь?» – провоцировался не просто психологией и возрастом, это школьная программа» [19, С. 3].

Непреренно следует отметить, что в 40-х – 50-х годах в школах еще работало много учителей, закончивших гимназии, учившихся на Бестужевских курсах, имевших европейское образование. Приведу несколько воспоминаний, подтверждающих сказанное.

Биографический сюжет № 31. Н.И. Лапин

Мне неожиданно повезло с деревенской школой, в которой я учился в годы эвакуации в пятом-седьмом классах. <...> А повезло нам с директором этой школы. Его величали Дмитрий Иванович Петропавловский, но школьники и даже многие взрослые звали его просто ДИП. Он был из семьи священнослужителя, до революции учился в Оксфорде и Кембридже, готовился к работе и жизни профессора. После революции часть его родственников репрессировали, а самого направили «в глушь» школьным учителем. Затем ДИП стал директором, преподавал историю и заменял заболевших преподавателей по всем предметам; особенно любил рассказывать об эпохе Петра I и его подвигах. <...> После пятого класса я получил от него большой

том «Илиады» и «Одиссеи» Гомера в переводе Жуковского и тем же летом запомнил значительную их часть наизусть. ДИП остался в моей памяти как Учитель с большой буквы.

По школьной программе и вне ее я зачитывался повестями, рассказами, поэмами Николая Некрасова, Глеба Успенского, позднего Льва Толстого, других русских писателей второй половины XIX столетия. Подспудно формировалась ориентация: полнее знать правду о жизни крестьян, простых людей своей страны. Позднее, не без влияния писателей-шестидесятников, эта ориентация оформилась сознательно [20, С. 143–144].

Застал преподавателей с европейским образованием и А.Б. Гофман, заканчивавший школу в конце 50-х в Кишиневе:

Биографический сюжет № 32. А.Б. Гофман

В средней школе, как и в высшей, у меня были прекрасные учителя. Достаточно сказать, что замечательная учительница Анна Сауловна Мундер, преподававшая мне французский язык до 8-го класса (а я, очевидно, был одним из любимых ее учеников), получила образование в Сорбонне [21, С. 11].

Конечно, были и не столь блестящие учителя, и откровенно слабые. Так А.В. Русалинова, в годы войны учившаяся в сибирском селе Носково, помнит, что в пятом классе полуглухой старичок-бухгалтер, который вел уроки немецкого языка; перед каждым уроком сам готовился в школьной библиотеке по единственному учебнику. Но почти у всех опрошенных было понимание важности образования, стремление к знаниям, суперответственное отношение к учебе. Рассказ Ж.Т. Тощенко вводит нас в ситуацию, когда он, ученик восьмого класса, ежедневно ходил в школу, расположенную в восьми километрах от дома [14].

Вот воспоминания В.А. Артёмова, который жил в небольшом Муроме и все годы обучения в школе увлекался чтением.

Биографический сюжет № 33. В. А. Артёмов

В сентябре 1945 г. я пошел в первый класс в начальную школу №3, которая была в 150 метрах от дома. Читать я научился немного раньше школы и даже написал печатными буквами одно или два письма дяде-летчику. А образцом были название и крупные заголовки газеты «Правда», которую выписывал отец. <...> Книг в доме не было, кроме «Стенографического отчета 17-го съезда ВКП(б)» и «Краткого курса истории партии». <...> Поскольку дома и в школе книг не было,

то я стремился в детскую городскую библиотеку. Туда записывали не раньше окончания первого полугодия в первом классе. И вот после Нового года отец записал меня в библиотеку, заплатив в виде задатка 25 рублей – вполне приличные деньги по тем временам.

Я стал очень активным читателем. В начале каждого года в библиотеке была перерегистрация: заводились новые читательские карточки с новым номером – по очереди. И у меня возникло желание иметь первый номер. Для этого надо было придти первым в первый день перерегистрации. Вот я и пришел рано утром и оказался первым. Но подошли ребята постарше и лишили меня «первенства». Драться с ними я, конечно, не мог, а смог только заплакать. Но помогли «свидетели», подтвердив библиотекарше, что первым был я. Так и стал иметь карточку №1. <...> Первый номер оставался за мной вплоть до седьмого класса, после которого мы «переходили» во «взрослую» библиотеку этажом выше [22, С. 3–4].

Не у всех, с кем я проводил беседы, путь к получению образования был непрерывным и двухступенчатым: школа и сразу университет или институт. У некоторых, к примеру, была армия.

Обращусь вновь к воспоминаниям А.И.Пригожина о Я.С.Капелюше. Его служба в Армии не только была связана с одним важным в истории СССР событием, но и – судя по всему – оказала заметное влияние на формирование его личности:.

Биографический сюжет № 34. Я.С. Капелюш

В 1960 г. он пришёл на философский факультет Московского университета из армии, где отличился в ракетной атаке на американского пилота-разведчика Пауэрса. Он уже был членом КПСС, убеждённым и весьма деятельным. В Московском университете тогда ещё не было ни психологического факультета, ни тем более социологического. Слово «социология» тогда употреблялось только в сопровождении эпитета «буржуазная», а если кто-нибудь хотел сочетать это слово с марксизмом, то приходилось применять единственную формулу «марксистская социология – исторический материализм» [23, С. 14].

Еще один биографический сюжет, включающий службу в армии.

В 1961 г. после завершения школы в Трувсовце Л.Е. Кесельман поступал в Ленинградский институт инженеров водного транспорта, но не набрал несколько баллов. Через год решил поступить туда же, но по болезни не смог сдавать экзамены. Остался в Ленинграде, пошел в путевые рабочие, строил подъездные пути. На следующее лето поступил в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. В библиотеке этого института он открыл для себя новый мир поэзии, потом от

Монтескье перешел к Дидро и Вольтеру и, продолжая без особого восторга изучать «мосты и тоннели», начал посещать университетские лекции И.С. Кона и М.С.Кагана. Выяснив, что перевестись из «железнодорожного института» в университет нельзя, он забрал документы и пошел сдавать вступительные экзамены на отделение этики и эстетики философского факультета. Был убежден в «пятерке», но получил даже не «двойку», но «кол». Осенью 1964 пришло время идти в армию, прослужил он там три года и был демобилизован в ноябре 1967. Поступать в какое-либо высшее учебное заведение было поздно, приехал в Ленинград и устроился рабочим на одно из металлургических предприятий города. После прочтения случайной попавшей в его руки книги Т.Шибутани «Социальная психология» был готов идти на психфак. Но вечернего обучения на отделении социальной психологии тогда не было, и он подал документы на отделение политэкономии экономического факультета, ориентируясь на первую часть в названии будущей специальности. Это был уже 1968 г. В начале 70-х он вошел в группу интервьюеров, формировавшуюся в секторе В.А. Ядова. Началась его социологическая деятельность [24, С. 4–5].

Нечто подобное просматривается в движении к высшему образованию А.А. Давыдова.

Биографический сюжет № 35. А.А. Давыдов

Я родился в Москве 29 декабря 1954 г.. После 8 класса поступил в ПТУ – профессия – радиомонтажник.

В школе мне было просто неинтересно. <...> Единственный предмет, который меня интересовал – биология. По биологии всегда получал 5, по остальным 3–4. Любимый журнал в школьные годы – «Наука и жизнь». Практически каждый день ходил в районную библиотеку, читал научно-популярные журналы, книги по истории науки, об ученых и т.д. Художественная литература меня никогда не интересовала, как и сейчас. <... > Кроме того, не отличался примерным поведением (бездумно хулиганил по молодости и глупости), за что и был после 8 класса выгнан из школы в ПТУ. Одновременно пошел учиться в вечернюю школу, в 9 класс. <... > ПТУ я закончил с отличием, но знал, что это «не мое». Я всегда хотел заниматься наукой.

Затем, с 1973 по 1975 г. служил в Советской Армии связистом, в Среднеазиатском Военном округе (в Казахстане, под Алма-Атой), «от звонка до звонка». Сержант, командир взвода. В армии учился в вечерней школе в ближайшем поселке, закончил 11 класс и получил диплом о среднем образовании.

Единственное место, где я хотел учиться – МГУ. <...> Чтобы подготовиться к экзаменам, поступил на фабрику-прачечную, монтером контрольно-измерительных приборов поскольку по образованию ПТУ я был радиомонтажником, а по военной специальности – связь.

<...> Целенаправленно готовился на факультет психологии МГУ, поскольку там нужно было сдавать биологию, математику, сочинение и историю. Эти предметы мне давались относительно легко. Накупил пособий по данным предметам для поступающих в Вузы и каждый день на работе по 2–4 часа читал, конспектировал, запоминал, писал сочинения на время. На фабрике-прачечной отработал один год, подготовился и поступил <...> на дневное отделение факультета психологии МГУ [25, С. 1090–1091].

Но, пожалуй, самый колдобистый путь к высшему образованию был пройден Б.И. Максимовым.

Биографический сюжет № 36. Б.И. Максимов

Еще до смерти мамы я покинул семью. В нормальной школе я учился всего пять классов, потом был набор на фабрично-заводское обучение, и в 1948 г. я уехал в «ремеслуху», ремесленное училище в Ленинграде. После РУ работал на заводе и предпринимал усилия (именно усилия) учиться в вечерней школе, в те годы это было распространено. Но те, кто прошел такие жизненные перипетии, знает, как было трудно одновременно работать и учиться. Вот и я – поучился, поучился и бросил. Спасибо великое учительнице (к сожалению, не помню ее имени-отчества), нашла она меня, вытащила, опекала так, что я окончил, кажется, восемь классов. Потом я решил, что буду учиться в заочной школе – была и такая, – не надо бегать по вечерам, сиди дома, занимайся. Но эта свобода не пошла впрок, да и трудно самостоятельно осваивать, например, алгебру.

Тут подошло время Родине служить. Поскольку у меня было какое-то образование, призвали в авиацию, но, увы, не летать, а прибористом. Замечательное было время, может я когда-нибудь отдельно о нем напишу. <...> Вообще, жизнь была организованной, плотной, о чем я иногда только вздыхал на вольной гражданке [26, С. 7].

После армии Максимову пришлось возвращаться к обычной жизни. Аттестата об окончании школы у него не было, но из художественной литературы он узнал, что экзамены за 10 класс можно сдать экстерном. Не менее полугода, находясь на содержании у сестры, он самостоятельно все изучал, а потом в обычной школе вместе с обычными десятиклассниками сдавал выпускные экзамены. И даже пятерки получил по некоторым предметам. И в 1956 г. поступил в ЛГУ на философский факультет.

О завершении школы экстерном, правда, в силу иных причин, упоминается в воспоминаниях двух социологов первого поколения. Таня Карпова, в будущем – Т. И. Заславская, пошла в школу в 1933 г., ей не было и шести лет. По возвращению из эвакуации в Москву в 1942 г. ей хотелось побыстрее закон-

чить школу. Ее отец узнал, что в сентябре 1942 г. в Москве начнет работать школа-экстернат, позволяющая выпускникам 8-х классов окончить два оставшихся класса за один год. Учиться было очень тяжело, выпускные экзамены продолжались два месяца и включали 12 или 14 предметов. Но в 16 лет школа была завершена.

И.С. Кон провел годы эвакуации в Чувашии. Поскольку его мать работала комендантом учебного корпуса Чувашского педагогического института, у него была возможность, еще учась в шестом-седьмом классе, пользоваться институтской библиотекой, и общаться неформально с преподавателями. Один из них, заметив, что семиклассник явно перерос школьную программу, подсказал ему идею сдачи экзаменов за старшие классы экстерном. Так в 15 лет Кон стал студентом исторического факультета. Одновременно он самостоятельно занимался тремя иностранными языками [27, С. 27].

Раньше обычного закончил школу и А.Н.Алексеев, но не потому, что экстерном прошел выпускные классы, а потому что проскочил первые. В эвакуации его образованием занималась мать, и в 1943 г., ему было 9 лет, отвела его сразу в 3-й класс; в середине года его перевели в 4-й. В 1944 г. они вернулись в Ленинград, и он начал учиться в 5-ом классе. Мать учила его не только русскому языку, но также французскому и немецкому. Завершал обучение он в школе, в которой преподавался английский. В итоге оказалось, что экзамены на аттестат зрелости он смог сдавать по трем иностранным языкам. Школу он закончил с золотой медалью, а при поступлении на филологический факультет ЛГУ представил в приемную комиссию уникальный аттестат зрелости с отличными оценками по английскому, французскому и немецкому языкам. При этом у него не было паспорта, он предъявлял свидетельство о рождении [28, С. 257].

Я не подсчитывал, какое количество мною опрошенных окончило школу с медалями, ибо кто-то упоминал этот факт, кто-то нет. Но очевидно одно: подавляющее число моих собеседников блестяще оканчивали школу. В целом можно утверждать, что ученые, образующие первое поколение послевоенных советских социологов, и представители следующих профессиональных когорт в годы юности были интеллектуальной элитой своих возрастных групп. Выше было показано, что они представляли разные социальные страты советского общества, но в школьные годы, благодаря способностям и настойчивости самостоятельно приобретали достаточные знания для последующей успешной учебы в лучших университетах и престижных институтах страны.

Самоучки и цеховые ученики

Выше были указаны нижняя и верхняя границы «начала биографии» применительно к настоящему исследованию: рождение и получение высшего образования. Оба эти обстоятельства присутствуют в жизни каждого из социологов. Среди тех, с кем проводили интервью мои коллеги и я, мне не встречались социологи, не имеющие университетского или институтского образования. Хотя, допускаю, что единичные случаи подобного могут быть найдены. Студенческие годы – феномен сложной природы и многообразного насыщения, здесь и собственно учеба, и общественная деятельность, и потребление культуры, и спорт, и личная жизнь. У тех, кто учился на вечерних отделениях – еще и работа.

При всей важности именно всестороннего рассмотрения процесса формирования личности ученого, изучение «биографии в истории» и «истории в биографиях», подчиненного анализу становления советской/российской социологии, не может охватить всего. Это было понятно на стадии зарождения программы исследования, и это обстоятельство учитывалось в практике построения биографического интервью: вопросы о внеучебной деятельности я по началу включал в интервью лишь тех, кто сам обозначал эту сферу своих интересов, отвечая на вопрос о годах студенчества. Но позже, это делалось более последовательно. Таким образом удалось собрать значительный материал, ранее не освещавшийся в историко-социологических исследованиях, но – как представляется – важный для понимания процесса вхождения представителей разных поколений в социологию. Две темы, относящиеся прежде всего к студенческой поре: участие в комсомольской работе – в те годы иной разрешенной формы политической активности молодежи не существовало, и поведение в сфере неформальной культуры оказались затронутыми во многих интервью, и собранный материал анализируется в следующих разделах. Здесь рассматривается лишь информация, относящаяся собственно к учебе.

Основной посыл в обсуждении этой темы задан словами В.А. Ядова в его интервью Г.С. Батыгину, состоявшемуся в конце 90-х годов:

Биографический сюжет № 37. В.А. Ядов

...это проблема моего поколения социологов. Мы все – самоучки в социологии. В английской «Times» было опубликовано интервью с Ядовым под заголовком «Self-made sociologists». Сначала я решил, что это обидно – «самоучки в социологии». А потом вник в семантику английского и понял, что это скорее комплимент, и речь идет о человеке, который сам себя сделал таким, какой есть. Значит, наше поколение не должно стыдиться своей недообразованности. Нас не образовывали в своей профессии [29, С. 61].

Действительно поколение Ядова никто не учил социологии, более того, в годы приобретения им высшего образования у студентов формировалась негативная установка по отношению к этой науке. Что касается следующих двух профессиональных когорт, то они учились социологии «из рук в руки», как в средневековье: «от мастера к ученику». Лишь студенты-философы и экономисты, учившиеся в нескольких университетах страны и позже влившиеся в четвертое поколение социологов, получали некоторые представления о теории социологии и практике прикладных исследований. Во-вторых, некоторым из этих «самоучек», начиная с середины 60-х, все же удавалось в течение нескольких месяцев поучиться на Западе, и они оказывались хорошими учениками. Но и не имевшие такой возможности старались самостоятельно осваивать по книгам европейский и американский опыт. Т.е. первые поколения двигались в науку не только на изобретенном ими «велосипеде».

В-третьих, факт многолетнего отсутствия в СССР социологического образования создает определенные сложности – методологического и практического планов – в освещении роли, места базового образования в процессе профессионального становления первых поколений советских/российских социологов. Тем более, что среди успешных и ставших известными социологами второго и третьего поколения многие не имели обществоведческого образования. Одни кончали технические ВУЗы, другие – имели дипломы физиков или математиков, третьи – осваивали различные филологические специальности, и представляется абсурдным ожидать, что в студенческие годы они познакомились с азами социологии, это происходило уже в аспирантуре или непосредственно «на рабочем месте». Большинство из них – если судить по интервью, да и собственный опыт подсказывает – в лучшем случае слышали про такую науку, но чаще – не догадывались о ней.

Биографический сюжет № 38. Л.Г. Ионин

Делая свой профессиональный выбор, Л.Г.Ионин уже знал, что такое социология, но все равно видит в нем и элементы случайности. После школы он полтора года учился на геологическом факультете МГУ, потом три года работал на телевидении, затем поступил на вечернее отделение философского факультета и перевелся на дневное. В 1968 г. в МГУ открылась кафедра методики конкретных социальных исследований, началась специализация студентов по социологии. Ионина, по его словам, привело туда «ощущение душевной и ментальной приспособленности именно к этой области мысли». Он закон-

чил университет в 1970 г. и поступил в аспирантуру Института социологии Академии наук. Принятое тогда решение он комментирует так: «Думаю, что это довольно случайный выбор. Масса обстоятельств играет свою роль: отношение к тебе на той или иной кафедре, выбор, который делают приятели, то, на какой кафедре работает преподаватель, у которого пишешь курсовые, сиюминутная увлеченность какой-то темой и т.д. Не думаю, что выбор был принципиальным и глубоко продуманным» [30, С. 9].

Биографический сюжет № 39. Л.А. Козлова

Козлова прикоснулась к социологии сразу после школы, за три года до поступления на философский факультет МГУ: «Первой моей работой, куда я в 1973 г. попала чисто случайно (меня пригласил мой двоюродный брат) был отдел социологии и условий труда одной из организаций, находившихся в структуре Министерства бытового обслуживания населения СССР. Отдел вел прикладные социологические исследования социальных проблем на предприятиях службы быта, изучал текучесть кадров, а попутно и условия труда этих организаций. Второе направление было, пожалуй, ведущим, но в отделе работали не только гигиенисты, но и несколько социологов-самоучек, закончивших философский факультет».

В 1976 г. она начала учиться на вечернем отделении философского факультета МГУ. Занимаясь многие годы историей советской/российской социологии, Козлова подробно остановилась на истории преподавания социологии в этом университете и на том, чему учили в ее студенческие годы.

...в годы моей учебы было несколько социологических подразделений на отделении научного коммунизма, главное из которых – кафедра методики конкретных социальных исследований, организованная в 1968 г. Г.М. Андреевой. При мне ею руководил В.Г. Гречихин. Ранее возникли межкафедральная социологическая лаборатория (1960 г., первый руководитель В.И. Разин) и социологическая группа по изучению проблем сельской молодежи (1967, первый руководитель И.М. Слепенков). Лаборатория существовала самостоятельно и занималась хоздоговорной деятельностью. Во время моей учебы ею руководила А.И. Демидова (которая делала упор на идеологическом воспитании будущих молодых кадров). Именно с прикладной хоздоговорной деятельностью у меня тогда в первую очередь ассоциировалась социология как таковая и социология на нашем факультете, в частности. Отделение социологии с несколькими кафедрами было организовано только в 1984 г. (первый руководитель Б.В. Князев), но я к тому времени закончила учебу на философском факультете.

<...> Лично у меня университетская социология не вызывала энтузиазма: я не считала, что смогу многому научиться, если буду ходить на соседнее отделение на занятия по социологии. <...> Но самое главное заключалось в том, что область моих интересов не была связана с эмпирической социологией, а социологическая теория или методология вообще не входили в учебные курсы. Что же касается возможности получить профессию, то с этой стороны философский факультет я вообще не рассматривала. Скорее это была для меня возможность просветиться, так сказать, получить широкое гуманитарное образование [31, С. 8–9].

В биографическом интервью А.Г. Здравомыслова [32, С. 159.], состоявшемся во второй половине 90-х, он отмечал, что на факультете слово «социология» начало употребляться примерно в 1957–58 годах, и вспоминал, что в марте 1957 г. на факультете выступал М.Д.Каммари, главный редактор журнала «Вопросы философии», с рассказом о III Международном социологическом конгрессе в Амстердаме, в котором он участвовал. В частности, указывалось на необходимость развивать эмпирическую социологию. В нашей электронной беседе, начавшейся весной 2005 и продолжавшейся чуть более года, Здравомыслов, который явно имел перед собою текст того интервью, предположил, что Каммари выступал в 1956 г., но не это самое важное. Принципиальными были слова, которые он сам выделил курсивом: *«Только здесь, в возрасте 28 лет, я впервые услышал слово “социология”»*. [1, С. 156] Зная многие годы Здравомыслова и его стремление к поиску точных формулировок, могу допустить, что раньше ему приходилось слышать лишь сочетание слов «буржуазная социология».

На одном курсе со Здравомысловым учился А.В. Баранов, интервью «лицом к лицу» с ним провела Мария Алесина, работавшая с ним многие годы. Вот его ответ на вопрос: «Читали ли вам что-либо, что сегодня можно было бы классифицировать как социология, а не как социальная философия марксизма?».

Биографический сюжет № 40. А.В. Баранов

Это – характеристика советской эпохи и ее идеологической составляющей. Когда я поступал в Ленинградский университет, ни о каких социологиях речи быть не могло. Социология была буржуазной лженаукой. Соответственно, ее никто не изучал, ее только изредка критиковали, как например, Игорь Кон в своих работах по истории. Словом, на философском факультете, где я учился в период с 1948 по 1953 гг., таких ругательств, как социология или социальная психология, вообще не употреблялось. Строжайше запрещено. Я начал заниматься социальной психологией, когда поступил в аспирантуру, это

была моя тема кандидатской диссертации. Мой руководитель сказал: «Очень новаторская тема». Потом неоднократно меня пытались исключить из аспирантуры за слишком смелое отношение к марксизму, но в конце концов я диссертацию защитил [19, С. 8].

Биографический сюжет № 41. Л.Н. Столович

В 1947 г. , окончив школу с золотой медалью, на философский факультет ЛГУ поступил Леонид Наумович Столович, т.е он учился на одном курсе с В.А. Ядовым, курсом раньше его училась Р. В. Рывкина, годом позже – А.Г. Здравомыслов и Баранов.

Вскоре после поступления в ЛГУ Столович понял, что философский факультет его ожиданий не оправдал. После речи Жданова 1947 г. там начались погромы. Покинул пост декана оригинально мысливший, честный и порядочный М.В. Серебряков. Один за другим изгонялись лучшие преподаватели – то за какие-то неведомые прегрешения, то просто за то, что родились «космополитами». Смердной была и общественная жизнь факультета. Одно за другим проходили комсомольские собрания, на которых разоблачали студентов, скрывших при поступлении в университет, что у них были репрессированы родители или отец попал в немецкий плен. Провинившихся изгоняли из комсомола (а значит и с «партийного» философского факультета) или, в лучшем случае, наступал конец их общественной карьеры, как бы они потом не отличались на молодежных стройках или в пропагандистско-агитационной работе.

Атмосфера отчуждения пронизывала и отношения между студентами. Откровенность была наказуемой. Недоверие к ближнему стало нормой. Два наиболее близких сокурсника Столовича написали на него донос о том, что он скрывал свою национальность. Дело в том, что в его паспорте было написано «русский», он сам так определил свою национальность при получении паспорта в 1945 г., но при этом не скрывал, что оба его родителя евреи. Тогда им двигала убежденность, что нация, по ленинско-сталинскому учению, не биологическое понятие, а социально-культурное. Он был потомком в четвертом поколении кантониста, которому разрешили жить в Петербурге, был вне еврейской культуры и языка и, с детства серьезно занимаясь поэзией, хотел стать русским поэтом.

После такого рассказа о философском факультете ЛГУ конца 40-х – начала 50-х было естественным спросить Столовича, почему, несмотря на слабый уровень преподавания и атмосферу страха, факультет смог за короткий промежуток времени подготовить значительное число ученых, много сделавших

для развития социальной философии, социологии и смежных наук. Прежде всего он объясняет это тем, что они прошли «серьезную философскую школу – школу, в которой они учились сами, без учителей». Студенты быстро осознали, что отсутствие педагогов-философов можно компенсировать упорным самостоятельным трудом над первоисточниками, будь то Маркс, Аристотель или Гегель. И второе обстоятельство – очень сильные преподаватели по «непрофильным» предметам. Психологию преподавали Б.Г. Ананьев и В.Н. Мясищев, историю древней Греции и Рима – Д. П. Каллистов, историю Средних веков – М. А. Гуковский, лекции по русской литературе читал Г. П. Макогоненко.

На мой вопрос, преподавали ли им то, что сегодня, пусть очень условно, можно было бы назвать социологией, Столович ответил: «... однозначно: нет. Социология рассматривалась только в историко-философском плане как порождение позитивизма, как изначально буржуазная отрасль философии». Говоря о тех годах, Столович вспоминает, что зарубежная литература по социологии, если и пересекала государственную границу СССР, то надежно упрятывалась в спецхраны библиотек, и читать ее разрешалось только для критики, а спокойней было вообще не читать ее. Однако в книжных антиквариатах можно было приобрести книги с, казалось бы, допотопным названием: «Социология». Тогда он купил двухтомник П. Сорокина, известного студентам по критике его Лениным, «Система социологии»; на ней была надпечатка «авторский экземпляр» [33, С. 122–123].

Двумя годами раньше Здравомыслова и Баранова на философском факультете ЛГУ учился и В.Я.Ельмеев, многие годы отдавший развитию марксистско-ленинской социологии и критике той линии в социологии, которая строилась на отказе от догматов истмата. В 1998 г. он иначе вспоминал свое знакомство с социологией:

Биографический сюжет № 42. В.Я. Ельмеев

Что касается преподавания социологии и социологического образования в нашем университете, то я могу сказать, что они, начиная с 1917 г., не прерывались. Некоторые социологи с недавнего времени стали утверждать, что в советский период после 1920-х годов и вплоть до 1960-х годов социологии не существовало. Они не признают за социолога К. Маркса и других сторонников исторического материализма, хотя в каждом западном учебнике по социологии марксистской социологии отводится довольно значительное место. Я, например, в 1948–1949 г. слушал лекции по истории русской социологии Н. Н. Андреева, работавшего в университете еще с П.А Со-

рокиным, читал книгу С. А. Оранского “Основные вопросы марксистской социологии”, изданную в Ленинграде в 1929 г. Все преподаватели, читавшие курс по историческому материализму, знакомили нас и с западной социологией, особенно с позитивистской.

Социология, социологические законы развития общества не отрицались. Но у нас речь шла тогда об историческом материализме и о социологии новой общественно-экономической формации – теории научного коммунизма, которую на современном языке можно назвать одной из отраслей исторической социологии, наряду с социологической теорией возникновения и развития капиталистической формации [34, С. 240–241]

Несколько удивленный этим фактом, я решил узнать у Здравомыслова и Ядова, помнят ли они эти лекции. Здравомыслов ответил, что был «доцент в военной форме, который читал лекции по русской философии (отнюдь не социологии – это было бы невозможно)» [Письмо]¹⁶. Ядов, в телефонном разговоре, вспомнил лекции Андреева, но, по его мнению, это был не рассказ о русской социологии, но скорее критика дореволюционной социальной философии [Телефон. разг.]¹⁷.

В первом квартале 2007 г. я провел электронное интервью с Ельмеевым и, естественно, не мог обойти вопрос о том, преподавали ли в годы его студенчества социологию. Запевный вопрос формулировался так: «Вы вспоминали о лекциях по истории русской социологии Н.Н.Андреева в 1948–49 годах. Это мало известный факт. Могут ли те лекции (и подобные им программы) рассматриваться как мост между дореволюционной и постхрущевской социологией? Приведу основные положения его ответа:

Если этот мост рассматривать как продолжение развития социологии после 1917 г. и до 60-х годов, то ответ будет утвердительным. У Н.Н.Андреева в 1925 г. вышла в свет монография «К вопросу о понимании закономерностей в истории» (Л., 1925), у С.А. Оранского – книга «Основные вопросы марксистской социологии» (Л., 1929), у Е.А.Энгеля – «Очерки материалистической социологии» (Л., 1933). В годы моей учебы эти книги можно было приобрести в букинистических магазинах города, они были завалены литературой довоенного периода. <...> К сожалению, некоторые представители «постхрущевской» социологии не видят или не хотят видеть развитие социологии в этот период. А.Г. Здравомыслов, например, перепутав Н.Н. Андреева с Зайцевым (доцент в военной форме), утверж-

¹⁶ Электронное письмо А.Г. Здравомыслова Б.З. Докторову от 4 января 2006 г.

¹⁷ Телефонный разговор Б.З. Докторова с В.А. Ядовым, 27 января 2006 г.

дает, что читать лекции по истории русской социологии в то время «было бы невозможно». В.Ядов также сомневается в возможности чтения подобных лекций. Им могу лишь посоветовать ознакомиться со статьей А.А.Галактионова об Андрееве (Вестник Ленинградского университета. 1991. сер. 6. вып. 3) и его статьей (в соавторстве) «Социология в Ленинградском университете. 1945–1985 гг.» (Вестник Санкт-Петербургского университета. 2001. сер. 6. вып. 1. С. 64–78). [34, С. 241].

Затем обсуждение этой темы с Ельмеевым развивалось следующим образом: «Из моих бесед с социологами первой волны вытекает, что они, начиная свою работу, не знали советской социологии 20-х – 30-х годов. Можно ли в этом случае говорить о том, что социология 60-х – 80-х годов была восстановлением советской социологии? Две другие альтернативы: а) «разрыва» не было и б) в конце 50-х все начиналось, практически, с нуля. Какой точки зрения относительно генезиса социологии 60-х Вы придерживаетесь?»:

Я допускаю, что из перечисленных Вами социологов трех волн хрущевской закалки многие действительно не знали, или, вернее, не хотели знать историю советской социологии 20–30-х годов. Б.М.Фирсов, например, за историю советской социологии выдал историю подготовки антисоветской социологии, историю идеологической подготовки капитализма. Поэтому эту социологию никак нельзя считать восстановлением советской социологии, она заимствована с Запада. Не все, конечно, ее приняли. Остались и продолжатели советской социологии, т.е. марксистской, но она теперь исключена из официальных учебных программ и стандартов по социологии, экономике, политологии [34, С. 241].

Так обстояло дело с преподаванием социологии на философском факультете второго по значению университета страны на рубеже 40-х – 50-х годов. Эдуард Беляев закончил тот же факультет в 1959 г.. На мой вопрос относительно преподавания им каких-либо социологических курсов, он ответил: «Когда я был студентом и даже много позже, когда я был аспирантом, никаких курсов по социологии не существовало в ЛГУ и, может я ошибаюсь, но мне кажется, что в годы моей аспирантуры в 1963–1966 годах таких курсов не было нигде в стране» [13, С. 6].

Биографический сюжет № 43. Е.А. Здравомыслова

Его слова подтверждаются воспоминаниями Е.А. Здравомысловой, учившейся там же в первой половине 70-х.:

Социологию у нас на факультете не читали в принципе. Тогда еще даже Вебер в инионовском «Для служебного пользования» не вы-

шел. Азалия Алексеевна Киссель читала методы прикладного социологического исследования. Но без реального поля, это понять и усвоить было невозможно

Я поступила в 1970 г. и закончила в 1975. Это был «застой застоевич». Однако, чтение классической философии не возбранялось, а рьяность в официальной публичной жизни шла на убыль. По русской философии был курс, но и преподаватели (П.Ф.Никандров и А.А.Галактионов), и их учебник были неинтересны. Казались дремучими. (Извините, пожалуйста!) Живых текстов еще не было. Бердяев, Шестов были доступны только в спецхране... [35, С. 10].

Биографический сюжет № 44. М.Е. Илле

Пятью годами позже (с 1974 по 1980 гг.) Здравомысловой на том же факультете ЛГУ учился М.Е. Илле, он застал почти ту же ситуацию: социологию в основном постигали через критику буржуазной науки, а с методами знакомились лишь в общих курсах анализа динамики населения: «На факультете я специализировался на кафедре истмата, где, хотя и не готовили социологов, некоторые курсы читались: современная зарубежная буржуазная социология, история социологических учений, проблемы личности в марксистской и буржуазной социологии, критика современной буржуазной политологии, социальная статистика, основы демографии. Несмотря на то, что большинство курсов читалось под маркой критики буржуазной социологии, полезную информацию и введение в предмет они давали» [36, С. 2].

В конце 60-х в социологию входил Н.А. Алексеев, завершивший журналистский факультет ЛГУ и к тому времени ставший опытным журналистом, освещавшим многие актуальные социальные проблемы. Приведу небольшой фрагмент из нашей переписки:

Биографический сюжет № 45. А.Н. Алексеев

Ни Ковалевского, ни Сорокина мы в свое время не знали и даже не пытались соотнести со своими социологическими увлечениями. Хотя социологические пра-опыты 20-х гг., даже я, начинающий аспирант в конце 60-х, разыскал в библиотеках и старался применить к эмпирическому исследованию массовой коммуникации и т. п. Интересно, однако, что эти опыты не идеологически, разумеется, но теоретико-методологически были также ближе, пожалуй, к тогдашним западным (европейским, американским), чем к собственным российским корням». Замечу, это было в конце 60-х, когда уже вышли первые работы И.А.Голосенко о Сорокине и очень робко начиналось освоение наследия дореволюционных социологов [Письмо]¹⁸.

¹⁸ Электронное письмо А. Алексеева Б. З. Докторову от 19 апреля 2010 г.

В интервью, биографических заметках никто из выпускников философского факультета МГУ, учившихся в первые послевоенные годы (в частности, Б.А. Грушин, Н.И. Лапин, Ю.А. Левада) не отмечал, что в студенческие годы изучал те или иные социологические курсы. Не было социологии и в программе обучения В. А. Артёмова, поступившего на философский факультет в 1956 г.:

Биографический сюжет № 46. В. А. Артёмов

В учебных курсах философского факультета ничего специально социологического, и тем более конкретно-социологического, не было, но в «воздухе» социология чувствовалась и в практике начала появляться. Мы имели хороший методологический марксистский фундамент («Немецкая идеология», «Капитал», Философские тетради» и др.), эта база не устарела и донине, если к ней относиться без догматизма и абсолютизма. Робкое соприкосновение с социологией состоялось на четвертом курсе, когда знакомый аспирант рассказал нам об одном из первых послевоенных социологических исследований (описанных в книге Г.В.Осипова «Автоматизация в СССР») – исследовании социальных аспектов научно-технического прогресса [22, С. 6].

Биографический сюжет № 47. М. А. Тарусин

М.А. Тарусин – представитель четвертой профессиональной когорты – первый в ряду моих респондентов дипломированный социолог. Его воспоминания интересны, так как передают понимание социологии студентами-философами в конце 70-х и немного раскрывают процесс подготовки специалистов.

Социология – это была, наверное, единственная... ну, или одна из немногих, скажем так, дисциплин на философском факультете, практически без идеологической подоплеки. Я выбрал кафедру «Методика конкретных социологических исследований». Специализация начиналась с третьего курса. Я поступил в МГУ в 77-м году, и с 79-го года я уже специализировался на этой кафедре. Мне друзья говорили: ты что, с ума сошел? Ну какая у нас в стране социология? У тебя работы не будет, заработка не будет – у тебя ничего не будет. У нас же нет социологии, это так просто, для самых отбросов сделали кафедру. Действительно, кафедра считалась самой неперспективной в смысле будущей карьеры, и народ там был самый нечестотлюбивый. <...> На кафедре люди были малоизвестные и в голове не отложились. В основном методике социологии и читали, знакомили с классиками западной социологии, хотя порой очень осторожно и с оглядкой – подобные вольности тогда были опасны [37, С. 57–58].

Затем я спросил его, рассказывали ли студентам о дореволюционной и ранне советской социологии. Вот фрагмент его ответа:

Я-то читал и Питирима Сорокина, и русских философов конца XIX – начала XX века: Соловьева, Леонтьева, Бердяева, но нам их, насколько помню, не читали, может, только советовали самим ознакомиться [37, С. 58].

Из обыкновенного, банального комсомольского активиста

Иллюстрируя свое утверждение о том, что революция и последующие события прервали развитие в стране культуры и потому все пришлось начинать сначала, М.К.Мамардашвили в беседе с М.Хромченко заметил: «Что же есть? Есть одно: ты должен понимать, что если что-то будет... и что-то продолжится, то из того, что есть, то есть вот из этих комсомольцев... <...> Что, Зиновьев из Бердяева, что ли вырос? Да ничего подобного – из полупьяного лейтенанта Советской Армии. И Грушин... из обыкновенного, банального комсомольского активиста» [38].

Такова сила слов Мамардашвили, что сказанное применительно к частному случаю, к жизненной траектории Б.А.Грушина, имеет сущностное, общее значение. Два первых поколения, много реже – последующие, были активными комсомольцами, считали своим долгом честно, не ради карьеры работать в комсомоле. Они видели в этом свой долг перед обществом и возможность хоть немного улучшить окружавший их мир.

В.А. Ядов, которого с Грушиным связывали многолетние дружеские отношения, тоже вырос из «банального комсомольского активиста». В небольшой заметке по поводу 80-летия Ядова А.Г. Здравомыслов вспоминал их студенческие годы и в том числе: «...Володя был одним из лидеров факультетской комсомольской организации. Комсомольские собрания были в наше время наиболее распространенной формой общения, и мое второе впечатление от встречи с Володей заключалось в том, что он, в качестве члена факультетского бюро, присутствовал на комсомольском собрании нашей студенческой группы, на котором я впервые в жизни решился на публичное выступление. Володя в своем заключительном слове его отметил как не самую большую глупость» [39, С. 128]. Это написано через шесть десятилетий после того комсомольского собрания.

Отвечая в середине первого десятилетия нового столетия на мой вопрос о запомнившемся со студенческих лет, Здравомыслов среди прочего вспомнил: «Еще до своей болезни в эва-

куации я вступил в комсомол, поэтому присутствовал на всех комсомольских собраниях. На них обсуждали нетипичных, «девиантов»; их единогласно исключали из комсомола и как следствие лишали возможности продолжать учебу в университете. <...> Интересно, что самой главной характеристикой студентов у нас была не учеба, а общественная работа, прежде всего, в комсомольской организации. <...> В отличие от значительной части моих сокурсников, в аспирантуру после окончания факультета я не попал (отчасти потому, что мне учеба за эти пять лет порядком поднадоела). И я, отдав пятый год обучения комсомольской работе на фабрике им. Желябова, после получения диплома поехал в Караганду. И комсомольская работа, и Караганда были своего рода продолжением учебы» [1, С. 155].

Еще одна история о комсомольце Ядове. Ее описал И.С. Кон:

Биографический сюжет № 48. В.А. Ядов

... Ядов – мое самое ценное приобретение на философском факультете <...> Началось наше знакомство крайне неприятно. В одном из первых своих выступлений на партсобрании философского факультета, я, между прочим, упомянул, что в юности увлекался комсомольской работой. И вдруг поднимается аспирант, он же – секретарь Василеостровского райкома комсомола, и заявляет, что выступление тов. Кона идейно ошибочно, комсомольская работа – серьезное дело, относиться к нему как к «увлечению» непозволительно.

Мне сразу стало ясно, что комсомольский функционер глуп, фанатичен и недоброжелателен и к тому же является орудием людей, пытавшихся воспрепятствовать моему приходу на факультет, так что нужно держаться от него подальше. Вскоре этот наглый парень попросил меня прочитать свою диссертацию, <...> но в деловых вопросах я абсолютно безличен. Работа оказалась (по тем временам) превосходной, умной и самостоятельной, на таком уровне понятие идеологии у нас никто не анализировал.

Выяснилось, что Ядов – очень интересный, творческий и порядочный человек, с развитым чувством социальной справедливости, на его комсомольские закидоны просто не следует обращать внимания. <...> Вскоре мы стали близкими друзьями и единомышленниками [27, С. 67–68].

А вот как сам Ядов вспоминал себя в те годы: «... я действительно очень активно занимался комсомольской работой в университете, знал многих людей, меня заводские активисты – район не очень большой, но университетская организация была самая крупная, на разных конференциях и т.п. я тогда

был заметной фигурой в районе. И, кроме прочего, я был своего рода «хунвейбином» – восторженно преданный идее коммунизма» [29, С. 48].

Мемуары И.С. Кона позволяют предположить, что он имел в виду, говоря о юношеском увлечении комсомольской работой. Его первая кандидатская диссертация по истории была посвящена изучению общественно-политических взглядов Джона Мильтона и носила, по словам Кона, исключительно книжный характер. Но защищенная в тот же 1950 год философская диссертация об этике Н.Г.Чернышевского выросла из комсомольской работы. В студенческие и аспирантские годы Кон был внештатным инструктором по школам Куйбышевского райкома комсомола Ленинграда. Отказавшись от официальных отношений со школьниками, он проводил с ними диспуты на интересовавшие их моральные темы, и на одном из них возник вопрос об отношении к теории разумного эгоизма Чернышевского. Кон заинтересовался этой темой, начал ее разрабатывать и в итоге появилась диссертация [27, С. 41].

Биографический сюжет № 49. Б.М. Фирсов

Проработав недолго первым секретарем Василеостровского райкома ВЛКСМ, Ядов смог уйти из этой системы и заняться наукой. В жизни Б.М. Фирсова все сложилось иначе:

Я окончил Ленинградский электротехнический институт имени В.И. Ульянова (Ленина), один их самых престижных вузов города, в феврале 1954 г., получив диплом инженера-электrofизика с отличием. Уже на третьем курсе я был избран секретарем институтского комитета ВЛКСМ и с головой ушел в общественную работу. Лекции «мотал», пользуясь правом свободного посещения занятий, но лабораторные, курсовые работы и экзамены сдавал в срок, не разрешая себе никаких поблажек. Иначе бы я утратил моральное право призывать студентов-комсомольцев быть примером в овладении знаниями. <...> На моих глазах ЛЭТИ стал «эстрадно-музыкально-спортивным вузом с небольшим электротехнических уклоном», Так, с оттенком «белой зависти» называли его студенты других высших учебных заведений города. Комитет ВЛКСМ вуза, надежно прикрытый парткомом <...> находился у истоков этого принципиального изменения – создания дружественной культурной среды. Эхо «Весны в ЛЭТИ», самодельного студенческого спектакля-обозрения и сейчас, 50 лет спустя, греет души многих выпускников института, как и слава институтской баскетбольной команды тех лет, чемпиона СССР. <...> В итоге, вместо того, чтобы принять предложение кафедры – поступить в аспирантуру ЛЭТИ и заниматься электронной оптикой, я стал общественным деятелем, последовательно избираясь на должности секретаря райкома комсомола (1953–1956 гг.), секретаря обкома ВЛКСМ

(1956–1959 гг.), а затем и первого секретаря Дзержинского РК КПСС Ленинграда (1959–1962 гг.). Эта эволюция требует объяснения. Я бы хотел только обезопасить себя от подозрений в карьеризме. <...> У меня никогда не было денег для поддержки разных инициатив, но идеи, высказанные другими людьми, часто не оставляли меня равнодушным. <...> ...Занимая различные посты, я старался делать акцент на поддержке и помощи... [6, С. 1–3].

В 1956 г. Фирсов заставил Ядова стать «первым» в Василеостровском РК ВЛКСМ; много позже Ядов стал руководителем кандидатского исследования Фирсова, а их по-началу сложные отношения переросли в дружбу.

Работа в комсомоле сделала социологом историка по базовому образованию Ж.Т. Тощенко. Будучи студентом, он активно занимался общественной работой: был комсоргом, членом бюро курса, факультета. На 3 курсе стал сталинским стипендиатом, по тем временам получал фантастически большие деньги – 780 руб. при минимальной зарплате в стране в 170–220 руб. Ему был открыт путь в аспирантуру, но он решил по комсомольской путевке ехать на строительство новых предприятий в Сибирь. С некоторыми сокращениями приведу его ответ на вопрос о причинах такого решения.

Биографический сюжет № 50. Ж.Т. Тощенко

Во-первых, я увидел, что глубина преподаваемых нашими преподавателями курсов напрямую зависит от их жизненного опыта. Ведь многие из них, прежде чем начать университетскую жизнь, работали в школах, издательствах, архивах, занимались общественной работой. Лекции и семинары молодых преподавателей, недавних студентов и аспирантов, были более легковесными, малоубедительными. Во-вторых, хотелось продолжить деятельность родителей, которые мечтали о лучшей жизни и считали, что ее надо самим создавать, быть ответственными за происходящее. <...> В стране в эти годы активно осваивалась целина, строились новые города, предприятия, электростанции, прокладывались железные дороги. И вот мы вторым – Юрий Афанасьев (один из основателей «Демократической России», до 2003 г. – ректор РГГУ), Василий Гришаев (ныне завкафедрой Красноярского университета) и я – по путевке ЦК ВЛКСМ поехали в Красноярский край. Мне досталось строительство железной дороги Абакан-Тайшет <...> Затем последовала комсомольская работа, которую я начал в 1957 г. в Абаканском горкоме комсомола и завершил в 1964 г. секретарем Красноярского сельского крайкома ВЛКСМ. Работа с молодежью, особенно на стройках, поставила предо мной вопрос – почему на первое место выходят производственные задачи, а социальные проблемы отодвигаются на задний план? На той же дороге Абакан-Тайшет я нередко слышал руководителей разных рангов:

«Главное, ребята, построить дорогу. А потом будут вам и жилье, и клубы, и места для учебы и все остальное». Но шли годы, появлялись молодые семьи, и сразу возникали проблемы с детскими садами и школами... Почему? Не видят, не знают? Или что-то другое? <...>

Я решил, что мне не хватает экономических знаний, и поэтому поступил на заочную учебу в Иркутский институт народного хозяйства. Но меня мучили вопросы, на которые я не находил ответа в экономических студиях. Ибо тогдашняя экономика была, как и многие годы спустя, «бесчеловечной», то есть рассматривала человека как рабочую силу, носителя профессиональных навыков. <...> Так я приходил к выводу о важности и первостепенности анализа социальных факторов. <...> Таким образом, на вопросы студентов, что сделало из меня социолога, я отвечаю – «Сибирь» [14, С. 152–153].

В более жарком климате и иначе, но и Л.Е.Кесельмана, призванного в армию после ряда попыток получить техническое образование, к социологическим поискам «подтолкнул» комсомол.

Биографический сюжет № 51. Л.Е. Кесельман

Мои «студенческие» замашки и привычка «все подвергать сомнению» сразу же стали объектом особо пристрастного внимания моего «взводного», который буквально засыпал меня нарядами вне очереди, количество которых явно превышало общую совокупность аналогичных наказаний, полученных всеми остальными новобранцами нашего взвода. <...> К концу первого года службы, получив десять суток «с прицепом» за то, что, будучи комсоргом роты, «увел» ее в полном составе в соседнюю станицу в самоволку с ночевкой, я неожиданно был «досрочно» (на двенадцатые сутки) освобожден из Владикавказской гауптвахты и вызван в штаб части в Махачкалу, где мне предложили занять офицерскую должность освобожденного секретаря комсомольской организации воинской части. На мое замечание: «Я еще «молодой», кто меня выберет», мне было сказано: «Выборы – наша проблема, от вас требуется только согласие».

А через месяц после «избрания» я и провел свой первый *анкетный опрос* на тему «Чему научила тебя армия?». Свидетельством общей «надежности» полученных данных были повторяющиеся в разных вариациях ответы комсомольцев нашей части на итоговый открытый вопрос, воспроизводивший название анкеты: «пить водку и врать» [24, С. 5].

А.Н. Алексеев, о школьных годах которого рассказывалось выше, вспоминал, что вступал в комсомол в школе, еще в 8–9-м классе, и гордился этим, ведь некоторые из его одноклассников стали комсомольцами лишь накануне экзаменов на аттестат зрелости. Ему казалось, что он – «честнее их», так как вступал

в комсомол по убеждению, а не для «улучшения своей анкеты». Активным комсомольцем он был и в университете, в течение одного года он был даже «освобожденным» секретарем комитета комсомола. Позже он назвал себя «слишком правозерным комсомольцем» [40].

Но не у всех представителей социологов первых поколений было подобное отношение к комсомолу. Приведу слова В.Э.Шляпентоха: «Я вступил в комсомол в годы войны работая на шарикоподшипниковом заводе в Куйбышеве, был горд этим событием. После войны я полностью отошел от официальной общественной работы, был беспартийным» [7, С. 3].

Все приведенное выше указывает, насколько серьезно в первые послевоенные годы относились студенты к званию комсомольца и к своим комсомольским обязанностям. Еще одно доказательство этого – рассказ Т.И.Заславской о том, как в конце 1946 г. – тогда она училась на первом курсе экономического факультета МГУ – ее принимали в комсомол. Когда она училась в 8-ом классе, и ее одноклассников принимали в комсомол, она не достигла необходимого возраста, школу она кончала экстерном, потому поступила в университет, не будучи комсомолкой. На физическом факультете, где она училась в течение трех лет, это обстоятельство никого не волновало, но на идеологической специальности, где все студенты были членами партии или комсомольцами, она выглядела «белой вороной». За полгода учебы она узнала членов бюро ВЛКСМ, они знали ее, и потому ей думалось, что все пройдет гладко. Однако ее заподозрили в корысти, признали уровень ее политической грамотности недостаточным и не приняли в комсомол. Она восприняла это как личное унижение и отказалась писать новое заявление и проходить снова эту процедуру. Однако позже она все же подала заявление, и все прошло нормально.

Понимание «надо» применительно к работе в комсомоле было присуще и студентам рубежа 50-х – 60-х. По воспоминаниям Л.В.Пановой, в школе и в институте она училась хорошо, много читала, но ей казалось, что это для удовольствия, а работать нужно там, «где принесешь больше пользы». Она была «правозерной пионеркой и комсомолкой, считала, что это все чрезвычайно важно, и даже в студенческие годы на целину ездила не потому, что было интересно, а потому, что так надо» [41, С. 3].

В школьные и студенческие годы четвертого поколения социологов видение комсомола было много заземленнее, расчетливее, для большинства молодежи вступление в комсомол было формальностью, действием «как все», многие просто уклонялись от участия в работе этой организации. К примеру, о школьных годах вспоминает М.А. Тарусин:

Биографический сюжет № 52. М.А. Тарусин

Собственно, большая домашняя библиотека (около 5000 томов), составленная из книг дореволюционной печати, и испортила мои отношения со школой. Книги без ижицы и ятей казались мне голыми и простоватыми. Литературу и историю я знал хорошо, и школьная программа была мне неинтересна, а в естественных науках оказался полным дебилом, и учительница химии писала в дневнике, что голова моя набита соломой. В целом я был троечником, физически не мог учить то, что мне не нравилось, терпеть не мог пионерский галстук и даже сумел избежать комсомола [37, С. 56].

А.Е. Чирикова, учившаяся на психологическом факультете МГУ, вспоминает: «Из студенческой жизни тех лет я помню только выезд на картошку всем курсом. Это было весело и интересно, мы сдружились, спелись, и др. Никакой общественной работой я не занималась. Это не было обязательным императивом. Кто хотел – мог быть комсоргом или старостой, но никакого давления на нас, с целью насильственного втягивания в общественную работу, я не замечала. Сокурсники из общезжития больше старались заявить о себе через общественную работу, а «москвичи», особенно не проявлялись» [42, С. 7].

Историку А.Ю. Мягкову после окончания университета, работы в школе и службы в армии предстояло думать о трудоустройстве. Он вспоминает:

Биографический сюжет № 53. А.Ю. Мягков

Домой вернулся в конце 1978 г., и все пришлось начинать заново. Начал искать работу. Были разные варианты. Предлагали, помнится, инструктором обкома комсомола (в отдел культуры), секретарем первички в одном из техникумов, что-то там еще по комсомольской линии, но поскольку общественную, и особенно комсомольскую, работу я с детства не любил, то эти предложения серьезно не рассматривал [43, С. 4].

Смерть Сталина

Мангеймовская интерпретация формирования и функционирования поколения включает в себя анализ важнейших событий, которые наполняли создавали среду жизни людей и в значительной степени определяли их сознание. Для родившихся в 20-х – первой половине 30-х, таким событием была смерть Сталина в марте 1953 г.. Эмоциональное состояние, пережитое ими в тот момент, было, с одной стороны, производной от знания недавнего прошлого страны и ожиданий того,

в какую сторону будут развиваться политические процессы в ней, с другой – отправной точкой для понимания природы начавшейся через три года политической оттепели. Определение отношения к Сталину, его смерти, было одной тем исследования, но она не обсуждалась в каждом из интервью с представителями старших поколений. Тем не менее, полученная информация позволяет указать, что большинство из них глубоко и по-настоящему переживало случившееся, считало это трагедией для страны, но были те, кто связывал с уходом Сталина из жизни ослабление чувства страха, была и растерянность: «Что дальше?».

Прежде чем процитировать тот фрагмент интервью с Т.И.Заславской, в котором она говорит о чувствах, вызванных в ней смертью Сталина, перескажу кратко два сюжета из ее мемуаров, раскрывающих отношение многих советских людей, в том числе – московских студентов, к вождю. Первый – относится к декабрю 1949 г., тогда в Москве открылась выставка подарков Сталину в связи с его 70-летием. По воспоминаниям Заславской, сотни тысяч людей стремились посетить эту выставку, и, несмотря на длинную очередь, она с друзьями побывала там не менее трех раз. Она пишет: «Было трудно вообразить, каким великаном, героем и гением должен быть человек, которому посылают подарки на день рождения люди всего мира» [4, С. 350]. Второй сюжет – бытовой; начинается он словами: «Искренне любя и уважая Сталина, я купила и поставила в своей комнате небольшой его бюст» [4, С. 352], но случилось так, что зимой 1949–1950 гг. кот сбросил бюст на пол, и он разбился на несколько кусков. К сожалению, таких бюстов уже не было в продаже. И потому возникли проблемы. Первая, как объяснить друзьям исчезновение бюста. Ссылка на кота, по ее мнению, выглядела неубедительной. Вторая, что делать с осколками? Выбросить их на помойку было невозможно, мусорщики следили, и была вероятность, что они отнесут осколки в НКВД. Нельзя было выкинуть их и на чужую помойку, это могло повредить кому-либо. Она раздробила крупные осколки так, что невозможно было определить, что это была за скульптура, и тогда все выбросила.

Теперь – впечатления Заславской о смерти Сталина:

Биографический сюжет № 54. Т.И. Заславская

Мое сознание в этом отношении было совершенно четко разделено как бы на правую и левую половины. Когда на одной полочке находится твердое знание о том, что такое Сталин, а на другой, тем не менее, – скорбь и слезы. Ужас! Настоящее раздвоение личности,

которое было тогда у большинства. Не так много было людей, которые не испытывали никакого горя и тревоги. Вот, например, наш дядя Степан – он был коммунистом, прошел войну на «катюше», работал трактористом в колхозе; когда умер Сталин и женщины стали плакать, говорил: «О чем вы ревете, радоваться надо, что изверг подох...» [5, С. 141–142].

Описание событий и ощущений тех дней есть у В.А.Ядова [29, С. 47]. Он вспоминает, что ходил по улицам и фотографировал «для истории» лица людей, собиравшихся возле уличных громкоговорителей, они слушали сообщения о болезни и смерти Сталина, они плакали, плакал и он. Его жена пришла домой и сказала, что один офицер в автобусе спросил ее, отчего она плачет, и добавил: «это счастье, что он умер». Ядов и его жена решили, что это был замаскированный антисоветчик.

Более определенным было отношение к смерти вождя 19-летнего студента философского факультета ЛГУ А.В.Баранова:

Биографический сюжет № 55. А.В. Баранов

Отец погиб на войне на Орловско-Курской дуге в 1943, мать умерла в 1953, по-моему, одновременно со Сталиным, то есть 3 марта. Она болела раком, жила у меня здесь, в Петербурге, я уже был женат. Здешние врачи не могли ее спасти, она поехала домой и там умерла. Я ездил на похороны. Когда я туда приехал, сообщили, что и Сталин умер. Когда я ехал обратно поездом, то в момент похорон Сталина – вынос тела и собственно захоронение – по всей стране была объявлена минута молчания. Поезд остановился, и непрерывный гудок. Все заводы и поезда гудели. Это было очень сильно, торжественно, эмоционально.

Я ехал в общем вагоне, и в соседнем купе, напротив, сравнительно молодые мужчины, трое, громко разговаривали, это в минуту траура, и даже вроде, ну: «выпьем за то, что сдох усатый». По-видимому, что-то такое было произнесено. Для меня Сталин был кумиром, естественно, у меня никаких интеллигентских штучек в голове не было... А это наложение двух смертей, мать и отец, именно так я воспринимал, и даже сказал, похоже, этим ребятам, которые выпивали, что мне не нравится, не надо так говорить, пожалуйста, все-таки траур. Они испугались, извинились. Я говорю: «Всё нормально, парни, не волнуйтесь». Они фактически провожали меня, как я выходил из поезда. Смотрели, не пойду ли я сдавать их в милицию. У меня таких намерений не было, мне просто было все это неприятно [19, С. 3].

Прозрение В.Э.Шляпентоха состоялось много раньше: «Я рано, уже на первых курсах университета – 1947–1948 годах – вместе с моим покойным другом выработал резко отрицательное отношение к системе и к Сталину. Его смерть воспринял с радостью» [7, С. 3].

Сфера свободы

Принимая во внимание страх родителей за своих детей, в условиях тоталитарного общества, жестко репрессивного режима, в период военного и послевоенного времени семьи – каким бы их прошлое не было и какие бы политико-идеологические и культурные представления в ней не доминировали – как правило формировала в сознании детей позитивные взгляды на окружающий мир, на действующую власть, на Сталина. Приведенные выше фрагменты воспоминаний социологов старших возрастов однозначно свидетельствуют, что детей держали в неведении о генеалогии семьи и о тех сторонах жизни страны, которые взрослые разрешали себе обсуждать лишь вечерами и шепотом.

Школа – один из официальных воспитательно-идеологических институтов общества, и в ней, даже при наличии выдающихся преподавателей, старавшихся привить ученикам, говоря современным языком, общечеловеческие ценности, доминировали правила, предписания, диктовавшиеся временем и идеологией. Преподавали тенденциозно урезанный, политизированный курс истории страны, до минимума был сокращен перечень писателей, творчество которых изучалось, предлагалась классовая интерпретация русской классики.

Нет необходимости говорить о пронизанности идеологией всей системы высшего образования в СССР, тем более системы подготовки по обществоведческим, гуманитарным курсам и особенно программ соответствующих факультетов университетов.

Комсомол считался школой коммунизма. Нередко – в силу молодости или карьерных побуждений – комсомольскими организациями принимались по отношению к провинившимся решения более жесткие и бескомпромиссные, чем партийными структурами.

Безусловно, в пространстве каждого из этих социальных институтов за личностью сохранялась относительная степень свободы выбора, размышлений, допускались множественность интересов и некоторое разнообразие одобряемых обществом моделей поведения. Так, самостоятельно прочитанная классическая литература, целенаправленно проработанные в юношеские годы философские произведения, раздумья над страницами исторических произведений, рассмотрение семейных фотоальбомов, хранимых в глубинах шкафов, услышанные обрывки полусшепота взрослых, воспоминания слегка подвыпивших и потому ослабивших внутренний контроль фронтовиков, позволяя людям в период юности и ранней зрелости встретиться со знаками той реальности, о которой им не говорились в школе, которой не было в сообщениях газет и радио, в реко-

мендованной для чтения литературе. И все же эти четыре сферы были пространством весьма ограниченной свободы.

Суммируя сказанное, было бы ошибочным в концептуальном плане и в собственно историко-биографическом отношении рассматривать процесс социализации представителей первых послевоенных поколений советских/российских социологов лишь в координатах, задаваемых родительской семьей, школой, высшим учебным заведением и комсомолом. Каждый из них в той или иной степени соприкасался с информацией, отличной от той, что распространялась прессой, радио, позже – телевидением. Слушал поэтов, которых многие годы не публиковали, музыку, распространявшуюся на отработанных рентгеновских пленках, «забугорные голоса», читал «самиздат» и «тамиздат», посещал «подпольные» концерты, многие участвовали в различных формах самодеятельности, пытались писать стихи о волновавшем их, и т.д. Другими словами, одновременно со следованием предписаниям, действовавшим в жестко политизированных и идеологизированных сферах жизнедеятельности социума, представители всех рассматриваемых поколений социологов встречались с разномыслием и инакомыслием, с образцами андеграундной культуры и не плакатного поведения.

Таким образом, представляется важным указать тему, которая до недавнего времени не обсуждалась в работах по истории послевоенной российской социологии, но разработка которой может серьезно углубить понимание генезиса нашей науки, ряда особенностей ее развития и характера деятельности некоторых социологов. Речь идет о поиске механизмов и определении масштабов влияния на становление советской социологии элементов неофициальной, самиздатовской, андеграундной, смеховой культуры в 1950–1970-е годы. Эта тема периферийна, если вообще может быть вписана в рамки институционального изучения истории отечественной социологии, но она становится значимой, если входить в историю через биографии социологов. Человек на протяжении всей жизни в том или ином виде всегда соприкасается с различными формами неофициальной культуры, но очевидно, что для становления его как личности особое значение имеют его контакты с нею в ранней молодости.

В книге по истории разномыслия в СССР в 40-е – 60-е годы Б.М. Фирсов рассматривает две группы практик и сред формирования разномыслия, одна – характерна для «отцов», другая – для детей [11, С. 119–236]. В его работе старшие – это люди, построившие социализм и победившие в войне, младшие – их дети. К набору отцовских практик относятся: лагерь, в которых отбывали свой срок посаженные еще во второй

половине 30-х, и вчерашние солдаты и офицеры, прошедшие через плен или обвинявшиеся в антисоветской деятельности, государственная политика, лишившая миллионы фронтовиков гордости за свою победу, нищета, бараки и перенаселенные коммуналки, выталкивавшие многих и многих в сарайчики, называвшиеся «полбутылкой» и ставшие пространством «шалманной демократии» и прочее. В группу детей автор включает тех, кому в год Победы было 16–17 лет; они не знали по-настоящему страха конца 30-х, а их гражданские позиции формировались в годы политической оттепели. Они учились в отдельных фильмах – мужских и женских – школах, смотрели трофейные фильмы, любили джаз, зачастую были рядом с полублатным миром и верили в комсомол. В своем стремлении к пониманию общества и его улучшению они создавали тайные объединения по изучению марксизма, конспиративные кружки культурологической направленности, пытались найти новые выразительные средства в области поэзии, театра и музыки.

Мне представляется, что возрастные рамки сообщества «детей» можно расширить, ибо даже встретившие победу в значительно более раннем возрасте, к моменту XX съезда КПСС уже достигли 15–16 лет и способны были многое понять. Они еще не были готовы к участию в тайных сообществах, но их формирование происходило в том же социокультурном пространстве, что и старших братьев и сестер. В настоящей книге «дети», если иметь в виду типологию Фирсова, предстают в основном социологами первого-второго поколения и частично – третьего.

Отмечу и то, что дихотомия «приватного» и «публичного» не исчезла в 60-е годы, но расцвела и в следующие два десятилетия, когда «дети» уже стали «отцами». Поколение их детей составляет значительную часть четвертой когорты советских/российских социологов. Но и в годы их первичной социализации, в начале их ранней взрослости оставалось сосуществование-противопоставление жестко и относительно мягко идеологизированных областей жизни людей, изменилось лишь содержание пространства практик и сред формирования разномыслия.

Тема двух ниш, двух сфер реальности оказалась в поле моего зрения на фазе «предбиографии» настоящего историко-наукоедческого исследования, при работе над очерком о жизни и творчестве Б.А.Грушина. Так получилось, что траектория жизни Грушина всегда проходила через обе эти сферы, а в его отношении к своему делу, в языке его научных и публицистических выступлений, другими словами – в его творчестве, явно просматривается и понимание им необходимости выполнения требований «жесткой» среды, и стремление не покидать ком-

фортную для него «мягкую» сферу, или сферу свободы. В ходе интервью почти все социологи разных поколений самопроизвольно или, отвечая на мои вопросы, касались этой темы; ибо в различной степени каждый из них был погружен в мир неформальной культуры.

Обращаясь к годам окончания школы и начала студенческой поры, Т.И. Заславская вспоминала о посещениях студии молодых поэтов и ночных посиделках, на которых поэты-фронтовики читали свои стихи. В нашем электронном интервью она писала: «Встречаться с молодыми поэтами, слушать их стихи, а потом споры было увлекательно и очень радостно. Они оказали на меня громадное влияние, потому что свойственная им суровая, проверенная войною мораль открыто и жестко противостояла мелочности, пошлости, а нередко и подлости тыловой жизни. Молодые поэты были чистыми в высшем смысле слова, они прошли войну, пропустили ее ужас через свои души и благодаря этому приобщились к самым высоким ценностям. Мне остро не хватало духовной опоры в окружавшем мире, а тут – такие прекрасные люди и такие замечательные стихи» [5, С. 141].

По словам А.Г.Здравомыслова, в его жизни огромную роль играл хор Ленинградского университета, в воспоминаниях его сокурсницы А.В.Русалиновой есть такие слова: «Я в студенческие годы буквально «пустилась во все тяжкие», не в обывательском смысле этого слова, а в плане максимального использования имевшихся возможностей: ходила в студенческий хор, которым руководил Г.М. Сандлер...» [44, С. 4]. А для А.В. Баранова хор – самое светлое воспоминание об университетских годах:

Биографический сюжет № 56. А.В. Баранов

... от философского факультета и от учебы на философском факультете в Ленинградском государственном университете имени Жданова я вынес только одно приятное воспоминание: я поступил в хор. Туда меня привел Андрей Здравомыслов, который раньше меня вошел в университетский хор. Там я был до окончания университета. И это единственное позитивное воспоминание об учебе в Ленинградском университете. <...> Меня избирают старостой хора. Причем – первым старостой университетского хора, до этого не было такой должности. Так, что ещё про университет... По-моему, больше ничего хорошего я сказать про него не могу [19, С. 6]

Б.М. Фирсов, закончивший в 1954 г. Ленинградский электротехнический Институт (ЛЭТИ), вспоминает широко известный в Ленинграде в середине 50-х студенческий спектакль

«Весна в ЛЭТИ», одним из создателей которого он был [6, С. 3]. Л.В. Панова, которая в те же годы была студенткой Ленинградского кораблестроительного института, говорит о полузапрещенных джазовых концертах и спектакле «Весна в ЛЭТИ». И через полвека она замечает: «мы на него ходили, и удивлялись, что, наконец, с нами говорят тем языком, который нам понятен и близок <...> не было никакой тяжеловесности, вранья, вымученной идеологии, которой было так напищено все вокруг» [41, С. 4]. И. И. Травин, обучавшийся на историческом факультете МГУ в конце 50-х, отмечал особое влияние на него Московского фестиваля молодежи 1957 г.; то были две недели, которые потрясли его мир. Упоминает он и мастерские художников и выставки, а также концерты и фестивали Московского джаз клуба [45, С. 2–3].

В интервью с представителем четвертого поколения социологов В.И. Ильиным открылась такая сфера жизни, которой не могло быть у его старших коллег. Ряд студенческих лет он провел в общежитие ЛГУ № 6 на Мытнинской набережной, так называемой «шестерке». Это был своеобразный Ноев ковчег, в котором жили студенты со всех концов света. Его соседями по комнате были японский социалист, племянник крупного бизнесмена из Токио, иракский коммунист, бежавший из Ирака от преследований Саддама Хусейна, а также выходец из элитной цейлонской семьи. О мире он узнавал не из советских газет, а в бесконечных распитиях чая, вина и водки, постоянных разговорах на кухне и лестничных площадках. Туда модные диски привозились из Хельсинки, Стокгольма и Парижа. Там ходили книги не из книжных магазинов, хотя Солженицын давался только совсем своим. Здесь он впервые прочел ахматовский «Реквием». В его комнате пару лет готовилась стенная газета «118-я Правда» (118 – по номеру комнаты), он был ее главным редактором. Когда газету закрыли, он начал издавать иллюстрированный журнал «Жизнь “шестерки”», но его он показывал только своим [9, С. 139–140].

Теперь рассмотрим подробнее практику поведения в «сферах свободы» двух социологов, представляющих третье и четвертое профессиональные поколения.

Начну с отступления «регионального» характера, с пояснения термина «*сайгонская культура*».

Ленинград всегда был городом, в котором одновременно с официальной культурой существовало множество андеграундных субкультур, либо пресекавшихся властью, либо частично разрешенных, но контролируемых идеологическими организациями и органами правопорядка. Кафе «Сайгон» открылось осенью 1964 г. и на протяжении последующих почти

двух десятилетий было одним из заметнейших очагов андеграундной культуры. Оно располагалось в самом центре города, на углу Невского и Владимирского проспектов, формально это было кафе от ресторана «Москва», но все, знавшие это место, называли его «Сайгоном». В настоящее время признается, что «Сайгон» – и еще несколько небольших кафе города – были местом, где развивалось творчество очень сильной группы поэтов, писателей и музыкантов, определивших ряд направлений в современной русской художественной культуре. К «сайгонавтам» относятся: И. Бродский, С. Довлатов, В. Кривулин, М. Шемякин, «митьки», Б. Гребенщиков, С. Курехин, В. Цой. Приведу несколько реминисценций о сайгонной атмосфере людей, знавших ее досконально.

В одной из эмигрантских рецензий Сергей Довлатов вспоминал: «Ну что «Сайгон»... Грязноватое кафе в центре Питера, на углу Невского и Владимирского проспектов, со странной богемно-уголовной публикой, где встречались, пили кофе и портвейн, обменивались новостями, читали стихи. Юный лопух, случайный посетитель (сам был из таких) мог заметить только это. Но для своих, для посвященных (тут должны были совпасть не только место, но время и поколение), «Сайгон» был непрерывно творимой легендой, продолжением петербургского мифа (у «них» – салон Волконской или башня Вяч. Иванова, у нас – «Сайгон»), символом второй настоящей культуры, оказавшимся, как по заказу, напротив – на расстоянии Литейного —официальных цитаделей: кагэбэшного Большого дома и ленинградского Дома писателей. <...> Естественно, читались стихи, естественно, передавались рукописи, так что это время можно с полным правом окрестить как “сайгонский период русской литературы”» [46]. Виктор Кривулин: «В «Сайгон» приходили люди и стояли, попивая кофе, минут сорок, час... <...> Поначалу были столики, за которыми сидели, но потом их заменили, и сиденьями служили разве что подоконники. Приносили с собой портвейн, распивали вместе с кофе... На это, как и на курение, смотрели сквозь пальцы. <...> Гэбэшники имели интерес к этому заведению и поэтому не прикрывали его – так было удобней. Стояли, как все, пили кофе... Захожу, скажем, встаю рядом с человеком – и вспоминаю его лицо – он у меня на обыске был...» [47].

Социолог четвертого поколения Т.З. Протасенко долгие годы жила в самом центре Ленинграда, в квартале от «Сайгона». Естественно я не мог не спросить ее об отношении к этому «клубу». С одной стороны, она заметила: «Его обитатели меня не интересовали. Некоторых я знала очень хорошо – они жили рядом. Некоторых я встречала в компаниях мимоходом, и они

меня не заинтересовали. <...> “Сайгон”, с моей точки зрения, был, конечно, очень интересным местом для наблюдения социологов, но в плане личностного обогащения – вряд ли. Поэтому я там и бывала нечасто». Вместе с тем, ею дана неплохая фотография пространства, в котором существовало это кафе: « “Сайгон” в то время был местом встречи для многих странников жизни – в отношении многих было известно, что он в такое-то время будет в “Сайгоне” или в книжном скверике на Литейном. И он туда в это время приползал, даже если совсем не держался на ногах. Потом в этот круг общения были включены еще несколько точек: подвал Дома Актера “Советское Шампанское”, где продавали коктейль фифти-фифти (коньяк пополам с шампанским), кафе “Эльф” на Стремянной и кафе “Ольстер” на Марата, когда открылся после ремонта ресторан Невский» [48, С. 5].

Если бы мне пришлось разрабатывать теоретическую схему погружения социологов второго-третьего поколения в мир неформальной культуры Ленинграда, то в нее был бы включен ряд кафе города, но прежде всего «Сайгон». Однако замечу, в моем историческом исследовании эта тема возникла стихийно, сначала она обозначилась при изучении биографии Г.В.Старовойтовой, и полнее заявила о себе – при написании статьи о В.Б.Голофасте.

Я многие годы знал Голофаста, но лишь незадолго до его смерти из его письма узнал, что в юности он писал стихи. Тогда я спросил его, не знал ли он в годы обучения на филологическом факультете Сергея Довлатова, и в его ответе прочел: «На филфаке я учился в 1960–65. Когда я приехал в Л-д, у меня еще был поэтический период. В 60–61 годах я знал всех, кто был активен в студиях, на вечерах в кафе, сам выступал в них и в кино-театрах. Но потом резко ушел из этой среды. Может быть, ты слышал про Костю Кузьминского (он теперь в США), мы были друзьями, и я частенько ночевал у него дома на бульваре Профсоюзов. Ушел по личным мотивам – меня завалили по языку – а это было хана пребыванию в Л-де. Пришлось мобилизоваться. А в этом процессе я стал искать другие интересы».

Константин Кузьминский [49] – человек-легенда, один из героев ленинградского литературного андеграунда конца 1950-х – начала 1960-х, обладает феноменальной памятью на стихи. Дом Кузьминского, наряду с мастерской Михаила Шемякина на Загородном проспекте, был образцом нового богемно-артистического стиля, не без влияния которого в дальнейшем складывался быт многих квартир литераторов и художников. Кузьминского считают одним из первых, кто осознал значение неофициальной культуры и понял необходимость ее внимательного изучения и сохранения [50].

Я ответил Голофасту, что не был знаком с Кузьминским, но одно время мы принадлежали к пересекавшимся дружеским компаниям. После смерти Голофаста я нашел электронный адрес Кузьминского и написал ему. Он ответил, что считает стихи Голофаста гениальными, и указал сайт, на котором расположены его воспоминания о нем и несколько его стихотворений. Приведу крошечный фрагмент из воспоминаний Кузьминского, как мне представляется, чрезвычайно важный для понимания Голофаста как представителя одного из типов социологов третьего поколения: «...стихи, с которыми он пришел, были – уже – написаны мастером. Блестящий классический стиль, философичность – вот философичность-то, по-моему, Голофаста и подкосила. Его стихи стали переходить в прозу, в философское размышление. <...> Хорошо, что Голофаста не напечатали. Тогда ему было бы еще хуже. Человек он был серьезный, положительный, и в своем процессе становления советским писателем – дошел бы до полного самоотрицания. А так – хоть подышал. <...> Голофаста я встретил перед отъездом в “Сайгоне”, поблекшего, усталого и голодного. <...> И сейчас мне грустно: какого поэта я потерял, или он – потерял сам себя? Кто теперь скажет? И не только поэта, но и все его рукописи. <...> Но ощущение большего знания – у меня осталось надолго. Был он умнее всех нас. Что стало с человеком? Куда и почему он пошел?..» [51].

Если для Голофаста «Сайгон» был местом общения с представителями андеграундной поэзии, то для Г.В. Старовойтовой – одним из истоков ее будущей правозащитной и политической деятельности. Многие в ее гражданской позиции и научной деятельности было порождено «сайгонской культурой» [52].

Говоря о пространстве, в котором проходило ее становление, Е.А. Здравомыслова отмечает прежде всего круг ее семьи и затем – литературный клуб «Дерзание», который позднее переселился в сегмент «Сайгонного сообщества». «Это были люди, – пишет она, – гораздо критичнее настроенные к советскому обществу, нежели мои родители. Они создавали контркультуру из материала собственной жизни с большими потерями для здоровья, не говоря уже о карьере....» [33, С. 10]. У Бориса Гребенщикова есть строки: «Детство прошло в Сайгоне, / Я жил, никого не любя...». По его воспоминаниям «наиболее значимой для заведения была компания поэтов, познакомившихся в литературном клубе «Дерзание» при Дворце пионеров» [53]. Среди активистов этой группы он называет и Здравомыслову. Ей принадлежит одно из наиболее интересных исследований природы «Сайгона» и его роли в ленинградской культуре: она называет его местом встречи, или социальным пространством, общения ленинградских маргиналов, системным протестом

против важнейших элементов существовавшей политической организации общества. По ее мнению, люди «Сайгона» создавали для себя гражданское общество, они делали вид, что социалистический мир вокруг них не существует [54].

Литература

1. Здравомыслов А.Г. Социология как жизненное кредо // Социологический журнал. 2006. №3/4. С. 151–186; см. также Том 2, С. 50–88.
2. Левада Ю.А.: «Научная жизнь – была семинарская жизнь». В кн.: Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 82–94.
3. Гилянский Я. И.: «...Я начинал как чистый уголовник...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №2. С. 2–12; см. также Том 2, С. 369–399.
4. Заславская Т.И. Избранные произведения. Том 3. Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: Экономика, 2007.
5. Заславская Т.И.: «...Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие – это наука» // Социологический журнал. 2007. №3. С.137–169; см. также Том 2, С. 16–49.
6. Фирсов Б.М.: «...О себе и своем разномыслии...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №1. С. 2–12; см. также Том 2, С. 535–566.
7. Шляпентох В.Э.: «Только эмпирическая социология в СССР была ареной творчества для гуманитариев» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 6. С. 1–13.
8. Здравомыслов А.Г.: «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит – надо искать объяснение в мире людских отношений» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5. С. 2–10.
9. Ильин В.И.: «Социология как образ жизни – это автономная сторона социологии как профессии» // Социологический журнал. 2010. №2. С. 134–160; см. также Том 2, С. 1136–1165.
10. Кугель С. А. Записки социолога. СПб.: Нестор-история, 2005.
11. Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2008.
12. Ядов В.А.: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...». Часть 2. // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев 2005. №4. С. 2–10; см. также Том 2, С. 234–248.
13. Беляев Э.В.: «Естественно-научные и социальные интересы – определяющая черта мой личности» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 3. С. 2–11; см. также Том 2, С. 572–599.
14. Тощенко Ж.Т.: «Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина» // Социологический журнал. 2007. №4. С. 149–70; см. также Том 2, С. 471–500.

15. Тукумцев Б.Г.: «То, что я оказался в социологии, связано со счастливой случайностью и с моим интересом к проблемам управления» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 5. С. 11–23; см. также Том 2, С. 501–534.
16. Голенкова З.Т.: «У нас был довольно большой свой мир...» // Социологический журнал. 2009. №4. С. 141–164.
17. Интервью с М.Е. Поздняковой. Архив Б.З. Докторова.
18. Толстова Ю.Н.: «Некорректно говорить о том, что математика «прикладывается» к социологии». Том 2, С. 942–971.
19. Баранов А.В.: «А всё-таки она вертится» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 3. С. 2–16; см. также Том 2, С. 329–368.
20. Лапин Н.И.: «Наша социология стала полем профессиональных исследований, свободных от идеологического диктата» // Социологический журнал. 2007. №1. С. 141–175; см. также Том 2, С. 89–127; см. также Том 2, С. 89–127.
21. Гофман А.Б.: «Социальная реальность ... – это сфера свободы» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 2. С. 2–13; см. также Том 2, С. 621–653.
22. Артёмов В.А.: «Время было моим главным ресурсом...» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 5. С. 2–14; см. также Том 2, С. 294–328.
23. Пригожин А.И. Прикладные социальные теории занимали его очень сильно // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 2. С. 14–15.
24. Кесельман Л.Е.: «...Случайно у меня оказался блокнот “в клеточку”...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №5. С. 2–13; см. также Том 2, С. 688–724.
25. Давыдов А.А.: «Мои занятия «золотым сечением» воспринимали как чудачество научного маргинала». Том 2, С. 1088–1102.
26. Максимов Б.И.: «Социолог как лошадь, скачущая в стойле» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 4. С. 2–14; см. также Том 2, С. 400–422.
27. Кон И.С. 80 лет одиночества. М.: Время, 2008.
28. Алексеев А.Н.: «Рыба ищет где глубже, а человек – где не так мелко...». Набросок биографического интервью; Том 2, С. 254–293.
29. Ядов В.А.: «Мы все – самоучки в социологии». В кн.: Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 42–63.
30. Ионин Л.Г.: «Надо соглашаться с собственным выбором» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2007. № 3. С. 2–14; см. также Том 2, С. 654–687.
31. Козлова Л.А.: «Мы были маргиналами, только следующее поколение получило профессию “социолог”» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 4. С. 6–16; см. также Том 2, С. 1166–1195.
32. Здравомыслов А.Г.: «Без осмысления того, что сделали мы, социологии нет». В кн.: Российская социология шестидесятых годов /

- Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 156–174.
33. Столович Л.Н.: «Не только я окунулся в социологию, но и социология окунулась в меня» // Социологический журнал. 2010. № 4. С. 113–135; см. также Том 2, С. 441–470.
 34. Ельмеев В.Я.: «Я был и остался сторонником материализма в социологии». Том 2, С. 234–248.
 35. Здравомыслова Е. А.: «Моя профессиональная жизнь характеризуется “счастливым браком” гендерных исследований с качественной методологией» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 6. С. 9–15; см. также Том 2, С. 1103–1120.
 36. Илле М.Е.: «За 10 лет “Телескоп” опубликовал не менее 500 статей не менее сотни авторов» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 1. С. 2–7; см. также Том 2, С. 1121–1135.
 37. Тарусин М.: «Мы формировались во времена отрицания» // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 55–79; см. также Том 2, С. 1262–1287.
- Начало всегда исторично, то есть случайно: Фрагменты из беседы М. Хромченко с М.К. Мамардашвили 5 апреля 1990 г. // Вопросы методологии. 1991. № 1 <<http://old.circle.ru/archive/vm/v911mam.html>>.
38. *Здравомыслова А.Г.* Заметки о времени социологического прозрения. В кн.: Vivat, Ядов! К 80-летию юбилею: сборник / Ред.-сост. Данилова Е.Н., Козлова Л.А., Козырева П.М. и др. М.: Институт социологии РАН, 2009.
 39. *Алексеев А.Н.* Слишком правоверный комсомолец или дурной шестидесятник // Пчела. 1997. №11, октябрь-ноябрь <http://www.pseudology.org/Gallup/Alexeev_AN.htm>.
 40. Панова Л.В.: «Самые интересные мысли были упакованы в многослойную обертку партийных документов» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 4. С. 2–9; см. также Том 2, С. 796–816.
 41. Чирикова А.Е.: «Мой профессиональный выбор был правильным» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 1. С. 2–13; см. также Том 2, С. 1288–1320.
 42. Мягков А.Ю.: «Иной судьбы для себя просто не представлял» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 2. С. 2–11; см. также Том 2, С. 1196–1230.
 43. Русалинова А.А. «Мы работали честно и видели хоть и скромные, но результаты своего труда» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 6. С. 2–15; см. также Том 2, С. 423–440.
 44. Травин И. И.: «В социологию я пришел совершенно сознательно» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 1. С. 2–11; см. также Том 2, С. 972–999.

45. Пономарев И. Неформалы на Невском // Нева. 2004. № 3. <<http://magazines.russ.ru/neva/2004/3/ponom22.html>>.
46. Невский до и после великой кофейной революции. Интервью с Виктором Кривулиным. <<http://www.pchela.ru/podshiv/6/coffee.htm>>.
47. Протасенко Т.З.: «Становление меня как социолога шло зигзагами» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 2. С.2–13; см. также Том 2, С. 843–877.
48. Константин Кузьминский: Умеренности я в себе не наблюдаю, ни в чем... <http://www.pchela.ru/podshiv/12/no_measure.htm>.
49. Долинин В.Э., Северюхин Д.Я. Преодоление немоты. <<http://www.polit.ru/country/2003/07/25/621950.html>>.
50. Голофаст В. У голубой лагуны // Антология новейшей русской поэзии: Т. 5-А / Сост. К.К. Кузьминский, Г.Л. Ковалев. С. 260–266 <http://kkk-bluelagoon.nm.ru/tom5a/zub_golofast.htm#1>.
51. Галина Старовойтова: «Вы слишком хорошего мнения о нашей оппозиции, они будут расстреливать на месте на этот раз» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 6. С. 2–7.
52. Гребенщиков Б. Сайгон. <<http://www.pchela.ru/podshiv/6/saigon.htm>>.
53. Здравомыслова Е. Культурный андеграунд 1970-х: ленинградское кафе «Сайгон» глазами завсегдатая и исследователя. В кн.: Разномыслие в СССР и России (1945–2008) /Под общ. Ред. Б.М.Фирсова. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2010. С. 131–158.

ГЛАВА 6

ОДИН ВОЗРАСТ – ДВА ПОКОЛЕНИЯ

Летом 2009 г. В.А.Ядов так описал процесс появления в стране социологов: «У Салтыкова-Щедрина есть фраза: “Откуда берутся дворяне? Из дворян. Откуда мещане? Из мещан. А откуда крестьяне? Да так, сами по себе – из грязи”. Физики брались из физиков, химики – из химиков. А социологи – из философов, психологов, экономистов. Из разных прочих дисциплин. Из математиков тоже. Это самообразование» [1].

За редким исключением социологи первых четырех поколений оказались в социологии случайно, они не готовили себя к работе именно в этой научной нише, а часто – вообще не знали о ее существовании. Однако замечу, эта случайность различна по своей природе для разных поколений; действительно, приход в социологию был случайным, но реализовывались эти случаи в разных полях случайности.

Профессиональный выбор социологов первых трех поколений не мог включать социологию уже потому, что в период их базового профессионального самоопределения, такой науки в СССР не было. Тогда выпускники школ, отчетливо или смутно ориентировавшиеся на изучение общих принципов познания, социальной проблематики или человека, стремились получить философское, историческое или экономическое образование. Движение в сторону этих предметов оказалось для них первым шагом на пути в социологию.

Происходившее далее хорошо показал М.К. Мамардашвили, рассказывая о начале его собственных и его друзей, среди которых был и Б.А.Грушин, поисков новых подходов к философии. По его мнению, в 50-е годы философии в СССР не было, она возникала заново, и внутри нее люди делали разные выборы. Стремившиеся обслуживать «идеологические шестеренки», занимались историческим материализмом, теорией коммунизма и ругими идеологически выдержанными темами. Не желавшие так поступать и не искавшие такой судьбы, искали менее огосударствленные сферы философской науки, а значительная часть выпускников философских факультетов сама уходила или была вынуждена уйти в иные сферы деятельности. Аналогичное можно сказать об историках, экономистах, пытавшихся найти для собственных исследований менее политизированные, идеологизированные проблемы. Социология виделась в то время наукой, достаточно приближенной к практике, и в силу этого ее проблематика представлялась – и в известной степени была – более открытой, свободной, чем истматовская, политэкономическая и историко-партийная. Другими словами, их приход в социологию был, с одной стороны, исторически обусловленным, с другой – случайным, Мамардашвили сформулировал диалектику этих понятий весьма метафорично: «начало всегда исторично, то есть случайно» [2].

Образовавшие первое поколение вошли в социологию «без приглашения», не дожидаясь его, даже наперекор строгому предупреждению – «входа нет». Будущее показало их высокую пассионарность и верность избранному пути, их энергетики хватило на «зарядку» следующих поколений социологов.

Второе поколение, по сути – часто сверстники «отцов основателей» – уже получали приглашения от первооткрывателей: аспирантура под руководством первых, участие в их семинарах, чтение их публикаций. Приходя в социологию, «вторые» имели большой опыт работы вне философии: партийная и комсомольская деятельность, прокуратора и адвокатура, журналистика, производство. Поэтому их приход в социологию принципиально расширил предметную сферу этой науки.

Ниже приведены воспоминания представителей первых двух поколений социологов об их вхождении в социологию. Замечу, что рассматриваются лишь биографические истории тех ученых, которые (см. Гл. 4) составляют так называемый *Основной массив* настоящего исследования. Это – социологи, с которыми мною были проведены интервью (Том 2) или о которых я писал биографические статьи (Том 3).

Им было суждено начать

Если исходить из того, что мир – не хаос, то придется признать объективность многих процессов, происходящих в обществе и в социальных институтах. Объективно и развитие системы наук об обществе. Политическая оттепель создала предпосылки для обращения представителей *разных* поколений советских обществоведов к возможностям социологии. О ее существовании в дореволюционной и отчасти постреволюционной России самые старшие помнили на протяжении четверти века, но предпочитали молчать. 30-летние узнавали из зарубежной литературы, книг, издававшихся в стране до наложенного на социологию «вето», и редких отечественных публикаций, появившихся после смерти Сталина и разоблачения его культа.

Вот здесь на арене истории и должны были появиться новые люди, обладавшие двумя уникальными для той эпохи качествами. Первое, более смотрящими вперед, чем назад. Второе, профессионально готовые к *самостоятельному* овладению теорией, методологией и методами современной по тому времени социологии. По сути речь шла о новых типах личности, могущих услышать пробивавшиеся из толщи социальных отношений вызовы, перевести их на язык науки, приступить к поиску ответов на эти вызовы и доказать обществу, что эта новая наука необходима ему.

Таких вперед смотрящих не могло быть много, но и нужны были единицы. Тем не менее трудно проанализировать путь каждого в новую не только для него область науки, но неизведанную другими. Для истории представляют особый интерес именно первые шаги людей в инновационную сферу: как случилось, что сегодня человек фактически отказывается от своих выношенных и казалось бы принятых планов и идет в том направлении, которого он вчера не видел. Понятно, что в одних случаях это его реакция на некие внешние обстоятельства, в других – куммулятивный итог каких-то многолетних рассуждений, иногда – бегство от привычного, рутинного и т.д. Наверное, в настоящем историко-наукоедческом исследовании можно было бы нацелиться на отыскание подобных толчков,

но два момента препятствуют этому. Во-первых, здесь пришлось бы отойти далеко от фактов, от сказанного в интервью и перейти в сферу гипотез относительно мотивации поведения человека. Что всегда рискованно. Во-вторых, фактически это требовало бы отказа от поколенческого изучения российского социологического сообщества к личностному анализу.

Одновременное рассмотрение биографической информации нескольких социологов первого поколения позволяет до определенной степени воссоздать процесс становления социологии в СССР. Безусловно, предлагаемая модель недостаточно детализирована, но она открыта для доработки.

Таблица 1

Годы получения научных степеней представителями первого поколения социологов

ФИО	Даты жизни	Год защиты канд. дис.	Год защиты докт. дис.
Грушин Борис Андреевич	1929–2007	1958	1967
Заславская Татьяна Ивановна	1927	1956	1965
Здравомыслов Андрей Григорьевич	1928–2009	1960	1968
Кон Игорь Семенович	1928–2011	1950	1959
Лапин Николай Иванович	1931	1960	1968
Левада Юрий Александрович	1930–2006	1955	1964
Шляпентох Владимир Эммануилович	1926	1956	1966
Ядов Владимир Александрович	1928	1959	1967
Ельмеев Василий Яковлевич	1928–2010	1953	1963, 1977

Начну с Ленинграда. Это оправдано с собственно исторической точки зрения и подкреплено наличием соответствующей информации. Центральным событием здесь будет рождение первой в стране Лаборатории социологических исследований Ленинградского государственного университета. Базой для этого повествования являются мемуары И.С. Кона, интервью с А.Г. Здравомысловым и В.А. Ядовым, ряд других источников.

Похоже, что все началось в 1960 г., именно тогда, говоря словами В.А.Ядова, И.С. Кон обратил его в социолога: «Игорь сыграл решающую роль в моем, как говорят постмодернисты, проекте профессиональной жизни. Понятие «проект» здесь уместно, ибо возник он благодаря Игорю, не был предначертан теми структурами, в которых меня формировали. Мы оба преподавали на философском истмат» [3, С. 4].

Биографический сюжет № 57. И.С.Кон

В 1947 г. И.С. Кон в 19 лет закончил исторический факультет Ленинградского педагогического института им. Герцена [4]. В 1950 г. он в течение трех летних месяцев защитил две кандидатские диссертации: одну – по истории, другую – по философии. Он готов был представить и третью, но мудрые люди объяснили ему, что этого делать не надо. В последующие годы его работы касались множества тем истории и методологии философии, социологии и социальной психологии, и в 1959 г. он защитил докторскую диссертацию по теме: «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли». За нею последовал ряд книг, которые сразу закрепили за Коном ведущее положение в проблематике истории социологии. Наиболее известными стали его монографии: «Основные направления буржуазной философии и социологии XX века» [5], написанная с Ю.А. Асеевым, и ставшая классикой – «Позитивизм в социологии» [6].

Биографический сюжет № 58. В.А. Ядов

Принципиальное изменение траектории жизни Ядова произошло в результате его ознакомления с книгой Гуда и Хатта, на которую его внимание обратил Кон. Детали этой истории и то, как книга была переведена на русский язык, рассмотрены выше. В 1960 году декану философского факультета В.П.Рожину удалось провести через Ученый Совет университета решение о создании социологической лаборатории, которая начала свою работу в находившемся в страшном запущении Меншиковском дворце. Руководителем лаборатории был назначен Ядов, его заместителем – Здравомыслов.

В том же 1960 г. в журнале «Коммунист» (№15) вышла статья Г. А. Пруденского о свободном времени, которая произвела на Кона сильное впечатление. Он вспоминает: «Я подумал, что чем-то в этом роде можно и нужно заниматься и у нас (политическую социологию я считал в СССР абсолютно невозможной), и посоветовал это сделать Ядову. Однако в то время Ядов был еще «чистым философом» и сказал, что эта тема и вообще лю-

бая эмпирия ему кажется мелковатой» [4, С. 211]. А вот запомнившееся Ядовым: Кон просто душил его: «Ну проведите же вы исследование бюджетов времени!...» И мы провели его на Кировском заводе» [7, С. 86]. Это был дневник, в котором рабочие должны были фиксировать, что они делали в течение каждых десяти минут. По воспоминаниям одного из первых сотрудников лаборатории Э.В. Беляева, в результате семинаров по книге Гуда и Хатта через несколько месяцев была создана анкета и проведено исследование по использованию свободного времени среди рабочих и служащих Ленинграда. Выборка была небольшой: 100 человек, по 50 мужчин женщин, но это было даже не начало, а предначало ленинградской социологии. Итоги исследования были опубликованы в 1961 г. [8]. На хранимом Коном отписке этой статьи Ядовым и Здравомысловым написано: «Игорю Семеновичу Кону – покровителю конкретной социологии в ЛГУ».

Кон пришел к социологии, продолжая начатые им ранее исследования по истории социальной мысли и наблюдая трудности становления в стране эмпирической социологии. Он не предполагал сам заниматься ими, но знал что в ближайшие годы этот тип исследований в стране появится. Как профессиональный историк он исходил из того, что никакая наука не может развиваться, не зная своей истории, и потому сосредоточился на выявлении рационального в позитивистской социологии.

Каков был социологический багаж руководителей первой в стране социологической лаборатории? В 1959 г. Ядов защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Идеология как форма духовной деятельности общества», которая через два года была опубликована в книге под тем же названием. По его воспоминания, он был знаком с социологией по работам ряда западных авторов, которые он изучал при подготовке кандидатской диссертации. В интервью Ядов отметил, что Кон образовывал его по части истории социологии и многое он почерпнул из разговоров с Ю.А. Асеевым. «Времени на изучение трудов гигантов социологии решительно не было. <...> Штука в том, что теоретические воззрения классиков социологии я кодировал для себя как социальную философию» [3, С. 4]. Знакомство с учебником Гуда и Хатта было для него решающим. Все относящееся к эмпирическим приемам социологии, статистическим методам, он изучал самостоятельно.

В марте 1967 г. Ядов защищает первую в стране докторскую диссертацию по методологии конкретного социологического исследования. Работа базировалась на материалах его книги по этой проблематике, увидевшей свет в будущем году в Тарту

[9], и опиралась на опыт уже завершенного исследования «Человек и его работа» [10]. Защита вызвала огромный интерес, на философском факультете не нашлось аудитории, в которой могли разместиться все желавшие присутствовать на ней, перешли в Большую (амфитеатром) аудиторию истфака, находившегося в том же здании. В заключение Ядов поблагодарил Хильду Химмельвайт, от которой он многое узнал, стажировавшись в Лондонской школе экономики и политики. Возник скандал, здорово помогла Г. М. Андреева – оппонент его диссертации. Она объяснила Совету, что Химмельвайт – крупнейший социopsихолог, экспериментатор и прочее. Так что «вымывала» из сознания голосующих ассоциации с какой-либо идеологией.

Биографический сюжет № 59. А.Г. Здравомыслов

Социологическое самоопределение Здравомыслова началось в аспирантуре – 1956–1960 гг.; по его воспоминаниям, студенческий и аспирантский периоды его жизни резко отличались друг от друга. Он начал изучать Парсонса, подошел к проблеме социальных интересов и в начале 1960 г. защитил диссертацию, в названии которой присутствовало слово социология – «Категория интереса в марксистской социологии» [11]. Вскоре вышла его книга «Проблема интереса в социологической теории» [12], в которой социальные институты были названы им в качестве главного предмета социологии.

Свое докторское исследование Здравомыслов представил к защите в 1968 г., в нем он продолжил исследование социальных интересов. В отличие от трактовок «интереса», предлагавшихся другими советскими авторами, Здравомыслов подчеркивал субъективный аспект этой категории, что, в свою очередь, позволяло включить в социологическую разработку проблематику изучения мотиваций поведения и ценностных ориентаций. К тому времени уже была опубликована книга «Человек и его работа», в которой иллюстрировалось, раскрывалось многое из его концептуальных построений [10].

Здесь был рассмотрен уникальный для науки случай: трое ровесников и земляков, примерно в одно время вошедших в несуществовавшую тогда социологию, взаимодействуя друг с другом в разных формах, отыскивали для себя собственные исследовательские ниши, в которых затем десятилетиями успешно работали. Профессиональные интересы и личностные качества Кона, Здравомыслова и Ядова определили высокое место каждого из них в истории советской/российской социологии, способствовали становлению «ленинградской социологической школы» и конституированию социологии в стране.

Биографический сюжет № 60. В.Я. Ельмеев

Ряд ученых старшего поколения и историков советской/российской социологии не согласятся с включением мною в группу социологов первого поколения В.Я. Ельмеева. В течение многих лет он доказывал антимакистский характер исследований В.А. Ядова и А.Г. Здравомыслова, резко критически относился к положениям экономической социологии Т.И. Заславской и во многих своих работах скорее выступал с позиций научного коммунизма, чем социологии.

Ельмеев не принадлежит к группе социологов-первопроходцев, работами которых заложены базисные теоретико-методологические и методические основы новой, послевоенной советской / российской социологии.

Вместе с тем, говоря об истории становления современной отечественной социологии, нельзя не видеть всего многообразия процессов, протекавших в пространстве зарождения этой науки. Полнота исторического анализа предусматривает изучение жизни и творчества ученых, отстаивавших разные точки зрения на логику и предмет социологии.

Ельмеев родился и вырос в мордовском селе, в семье колхозников, окончил в селе семилетнюю школу, а в 1942 г. поступил в Саранское педагогическое училище. В числе учеников-отличников после его окончания получил право на поступление в вуз без экзаменов и в 1945 г. поступил на философский факультет Ленинградского университета [13]. Как личность и ученый Ельмеев формировался в тот же период, когда происходила социализация социологов двух старших поколений. Он учился на философском факультете ЛГУ одновременно со Здравомысловым и Ядовым, а также представителями второго поколения социологов (см. ниже) А.В. Барановым, Л.Н. Столовичем и А.А. Русалиновой. Вместе с тем, в своих общеполитических и гражданских взглядах Ельмеев также расходился с основной группой социологов первого поколения. Приведу два фрагмента из моего интервью с Ельмеевым:

За Вашим поколением в целом закреплено коллективное имя – «шестидесятники». Складывается такое впечатление, что себя Вы не относите к этой плеяде или я ошибаюсь <...>?

Перефразируя известное высказывание В.И. Ленина, скажу, что в каждом поколении существуют два поколения. Это относится к «шестидесятникам». Я не тот из них, кто приветствовал горбачевский «рыночный социализм», который превратился в «рыночный капитализм», плачевные последствия которого испытывает ныне боль-

шинство «приватизированного» населения. Угрызения совести меня не мучают, не был среди тех, для которых «Иного не дано» (известный сборник других шестидесятников).

Нельзя ли в современных понятиях, все же язык социологии заметно изменился с 60-х годов, сформулировать отличие Ваших взглядов на социологию от тех, что высказывались Вашими оппонентами?

Я был и остался сторонником материализма в социологии. В этом отношении придерживаюсь монистического взгляда на историю общества. Плюрализм считаю умноженным дуализмом. История не знает сослагательного наклонения, первый применим к выбору будущего [14, С. 237].

В 1953 году Ельмеев защитил кандидатскую диссертацию, в которой был использован ряд эмпирических методов, что в то время было явно инновационным для философов: анализ документов, изучение биографий изобретателей и рационализаторов Кировского завода, беседы с руководителями предприятий. Через десять лет им была успешно завершена докторская диссертация, которая и по сути, и по названию относилась к тематике научного коммунизма; в ней человек трактовался как элемент производительной силы общества. В 1977 году Ельмеев становится также доктором экономических наук, в этой диссертации им были рассмотрены проблемы экономики науки.

Ельмеев – один из пионеров создания планов социального развития предприятий; исследования в этой области сыграли заметную роль в распространении прикладных социологических исследований в СССР. Далее, он – одна из ключевых фигур в создании социологического факультета в ЛГУ. Наконец, для меня крайне важными являются слова Ядова, сказанные им о Ельмееве: «В плюсах-минусах оценки его роли в ашей питерской социологии плюсы, я считаю, преобладают. Я глубоко уважаю его преданность своим взглядам, хотя решительно их не разделяю. Он определенно личность, действует по убеждению, не марионетка» [15, С. 7–8].

Биографический сюжет № 61. Б.А. Грушин

Годы обучения Б.А. Грушина на философском факультете, он поступил на него в 1947 г., были отданы детальному изучению работ Маркса и поиску новой логики познания. В 1952 г. он завершил обучение с дипломной работой «Проблема логического и исторического в «Капитале» Маркса».

Кандидатская диссертация Грушина называлась «Приемы и способы воспроизведения в мышлении исторических процес-

сов развития». В ней было показано, что развитие возможно лишь в том случае, если соответствующие объекты, процессы обладают системным характером. Системность объявлялась базой, основой развития, и в нем вычленялись определенные, универсальные этапы. Для доказательства справедливости своей точки зрения Грушин обращался к историческому и естественнонаучному материалу. Интересы не ограничивались анализом «Капитала»; он привлекал научные сочинения разных авторов, стремясь путем сопоставления и сравнения найти общие для них приемы и способы мышления. Это были исторические исследования, притом не только истории обществ, но также истории природных явлений. Он ввел представления о структурно-исторических и историко-структурных исследованиях, а также об особенностях применяемых в них приемов и способов мышления.

Грушинская трактовка соотношения логического и исторического не нашла поддержки в Ученом Совете, и в 1955 г. диссертанта, за годы обучения имевшего исключительно отличные оценки, провалили на предзащите. В 1957 г. он защищал работу второй раз; обсуждение длилось пять с половиной часов, и в нем участвовало 13 человек. Итог защиты был успешным: 15 «за» и 3 «против», но эти трое написали в ВАК о том, что факультет совершил грубую идеологическую ошибку и пропустил антимарксистскую работу. Грушину пришлось защищаться третий раз, теперь – в ВАКе. Все завершилось только в 1958 г.. Через несколько лет диссертация была опубликована в виде монографии [16].

После провала защиты диссертации для Грушина наступило трудное время. Рассматривавшийся в соответствующих кругах философов как антимарксист, он фактически имел «волчий билет», найти работу по специальности было невозможно. После массы неудач случайно в 1956 г. его приняли в «Комсомольскую правду» литсотрудником отдела пропаганды. Это обратило его к реальным общественным проблемам и сделало его социологом.

Первые три года в газете были тяжелыми для Грушина от сознания, что он предал любимое дело. Уже став редактором отдела пропаганды, он собирался вернуться в логику по-настоящему оснащенным математически и пошел учиться на механико-математический факультет МГУ. Сдал пять сессий и провалил шестую, потому что «засасывали» дела и жизнь газеты. Возможно, он все же вернулся бы к занятиям логикой, но к 1960 г. постепенно произошла смена его научного интереса: от изучения научного сознания он перешел к анализу массового сознания.

В мае 1960 г. возник Институт общественного мнения «Комсомольской правды» (ИОМ «КП»), и Грушин стал его руководителем. Первый опрос был проведен 10 – 14 мая 1960 г. в преддверии несостоявшегося Парижского совещания глав правительств СССР, США, Франции и Англии и всего через две недели после того, как на Урале был сбит американский самолет-разведчик и пленен пилот Пауэрс. Тема опроса: «Удастся ли человечеству предотвратить мировую войну?» была весьма актуальной, но напрямую не связанной с первомайским инцидентом.

В январе-марте 1961 г. был проведен третий зондаж мнений, привлекая к себе внимание в стране и за рубежом. Вопросы публиковались в газете, на третий день после их публикации в редакцию пришло свыше 900 писем с ответами, на пятый – более полутора тысяч, и к концу обозначенного для получения ответов срока – двадцать дней – их было свыше 19 тысяч. Много в этой читательской активности объясняется выбором темы опроса: «Что Вы думаете о своем поколении?», но не меньшее значение имел сам факт обращения к аудитории с просьбой высказать свое мнение. Люди впервые увидели, что их мнением интересуются, что оно кому-то нужно.

ИОМ «КП» просуществовал почти восемь лет, и за это время было проведено 27 опросов: одно – международное и 20 – всесоюзных. Причин для прекращения деятельности было несколько, но главное: «оттепель» уходила наступало время Брежнева. Большая часть производимой Институтом информации оказалась «непубликабельной». Институт был обречен, и в декабре 1967 г. закрыт.

Итогом теоретической работы и обобщений результатов серии опросов стала двухтомная докторская диссертация «Проблемы методологии исследования общественного мнения», защищенная Грушиным в январе 1967 г. О ее содержании можно судить по книге Грушина «Мнения о мире и мир мнений» [17]. Для ряда поколений советских социологов она была учебником по изучению общественного мнения.

Биографический сюжет № 62. Н.И.Лапин

В 1949 г. на том же факультете начал учиться Н.И. Лапин, на старших курсах он заинтересовался социальным устройством советского общества, писал курсовые и диплом о диалектике формирования базиса и надстройки и предполагал продолжить изучение этой проблематики в аспирантуре. Но его направили на кафедру истории зарубежной философии, и он стал вникать в проблемы формирования взглядов К. Маркса: почему и

как он перешел от идеализма к материализму и коммунизму. Однако социальные проблемы и здесь оказались в центре его внимания. В 1957 г. он начал работать в журнале «Вопросы философии»; сначала в отделе критики и библиографии, а затем – в отделе критики зарубежной философии и социологии (тогда он иначе и не мог называться). За философское направление отвечал М. К. Мамардашвили, Лапин – за социологию. Через пять лет ему было предложено перейти в издательство «Мысль» и организовать в нем новую редакцию – литературы по истории философии.

Несмотря на огромный объем работы в журнале, где за год через Лапина проходило свыше сотни книг и сборников, рецензировавшихся на страницах «Вопросов философии», и в издательстве, он продолжал работу по изучению наследия Маркса. В 1960 г. им была защищена кандидатская диссертация по теме «Начало перехода Маркса к материализму», ставшая частью его фундаментальной работы «Молодой Маркс» [18], опубликованной в 1968 г.. В том же году по этой книге Лапин защитил докторскую диссертацию «Начальные этапы взглядов К. Маркса в цельное научное мировоззрение».

В 1966 г. по предложению Г.В. Осипова Лапин перешел в сектор новых форм труда и быта в Институте философии АН СССР, где ему предстояло участвовать в создании отдела социологии. Таким образом, область его научных поисков принципиально расширилась: анализ проблем истории и теории социологии стал дополняться проведением масштабных эмпирических исследований. В философии у Лапина были прекрасные учителя, наставники, в нашем интервью я спросил его о том, кто учил его социологии. Вот его ответ:

Собственно социологии, теоретической и методической, я во многом научился у своих друзей и коллег. Это А.Г. Здравомыслов и В.А. Ядов <> в 1965 г. я стал одним из первых читателей (в рукописи) и читателей книги «Человек и его работа». В 1968–1970 гг. в ИКСИ я слушал лекции Б.А. Грушина, И.С. Кона и Ю.А. Левады, постоянно общался с ними. Вспоминаю наши дебаты по проекту «Социальная организация» (1970–1972) с участием Н.Ф. Наумовой, А.И. Пригожина, В.Б. Ольшанского, Г.В. Осипова, О.И. Шкаратана и других сотрудников. В.Н. Шубкину я благодарен за его методологию изучения профессиональных ориентаций школьников, писательский талант и личное общение. <...> Можно назвать еще немало друзей-коллег, диалоги с которыми существенно повлияли на мою работу [19, С. 150–151].

При рассмотрении становления социологического сообщества в Ленинграде, отмечалось, что оно сопровождалось различными формами взаимодействия людей. Естественно, анало-

гичное происходило и в более широких масштабах. В воспоминаниях Лапина сказано: «Одновременно шла и учеба: читали сами себе циклы лекций, не стесняясь учиться. Левада слушал Кона, Кон – Леваду. Я прослушал полный курс лекций Грушина по организации производства социологической информации» [20, С. 257].

Биографический сюжет № 63. Ю.А. Левада

Одновременно с Грушиным и Лапиным на философском факультете МГУ учился и Ю.А. Левада, он стал студентом в 1947 г.. В начале 2000-х годов, вспоминая факультет, он говорил: «Мне казалось, что там научат думать... хотя на самом деле отучали, но я этого не знал». Со студенческим окружением ему повезло: «В те годы через факультет проходил “сильный пучок” интересных людей – ни раньше, ни позже, кажется, такого “парада планет” не было» [21]. Вспоминая студенческие годы, Н. И. Лапин отмечает: «С Юрием Левадой, до конца дней просто Юрой, я познакомился в 1949 г., когда поступил на философский факультет МГУ. Он был всего на год старше меня, но я изначально воспринимал его как человека, который сразу и точно осмысливал суть происходящего, особенно сложных событий. Обстоятельность и пронизательность его ума, надежность его характера ощущались чисто физически...» [22, С. 81].

Университет Левада закончил в 1952 г., в конце обучения он заинтересовался Китаем, по его воспоминаниям, «наполовину выучил язык», написал диплом и поступил в аспирантуру. Побывал в Китае, где впервые занялся социологическими исследованиями. Массовые обследования ему проводить не позволили, но что-то все же удалось сделать. В 1955 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Об особенностях народной демократии в Китае». В 1956–1960 гг. был сотрудником Института китаеведения АН СССР. Но вскоре отношения между СССР и Китаем изменились, и работа по изучению китайского общества стала невозможной.

В 1960 г. Левада переходит в Институт философии АН, где продолжает начатые несколько ранее работы по социальной природе религии. Так еще в 1957 и 1958 гг. выходят его небольшие брошюры о «христианском социализме» [23] и о борьбе науки с религией [24]. В 1962 г. он публикует монографию по теме христианства и социального прогресса [25], а еще через два года представляет к защите докторскую диссертацию «Социологические проблемы критики религии». Интересно воспоминание Осипова, в те годы ученого секретаря Институ-

та философии: «В диссертации Юрий Александрович развивал мысль, что возникновение культа вовсе не обязательно связано с явлениями сверхъестественными, что объектами в процессе создания культа могут выступать вполне традиционные явления личности, была бы сильна, напориста и правильно акцентирована воля творцов культа» [26, С. 108]. Эти положения вызвали неудовольствие ряда членов диссертационного совета, историческая аллюзия сказанного Левадой была очевидна. Но все прошло хорошо. Исследования в этом направлении завершились книгой «Социальная природа религии» [27], не потерявшей свое значение и в наше время. Думаю, что многое, о чем Леваде хотелось тогда сказать, в силу различных соображений высказано не было, но проросло позже в его других работах.

Интервью с Т.И. Заславской и В.Э. Шляпентохом высвечивают еще две траектории движения в социологию, они тоже «линейны», но содержат в себе «скачок» из экономики, где к тому моменту они были уже сложившимися учеными, докторами наук.

Биографический сюжет № 64. Т.И.Заславская

Экономический факультет МГУ Заславская закончила с отличием в 1950 г., руководитель ее дипломной работы заявил, что половина кандидатской готова [28]. Однако ее выступления против парторга факультета лишили ее даже направления на работу в вуз, замаячило распределение экономистом на провинциальный стекольный завод. По тому времени это было «вечной ссылкой», ибо она теряла московскую прописку. Благодаря твердости руководителя ее диплома, заявившего, или ее направляют в вуз, или он увольняется и «кладет партбилет», она была направлена преподавателем политэкономии в Симферопольский сельскохозяйственный институт. Но там все вакансии были заполнены, и она получила свободный диплом. При поддержке ее университетских преподавателей она получила должность младшего научного сотрудника в секторе аграрных проблем Института экономики АН СССР.

Осенью 1953 г. Заславская приступает к работе над диссертацией по теме «Трудодень и принцип материальной заинтересованности в колхозах». Эта тема относилась к самым закрытым областям экономики, официальной статистики об оплате труда в колхозах не было. Работать приходилось с данными первичного учета хозяйств: ездить в колхозы, общаться к сельскому быту. По воспоминаниям Заславской, в середине 1950-х, через десять лет после окончания войны, в деревнях Нечерноземья, побывавших «под немцем», люди все еще жили

в землянках. Диссертацию она защитила в 1956 г., а через два года вышла ее первая книга [29].

В начале 1963 г. А.Г. Аганбегян, тогда молодой кандидат наук, а позже – академик, пригласил Заславскую переехать в Новосибирск хотя бы на три года для работы в лаборатории экономико-математических исследований, которую он создавал в Институте экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП) Сибирского отделения Академии наук. Но эта «командировка» затянулась до 1988 г. . В 1965 г. она защитила докторскую диссертацию «Экономические проблемы распределения по труду в колхозах» и стала заниматься проблемами села, лежавшими на стыке экономики и социологии.

Биографический сюжет № 65. В.Э. Шляпентох

В.Э. Шляпентох, по его воспоминаниям, с детства тяготел к гуманитарным наукам, хотя с математикой у него было все в порядке. В 1949 г. он окончил исторический факультет Киевского университета и в 1950 г. – заочный Московский статистический институт. Он понимал, что в условиях борьбы с «безродными космополитами» аспирантура ему «не светила». Он работал в Киевском областном статистическом управлении (1949–1951) и преподавал в статистическом техникуме в селе Елани Сталинградской области (1951–1954). Потом в Саратове он обучал статистику студентов зооветеринарного и сельскохозяйственного институтов. В 1962–1969 гг. – преподавал статистику и историю экономических учений в Новосибирском университете. В аспирантуре Шляпентоху так и не пришлось обучаться, тем не менее, в 1956 г. в Институте экономики АН СССР он защитил кандидатскую диссертацию по экономике «Критика реакционных «теорий» современных мальтузианцев», а в 1966 в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР – докторскую по теме: «Эконометрика и теории экономической динамики».

Но эти исследования не приносили ему творческого удовлетворения, вот фрагмент из нашего интервью:

Мне, конечно, доставляло удовольствие изучать эконометрику, ее математический аппарат, всевозможные теории западной экономической науки и излагать их советскому читателю с надеждой, что он поймет убогость советской политической экономии. Мне было приятно то, что в каких-то случаях мне удалось понять в теории кейнсовского мультипликатора больше, чем некоторым западным авторам. И это все. <...> Никакого большого творческого подъема от моих научных занятий до эмпирической социологии я не испытывал, отдавая себе полностью отчет во вторичности того, что я делал [30, С. 3–4].

А вот «светлый» момент воспоминаний:

По-настоящему моя творческая жизнь началась в Академгородке в начале 60-х, в котором Володя Шубкин, распознав мои гуманитарные склонности, толкал меня в социологию. Настоящее удовольствие от творческой деятельности я получил впервые, когда в 1965–1966 годах начал первые в стране всесоюзные опросы (их объектом были читатели центральных газет) и начал придумывать различные измерительные процедуры [30, С. 3].

В своих интервью два представителя первого поколения советских/российских социологов – Лапин и Шляпентох – отметили, что в их профессиональном росте им многое дал В.Н. Шубкин. Шляпентох, нередко достаточно жесткий в отношении к коллегам своего поколения, принципиально иной, когда пишет о Шубкине:

Володя был и остается для меня воплощением человеческого достоинства. Чувство собственного достоинства является – в моей теории Шубкина – тем базисом, на котором возвышается надстройка с большинством его личных качеств. <...> Я утверждаю, что Володины исследования о профессиональных ориентациях молодежи в начале 60-х годов были самыми смелыми по сравнению с другими пионерскими работами опцов-социологов. Ни Грушина, ни мои опросы общественного мнения не создали данных, которые прямо (а не только косвенно) бросали вызов официальной идеологии. <...> Шубкин прямо и однозначно объявил полной туфтой фундаментальный тезис официальной идеологии о руководящей роли рабочего класса. Отмечу, шубкинское исследование было первым, вызвавшим бурную реакцию на Западе, где сразу прекрасно поняли его идеологический заряд [31, С. 635].

Я не раз замечал, когда социологи этой когорты говорили о Шубкине, у них глаза теплели. Мне очень хотелось побеседовать с ним, однако его многолетняя и тяжелая болезнь не позволила этого сделать.

Это странное второе поколение: первые ученики первых учителей

Выше отмечалось, что возникновение «аномального» второго поколения социологов – по возрасту и по среде формирования близкого к первому, но ставшего первыми учениками первых – детерминировано «аномальным» развитием социологии в СССР. Но прежде, чем показать, как оно формировалось, предложу некую физико-социологическую модель движения советских ученых в социологию .

Представим, что социология 60-х в СССР – это некий сосуд с узким горлышком. Никто не знает, что в этом сосуде, но, как показало будущее, он таков, что вход в него был, но выхода не было; как правило, попавшие в этот сосуд добровольно, тем более – массово, его не покидали. Однако вход не был свободным, он контролировался своеобразным «демоном Максвелла», открывавшим вход только перед весьма «разогретыми» частицами-индивидами. В реальности эта «разогретость» означала многое. Сначала – юношеская установка на познание общества, трансформировавшаяся в желание изучать философию, историю или экономику. Затем, стремительное вхождение в соответствующую университетскую среду и успешное овладение набором принципов, концепций изучения социума. Далее, раннее – в сравнении с окружающими – понимание того, что социальный мир, пусть даже в узкой наблюдаемой ими нише, устроен не так, как описано в книгах, и спонтанное, случайное обнаружение того, что существует инструмент познания этого социального – социология. И вот тогда у этой «разогретои» личности возникает острая осознаваемое, но во многом интуитивное стремление освоить это новое и даже запретное.

Перед такими «частицами» демон Максвелла не мог устоять и «разрешал» им вход. Таких микротел не могло быть много, слишком жесткими были критерии их селекции, другими словами, не все подлетающие к узкой горловине описываемого мысленного сосуда были «нагреты» настолько, чтобы проскочить мимо этого привратника. Одновременно «мудрый демон» оперативно «готовил» к входу в «сосуд» еще одну группу частиц, по многим параметрам очень близких к первой, но в начале 60-х оказавшихся недостаточно «разогретыми». Цель этой подготовительной операции заключалась в том, чтобы в итоге сформировать некую критическую массу частиц, обеспечивающую становление в ближайшем будущем саморегулирующегося механизма вхождения в этот сосуд, т.е. исключаящего присутствие демона. А содержание этой подготовительной операции сводилось, естественно, к размещению этих частиц в специальной «печке», в которой их температуру можно было бы довести до необходимого уровня. Эту «жаровню» образовывали те точки социума, в которых существовали и обнаруживались наиболее конфликтные, или горячие, формы социальных отношений.

Приведенная модель, прежде всего, относится к тем из «первых», кто не участвовал в войне. Путь в науку участников войны был более тернистым и продолжительным.

Количество социологов второго призыва тоже было небольшим, ведь «горлышко», сквозь которое «демон Максвелла»

«впускал» в социологию желающих приобщиться к ней, оставалось узким: было мало социологических коллективов, не велась подготовка специалистов, весьма ограниченными были возможности обучения в аспирантуре по социологической тематике. К тому же, если социологи, образовавшие первое поколение, на момент их перехода в социологию были молоды, могли действовать импульсивно, совершать рискованные шаги, то представители будущего второго поколения в ситуации раздумий о погружении в социологию были заметно старше их, имели более основательный жизненный опыт, и, возможно, многих желавших сделать такой шаг, удерживал от него необходимый переход от приличных заработков к скудной аспирантской стипендии.

Если отвлечься от того, что для некоторых представителей первого поколения социологов путь в науку проходил через войну, то движение всех остальных в социологию описывается одной линейной моделью: школа – высшее образование по одной из обществоведческих дисциплин – аспирантура (в некоторых случаях ей предшествовал непродолжительный период работы по профессии или нет) – защита кандидатской диссертации по приобретенной профессии – продолжение преподавательской и научной деятельности. Биографии представителей второго поколения более многообразны и траектории их движения в социологию не столь прямы. Мы увидим здесь: непростой путь к общему среднему образованию, получение базового высшего образования вне сферы обществоведения, продолжительная работа вне науки, трудности с трудоустройством после вуза и др. «аномальности, которые не наблюдаются ни в первом, ни в третьем и четвертом поколениях.

Очевидно, что «чисто линейной» модели приобщения этой когорты к социологии здесь не может быть. Ибо при том, что по возрасту между представителями первых двух поколений нет большой разницы, именно наличие или отсутствие «линейности» траектории движения в социологию автоматически развело ровесников между этими профессиональными (социологическими) поколениями. Чтобы точнее обозначить тип траекторий, характерных для второго поколения, необходимо полнее раскрыть природу «линейности».

Во-первых, и это – обязательное условие, линейная траектория полностью, начиная с момента выбора будущей профессии, а возможно, и ранее расположена в *той предметно-семантической поле*, в котором расположена и социология. А именно, предполагается, что индивид еще в юные годы связал свое профессиональное будущее с познанием, исследованием общества или его фрагментов: с философией, историей, экономикой,

психологией. Для всех, кто относится к первому поколению, это было именно так.

Во-вторых, линейность означает, что профессиональный опыт индивида в избранной им базовой профессии, более широко – в области обществоведения, человековедения постоянно растет или, по крайней мере, не снижается заметно, другими словами, накопление профессионального (в сфере обществоведения) опыта происходит монотонно, без разрывов. Проще говоря, индивид успешен в учебе, легко осваивает университетскую программу, как преподаватель постоянно обновляет содержание читаемых курсов и осваивает новые, как исследователь – активно публикуется, участвует в различных научных форумах. Условный среднегодовой прирост этого опыта фактически определяет скорость роста профессионализма. Обычно это отражается в росте признания среди коллег и в приобретении научных степеней. Таким образом, если начальная точка траектории профессионального развития личности лежит вне поля исследования социума или если траектория выпадает из этого поля на достаточно продолжительное время, то движение личности в социологию не может признаваться линейным. Ниже будет показано, что для представителей второго поколения социологов характерно именно *нелинейное* вхождение в социологию, причем наблюдаются разные типы нарушения линейности, отклонения от нее.

Укажу на одно принципиальное различие в освещении жизненных траекторий представителей первого поколения советских/российских социологов и всех остальных, присутствующих в книге. Так сложилось, и это естественно, что пионеры любого научного направления всегда интересны обществу, их деятельность и страницы их биографии привлекают большее внимание историков науки и журналистов, и потому уже сейчас о них больше написано, чем о следующих за ними. К примеру, в уже много раз цитированную книгу по истории российской социологии 60-х включено лишь несколько интервью с социологами, относимыми в настоящей работе ко второму поколению, все остальные – из первого. В коллективном архиве о прошлом нашей науки пока относительно немного биографической информации о социологах второго поколения. Поэтому в настоящем параграфе при рассмотрении пути в социологию каждому из героев отведено несколько больше пространства, чем в рассказах о социологах первого поколения, да и траектории их движения в социологию были более разнообразными. В Таблице 2 указаны даты жизни и время защиты диссертаций 10 социологов второго поколения. Их жизненные траектории дают представление о том, как формировалась эта профессиональная когорта.

Таблица 2

**Годы защиты диссертаций представителями
второго поколения социологов**

ФИО	Даты жизни	Год защиты канд. дис.	Год защиты докт. дис.
Алексеев Андрей Николаевич	1934	1970	–
Артемов Виктор Андреевич	1938	1966	1987
Баранов Альберт Васильевич	1930	1961	нет
Гилинский Яков Ильич	1934	1967	1985
Максимов Борис Иванович	1934	1975	–
Русалинова Алла Александровна	1931	–	–
Столвич Леонид Наумович	1929	1955	1965
Тощенко Жан Терентьевич	1935	1967	1973
Тукумцев Будимир Гвидонович	1927	1985	нет
Фирсов Борис Максимович	1929	1969	1979

Обратимся сначала к воспоминаниям Альберта Васильевича Баранова, они охватывают период его обучения на философском факультете ЛГУ и вхождение в социологию:

Биографический сюжет № 66. А.В. Баранов

я учился в 48–53 годах. Итак, 48 год, последний год, так сказать, нормальной жизни; 49 год – начало «холодной войны». Наши грозят атомной бомбой, и вообще мы живем в преддверии войны, и ленинградское дело... Колеса крутятся, и все это идет через нас. На философском факультете не остается ни одного профессора. Только партийные агитаторы, которые выступают нашими учителями. Поэтому я их не очень любил, мягко говоря. Они мне отвечали примерно тем же. <...> после окончания университета идет распределение: обязательные три года. я решил, что сам себе делаю жизнь: «Вашей помощи мне не нужно, поэтому не надо меня никуда распределять, я сам распределяюсь». «Это не положено. В Воронеж». «Ну, пишите направление в Воронеж». <...> Преподавателем философии в университет. Написали мне это распределение, я написал в Воронежский

университет, есть ли у них место? Нет места. Я – свободен. Другие двое туда поехали, семейная пара, они стали учителями в сельских школах [32, С. 6].

Баранов нашел работу в Военно-морском инженерном училище имени Дзержинского, преподавателем его не взяли, но предложили должность завкабинетом марксизма-ленинизма, одновременно он начал преподавать. Наступает 1956 г., решения XX съезда КПСС разбудили его гражданскую активность. Сначала он организовал письмо от курсантов с обращением поехать в Алжир, чтобы защитить эту страну от французов. Руководство училища его не наказало, но предупредило: «Не надо». Потом – события в Венгрии: он – на стороне венгров, но ничего поделать не может. Чувствует, что надо уехать из страны, жить в ней он не может. Начинается война Израиля с Египтом, он направляет письма в министерства обороны и иностранных дел с просьбой отправить его в Египет. Ничего не получается, в декабре 1956 г. он сам уходит из училища и начинает поиски работы, на заводах, учеником рабочего. Непросто это было, мешало высшее образование. Наконец повезло. Пришел он в отдел кадров одного завода, объяснил свою ситуацию, услышал: «Что ты, так не бывает!». Он ответил: «Ну что значит – не бывает? Я хочу работать. Чем я хуже других? Я умею и люблю работать физически». Начальник отдела кадров звонит директору: «Здесь такой вот случай необыкновенный, как мне поступить?» – «А ну-ка пошли его ко мне!», – директору стало интересно [32, С. 7].

Взяли его, но с условием, что он выучится и станет мастером цеха. Через месяц он закончил ученичество, получил шестой (высший) разряд. Через три месяца – бригадир.

Завершался 1957 г., как-то Баранов встретил свою приятельницу по университету С.Н.Иконникову, ставшую известным социологом, и она сказала ему: «Время другое, надо учиться, давай вместе поступать в аспирантуру». Он подал документы и поступил. В качестве направления диссертационного исследования он сам предложил своему руководителю профессору В.П. Тугаринову тематику, относящуюся к социальной (тогда говорили – общественной) психологии, в ту пору объявленной, как и социология, буржуазной наукой. Свою цель он видел не в открытии социальной психологии, а в ее восстановлении после полувекового запрета. Осенью 1961 г. состоялся XXII съезд КПСС, тело Сталина было вынесено из мавзолея, наступил короткий период идеологического «потепления». В редакции журнала «Вопросы психологии» с 1960 г. лежала без движения статья Баранова о социальной психологии как науке, и пос-

ле Съезда партии он получил письмо от главного редактора Б.М. Теплова со словами: «Альберт Васильевич, Ваша статья у нас слишком задержалась, на два года, – не по нашей вине. Теперь ее можно печатать». Статья публикуется во втором номере журнала за 1962 г. Она сыграла важную роль в восстановлении в стране социальной психологии и существенно помогла Баранову при защите его кандидатской диссертации.

Суть заключалась в том, что после XXI съезда КПСС (1958 г.) многие идеологические процессы в стране пошли вспять, и Тугаринов, четко следовавший линии партии, отказал Баранову в доверии и хотел отказаться от руководства его диссертационным исследованием. Вмешательство кафедры конфликт погасило, на его стороне оказался и декан философского факультета В.П.Рожин, который дал Баранову рекомендацию для защиты диссертации в Казани. Тогда действовало правило, согласно которому аспирант не имел права защищаться в том институте, где готовилась работа. В июне 1961 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «О структуре общественного сознания», но его одиссея не завершилась. Оппонент ВАКа дал негативный отзыв на работу, и была назначена повторная защита непосредственно в ВАКе. Приехав в Москву, Баранов зашел в редакцию журнала «Вопросы психологии», получил экземпляр журнала с его статьей и представил журнал экспертному совету. Он сказал: «Я понимаю ваши вопросы, ваши сомнения, потому что тема нетривиальная, дискуссионная. А о том, что это дискуссионная, но совершенно нормальная для дискуссии тема, свидетельствует этот журнал, в котором опубликована моя статья, видите: «В порядке дискуссии. Баранов, социальная психология»». После этого никаких возражений нет, единогласно» [32, С. 11]. Вся эта многолетняя история настолько вымотала Баранова, что он решил: больше в подобные игры не играть и не писать докторскую диссертацию.

Биографический сюжет № 67. Л.Н. Столович

Знакомясь с воспоминаниями Столовича о студенческих годах и о начале его профессиональной деятельности, мы встречаемся с теми же обстоятельствами, которые отмечались Барановым и будут присутствовать в жизненных траекториях других социологов второго поколения [33].

При поступлении на философский факультет Столович не предполагал в будущем заниматься философией, он хотел стать поэтом. Но, оказавшись в духовной атмосфере факультета, он перестал писать стихи, однако не потерял интереса к поэзии и искусству. Компромиссом между философией и искусством

стала для него эстетика, которой он начал заниматься с первого курса. Большое влияние на него оказали лекции, которые читал на отделении истории искусства исторического факультета М. С. Каган.

В 1952 г. Столович закончил университет с отличием, он имел право преподавать диалектический и исторический материализм, историю и эстетику. Однако в течение полугода ему не удавалось найти работу ни в Ленинграде, ни в других городах, куда он посылал запросы. Единственным учебным заведением в стране, которое ответило положительно на более чем сотню его запросов-предложений, оказался Тартуский университет. Три года ему не разрешали преподавать философию, он читал лишь курс эстетики. Чтобы выжить, Столович форсировал работу над диссертацией по эстетической природе искусства и в 1955 г. успешно защитил ее в ЛГУ. В конце 50-х им была выдвинута социокультурная концепция эстетического и ценности. Сделанное в этой области позволило ему в 1965 г. защитить докторскую диссертацию.

Некоторое время он был единственным доктором философских наук в Эстонии. Отчасти в силу этого, отчасти, принимая во внимание факт его участия в работе социологической лаборатории Юло Вооглайда, Столовича, как он пишет, назначили на «генеральскую должность» научного руководителя социологических исследований в Тартуском университете. В то время он выступал с докладами по эстетике и теории ценностей, методологические положения которых использовались в конкретно-социологических исследованиях массовых коммуникаций, проводил социологические исследования эстетических и художественных вкусов школьников (возможно, первые в СССР), изучал восприятие студентами спектаклей театра «Ванемуйне». Он руководил аспирантами, работавшими над диссертациями по социологии журналистики и искусства, его аспиранткой была Марью Лауристин, одна из первых в стране изучавшая методологию контент-анализа. В.-И. Лайдмяэ проводила конкретно-социологическое исследование восприятия изобразительного искусства, опираясь на его концепцию аспектов и функций искусства. Столович был среди организаторов и активных участников конференций в Кяэрику в 1966–1969 гг.

Если говорить более широко, то проблему «эстетика – социология» Столович открыл для себя в начале его теоретической деятельности; ибо марксистская эстетика 1920-х годов выступала, прежде всего, как социология искусства. Притом тогда и после существовала социология искусства вне марксистской методологии. Но в 1950–1960-е гг. вульгарный социологизм в

виде принципа партийности стал определяющим началом официальной художественной критики и политики партии в области искусства.

Столович замечает, что не только он окунулся в социологию, но и социология окунулась в него. Его социокультурная концепция ценности переводила социальную сторону искусства и эстетического, а затем и ценности вообще из субъективной сферы партийности в объективную общественно-историческую практику, на основе которой образуются ценности, в частности, эстетические. Социологизмом была пронизана и его докторская диссертация.

Теперь – еще один выпускник философского факультета ЛГУ начала 50-х годов, Алла Александровна Русалинова. Во второй половине 1960-х я помогал в применении многомерного факторного анализа ряду ленинградских психологов, разрабатывавших под руководством Б.Г. Ананьева проблемы личности. Тогда-то я впервые услышал имя Аллы Русалиновой. В 1968 г. я начал осваивать азы социологии и снова услышал имя Аллы Русалиновой. Мы лично еще не были знакомы, и я думал, что это два разных человека, имевших одинаковое имя-фамилию. У меня в голове не укладывалось, что один человек способен столь активно и продуктивно работать в социальной психологии и социологии. Потом все стало на свои места; действительно, это оказался один человек.

Биографический сюжет № 68. А.А. Русалинова

Русалинова закончила психологическое отделение философского факультета, и ей предлагали место преподавателя истории в Краснодарском крае. Перспектива отъезда из Ленинграда ее не радовала, да и стремления преподавать историю у нее не было. Поэтому она использовала возможность преподавать логику в одной из ленинградских школ и психологию еще в двух. Это ей нравилось, но через два года преподавание психологии и логики в школе отменили. Пришлось опять искать работу и взялась преподавать в начальных классах школы. Она вернулась к своей старой идее – стать преподавателем русского языка и литературы и поступила на заочное отделение педагогического института им. А.И. Герцена, проучилась там три года и была близка к завершению, но по семейным обстоятельствам, она уже была замужем и у нее было двое детей, занятия в институте прекратила. Продолжая работать в начальной школе и в комнате продленного дня, она поступила в аспирантуру по кафедре педагогической психологии. Сначала – на заочное отделение, потом перевелась на очное [34].

Аспирантуру Русалинова закончила без защиты диссертации, хотя многое было сделано, не получилось завершить это исследование и позже. В 1964 г. она поступила на работу старшим лаборантом в лабораторию социальной психологии философского факультета ЛГУ им. Жданова, которая с 1 января 1966 г. вошла в состав Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований (НИИКСИ). Во время проведения интервью, 2008 – 2009 гг. она работала там же в должности старшего научного сотрудника.

Русалинова относится к небольшому числу советских ученых, разрабатывавших принципы и методы прикладных социально-психологических и социологических исследований, в интересах крупных промышленных предприятий. На протяжении почти 20 лет она была ответственным исполнителем и научным руководителем хозяйственных договоров с известным ленинградским объединением «Светлана», одним из гигантов электронной промышленности страны. Первый хозяйственный договор со «Светланой» был подписан в 1965 г., и со стороны НИИКСИ он подписывался В.А.Ядовым. Работы по тематике, которая определялась совместно высшим руководством объединения и учеными НИИКСИ, дали импульс для становления в 1970-е годы такого важного направления социологических исследований в СССР, как разработка планов социального развития предприятий, а позже – регионов.

Биографический сюжет № 69. Б.И. Максимов

По тематике планов социального развития предприятий многие годы работал и Борис Иванович Максимов, который, по его воспоминаниям, значительную часть своей социологической жизни носил «кличку заводского социолога», а потом, когда сама заводская социология канула в Лету, «бывшего заводского социолога». Но до того был период, когда он работал «просто социологом», или «вузовским социологом» и «шел за самыми первыми».

Напомню, на психологическое отделение философского факультета ЛГУ Максимов поступил в 1956 г., до этого он учился в ремесленном училище, был рабочим, закончил вечернюю школу, служил в армии. Окончив дневное отделение в 1962 г., он по собственной инициативе распределился в технический отдел завода, рассчитывая стать производственным психологом. Он понимал, что эффективность производства определяется социальными факторами, но одновременно видел, что никто на производстве этим не занимается. Далее – фрагмент из интервью:

На заводе была первая в стране психологическая лаборатория на производстве. <...> Но в лабораторию мне попасть не удалось, поместили меня как молодого специалиста в отдел главного технолога, в группу механизации вспомогательных работ. И я, выпускник философского факультета ЛГУ, с упоением окунулся в механизацию, скоро даже обогнал в росте инженеров с техническим образованием, меня повысили в должности до старшего инженера и поручали самые сложные устройства. <...> В одном цехе я обнаружил допотопный сборочный стенд гидравлических цилиндров. Я тут же подал рацпредложение по его усовершенствованию; это было очередное из более чем десятка предложений, уже поданных мною. В ответ мне принесли пачку чертежей, составленных каким-то институтом, с полной механизацией сборки. За изготовление сложного агрегата никто не брался. Я тоже отставил чертежи и принялся за реализацию своего рацпредложения. В различных цехах я высматривал забракованные, а то и просто плохо лежавшие узлы, стаскивал их в центральную лабораторию, принадлежащую отделу, и здесь компоновал в задуманный мной стенд. Освоил работу на станках, электросварку, не говоря уже о слесарном деле... можешь поверить?! – бегал по территории – настолько велико было мое нетерпение сотворить собственное детище. Я, конечно, действовал неправильно, <...> но стенд стоял и действовал! Тогда только так и можно было двигать научно-технический прогресс [35].

С таким опытом и настроением в 1964 или 1965 году Максимов пришел в социологическую лабораторию В.А. Ядова. По его словам, он «стремился познать общество конкретно и что-то конкретное сотворить в области общественных отношений, доминирующих и крайне нуждающихся в переделке, подобно моему сборочному стенду». Ему дали лишь должность младшего научного сотрудника с месячным окладом чуть выше 60 руб., но он считал, что ему посчастливилось. Потом лабораторию Ядова ввели в НИИКСИ, вскоре многие перешли в ленинградские сектора московского ИКСИ АН СССР. Максимов перешел в службу социального развития Кировского завода – как говорили тогда, флагмана советской и ленинградской промышленности. Социологам удалось сделать там многое. Благодаря вниманию к социальному развитию за пять лет на заводе была повышена заработная плата на 120%, сокращено число работавших во вредных и тяжелых условиях труда, построено более 10 новых столовых и буфетов в производственных цехах. Произошло улучшение медицинского обслуживания, жилищных условий, условий отдыха, физического и культурного развития работников, для самых молодых было выстроено общежитие гостиничного типа, построены два пансионата, один – в Стрельне под Ленинградом, другой – на берегу Черно-

го моря. То был период высокой востребованности социологии. В 1975 г. Максимов защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Промышленное предприятие как объект социологического исследования», его руководителем был В.А. Ядов.

Биографический сюжет № 70. Я.И. Гилинский

Новую модельную ситуацию дает нам биография Якова Ильича Гилинского. Еще в школе он заинтересовался общими вопросами бытия – физического и социального, но, не имея особой любви к математике, он выбирал между философским и юридическим факультетами; первому отдавалось предпочтение. Но и юридический, ему казалось, дает широкое гуманитарное образование, может помочь ему «определиться» с миром социального. Еще в школе он прочел некоторые работы классиков философии, вузовский учебник уголовного права и еще кое-что «правовое» [36].

Он окончил школу в 1952 г. и отчетливо понимал, что еврейство его отца, наличие репрессированных и живущих за границей близких родственников не позволит ему поступить в ЛГУ. В то время в Ленинграде существовал Ленинградский юридический институт им. М.И. Калинина (ЛЮИ), Гилинский подал туда документы, но на экзаменах было все сделано так, чтобы по конкурсу он не прошел. Тогда он поступил на заочное отделение географического факультета Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена и проучился там два года. К тому моменту умер Сталин, чуть отодвинулось в прошлое «дело врачей» и случилось непредвиденное. Ему позвонили и предложили перейти на второй курс ЛЮИ. Он ушел из пединститута и был зачислен в ЛЮИ. Но так случилось, что в том же году ЛЮИ был ликвидирован, и всех студентов перевели на юридический факультет ЛГУ. Через три года, досрочно, он завершил университет, получив диплом с отличием.

До семидесятих годов Гилинский оставался юристом, занимавшимся уголовными делами. Был стажером прокуратуры, секретарем народного суда, а с 1958 г. свыше 10 лет – адвокатом, в основном защитником по уголовным делам. Несколько лет был членом Президиума Ленинградской областной коллегии адвокатов, имел «допуск» к ведению дел, подсудственных КГБ, и вел соответствующие дела: об измене родине, об антисоветской пропаганде и агитации. По уголовному праву была и его кандидатская диссертация: «Исполнение приговора как стадия советского уголовного процесса», защищенная в 1967 г.

В шестидесятые годы Гилинский начинает задумываться о девиантном поведении и читать появлявшуюся социологическую

кую литературу. Три книги произвели на него наиболее сильное впечатление: «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении» (М., 1961), «Социология сегодня» (М., 1965) и «Социология преступности» (М., 1966). В интервью он вспоминает, что определенной «вехой» на пути его движения в социологию оказалось присутствие на одной из конференций социологов, где выступали Ядов, Здравомыслов и Шкаратан, и знакомство с книгой Кона «Социология личности». В 1969 г. он начинает работать в НИИКСИ, сосредоточившись на социологии преступности, иных девиаций, социального контроля. На рубеже 60-х – 70-х появились его первые публикации по девиантологии, монография, которая в те годы была обязательной для защиты докторской диссертации, была завершена в 1983 г. Но до перестройки она не могла быть опубликована, потому он депонировал ее в ИНИОНе. В этой работе он обосновывал преступность как вид девиантности, а криминологию – как элемент социологии девиантности. Докторская диссертация «Социологическое исследование преступности и иных антиобщественных проявлений» по юридическим наукам была защищена в 1985 г.

Таким образом, хотя Гилянский в юности интересовался философией, многое читал, но все же при выборе профессии предпочел юриспруденцию. До начала 60-х он оставался «чистым уголовником», но постепенно самостоятельно расширял поле своих научных поисков и в конце 60-х включился в разработку проблем социологии преступности, более широко – девиантного поведения. Другими словами, траектория его движения в социологию качественно отличается от «линий», описывающих путь в социологию не только представителей первого поколения, но и второго, получивших базовое философское (социально-психологическое), экономическое или историческое образование. Эта качественность заключается в том, что его профессиональная жизнь всегда протекала в двух пограничных семантических областях, но все же в разных. Он и остался человеком с двумя профессиональными гражданствами.

Биографический сюжет № 71. А.Н. Алексеев

Еще одна модель вхождения в социологию. Ее специфика: длительность этого процесса и его старт из сферы деятельности, предполагающей анализ социального, но скорее с позиций идеологии, чем науки. Эта модель проистекает из рассмотрения траектории перехода из журналистики в социологию Андрея Николаевича Алексеева [37].

Он окончил славянское отделение филологического факультета ЛГК, но вскоре после начала обучения лингвистика

показалась ему слишком скучной и сухой, его увлекла комсомольская жизнь, общественная работа, студенческие стройки. Стремясь «приблизиться к реальной жизни», он воспользовался возможностью и одновременно закончил (в 1956 г.) отделение журналистики; по этой второй, тоже записанной в его дипломе специальности, он получил распределение. До 1965 г. его профессиональная жизнь была связана с журналистикой. Работал в «Волжском комсомольце» (г. Куйбышев), ленинградской молодежной газете «Смена» и потом – в главном партийном издании города – «Ленинградская правда». Не только активно писал, но рос и в карьерном отношении. После пяти лет работы в молодежных газетах он предпринял первое трехлетнее (1961–1964) «хождение в рабочие». Работа вальцовщиком на одном из ленинградских предприятий, потом электролизником на Волховском алюминиевом заводе были его «рабочими университетами». После этого он ненадолго вернулся к штатной журналистской работе, но считал, что к 30 годам период «первоначальной» социализации можно было считать завершенным и избрал новый путь.

Примерно в это время Алексеева как подававшего надежды литсотрудника Обком партии утвердил на номенклатурную должность заведующего отделом промышленности главной ленинградской газеты но, несколько месяцев спустя, он «пригрозил» уходом по собственному желанию, если не будут защищены от расправы за критику авторы, не опубликованного письма в редакцию, где обсуждался «порочный стиль руководства» директора того самого завода, на котором он трудился в качестве рабочего. За это его быстренько разжаловали, но и в спецкоррах он продержался недолго. Бывший сокурсник по ЛГУ, ставший к тому времени доцентом факультета журналистики, Валентин Соколов предложил ему пойти в аспирантуру для занятий «социологией журналистики». Позже Ядов согласился быть соруководителем диссертационного исследования.

Из социологов Алексеев в тот момент знал лишь О.И.Шкаратана и А.Г.Здравомыслова, они и благословили его на исследование взаимосвязи прессы и общественного мнения. Таким образом, жизненная (в данном случае – профессиональная) перемена имела как внутренние импульсы, так и внешние стимулы; личностная мотивация и стечение обстоятельств вместе породили этот «переход». По воспоминаниям Алексеева, факультет журналистики в те годы был не лучшим местом для занятий социологией: доминировало представление о том, что журналистика – наука, а не род деятельности, являющийся предметом научного изучения. Он с этим не соглашался. Особенно он «прокололся», когда в докладе на одной

из конференций поделился результатами своих разысканий в области советской социологии печати 20-х гг. Оказалось, что М. Гус и В. Кузьмичев (первый – автор книги «Газетоведение»), второй – автор книги «Организация общественного мнения»), о которых он рассказывал, на факультете журналистики, были под идеологическим запретом. К концу аспирантуры стало ясным: защищать диссертацию на своем факультете он не сможет, а работу по окончании аспирантуры не получит.

Все это время он старался восполнить дефицит систематических знаний, обычно приобретаемых на философском факультете. Слушал лекции Ядова и Кона, изучал историю философии, диалектическую логику, статистику, даже линейную алгебру (т.е. и на матмех забирался). Этакий «ликбез» себе устроил, только без сдачи экзаменов.

Дальше началась полоса везений. А.Г. Харчев, слышавший выступление Алексеева, согласился взять его на Ленинградскую кафедру философии АН СССР, и, уже принятый туда, он вдруг получает звонок из Новосибирска. В.Н. Шубкин приглашает его в Академгородок заниматься социологией печати. Алексеев сообщает об этом Харчеву и тот отвечает: «Если надумаете вернуться, учтите, два года я Вас жду». Так оно и вышло.

Исследования по социологии печати Алексеев проводил в составе группы ученых, возглавлявшейся В.Э. Шляпентоном, автором и организатором первых исследований всесоюзных аудиторий газет «Труд», «Известия», «Литературная» и «Правда». То была хорошая школа работы с социологической эмпирикой; Алексеев руководил небольшой командой, занимавшейся контент-анализом.

В Академгородок Алексеев приехал с чемоданом, набитым экземплярами 1000-страничной кандидатской диссертации. Шубкин заметил: «Если хотите, чтобы ее кто-либо стал читать, сократите хотя бы до 300 страниц». В 1970 г. он благополучно защитил в Новосибирском университете диссертацию по теме: «Некоторые проблемы социологического изучения массовой коммуникации (на примере прессы)» и вскоре вернулся в Ленинград к Харчеву. Теперь уже вполне социолог.

Биографический сюжет № 72. Ж.Т.Тощенко

Из историков пришел в социологию Ж. Т. Тощенко, в биографии которого мы увидим новые «повороты», пока не встречавшиеся нам при рассмотрении траекторий жизни социологов первых двух поколений. Но прежде стоит объяснить, почему Тощенко, родившийся в 1935 г., включен в эту когорту, а не в третье поколение, «левая» граница которого – именно 1935

г. Ответ прост: жизненный опыт, пережитое им в годы войны, сблизает его именно с теми, кто родился до 1934 г., а не с более молодыми представителями третьего поколения. Выше приводились фрагменты интервью с Тощенко, рассказывавшие о том, как он студент-отличник истфака МГУ отправился на стройки Красноярского края, работал на ответственных комсомольских позициях и постепенно приходил к пониманию необходимости анализа социума. Социологом его сделала Сибирь. Теперь – продолжение этого процесса [38].

Как комсомольского секретаря, входившего в «номенклатуру», его дважды рекомендовали для обучения в Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС. Первый раз, в 1962 г., не прошел, был слишком молод. Через два года рекомендовали вновь, тогда образовалась новая кафедра – научного коммунизма с социологической лабораторией при ней. Поступивших с самыми высокими баллами (у Тощенко было 20 из 20) пригласил ректор, академик Г.П. Францев и предложил вместе с ним начать работу на новой кафедре. Тощенко согласился, начался процесс превращения историка и экономиста в социолога.

Как-то ему попался на глаза словник – приложение к тольکو что выпущенному двухтомнику «Социология в СССР»; там приводилось краткое толкование понятия «социальное планирование». Социальное планирование было названо важной не разработанной темой, в ней он увидел путь к анализу проблем молодежи, для которой в условиях Сибири огромное значение имели условия жизни и удовлетворенность ею.

Его научными руководителями были доцент Г.Л. Смирнов (тогда сотрудник журнала «Коммунист», позже – директор Института философии, директор Института марксизма-ленинизма, академик) и академик В.Г. Афанасьев (в дальнейшем главный редактор «Правды»). Вначале они пытались отговорить Тощенко заниматься вопросами социального планирования, возможно – в силу абсолютной новизны и неясности этой проблематики. Но не настаивали, Афанасьев сказал что-то вроде: «черт с тобой, занимайся этой темой, но чтобы она была написана на достойном для защиты уровне».

Заметную роль в превращении Тощенко из историка в философа и социолога сыграли лекции И.С. Нарского, исследователя западной философии, Е.П. Ситковского, специалиста по Гегелю, А.К. Курылева, разрабатывавшего социальную проблематику советского общества. Принятию Тощенко окончательного решения – заниматься социологией помогли В.А. Ядов и А. Г. Здравомыслов, приезжавшие в АОН из Ленинграда читать лекции и вести практикумы. Несколько позже он озабочился с реальным планом социального развития ленинградского на-

учно-производственного объединения «Светлана», беседовал с инициаторами этого почина В.Р. Полозовым и Б.Р. Рященком. В 1967 г. им была защищена кандидатская диссертация: «Социальное планирование в системе научного управления социалистическим обществом».

По требованию партийного руководства Тощенко вернулся в Красноярск, но отказался от предлагавшихся ему партийных должностей. Он согласился стать руководителем краевой организации общества «Знание» и преподавать в вузе. Сначала – в пединституте, затем в только что созданном университете, который ранее был филиалом Новосибирского университета. Там им была создана хозрасчетная социологическая лаборатория, которая к моменту его возвращения в Москву в 1975 г. насчитывала почти 50 человек. Сотрудниками лаборатории проводились огромные договорные работы со многими предприятиями края. Главным направлением исследований были социальные проблемы новых производственных коллективов.

Многочисленные исследования Тощенко на предприятиях, консультационная деятельность, расширение пространства рекомендаций социологов на города, районы и даже на весь край, установление контактов с производственными социологическими лабораториями и с научными центрами во многих городах – позволили ему подготовить докторскую диссертацию под названием «Методологические проблемы социального планирования». Она была защищена в Уральском университете в 1973 г. Ранняя защита докторской тоже, как легко понять, способствовала его вхождению в круг социологов первого и второго поколения, некоторые из которых защищали свои докторские исследования позже его.

В 1975 г. по предложению АОН при ЦК КПСС ему было поручено организовать крупное социологическое подразделение, которое занималось бы исследованием эффективности форм и методов партийной, особенно, идеологической работы. Перед ним были поставлены новые задачи, связанные с политической проблематикой. Вникнув в существо дела, он пришел к неутешительным выводам: в работе с людьми преобладали оболочка, формы, инструменты, а не содержание; много сил тратилось на политическое и экономическое образование, агитацию, пропаганду и совершенно игнорировалось то, что происходило в сознании людей. Можно утверждать, что Тощенко удалось синтезировать в его социологической деятельности знания человека, получившего высшее историческое и экономическое образование, с опытом наблюдений и анализом реальных социальных процессов, который он накапливал на освобожденной комсомольской работе. В силу его политичес-

ких взглядов и других обстоятельств ему удавалось, с одной стороны, находить и демонстрировать тот уровень критики в изучении социальных процессов, который указывал на его несогласие с происходившим на тех или иных предприятиях, в отраслях и в стране в целом, и – с другой, находить общий язык с верхушкой ЦК КПСС.

Биографический сюжет № 73. Б.М. Фирсов

Путь в социологию Б.М.Фирсова также включает в себя многолетнюю работу в комсомольском и партийном аппарате, в том числе – должность секретаря одного из райком КПСС Ленинграда. Но его отношения с властью не были столь сбалансированными, как у Тощенко. Для Фирсова завершение этапа «освобожденной партийной работы» наступило в мае 1962 г., но все было предрешено ранее [39].

Весной 1961 г. первых секретарей РК КПСС Ленинграда командировали на один день в ЦК партии. После некоторых формальностей всех отпустили, а Фирсова попросили задержаться. В коридоре он встретил одного своего старого знакомого и тот сказал ему про ожидавшие его «смотрины» на кадровое продвижение. На все предложения остаться в партийном аппарате в Москве он отвечал, что хотел бы вернуться к профессии (электронной оптике), полученной в ЛЭТИ, защитить диссертацию и работать на этом поприще. По приезде в Ленинград Фирсова пригласили к Первому секретарю обкома и тот раздраженно заявил ему, что он должен был согласиться на переход в аппарат ЦК КПСС. Его оставили работать, даже избрали делегатом XXII съезда партии, где он голосовал за новую Программу КПСС и за перезахоронение тела Сталина у Кремлевской стене.

Фирсов уже думал, что претензии к нему отпали, однако партия ничего не забыла. Весной 1962 г. ему предложили должность директора Театра оперы и балета имени С.М.Киров, а на его отказ последовало новое предложение – стать заместителем начальника УВД. После этого его хотели рекомендовать для поступления в АОН при ЦК КПСС с тем, чтобы потом выдвигать его на должность секретаря обкома КПСС по агитации и пропаганде. Фирсов ответил, что он сознательно «завалит» вступительные экзамены и попросил своего собеседника разрешить ему переход в аспирантуру ЛЭТИ. Но все было иначе, в мае 1962 г. без предварительного обсуждения с ним, Фирсова назначили директором Ленинградской студии телевидения.

По мнению специалистов, годы руководства Фирсовым ленинградским телевидением (1962–1966 гг.) можно назвать «золотыми». Остановлюсь лишь на том, как закончился этот

период для телевидения и для Фирсова. Передача «Литературный вторник», состоявшаяся 4 января 1966 г., была посвящена проблемам топонимики, государственной политики, связанной с непрерывным переименованием городов и населенных пунктов, когда взамен исторически сложившихся названий городам присваивались имена деятелей советского государства, а затем эти новые названия отнимались, если деятель попадал под машину политических репрессий. Начал академик Д. Лихачев, отметивший, что власти под влиянием скороспелых революционных мотивов изменили практически всю систему названий улиц и проспектов, существовавшую в Петербурге. Выказывания участников дискуссии сводились к тому, что давление идеологии обедняет язык, стандартизует устную и письменную речь, мешает культурной идентификации жителей городов и страны в целом. Эта социолингвистическая дискуссия взвинтила партийные власти. Вскоре появился документ, составленный в ЦК КПСС и венчавшийся словами: «Комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР, обсудив передачу «Литературный вторник», освободил от работы директора Ленинградской студии телевидения т. Фирсова, <...> принял меры по укреплению дисциплины и повышению ответственности работников студии. Ленинградскому комитету по радиовещанию и телевидению поручено подготовить передачу, отражающую марксистско-ленинские взгляды на развитие русского языка и русской литературы».

Заниматься в АОН и писать о партийном руководстве телевидением ему представлялось самоубийством. Возвращаться в ЛЭТИ было поздно; необходимы были пять лет, чтобы войти снова в предмет, защитить диссертацию и стать преподавателем; но Фирсову уже было 37 лет. Многие в его жизни определилось предложением Ядова поступить в очную аспирантуру философского факультета ЛГУ и защитить социологическую кандидатскую диссертацию, в основе которой лежало бы эмпирическое исследование ленинградской телеаудитории. Бывший партийный функционер и директор ленинградского ТВ стал, по его словам, «аспирантом-переростком», перешедшим на прокорм матери и жены.

Руководители Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР, не без сожаления освободившие Фирсова от должности директора ЛСТ, способствовали его командировке в Лондоне, в качестве стажера факультета социальной психологии Лондонской школы экономики и обеспечили ему доступ к Службе исследований аудитории Би-Би-Си. В декабре 1968 г. в Москве, в Комитете по радиовещанию и телевидению возник план предложить Фирсову пост Генераль-

ного директора, поэтому командировка была прервана. Однако в Москве он узнал, что Ленинградский обком КПСС возражал против такого назначения. Отвергнув все иные предложения, Фирсов вернулся в Ленинград и в начале 1969 г. досрочно защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Социальные проблемы телевидения», в основе которой лежали знания, приобретенные в Англии, и результаты представительного опроса ленинградской телеаудитории.

После еще десяти лет работы по изучению различных аспектов развития средств массовой информации в мире и СССР, им в 1979 г. была защищена докторская диссертация.

Биографический сюжет № 74. Б.Г. Тукумцев

Общим в профессиональном развитии Тощенко и Фирсова является то, что социологами их сделала освобожденная комсомольско-партийная работа, т.е. практика анализа многих конкретных проблем, реально встречающихся в жизни, и стремление к поиску их решений. Сближает их и то, что они не работали по приобретенной в вузах профессии. Б.Г. Тукумцев тоже вошел в социологию через ответственную партийную работу, но при этом он многие годы работал как инженер и руководитель производства.

После окончания Ленинградского института железнодорожного транспорта Тукумцев по распределению уехал в Сибирь (мы это встречали уже в биографии Ж.Т. Тощенко). Он считал невозможным для себя остаться в стороне от больших, идеологически важных процессов.

Признаюсь, во время учебы в институте я больше сил и времени уделял культурно-общественным действиям, чем углублению своих технических знаний. Учился я вполне прилично, хоть и без особого энтузиазма. На завершающих курсах был отличником. Но диспуты, лекции видных деятелей культуры в доме общества знаний на Литейном, студенческие «капустники», организация воскресников по восстановлению Ленинграда увлекали меня значительно больше и занимали все мое свободное время. Последние годы учебы я был избран секретарем комитета комсомола, был принят в партию. Но быть «беззаветным» «солдатом партии» у меня уже тогда как-то не получалось. Именно в те годы я начал впервые ощущать «двоемыслие» по отдельным идеологическим вопросам. Правда, это не мешало мне сохранять высокую идентификацию с господствующими в те времена общественными идеалами. Что проявилось, в частности, в том, что я не считал для себя возможным, когда учеба была закончена, отказаться от направления на работу в Сибирь, на Омскую железную дорогу. И прибыл туда в срок – в августе 1948 г. [40, С. 13].

В течении двух десятилетий Тукумцев работал сначала по специальности, а затем стал освобожденным партийным работником. Начинал с должности линейного электромеханика, около 16 лет был руководителем двух линейных предприятий автоматики и связи, избирался на различные партийные посты, работал в ранге секретаря районного комитета в г. Куйбышеве (ныне г. Самара). В конце 60-х он стал главным инженером одной из служб Куйбышевской железной дороги.

В 1970 г. Тукумцев решил перейти на научную работу в Технический университет и заняться тем, на что он имел право рассчитывать, теорией телемеханики. Он начал готовиться к сдаче кандидатских экзаменов и написал реферат по философии – «Социальные последствия научно-технического прогресса». В процессе своей профессиональной деятельности он многое прочел по этой теме, так что подготовка реферата не была сложной. Через пару дней после представления работы на кафедру философии его пригласил к себе заведующий – Е.Ф. Молевич. Ничего не говоря о содержании реферата, он предложил Тукумцеву подумать о переходе на кафедру философии для руководства большой социологической лабораторией, которая к тому времени была там создана. Предложение было неожиданным, он обещал подумать.

Социологическая лаборатория была создана Молевичем в 1969 г., и ее штат состоял из почти тридцати человек. Это были люди разных профессий, рискнувшие попробовать себя в новой области знаний и деятельности. Вскоре группа сотрудников лаборатории была командирована в Москву, и в ИСИ АН СССР для ознакомления с технологией составления планов социального развития предприятий. Партийные органы Куйбышева поддержали работу по этому направлению, но большинству сотрудников лаборатории – гуманитариям – было сложно разобраться в социальных производственных проблемах, если они вообще впервые увидели заводской цех. Для руководства социологическим коллективом необходим был человек, знавший производственные реалии.

В 44 года Тукумцеву предстояло принять сложное, поворотное в его жизни решение. Значительные сомнения возникли относительно достижимости успеха на новом для него поприще. Насколько он будет в состоянии усвоить за короткий срок основы социологического знания, методы и процедуры исследований? Ведь у него даже не было гуманитарного образования. Была еще одна проблема – переход в университет означал для его семьи заметное снижение уровня материального положения, но на семейном совете было решено не принимать в расчет эту потерю.

После длительных телефонных поисков Тукумцеву повезло, его ленинградские друзья обратились к В.А.Ядову, и тот сказал им, что ситуации, подобные возникшей у Тукумцева, обычны. Он пояснил, что социологические исследования имеют перспективу, становятся прикладной частью большой научной дисциплины, которая будет играть важную роль в жизни общества. И он обещал проконсультировать Тукумцева, если тот приедет в Ленинград.

Так постепенно лаборатория, которой стал руководить Тукумцев, превратилась в сильную научную организацию, а он сам – в известного специалиста по социологии труда и смежным вопросам. В 1985 г. он защитил кандидатскую диссертацию по анализу проблем мотивации индивидуального труда в условиях конвейерного производства.

Биографический сюжет № 75. В.А. Артемов

По возрасту Виктор Андреевич Артемов [41] мог бы быть отнесен к старшим представителям третьего поколения советских/российских социологов. Но его жизненная траектория и прежде всего его вхождение в социологию более сближают его с теми, кто принадлежит ко второму поколению. Когда он учился на философском факультете МГУ, по его словам, «ничего специально социологического не было», но «оно» чувствовалась в «воздухе» и начало появляться в практике. Это ощущение возможностей новой науки и увлеченность спортом стали основой его первых самостоятельных конкретно-эмпирических работ. Благодаря благоприятному стечению внешних обстоятельств и его личного обостренного отношения к времени, ему довольно быстро удалось найти направление исследований, которое можно охарактеризовать тремя сложнейшими категориями: «время», «общество» и «человек». Эту область социологии он успешно разрабатывает свыше срока лет и заслуженно признается одним из ее первопроходцев.

Артемов родился и вырос в небольшом старинном городке Муроме, он рано пристрастился к чтению. С шестого класса для него ориентиром стал МГУ, в журнале «Техника – молодежи» он увидел проект нового здания. Мечтал учиться на физфаке, но трудности с математикой при отличных оценках по другим наукам не давали ему уверенности в поступлении. К концу школы его привлек философский факультет, в первую очередь – разнообразием дисциплин в программе обучения. Все шло к медали, но не получилось. При первой попытке он недобрал баллы, но со второй – поступил. Это был 1956 год. По его воспоминаниям, в учебных курсах философского факультета ничего специально социологического, и тем более конкретно-социологического, не было, но в «воздухе» социология

уже чувствовала. Первое соприкосновение с социологией состоялось у него на четвертом курсе, когда знакомый аспирант рассказал ему об одном из первых послевоенных социологических исследований социальных аспектов научно-технического прогресса, проведенного Г.В.Осиповым.

Дипломную работу «Как решают немецкие правые социал-демократы проблему классов и классовой борьбы» он выполнял под руководством Г.М. Андреевой.

После окончания МГУ Артемову хотелось поехать туда, где городская цивилизация находится непосредственно в природной среде. Особой проблемы с распределением у выпускников не было, существовала возможность выбора. Решение было сделано в пользу Новосибирска. Там, в рамках Постоянной комиссии по общественным наукам СО АН СССР дополнительно к кафедре философии и иностранных языков, группе историков, археологов и филологов создали социологическую группу.

Тематика, с которой Артемов начинал свои научные поиски и которая стала для него главной в жизни, была продолжением возникшей у него еще в седьмом классе любви к спорту. Он и в студенческие годы активно занимался лыжами и бегом и достиг в этом заметных успехов. Вскоре после приезда в Новосибирск он посмотрел научный журнал «Теория и практика физической культуры». Не обнаружив там никакой «социологии», он понял, что разработка социологических аспектов физкультурно-спортивной деятельности может быть делом пионерным и полезным. Он провел небольшое обследование на нескольких заводах Новосибирска, выступил на конференции молодых ученых СО АН СССР и в конце 1962 г. написал статью «Об изучении социологического аспекта физической культуры», которую опубликовал в названном журнале в начале 1963 г.. Потом еще одну, уже с использованием результатов обследований бюджетов времени в Красноярском крае. Оказалось, что они были включены в число десяти советских публикаций в первую международную аннотированную библиографию по социологии спорта, вышедшую при поддержке ЮНЕСКО в Париже в 1968 г..

Желание получить конкретную информацию для углубленного изучения этой темы привело его к исследованию бюджетов времени. Проучившись сначала в заочной, а потом в очной аспирантуре философского факультета МГУ, Артемов в 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию «Методологические и методические вопросы изучения бюджетов времени», в через два десятилетия докторскую – «Время в изучении и управлении социально-экономическими процессами».

Приведенные биографии показывают обоснованность очерченных границ второго поколения, по возрасту мало отличающегося от первой профессиональной когорты, но качественно отличного от первых путями их вхождения в социологию. Считаю важным отметить, что для всех них переход в социологию не был бегством от избранной ранее профессии, как и не был результатом «чистой» игры случая. Он произошел либо как развитие, уточнение того пути, который им давал их первичный профессиональный выбор, как развитие предмета и проблематики исследований, начатых ими до обращения к концепциям и методам социологии или как ответ на опыт наблюдений ими социальной реальности. Придя в социологию, когда «первыми» уже была обозначена самостоятельность социологии как науки, когда уже начинала спадать острота конфликта между представителями ортодоксальной марксистской социологии и теми, кто не был согласен с их трактовкой природы и характера социологического знания. Вторые, во всяком случае их основная часть, имели возможность относительно долгое время сосредоточиться на социологическом анализе проблематики, обнаруженной ими до прихода в социологию. Это во многом предопределило особенности их личных профессиональных путей и специфику второго поколения в процессе развития социологии в СССР/России.

* * *

Анализ воспоминаний группы советских / российских социологов первого и второго поколений (18 человек), прежде всего, позволил наметить некоторые модели их вхождения в социологию. Эти теоретико-эмпирические описания (модели) фиксируют в рассмотренных траекториях их жизненных путей и то общее, что характерно для представителей *одного поколения советских людей* (родившихся на рубеже 20-х – 30-х годов), и то специфическое, что детерминирует собственно принадлежность моих собеседников к *разным профессиональным когортам*. На мой взгляд, доказательством *логической валидности* полученных результатов является то, что все выявленные в ходе исторического исследования варианты вхождения ученых в социологию описываются, обобщаются одной концепцией, восходящей к концепции «Максвелловского демона».

И все же, требования собственно историко-социологического анализа и желание убедиться в эмпирической оправданности полученных выводов, обусловили мое обращение к изучению еще десяти биографий социологов двух первых поколений, 10 человек (Таблица 3).

Таблица 3

Годы получения научных степеней представителями первого и второго поколения социологов

ФИО	Даты жизни	Год защиты канд. дис.	Год защиты докт. дис.
Первое поколение			
Кугель Самуил Аронович	1924	1963	1974
Осипов Геннадий Васильевич	1929	1955	1964
Харчев Анатолий Георгиевич	1921–1987	1952	1963
Шкаратан Овсей Ирмович	1931	1958	1968
Шубкин Владимир Николаевич	1923–2010	1958	1966
Второе поколение			
Барбакова Клара Григорьевна	1934	1970	1985
Гордон Леонид Абрамович	1930–2001	1960	1977
Дридзе Тамара Моисеевна	1930–2000	1969	1983
Рывкина Розалина Владимировна	1926	1963	1979
Чеснокова Валентина Федоровна	1934–2010	–	–

Базой для этого исследования стали не только опубликованные биографии (к примеру, в книгах, вышедших под редакцией Г.С. Батыгина [42] и В.В. Радаева [43]), но и воспоминания опрошенных мною социологов.

Дополнительный информационный массив включал биографии трех социологов первого поколения, участвовавших в Великой Отечественной войне: С.А. Кугель, А.Г. Харчев и В.Н. Шубкин. Безусловно, траектории их жизни и вхождения в социологию отличны от путей, пройденных не воевавшими (несколько более молодыми) представителями этой профессиональной когорты. Что же касается вхождения в социологию Осипова Г.В. и Шкаратана О.И. (первое поколение), также Барбаковой К.Г., Гордона Л.А., Дридзе Т.М., Рывкиной Р.В. и Чесноковой В.Ф. (второе поколение), то здесь обнаружилась в целом та же последовательность «шагов» и вскрылись те

же поколенческие коллизии, которые наблюдались при изучении биографий социологов, включенных в *Основной массив*.

Таким образом, можно утверждать, что описанные выше маршруты движения в социологию социологов первого и второго поколений, это – своего рода социально-профессиональные универсалии, которые, скорее всего, присутствуют и в жизненных путях других социологов, входящих в эти общности. Но одно ясно, это все надо проверять, уточнять, ведь речь идет о начале нашей истории, о людях, помогавших социологии родиться и делать первые шаги.

Литература

1. Как возникла социология в СССР. Беседа с В. Ядовым <http://www.polit.ru/analytics/2009/06/17/videon_yadov_lb.html>.
2. *Мамардашвили М.К.* Начало всегда исторично, то есть случайно <<http://www.circle.ru/archive/vm/v911mam.html>>.
3. Ядов В.А.: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №3. С. 2–11; см. также Том 2, С. 183–209.
4. *Кон И.С.* 80 лет одиночества. М.: Время, 2008.
5. *Асеев Ю.А., Кон И.С.* Основные направления буржуазной философии и социологии XX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.
6. *Кон И.С.* Позитивизм в социологии. Исторические очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964.
7. Ядов В.А. «Социология труда начала умирать, потому что появился рынок...». В кн.: Экономическая социология в России: поколение учителей / Сост., отв. ред. В. В. Радаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 82–98.
8. *Ядов В.А., Беляев Э.В., Водзинская В.В.* и др. Изучение бюджета времени как один из методов конкретно-социологического исследования // Вестник ЛГУ. Экономика. Философия. Право. 1961. № 23. Вып. 4.
9. *Ядов В.А.* Методология и процедура социологического исследования. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1968.
10. Человек и его работа / Под ред. А.Г.Здравомыслова, В.П.Рожина, В.А. Ядова. М.: Мысль, 1967.
11. *Здравомыслов А.Г.* Категория интереса в марксистской социологии. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата философ. наук. Л.: 1959.
12. *Здравомыслов А.Г.* Проблема интереса в социологической теории». Л.: ЛГУ, 1964.
13. Интервью с профессором В. Я. Ельмеевым // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том 1. №4 <<http://www.jourssa.ru/>>.
14. Ельмеев В.Я.: «Я был и остался сторонником материализма в социологии». Том 2, С. 234–248.

15. Ядов В.А.: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...». Часть 2. // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев 2005. №4. С. 2–10; см. также Том 2, С. 210–233.
16. Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования. М.; Высшая школа, 1961.
17. Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений. М.: Изд-во политической литературы, 1967.
18. Лапин Н.И. Молодой Маркс. М.: Политиздат, 1968.
19. Лапин Н.И.: «Наша социология стала полем профессиональных исследований, свободных от идеологического диктата» // Социологический журнал. 2007. №1. С. 141–175; см. также Том 2, С. 89–127.
20. Лапин Н.И. Всегда побеждало желание заняться чем-то новым. В кн.: Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 253–266.
21. Нарышкина А. Совершенно свободное плавание. <<http://ladentelle.livejournal.com/305.html>>.
22. Лапин Н. Большая добрая Левада. Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / Сост. Т.В. Левада. М.: Издательств Карпов Е.В. 2010.
23. Левада Ю.А. О «христианском социализме». Лекция, прочит. в Моск. планетарии на гор. семинаре лекторов. М.: Моск. гор. отд-ние Всесоюз. о-ва по распространению полит. и научн. знаний. 1957.
24. Левада Ю.А. Материал к лекции на тему: «О борьбе науки с религией в современных условиях». М.: Всесоюз. о-во по распространению полит. и научн. знаний. 1958.
25. Левада Ю.А. Современное христианство и социальный прогресс. М.: Соцэкгиз. 1962.
26. Осипов Г.В. В огне брода нет. В кн.: Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / Составитель Т.В. Левада. М.: Издатель Карпов Е.В., 2010.
27. Левада Ю.А. Социальная природа религии. М.: Наука, 1965.
28. Заславская Т.И.: «...Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие – это наука» // Социологический журнал. 2007. № 3; см. также Том 2, С. 16–49.
29. Заславская Т.И. Принцип материальной заинтересованности и оплата труда в колхозах. М.: Госпланиздат. 1958.
30. Шляпентох В.Э.: «Только эмпирическая социология в СССР была ареной творчества для гуманитариев» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 6. С. 1–13.
31. Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: ЦСП. 2006. С. 598–658.
32. Баранов А. В.: «А всё-таки она вертится» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 3. С. 2–16; см. также Том 2, С. 329–368.

33. Столович Л.Н.: «Не только я окунулся в социологию, но и социология окунулась в меня» // Социологический журнал. 2010. № 4. С. 113–135; см. также Том 2, С. 441–470.
34. Русалинова А.А. «Мы работали честно и видели хоть и скромные, но результаты своего труда» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 6. С. 2–15; см. также Том 2, С. 423–440.
35. Максимов Б.И.: «Социолог как лошадь, скачущая в стойле» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 4. С. 2–14; см. также Том 2, С. 400–422.
36. Гишинский Я. И.: «...Я начинал как чистый уголовник...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №2. С. 2–12; см. также Том 2, С. 369–399.
37. Алексеев А.Н.: «Рыба ищет где глубже, а человек – где не так мелко...». Том 2, С. 254–293.
38. Тощенко Ж.Т.: «Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина» // Социологический журнал. 2007. №4. С. 149–70; см. также Том 2, С. 471–500.
39. Распятые. Писатели жертвы политических репрессий. Вып. 6.М Слово, взятое в цепи / Автор-составитель З.Дичаров. – СПб.: Издательство Русско-Балтийский информационный центр, БЛИЦ, 2000. С.17–18.
40. Тукумцев Б.Г.: «То, что я оказался в социологии, связано со счастливой случайностью и с моим интересом к проблемам управления» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 5. С. 11–23; см. также Том 2, С. 501–534.
41. Артёмов В.А.: «Время было моим главным ресурсом...» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 5. С. 2–14; см. также Том 2, С. 294–328.
42. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин. М.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999.
43. Экономическая социология в России: поколение учителей / Сост., отв. ред. В. В. Радаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.

ГЛАВА 7

ОНИ БЫЛИ ПРИЗВАНЫ ПОМОГАТЬ

Выше была введена объяснительная модель образования двух первых поколений отечественных социологов, базирующаяся на принципе работы «демона Максвелла». Одновременно отмечалось, что «демон» как некий внешний социально-исторический регулятор не только в течение какого-то времени формировал две когорты социологов, но одновременно он готовил к запуску иной механизм, позволивший ему прекратить свою деятельность. Это произошло во второй половине 1960-х. Второе поколения было «странным», или «аномальным», далее процесс образования поколений социологов нормализовался. Первые, вспомним слова В.А.Ядова, были самоучками, вторые – их первыми учениками. По отношению к третьему поколению «демоном», привратником, т.е механизмом, открывавшим ворота в социологию, сначала были представители первого поколения, а затем – и второго.

Функции поколений: общие положения

Рассмотрение путей, которыми входили в социологию представители первого и второго поколений, позволяет наметить присущие каждой профессиональной когорте *ведущие роли, или функции*, в процессе становления в стране социологии. Эти роли не распределялись каким-либо режиссером, внешней силой, властными институтами, они были избраны участниками процесса самостоятельно, часто выстраданы. Путь каждого социолога во многом был случаен, а вот функции поколений – и в этом одно из достоинств поколенческого анализа – закономерны, объективны. Они – следствие исторических процессов, составляющих фон и суть второго рождения современной советской/российской социологии. В начале 60-х «процесс пошел», и далее на десяток лет все было, по большому счету, предопределено. Сошли бы пионеры с той стези, на которую их вывела политическая «оттепель» и стремление в рамках марксизма искать новые социальные горизонты, и не состоялось бы тогда этого второго рождения.

Первому поколению социологов предстояло доказать самостоятельность социологии как науки, и это была не просто науковедческая тема, не вопрос феноменологии, методологии и организации науки, но прежде всего *проблема политико-идеологическая*. Второе поколение, – если говорить в целом – почти не участвовало в дискуссиях о специфике марксистской социологии, оно, опять же в основном, приняло концепцию трех уровней социологии и решало задачи *расширения предметного поля исследований* в опоре на свой солидный «до- и внесоциологический» научный и практический опыт. Единство общенаучных установок представителей этих двух поколений, почти тождественность их исторического и социального опыта, а также признание вторыми того обстоятельства, что первые являются их *учителями*, наставниками (вскоре все они стали коллегами и зачастую друзьями), определило отсутствие серьезных межпоколенческих конфликтов.

Формирование следующего, третьего, поколения, время рождения представителей этой группы заключено в интервале 1935 – 1946 гг, тоже несет в себе следы «ненормальности» развития российской социологии, т.е. ее длительного отсутствия и затем второго рождения. Но оно проявляется иначе, чем было описано выше.

Обычно каждое новое поколение в науке растет под наблюдением двух предыдущих, но в данном случае такого не могло быть. Вторые к моменту зарождения третьего еще не набрали

той силы, чтобы активно влиять на становление входивших в науку новых людей, да и вчерашние студенты и молодые ученые предпочитали консультироваться у первых. В доминирующем числе случаев учителями, наставниками третьего поколения, были социологи первого призыва (самопризыва), более того, формирование второго и третьего поколений происходило *последовательно-параллельно*, а не строго последовательно. Во всяком случае, первые шаги по рекрутированию третьего поколения делались не позже, чем начинало складываться второе.

В середине 60-х некоторые из третьей профессиональной когорты уже считали себя социологами, тогда как будущие представители второй еще работали по своей базовой специальности: юристами, журналистами, историками, переводчиками и т.д. На кафедрах философии ведущих университетов страны стали утверждать аспирантские темы социологической направленности, таким образом, некоторые старшие представители третьего поколения становились кандидатами наук ранее их будущих коллег из второго поколения.

Для такого хода дела были объективные предпосылки. В этот период в университетах создавались хозрасчетные социологические лаборатории, открывались академические социологические подразделения, под идею социального планирования формировалась сеть заводских социологов, под руководством социологов первого поколения разрабатывались и проводились крупные исследовательские проекты, давшие теоретико-эмпирический материал для ряда ставших классическими для отечественной социологии книг. Происходило осознание того, что без освоения трудных разделов планирования процедур сбора и обработки больших массивов информации, задумывавшиеся проекты не смогут быть реализованы. Все более ясным становилось, что для развития социологии необходимы люди, способные целенаправленно заниматься освоением зарубежных теоретических и методических достижений, заглядывать в прошлое науки.

Третье поколение начинало входить в социологию в первые 60-е, и это движение продолжалось в течение всего следующего десятилетия. Лишь младшая часть данного поколения, учившаяся на философских факультетах университетов, приходила в социологию более или менее осознанно. Все остальные, учившиеся на философских факультетах во второй половине 50-х или получавшие другие специальности в университетах и институтах, как правило не знали, что это за наука. Однако в силу личностных и профессиональных качеств они были готовы к достаточно быстрому освоению языка социологии

и успешной работе в социологических коллективах. Те, кому все это новое приходилось по душе, кто прикипал к делу и к своим наставникам, начинали образовывать третье поколение советских/российских социологов.

Третье поколение представлено в нашем *Основном массиве* заметно большим в сравнении с двумя предыдущими поколениями количеством социологов – 19 человек. Во-первых, в гипотетической генеральной совокупности советских/российских социологов представителей этой когорты, очевидно, было больше, чем социологов первых двух поколений. Во-вторых, пути представителей третьего поколения в социологию более вариабельны, значит, необходим больший материал для выявления моделей их вхождения в науку.

Возможно, *главное отличие* третьего поколения от второго, заключается в том, что оно осознанно, *целенаправленно рекрутировалось и создавалось* в основном первым, тогда как второе – само приходило. Соответственно, роль, назначение, функции третьего поколения несли в себе не только черты времени, политических, идеологических и социальных особенностей советского общества второй половины 60-х – первой половины 70-х годов, но и в значительной степени определялись научными интересами и личностными чертами социологов первого поколения. Все они к тому времени были докторами наук или подходили к защите, авторами основополагающих для отечественной социологии книг, руководителями крупных проектов и подразделений академических институтов. Они имели возможности, правда, не очень широкие, набирать штат сотрудников и руководить аспирантами. И делали это, прежде всего, отталкиваясь от собственных научных интересов, текущих производственных потребностей, представлений о том, какими они видели своих младших по возрасту коллег. Естественно, они осуществляли свой выбор из того человеческого и профессионального «материала», который предоставляла им эпоха.

Анализируя состояние только оформлявшейся советской социологии во второй половине 60-х годов, можно выделить обозначившиеся в те годы тенденции ее развития, которые определяли механизмы рекрутирования новых кадров, и тематику, которую им пришлось разрабатывать. Нет смысла сравнивать глубину ощущавшихся проблем, но безусловно, среди главнейших была проблема математической обработки результатов анкетных опросов. Особенностью того времени были большие объемы выборки и большое число вопросов, включавшихся в анкеты. Использовались и другие методы сбора информации, но доминировало анкетирование. Математики нужны были

для обеспечения анализа первичных данных, планирования выборок, разработки приемов шкалирования измеряемых установок. Освоение зарубежного опыта и некоторое оживление контактов с западными специалистами требовали привлечения людей с профессиональным знанием языков, потому в социологические коллективы приглашались люди, профессионально знающие иностранные языки. Еще одно обозначившееся исследовательское направление – овладение методологией и практикой феноменологической социологии; начинала осознаваться ограниченность жестких позитивистских концепций и методов. Наряду с изучением современных для того времени социологических теорий и эмпирических приемов, зарождался интерес к истории зарубежной и отечественной социологии, этот факт также детерминировал характер притока молодых в науку.

Собранная информация дает возможности для уточнения рассмотренных выше моделей вхождения специалистов в социологию и построения новых, не существовавших ранее траекторий вхождения в социологию. Для решения этой задачи априори сформируем три группы специалистов, входивших в социологию через три «разные двери».

Первую группу назовем «*математиками*». Она объединяет получивших базовое математическое, физическое или техническое образование и включает тех, кто в своем движении в социологию *исходно* ориентировался на получение *технической специальности*, но потом приобрел профессию экономиста. Вторая группа – «*филологи*». Это люди, рано почувствовавшие интерес к изучению языков или литературы как профессиональной деятельности и избравшие в качестве своей будущей профессии филологию или журналистку. Хотя, как показано выше, и раньше в социологию приходили специалисты с техническим и журналистским образованием, это были отдельные, не типичные ситуации. Так что становление двух названных подгрупп третьего поколения, заметных по численности в общем составе этой когорты, было новой тенденцией в образовании профессиональной структуры советской/российской социологии. Третье подразделение – типичное, это «*философы*», или шире – обществоведы.

Вне рамок этих трех групп рассмотрю лишь движение в социологию Э.В.Беляева, принадлежащего к старшему слою третьего поколения. Будучи философом, он занимался методологией применения математики в социологии, т.е. по направленности своей деятельности оказался близок к математикам. Его можно отнести и к группе философов, и к группе математиков.

Биографический сюжет № 76. Э.В. Беляев

Беляев закончил философский факультет ЛГУ, будучи ленинградцем и пережив в городе блокаду, он не пожелал никуда уезжать по распределению. Остался без преподавательской работы и стал на факультете лаборантом. Далее процитирую его слова:

Я выполнял какую-то ерунду и познал идиотизм всей той деятельности, которую я исподтишка саботировал. У меня была возможность заниматься своими любимыми делами. Проработал я так недолго, по-моему, всего год. «Преобразования в обществе» дошли, наконец, до факультета. В. Ядову предложили сформировать социологическую лабораторию. Насколько я знаю, первую в стране (1960 год). Он взял в лабораторию меня <...> Я был самым молодым в этой команде [1, С. 5–6].

Обучаясь в 1963–66 годах в философской аспирантуре под руководством И.С. Кона, он анализировал круг проблем, касающихся использования математики в Западной социологии. Предполагаю, что в этом исследовательском направлении его работа была первой. На философском факультете ЛГУ его диссертация была встречена враждебно, тем не менее ученый совет ее одобрил. Работа называлась «Математические методы в социологии США: критический анализ». Защита состоялась в 1966 г., и оппонентами Беляева были два доктора наук: Г.М. Андреева и Ю.А. Левада. Вскоре после защиты Беляевым была опубликована в «Вопросах философии» [2] статья по тематике диссертации. Скорее всего это была одна из первых проблемных статей, написанных представителями третьего поколения социологов. С 1977 г. он живет в США.

Реализация функций третьего поколения

«Математики»

Начну с рассмотрения путей прихода в социологию в 60-х годах заметной группы молодых специалистов с математическим и физическим образованием. Столь мощного притока людей с подобной профессиональной подготовкой не могло быть раньше, и в нем уже не было необходимости позже. Одна причина призыва математиков была указана выше – потребность в обработке больших массивов информации и в анализе всех составляющих социологического измерения. Вторая причина – осознание социологами первого поколения (прежде всего, назову Б.А. Грушина, Т.И. Заславскую, А.Г. Здравомыслова, Г.В. Осипова, В.Э. Шляпентоха и В.А. Ядова) того, что мате-

матики должны не просто консультировать социологов и об- считывать собранные ими данные на ЭВМ, но постоянно рабо- тать с социологами, быть членами единого исследовательского коллектива. Есть и третья причина: среди социологов второго и третьего поколения были философы, разрабатывавшие обще- методологические проблемы использования математики в со- циологии и доказывавшие перспективность, необходимость применения количественных методов в социальном познании.

Специфика вхождения математиков в социологию заключа- лась в том, что они, фактически не зная ничего о социологии, становились *консультантами* социологов по использованию математики и сразу должны были выполнять весьма значи- тельный круг ответственных обязанностей. Таких специали- стов было мало, и в течение значительно времени они были ра- зобщены, не могли оказывать помощь друг другу. К тому же была и определенная сложность с их профессиональной самои- дентификацией. Из математической среды они выходили или заметно отдалялись от нее, но одновременно долго не видели себя социологами.

Основной массив настоящего проекта, напомним, он образо- ван социологами, которых я лично интервьюировал и о кото- рых писал биографические очерки, включает в себя 11 «мате- матиков» (Таблица 1).

Таблица 1

Опорные точки профессионального движения представителей третьего поколения, относящихся к группе «математиков»

	Даты жизни	Годы прихода в социологию	Год защиты канд/докт дис.
Воронков Виктор Михайлович	1945	Вторая поло- вина 80-х	-
Докторов Борис Зусманович	1941	1968	1970/1985
Кесельман Леонид Евсеевич	1944	начало 70-х	-
Константиновский Давид Львович	1937	1968	1970 / 1998
Петренко Елена Серафимовна	1940	1968	1973/
Саганенко Галина Иосифовна	1941	1962	1974/1991
Смирнова Елена Эмильевна	1941	конец 60-х	1971/1993

	Даты жизни	Годы прихода в социологию	Год защиты канд/докт дис.
Старовойтова Галина Васильевна	1946–1998	конец 60-х	1980/
Травин Игорь Иванович	1936	1971	1978/
Толстова Юлиана Николаевна	1942	1969	1977/93
Шереги Франц Эдмундович	1944	1973	1976/

Первой среди математиков, пришедших в социологию, скорее всего была Г.И. Саганенко, траектория ее движения и будет рассмотрена первой.

Биографический сюжет № 77. Г.И. Саганенко

Весной 1962 г., Саганенко, еще будучи студенткой математико-механического факультета ЛГУ, пришла в лабораторию В.А. Ядова по объявлению [3]. Необходимо было закодировать большое количество анкет для последующей обработки на ЭВМ. Там же она подготовила свое дипломное исследование. После окончания матмеха, она – не ленинградка, готова была поехать по распределению в один из подмосковных городков в «почтовый ящик». Но тогда Ядов понимал, «что математик – полезный работник в деле изучения массы респондентов, помноженных на массу признаков. А на те «скромные хлеба», которые он мог предложить работнику, пригласить выпускника матмеха с ленинградской пропиской нечего было и рассчитывать; у него была лишь ставка лаборанта на 83 рубля. Он пошел договариваться с ректором А.Д. Александровым, и в итоге Саганенко оставили по распределению в Ленинграде, предоставив ей место в студенческом общежитии. Она специализировалась на разработке процедур повышения качества первичного социологического измерения и по этой теме в 1974 г. защитила кандидатскую диссертацию [4]. Ее дальнейшие теоретические и эмпирические работы в этой области в 1991 г. были обобщены в докторском исследовании [5].

Биографический сюжет № 78. Б.З. Докторов

Автор настоящей книги в конце 1964 г. окончил мат-мех ЛГУ и в конце 1967 аспирантуру при том же факультете, занимаясь методами многомерного статистического анализа.

Не подписав в июне распределение, согласно которому я должен был уехать в Архангельск, я полгода активно занимался поисками работы, но все было безуспешно. И вот в конце января 1968 г., я случайно встретил в коридоре факультета Саганенко, которую знал со студенческой поры. Узнав о моих поисках работы, она сказала, что социологу А.Г. Здравомыслову нужна консультация по обработке информации. Позвонил ему, и он попросил меня придти в Таврический дворец. Не зная, что в этом здании расположено, я был удивлен, увидев при входе военного. Опуская детали, скажу, что через несколько дней я стал ассистентом кафедры марксистско-ленинской философии Ленинградской высшей партийной школы. Преподавать я не должен был, меня включили в небольшую группу социологов, и моей первой обязанностью было наладить обработку изучавшихся на основе самофотографии бюджетов времени партийных работников.

В годы аспирантуры я не успел доделать кандидатское исследование по факторному анализу, но в сотрудничестве с учеными факультета психологии ЛГУ было сделано и немало, были публикации. Во второй половине 1969 г. мне показалось удобным досдать кандидатский минимум по психологии и усилить прикладной, собственно психологический аспект моей аспирантской темы. Получив поддержку от Здравомылова и декана психологического факультета Б.Г.Ананьева, давшего ряд ценных советов по развитию темы и согласившегося стать титульным руководителем исследования, я завершил все в 1970 г. и в декабре защитил кандидатскую диссертацию по психологии.

В начале семидесятых я на долгие годы оказался втянутым в интересные и по тому времени обладавшие высокой степенью новизны опросы общественного мнения работающего населения Ленинграда. Мой переход в 1973 г. в ленинградские сектора Института социологических исследований АН СССР способствовал тому, что последующие два десятилетия я в основном занимался методологическими, методическими и организационными проблемами изучения общественного мнения. Тот факт, что они проводились по заказам партийных властей города, делал получаемые результаты закрытыми, соответственно, оставались лишь очень небольшие возможности для публикации методических поисков. Однако все сделанное было подытожено в докторской работе, защита которой состоялась в начале 1985 г. в Институте социологии АН СССР.

Биографический сюжет № 79. Е.С. Петренко

Е.С. Петренко окончила Московский инженерно-физический институт по специальности «вычислительная техника» в середине 60-х и по распределению оказалась в «ящике», где должна была выверять различные программы, используемые при запусках ракет. Не выдержав этого, она перешла на работу в Госкомстандартизации, в группу, изучавшую воздействие вибраций на организм трактористов. Испытуемого трясали в «кресле тракториста» и с помощью специальной аппаратуры измеряли его психофизиологические реакции. В задачу Петренко входило создание программы распознавания образов, позволяющей анализировать эти реакции. Так она познакомилась с И.Б. Мучником, входившим в сильную группу сотрудников Института автоматизации и телемеханики (ИАТ), которая во многом определяла развитие тематики распознавания образов в СССР. Продолжая работать в эргономической лаборатории, Петренко одновременно все более погружалась в обстановку и тематику ИАТ, надо бы что-то предпринимать. Далее, по воспоминаниям Петренко, было так:

Как-то летом 1968 г. мой муж, <...> который работал в районе метро «Динамо», идя с работы, прочел объявление, что Институт конкретных социологических исследований АН СССР объявляет прием в аспирантуру. Он посоветовал мне пойти в эту аспирантуру <...> На мой вопрос: «А что это за наука такая – социология?» я получила ответ: «Кто ее знает, но слово-то красивое...» [6, С. 82].

Она подала документы, зачисли ее в аспирантуру, научным руководителем стал Г.В. Осипов, который сразу перепоручил ее Э.П. Андрееву. Через некоторое время по договоренности Осипова и Мучника обозначилась тема ее аспирантского исследования – проблемы построения репрезентативных выборок. Начались будни: слушала лекции Ю.А. Левады, И.С. Жона, Б.А. Грушина, приезжал В.А. Ядов. Побывала в Новосибирске, познакомилась с Т.И. Заславской и В.Н. Шубкиным. Дневала и ночевала в ЦСУ, выписывая статданные по городам и областям РФ. Итогом работы Петренко, проводившейся в тесном сотрудничестве с В.Э. Шляпентохом, стала первая в стране территориальная вероятностная выборка, учитывавшая результаты многомерной стратификации городов. Эта работа стала основой ее кандидатской диссертации [7], защита которой состоялась в 1973 г.; ее первым оппонентом была Т.И. Заславская.

Биографический сюжет № 80. Ф.Э. Шереги

Приход в социологию математика Ф.Э. Шереги не был «совсем» случайным, хотя элемент случайности во всем этом был. Шереги понимал, что его притягивал к себе мир социальных отношений, и в социологию его привело внимание к сложным человеческим и общественным отношениям и цепочка обстоятельств, сначала сделавших его профессиональным переводчиком-синхронистом. Приведу его ответ на вопрос: «Если можно, поясни, как ты оказался в среде социологов...»:

Это произошло случайно, пытался уйти от изнуряющей рутины переводческой работы с венгерским языком, который и по сей день для меня родной. Работая с 1968 г. переводчиком-синхронистом в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ в Москве, я переводил лекции, семинары, зачеты и экзамены по философии, политэкономии, истории КПСС, научному коммунизму, международному рабочему движению, а с 1971 г. – по прикладной социологии <...> при этом до 1971 г. я продолжал заочно изучать математику в Ужгородском университете. Таким образом, непроизвольно я получил и гуманитарно-политическое (естественно, марксистское) образование.

Мне нравилось переводить лекции по философии и прикладной социологии. Последняя мне импонировала своей рациональностью и связью с математикой. В августе 1973 г. я случайно прочитал в газете «Вечерняя Москва» объявление о приеме в аспирантуру ИКСИ АН СССР. Так как я подсознательно искал возможность сменить специальность переводчика, то по наивности подал документы в аспирантуру на заочное отделение <...> Еще до вступительных экзаменов в Отделе аспирантуры мне предложили переписать заявление на очное отделение, что я и сделал. В последующем я узнал, что инициатором этого был В. Э. Шляпентох, меня лично не знавший, но рецензировавший мой реферат по выборочным методам. <...> В итоге «случайно» я поступил в аспирантуру и мне назначили руководителем Шляпентоха [8, С. 6].

Первое впечатление Шереги об ИКСИ АН СССР было восторженным, придя из политической системы, где в повседневных производственных отношениях господствовала строгая иерархия, его поразила академическая вольница тех лет. Ранее он подобных форм коммуникации в профессиональных структурах не встречал. Увиденное с самых первых дней укрепило его во мнении, в правильности которого он остался уверен и позже: советские социологи явились не только важным предвестником демократических перемен в СССР, но и приложили большие усилия для приближения этих перемен.

Биографический сюжет № 81. Д.Л.Константиновский

Имея перед собою пример отца, Константиновский хотел стать журналистом, но отец дал ему совет: «Получи какую-нибудь нормальную специальность, а потом делай, что хочешь» [9, С. 3]. Он стал учиться в Челябинске в Политехническом институте, в то время там создавался специальный факультет для подготовки специалистов-электронщиков по конструированию приборов для танковой промышленности. В 1959 г. по окончании института вместе с друзьями он уехал в Новосибирск, где начал работать в одном из «почтовых ящиков». Работа была творческой и хорошо оплачиваемой, но постепенно многие начали сбегать в Академгородок, в Институт ядерной физики, там строился новый ускоритель элементарных частиц. Сбежал и он.

В студенческие годы и став конструктором сложных электронных систем, Константиновский постоянно сотрудничал с прессой, публиковал прозу и стихи. В 1964 г. он бы принят в Союз писателей.

В 1968 г. он познакомился с В.Н.Шубкиным. К тому времени он кое-что читал по социологии, но с действующими социологами не встречался. После рассказов Шубкина о социологии пришел к выводу о том, что частица – это, конечно, здорово, но это неживая природа. Но мало что есть интереснее, чем люди и человеческие судьбы. Константиновский стал захаживать в Институт экономики, где тогда работал Шубкин, и вскоре перешел к нему. В нем победил журналист, писатель, инженер человеческих душ, а не просто инженер.

Биографический сюжет № 82. Ю.Н. Толстова

Завершу обзор путей, по которым математики приходили в социологию, пересказом воспоминаний Ю.Н. Толстой [10].

С третьего курса механико-математического факультете МГУ она специализировалась по математической логике. Ее наставником была известный специалист в области математической логики и философии математики С.А. Яновская. Практику она проходила в Институте прикладной математики АН СССР и там же работала над дипломом. По его итогам написала первую научную статью для журнала «Проблемы кибернетики». У Яновской она начинала учиться в аспирантуре, тема ее диссертации была связана с анализом одной из проблем полноты некоего логического исчисления. Доказательство не было простым, но результат был не диссертабелен. Опубликовав некоторые из своих результатов, она оставила эту тему.

В 1969 г. по итогам распределения после аспирантуры Толстова оказалась в социологической лаборатории при строительном институте. Сначала ей показалось интересным участвовать в анкетных опросах, писать планы социального развития для конкретных предприятий. Но главный интерес возник на другом пути: при знакомстве с методами социологического исследования. Было переведено много интересных результатов западных ученых, стали появляться отечественные разработки, в основном в Новосибирске. На мехмате она не изучала практически ничего из того, что потребовалось ей для работы с социологами. Однако, вплотную занявшись освоением новых для нее методов, она быстро почувствовала роль полученного образования и скоро я поняла, что взаимоотношение математики и социологии – интересная сфера. Это потребовало от нее углубленного отношения к природе моделирования реальности, к методологии измерения. Серьезно заниматься подобными философскими, гносеологическими проблемами в социологической лаборатории, проводившей прикладные исследования, было невозможно, требовалась академическая среда. В 1973 г. она начала работать в методологическом отделе ИКСИ АН СССР.

Говоря о специфике формирования цеха социологов третьего поколения, нельзя ограничиваться рассмотрением путей тех, кто получил хорошую подготовку в области математики и именно в таком качестве оказался востребован социологией. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что среди социологов этой когорты, были специалисты, получившие математическую подготовку при освоении экономических специальностей или учившиеся в технических вузах. Все они, став социологами, испытывали значительно меньше трудности в освоении математического аппарата социологии и вычислительной техники, чем философы, историки и представители других гуманитарных профессий.

Биографический сюжет № 83. Е.С. Смирнова

Е.Э. Смирнова, закончив школу в 1958 г., раздумывала о профессии психолога, об экономике, химии, о строительстве, но получила специальность инженера-механика в Институте холодильной промышленности. Начала работать конструктором в НИИ Метрологии, но через два года ей стало понятно, что никакого конструктора из нее не выйдет. Она познакомилась с двумя молодыми социологами, работавшими в коллективе В.А.Ядова (одним из них был Э.В. Беляев); в ее НИИ они пилотировали какую-то методику. Они предложили ей кое-что про-

верить на ее рабочем месте. Ей показалось это интересным, она начала ходить на открытые семинары, проходившие в ядовской лаборатории. Возник интерес к социологии. Друзья помогли ей устроиться промышленным социологом. В 1970 г., когда Ядов приступил к разработке проекта по ценностным ориентациям и у него появились ставки, она перешла к нему на работу [11].

Биографический сюжет № 84. Л.В. Панова

После окончания школы Л.В. Панова хотела учиться только в техническом вузе и поступила в Ленинградский кораблестроительный институт. Из-за плохого зрения ее не взяли на технические факультеты, предложили экономический. По ее воспоминаниям, их учили всему понемногу: и сопромату, и начертательной геометрии, и даже предметам, относившимся к судостроению. Единственное, что ей было интересно, статистика; казалось, что с помощью ее методов можно что-то увидеть и понять в первоначально кажущейся хаотичной информации. О социологии она вообще ничего не слышала. В 1960 г. по распределению стала работать на заводе в Риге в отделе труда и заработной платы. Всю поручавшуюся ей работу успевала делать за полчаса, а потом изображала занятость. Поняв, что «так жить нельзя», Панова вернулась в Ленинград и пошла работать экономистом в банк. Поначалу было интересно, но потом началась рутинная работа, и она стала подумывать об аспирантуре. Но в 1966 г. ее порекомендовали ленинградскому экономисту и социологу В. Р. Полозову, который создавал социально-экономическую лабораторию в НИИ Комплексных социальных исследований, где включилась в исследования проблем труда, профессиональной и квалификационной структуры рабочих, условий труда, проблем женского труда. Позже все это объединялось понятием социальной структуры производственного коллектива [12].

Биографический сюжет № 85. И.И. Травин

По мнению И.И. Травина, он, как и большинство ребят его поколения, был ориентирован на технические профессии. Поступал в различные престижные московские инженерные ВУЗы, но не попал в них. Он учился и почти закончил техникум. В 1957 г. его интересы круто изменились, и он поступил на исторический факультет МГУ. Учился он на отделении истории и теории искусств, которое было самым высоко конкурсным в Университете: в год его поступления – 26 человек на

место. Дипломную работу писал по дизайну, и шесть последующих лет его жизни были связаны с работами по этой проблематике. Учился в аспирантуре, занимался историей, теорией, методологией проектирования и т.д., таким образом вышел на тематику социального проектирования. В 1971 г. Травин стал работать в ИКСИ АН СССР, по его мнению, в социологию он пришел сознательно:

Любая спроектированная человеком вещь является результатом проектной деятельности и затем помогает, включает человека в решение каких-то социальных проблем и задач. Не важно, что это – автомобиль, мебель, электронные приборы, бытовые, информационные комплексы и т.д. Это, в общем-то, некое инобытие социальных процессов, отражаемое и отраженное в вещах. Этому были посвящены мои первые работы. В принципе, я их вел самостоятельно. Никаких у меня учителей не было. Я даже не могу сказать, что я у кого-то учился. Единственное, человек, которому я в какой-то степени обязан пониманием каких-то вещей, по видимому, все-таки будет Игорь Васильевич Бестужев-Лада [13, С. 4].

Биографический сюжет № 86. Л.Е. Кесельман

«Многошаговым» был путь в социологию Л.Е. Кесельмана: две неудачные попытки поступить в Ленинградский кораблестроительный институт, начало обучения в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта, решение уйти оттуда на философский факультет ЛГУ и «сбой» при сдаче вступных экзаменов, армия и, наконец, учеба на экономическом факультете ЛГУ. Здесь тоже – первичное желание получить техническое образование, освоение ряда математических и технических предметов, осознание своих устремлений в сферу гуманитарного и социального знания и – опять же, благодаря ряду случайностей – приход в социологию [14].

Биографический сюжет № 87. Г.В. Старовойтова

Окончив школу в 1964 г., Г.В. Старовойтова поступила в Ленинградский Военно-механический институт, готовивший инженеров по конструированию и производству различных видов вооружения. В этом проявилась готовность Галины продолжить дело отца. Однако через два года она, надышавшись воздухом «Сайгона», подала документы на факультет психологии Ленинградского университета; в 1966 г. был первый набор студентов, Старовойтова сдала все вступительные экзамены на «отлично» и была принята. Закончив в 1971 г. до-

срочно и с «красным» дипломом университет, она несколько лет работала социологом на ряде промышленных предприятий и в 1973 г. – поступила в аспирантуру Института этнографии АН СССР в Ленинграде. Научные интересы Старовойтовой лежали в области этносоциологии, эти исследования и привели ее в конце 80-х в политику [15].

Биографический сюжет № 88. В.М. Воронков

Даже на фоне не прямых дорог в социологию многих представителей третьего поколения путь Воронкова представляется весьма непростым и продолжительным, он осознал себя социологом лишь в возрасте 43 лет. Это был конец 80-х. Вообще говоря, его трудно отнести к одной из выделенных групп; по базовому образованию он однозначно не принадлежит ни к «философам», ни к «филологам», он ближе всего – к «математикам».

Воронков родился в семье успешной журналистки и выдающегося химика, академика Михаила Григорьевича Воронкова, количество публикаций которого исчисляется несколькими тысячами. В своем биографическом эссе Виктор Воронков указывает на два следствия «выбора такого родителя»: идентичность ученого проявилась в подростковом возрасте и постоянно усиливается: доминирующим является ощущение уверенности в жизни и гражданского бесстрашия.

В школе Воронков учился легко, но возникали проблемы в отношениях с учителями, из двух школ его исключали. В старших классах был общественно активен, но эта активность была «альтернативной». В 15 лет вместе с родителями переехал в Ригу, где закончил школу и поступил на физический факультет университета, хотя считал себя гуманитарием. Проучился год и ушел, еще через год он нашел компромиссный вариант – экономическую кибернетику. Увлечение учебной работой прошло, ему ближе было потребление культуры, писание стихов, спорт.

Большое влияние на него с раннего возраста оказал Борис Иванович Карпенко, известный статистик, просидевший около двух десятилетий в сталинских лагерях; он был одним из последних учеников Александра Ивановича Чупрова. Оканчивая университет, Воронков был убежден, что станет демографом, и поработал недолго в лаборатории демографии при латвийском статуправлении.

Ввод советских войск в Чехословакию в августе 68-го стал для него знаковым событием в его жизни, он был целый месяц

в Чехословакии и выехал оттуда за день до ввода войск. Случившееся, по его мнению, навсегда определило его гражданскую позицию.

В конце 1970 г. вместе с семьей он переехал в Иркутск и начал работать в Институте географии Академии наук по проблематике географии населения. Как и в демографии здесь можно было работать со статистикой и поиграть с незамысловатыми математическими моделями. Сдав кандидатские экзамены, он намеревался поступить в аспирантуру к Б. Ц. Урланису, однако его интерес к науке к тому времени иссяк. Под влиянием литературного критика и литературоведа Евгения Раппопорта окончательно сформировались литературные вкусы Воронкова, и в сфере его интересов культура постепенно оставила науку далеко позади. Только реалии конца 1980-х устранили этот дисбаланс интересов.

В 1975 г. он вернулся в Ленинград и влился в компанию молодых социологов, лидером которой был Михаил Вениаминович Борщевский. Из упоминавшихся выше социологов в эту группу входили Старовойтова и Травин. Началась работа Воронкова в Институте социально-экономических проблем. Общая атмосфера работы в этом институте, наиболее негативно сказывавшаяся на социологах, относимых сейчас к третьему и четвертому поколениям, описана Воронковым следующим образом:

Надо сказать, что в ИСЭП'е никто почти ничего толком не делал. Народ тусовался по интересам, курил в коридорах, трепался и рассказывал анекдоты, устраивал дружеские попойки. По моим наблюдениям, «работали» только те немногие, кто строил сознательную карьеру или писал диссертацию, а также несколько чудаков не от мира сего. У большинства рабочими были лишь пара ноябрьских недель в году, когда все лихорадочно писали годовые отчеты о своих «научных заслугах», нервно поглядывая в потолок. В этих отчетах важно было соблюсти формальные требования, отпечатать всё без грамматических ошибок и помарок, а содержательную часть вряд ли кто серьезно читал [16, С. 613].

Однако он замечает, что «наука в некотором смысле существовала и в стенах института. Она ютилась в тихих коридорных разговорах и вообще носила устную форму. Полагаю, что немалое число замечательных идей ярко вспыхнуло в этих неформальных беседах и тут же бесследно затухло».

В конце 80-х в Ленинграде образовалась группа социологов, изучавших нарождавшиеся социальные движения, которая позже оформилась в сектор исследований общественных движений; им руководил Владимир Владимирович Костюшев. Во-

ронков стал изучать диссидентскую среду, проводя биографические интервью с бывшими диссидентами. Наблюдения акций различных групп в перестроечных движениях, сбор биографических интервью и участвующее наблюдение в радикальной части спектра демократического движения привели его к пониманию роли качественных исследований. Затем, в процессе чтения Вебера и другой социологической классики он открыл в себе феноменолога и ненавистника позитивизма. «Тремя источниками, тремя составными частями» своего мировоззрения он считает: собственный полевой опыт, работу «Социальное конструирование реальности» П. Бергера и Т. Лукмана и размышления Р. Гиртлера, П. Шампана и П. Бурдьё. Воронков стал микросоциологом, критиком «количественников». В то же время он познакомился с работами Леонида Ионина конца 70-х, который писал о феноменологической перспективе в социологии, о понимающей социологии. Изложенные там идеи захватили его, одновременно он был поражен тем, как равнодушно прошла мимо них советская социология.

В целом, можно говорить о двух типах, моделях включения в социологию людей, обучавшихся математике или изучавших технические дисциплины. Первый тип: завершение математического образования и вхождение в социологию именно как специалистов по обработке измерений и математическому моделированию социальных процессов. Второй тип с двумя разновидностями: а) завершение математического (технического) образования с последующим получением социологической подготовки в аспирантуре или в процессе сотрудничества с социологами; б) изучение математического, статистического аппарата и последующая работа в социологии, но не в качестве специалиста в данной области, а исследователя, готового, при необходимости, к применению количественных методов и вычислительной техники.

«Философы»

Отсутствие данных о характере образования всего сообщества социологов не позволяет говорить о том, каковой по данному признаку должна была бы быть представительная совокупность социологов третьего поколения. Однако можно допустить, что их значительная часть была обществоведами по базовому образованию. При комплектовании выборочного массива не учитывались какие-либо количественные требования относительно квотирования совокупности по исходному образованию, но так получилось, что среди группы обществоведов большинство – философы, кроме того, есть окончившие исторические и юридические факультеты. Ниже рассматриваются

пути, которые привели в социологию семерых обществоведов (Таблица 2), но следует отметить, что в *Основном массиве* биографий еще троих представителей этого «подмножества» социологов третьего поколения приведены выше. Это: Э.В. Беляев, окончивший философский факультет ЛГУ, Г.В. Старовойтова, начинавшая учиться в Военно-механическом институте, получила на философском факультете ЛГУ образование психолога (в то время в Ленинграде еще не существовало психологического факультета), и И.И. Травин – историк-искусствовед.

Таблица 2

Опорные точки профессионального движения представителей третьего поколения, относящихся к группе «философов»

	Даты жизни	Годы прихода в социологию	Год защиты канд/докт дис.
Гофман Александр Бенционович	1945	начало 70-х	1974/1994
Ионин Леонид Григорьевич	1945	начало 70-х	1974/1983
Капелюш Яков Самуилович	1937–1990	середина 60-х	1972/-
Могилевский Роман Семенович	1938	середина 60-х	1984/-
Позднякова Маргарита Ефимовна	1939	конец 60-х	1978/-
Протасенко Татьяна Захаровна	1946	середина 60-х	–

Тема истории дореволюционной российской социологии была важнейшей в творчестве И.А. Голосенко. Но время показало, что многие из представителей третьего поколения в то или иное время или в отдельных своих работах обращались к истории социологии. Так, Ф.Э. Шереги во второй половине 70-х был обстоятельно изучен методический аппарат российской прикладной социологии 20-х годов. В ряде работ Ю.Н. Толстой рассматриваются вопросы истории применения математических методов в российской социологии. История социологических исследований семьи и сексуального поведения в России анализировалась С.И.Голодом., прошлое опросов общественного мнения – Е.С.Петренко.

Здесь мне хочется прежде всего остановиться на вхождении в социологию А.Б.Гофмана и Л.Г.Ионина, для которых история социологии на протяжении многих лет была главной или одной из главных тем их научных поисков.

Биографический сюжет № 89. А.Б.Гофман

Начну со слов И.С. Кона: «Более серьезного и добросовестного человека, чем Гофман, я в жизни не встречал. Очень скоро он стал лучшим в стране специалистом не только по дюркгеймовской школе, но и по всей французской социологии. <...> Его «Семь лекций по истории социологии» выдержали с 1995 по 2006 г. восемь изданий, профессиональное социологическое сообщество и, что не менее важно, студенты, считают эту книгу одной из лучших, а то и лучшей книгой по истории социологии» [17, С. 219].

Приведенные выше данные о родительской семье Гофмана показывают, что его интерес к общественным наукам не мог быть связан с семейными традициями. Сам он объясняет свое желание заниматься философскими науками следующим образом:

Никто и ничто не подталкивало к этому, во всяком случае *снаружи*. Все мои друзья поступали в технические вузы и стали инженерами, и я, поступая на гуманитарный факультет, был белой вороной. <...> Так что социальная среда, влияние которой нам, как социологам, так хочется видеть, если и толкала меня куда-то, то совсем в другую сторону. Впрочем, если как следует поискать, то, конечно, можно найти и влияние среды. Но, вероятно, были некие *внутренние* стимулы сделанного мной выбора. В средней школе, которую я окончил с серебряной медалью, у меня проявлялись склонности к гуманитарному знанию, к языкам и т. п. Мне кажется, что в детстве у меня было очень развито воображение <...> Будучи в детстве и юности усердным читателем газет и веря тому, что в них писали, я, видимо, стал приверженцем какой-то формы социального и гуманистического идеализма. Может быть, все это сказалось при выборе жизненного и профессионального пути [18, С. 11].

В 1963 г., после окончания школы он поступил в Герценовский институт в Ленинграде, на исторический факультет. Хотел учиться на философском факультете в ЛГУ, но его не допустили к экзаменам, не хватало пяти месяцев рабочего стажа.

Социологии в Герценовском тогда еще не было, но Гофман с самого начала обучения самостоятельно занимался философией, философией истории и социологией. Со второго курса у него был индивидуальный план со «свободным расписанием».

ем»: он ходил только на те лекции, которые считал нужными, посещал только семинары и французский язык. Он обучался в специальной группе, где готовили преподавателей истории на иностранном языке, в начале года его туда не приняли по причине «пятого пункта», но потом все же перевели в эту группу, «обменяв» на парня, которому этот французский был не нужен и которого туда ранее силком затащили. По мнению Гофмана, в школе и позже судьба посылала ему прекрасных учителей. Среди институтских учителей он, прежде всего, называет Э.В. Соколова. Другим его учителем в студенческие годы был И. С. Кон, который позже стал его научным руководителем в аспирантуре. И еще одним своим учителем он называет Ю.А. Леваду.

В 1974 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию по французской социологии. Через два десятилетия была подготовлена и успешно защищена докторская диссертация по социологии моды [19].

Биографический сюжет № 90. Л.Г. Ионин

Л.Г. Ионин закончил философский факультет МГУ в 1970 г. и поступил в аспирантуру Института социологических исследований РАН, и в этом статусе был направлен в отдел, которым руководил И.С. Кон. Ионин так характеризует влияние Кона на его профессиональное становление:

...Что же касается исследовательских приоритетов в более узком смысле, то здесь я могу ответить точно, что повлияло, точнее, кто повлиял. Заведующим отделом, к которому я был приписан как аспирант в Институте социологии, был И.С. Кон. Когда речь зашла о выборе темы для моей диссертации, он сказал, что есть такой интересный исследователь в Америке – Г. Гарфинкель, который изобрел этнометодологию, но о котором у нас, можно сказать, никто не знает. Я стал читать Гарфинкеля, и начала разматываться ниточка в обратном направлении – сначала А. Шюц, потом Гуссерль, потом философия жизни и герменевтика (т. е. прежде всего Дильтей) и т. д. Потом немножко в другую сторону – Кули, Джордж Мид, интеракционисты. В таком соседстве естественным образом возникли Зиммель и Макс Вебер. В общем, Игорь Семенович, хотя он этого наверняка не помнит, дал очень ценный совет, и, если взглянуть на то, о чем я писал, можно сказать, что я всю жизнь ему слеую. Тематически слеую, хотя в методологическом смысле вижу все совсем не так, как И.С. Кон [20, С. 3].

Кандидатская и докторская диссертации Ионина фокусировались на исследовании истории и методологии понимающей, антипозитивитской социологии, на рассмотрении важнейших положений социокультурного анализа.

Биографический сюжет № 91. Я.С. Капелюш

В Томе 3 настоящей книги приведен обстоятельный материал о жизни и работе Я.С. Капелюша [21], сейчас приведу лишь ряд положений этой статьи.

Капелюш – один из первых социологов третьего поколения, кто начал и на протяжении всей жизни занимался прикладными, в те годы говорили – теоретико-эмпирическими, исследованиями. Его друг, А.И. Пригожин писал в своих воспоминаниях, что семья у Капелюша была, что называется, из рабочих: мама – мастер или бригадир на стройке, а отец – бухгалтер на каком-то заводе. Поэтому большого семейного образования он получить не мог. Классическая философия давалась Капелюшу с трудом и большого интереса не вызывала, но прикладные социальные теории занимали его сильно. Подобно многим студентам-философам того времени он был стихийным коммунистом и разделял идеалы всеобщей и повсеместной демократии и централизованного планирования. И это во многом объясняет, почему главной научной темой Капелюша всю жизнь была выборность руководителей.

Опрос о выборности на производстве был проведен Капелюшем под руководством Б.А. Грушина в январе 1967 года, изучалось мнение рабочих промышленных предприятий и строительства, группы «рабочей аристократии»: рабочий-депутат Верховного Совета СССР и 34 рабочих, являвшихся депутатами городских Советов. Кроме того были опрошены почти сто журналистов и ученых, среди которых были экономисты, философы и социологи. Таким образом, выборкой были охвачены представители важнейших групп, мнение которых по исследовавшейся проблеме могло расцениваться как компетентное. Диссертация по проблемам выборности была написана Капелюшем в 1968 году, а защита состоялась лишь пять лет спустя. Его книга «Общественное мнение о выборности на производстве», вышла из печати, но тираж был почти полностью уничтожен [22].

Биографический сюжет № 92. М.Е. Позднякова

В силу тяжелого материального положения семьи, после седьмого класса Позднякова поступила в полиграфический техникум и окончила его в 1958 г. [23]. Ее погибший на войне отец, который учился в биологической аспирантуре МГУ, очень хотел, чтобы его дочери пошли по его стопам, но после разгрома ВАСХНИЛ в 1948 г. и «дела врачей» путь в биологию ей был закрыт. Она любила историю, литературу и в 1961 г. поступила на исторический факультет МГУ. Денег на жизнь не

хватало, пришлось перевестись на вечернее отделение. Однако, понимая, что в ее условиях учиться шесть лет – это слишком долго, закончила обучение на год раньше положенного. Ей предлагали аспирантуру, но по семейным обстоятельствам это предложение ею принято не было.

В конце 60-х она стала работать в ИС АН СССР, сначала секретарем в аспирантуре, потом в 1967 г. в секторе социального прогнозирования, которым руководил И. В. Бестужев-Лада. При поступлении в Институт у Поздняковой, по ее замечанию, были смутные представления о социологии, но, оказавшись в сильной команде молодых ученых, она довольно быстро втянулась в только складывавшееся тогда направление социологии – социальное прогнозирование.

В те годы многие были увлечены математическими методами, поняв, что ей не хватает элементарных знаний в статистике, она договорилась с В.Э. Шляпентохом и прослушала его курс в МГУ. Самостоятельная подготовка и этот курс позволили ей применить регрессионный анализ при изучении бюджетов времени и в 1978 г. защитить диссертацию по теме «Построение исходной модели при прогнозировании быта. (Методологические проблемы)».

Биографический сюжет № 93. Т.3. Протасенко

Протасенко еще в школе освоила профессию стенографистки и в 1964 г. стала работать в деканате философского факультета ЛГУ, затем поступила на вечернее отделение этого факультета [24]. Первый курс был закончен ею прилично, и при поддержке С.Н.Иконниковой она перевелась на дневное отделение, согласившись при этом помогать в стенографировании девушке, пришедшей на ее место (замечу, это была Валентина Узунова, ставшая позже признанным специалистом в области социально-этнических проблем). Так, вместе они стенографировали защиту докторских диссертаций В.А. Ядова, Л.Н. Столовича и других известных философов и психологов.

Весной 1967 г. Протасенко стенографировала Общеуниверситетскую перевыборную комсомольскую конференцию. Объем работы был огромный, и в качестве поощрения ей предложили поехать в группе социологов ЦК ВЛКСМ в Югославию. Руководителем был В. Т. Лисовский. В составе группы поехали С.И. Голод, А.В. Баранов, Л.С. Бляхман и несколько студентов факультета. Эту поездку Протасенко считает судьбоносной; благодаря Баранову, она начала осваивать социологию. В Белграде он взял ее на встречу в университет, и она навсегда

заинтересовалась социологией города. В 1970 г. ею был защищен диплом на тему: «Социологические проблемы планировки городов».

Специализация, по которой она училась, называлась «истмат-социология», но социологических материалов им давалось немного, гораздо большее влияние на нее оказала работа в библиотеках. Тогда довольно свободно давали разрешения на посещение спецхранов в Публичной библиотеке и в библиотеке АН СССР. Там она прочла многое по социологии – как современной, так и начала 20-го века.

После завершения образования преподавать марксистско-ленинскую философию Протасенко не захотела, и тогда Баранов предложил ей продолжить заниматься социологией города в аспирантуре сектора, возглавлявшегося О.И. Шкаратаном. Осенью того же года она сдала экзамены в Институте конкретных социальных исследований АН СССР, и с января 1971 г. под руководством Шкаратана стала работать над диссертацией по теме: «Социальные факторы дифференциации потребления в городе». В силу ряда причин диссертация не была завершена, но эта тематика надолго осталась в поле зрения Протасенко.

Биографический сюжет № 94. Р.С. Могилевский

Р.С.Могилевский принадлежит к старшей части третьего поколения социологов. Возможно поэтому в его движении в социологию обнаруживаются элементы ситуаций, знакомых нам по воспоминаниям ученых и второй, и третьей профессиональных когорт.

Закончил школу в пригороде Ленинграда, городе Пушкине, проработал два года электромонтером и поступил на юридический факультет ЛГУ. Затем по распределению Могилевский прослужил три года в Следственном управлении МВД (в Ленинграде). Середина 1960-х, в Ленинграде разворачивает свои исследования Институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ) при ЛГУ, директором которого в то время был В.Я. Ельмеев. В Институте быстро сформировалась группа ученых с юридическим образованием, которая занялась изучением комплекса проблем, лежавших области пересечения социологии и криминологии. Благодаря помощи друзей, Могилевский был принят на работу в НИИКСИ, и в течение следующих 22 лет им было многое сделано в разных направлениях социологии. В частности, он выделил: анализ взаимодействия правовых норм с социальной реальностью, изучение социальной эффективности права, исследование дисциплины труда как комплексной социально-обусловленной проблемы. В 1984 году

он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Социологические проблемы социалистической дисциплины труда [25].

В заключительной части этой главы будут названы еще несколько имен социологов второго поколения, принадлежащих к группе, условно названной «философы».

«Филологи»

Еще одна заметная часть социологов второго поколения двигалась в социологию «от слова»: из филологии и журналистики, и в этом просматривается намечавшееся во второй половине 60-х стремление к расширению методологии и методического арсенала советской социологии. Верхние пласты позитивистской парадигматики, а также принципы и простейшие схемы «жесткой», или «твердой», социологии были освоены первым поколением социологов. Но предстояло познавать и возможности мягкой, феноменологической социологии. В решении этой задачи могли быть полезными исследователи с филологическим образованием, способные слышать и чувствовать языковую реальность. В этом движении советской социологии можно обнаружить первые шаги к полипарадигмальности, ибо обращение к феноменологическим теориям фактически означало расширение философско-методологической базы социологии.

Была еще одна причина для «призыва» филологов, это – расширявшиеся контакты советских социологов с Западом. Время показало, что, входя в социологию, филологи, лингвисты, журналисты достаточно быстро находили ниши для собственных теоретико-методологических и теоретико-эмпирических исследований.

В основном информационном массиве – лишь два человека, в «чистом» виде относящихся к группе «филологов» (Таблица 3). Однако напомним, все рассматриваемые здесь типологии являются достаточно «мягкими», и некоторых из тех, с кем я проводил интервью или о ком писал биографические статьи, могут быть включены одновременно в разные типологические образования.

Биографический сюжет № 95. В.М. Воронков

Мать В.М. Воронкова была успешной журналисткой, и он с юности увлекался потреблением культуры и писанием стихов. Обучаясь на экономическом факультете, изучая статистику и демографию, он одновременно регулярно писал для газет и журналов, том числе в научно-популярном жанре. Уже став экономистом, он на студенческих семинарах у филологов

и журналистов обсуждал самиздат и возбуждал дискуссии о культуре. В Иркутске он дружил с литературным критиком Евгением Раппопортом, который ввел его в иркутскую литературную тусовку, в которой были известные профессиональные писатели и поэты. В то время, отмечает Воронков: «... культура в сфере моих интересов постепенно оставила науку далеко позади (та наука, которой мне предложили заниматься в академических институтах, была скучна и неприлична)» [16, С. 612].

Биографический сюжет № 96. Д.Л. Константиновский

Выше я отмечал, что отец Д.Л.Константиновского, многие годы отдавший журналистике, советовал сыну сначала получить нормальную профессию, а потом выбрать, что делать. Константиновский поступал на журналистский факультет МГУ, но ушел с экзамена, поняв, что там ему делать нечего. Он поступил и успешно закончил Челябинский политехнический институт, но при этом занимался журналистикой, писал стихи. Позже печатался в «Литературной газете», ездил от нее в качестве корреспондента, работал для многотиражки Академгородка. В 1964 году он стал членом Союза писателей, в середине 70-х в издательстве «Советский писатель» у него вышел роман «...Следовательно, существую». Так что литературная деятельность Константиновского началась до его встречи с В.Н. Шубкиным, который призвал его в социологию, и продолжается уже многие годы. Шубкин убедил Константиновского попробовать применить известные ему приемы анализа динамических рядов для построения моделей в области профессиональной ориентации школьников, но именно журналистика и писательство сделали Константиновского инженера-физика социологом [9].

Таблица 3

Опорные точки профессионального движения представителей третьего поколения, относящихся к группе «филологи»

	Даты жизни	Годы прихода в социологию	Год защиты канд/докт дис.
Божков Олег Борисович	1941	середина 60-х	–
Голофаст Валерий Борисович	1941- 2004	конец 60-х	1972/-

Анализ профессионального состава третьего поколения социологов начался с рассматривания прихода в социологию людей с математическим образованием, поэтому и сейчас начну с изложения пути в социологию В.Б.Голофаства (в Томе 3 настоящего издания приводится очерк о жизни В.Б. Голофаства), безусловно – «филолога», но до того, изучавшего математические и технические дисциплины.

Биографический сюжет № 97. В.Б. Голофаств

Валерий Борисович Голофаств после окончания седьмого класса поступал в летное училище, но не прошел медкомиссию. После школы он проработал три года на мебельном комбинате, слесарем на металлургическом заводе и проучился два курса на вечернем факультете Металлургического института. В 1960 г. он начал учиться на французском отделении филологического факультета ЛГУ [26].

Голофаств рано начал писать стихи и недолго входил в группу молодых поэтов, собиравшихся в ленинградском «Сайгоне». Его движение в социологию схематично можно описать так: поэзия, постепенно приобретающая философичность, – филология – философия – социология. Причем социология, не «господствовавшая» в то время в СССР. Вот слова из некролога, написанного В.А. Ядовым: «Валерий Голофаств вошел в нашу команду, имея за плечами филологическое образование. Поэтому не случайно феноменологический подход к социальным проблемам был ему близок. Именно это имело неопределимое значение в сообществе “жестких позитивистов”» [27]. Действительно, приверженность Голофаства к «понимающей» социологии и проделанная им в юности и ранней молодости работа со словом, его причастность к андеграундной «сайгонской» культуре, с одной стороны, затрудняли принятие им доминировавшего тогда идеологизированного языка советской социологии, с другой – препятствовали принятию его риторики структурами, определявшими, что можно публиковать, а что – нельзя. В 1970–1990-е в социологии всем было сложно публиковаться, но «отягощенному» поэтическим опытом Голофаству это было сложнее, чем другим.

Его социологическая карьера началась в конце 60-х в коллективе, возглавлявшемся А.Г. Харчевым и занимавшемся социологией семьи. Брала его туда, учитывая его знание ряда европейских языков; было понятно, что он сможет успешно изучить достижения западных ученых в этой области науки. Защищенная им в 1972 г. кандидатская диссертация была посвящена анализу американской семьи.

Биографический сюжет № 98. О.Б. Божков

В седьмом классе из-за конфликта с преподавателем русского языка Божкова оставили на второй год. Он перешел в 8-й класс в другую школу, но через два года бросил ее и пошел работать. Стал собирать детские велосипеды и санки. За час до обеда ему давали деньги, говорили: «Дуй за пузырем». Там была кухня с большой плитой, варили нормальный обед. Обедать без водки не садились, и он начал пить вместе со всеми. Узнав это, мать устроила его на свой завод. Когда работать совсем не хотелось, у него находились общественные дела. Он занимался в ЛИТО, писал стихи, состоял в драматическом кружке. Через ЛИТО приобщился к комсомолу, стал членом цехового комитета, а потом и заводского. Пошел учиться в вечернюю школу, окончил ее осенью 1960 г.. Экзамены в институтах уже закончились, и в следующем году он поступил на отделение журналистики филологического факультета ЛГУ.

Публиковать стихи Божков начал рано, еще в пионерской газете «Ленинские искры». В 8-м классе со старшеклассниками выпускал журнал «Мысль и слово», в котором половина номера была посвящена философии. Для заводской газеты готовил репортажи о комсомольских делах, писал стихи. После перехода на заочное отделение журфака начал сотрудничать с областной молодежной газетой «Смена», а потом и с главной газетой города – «Ленинградской правдой». В отделе информации вел тему коммунального хозяйства и местной промышленности.

Затем устроился литсотрудником в многотиражку известно-го в те годы в Союзе объединения «Светлана». Одновременно, недалеко от дома он нашел работу сторожа во вневедомственной охране предприятия. На «Светлане» он проработал шесть лет, до окончания университета.

Его диплом назывался «Газета и ее читатели», по сути это были программа и результаты социологического исследования. Он начал готовить его в 1965 г., а защитил работу в 1969 г.. Его интересовало восприятие читателями газетного материала, их информационные потребности, удовлетворенность газетой. Выборка репрезентировала работников объединения, не только подписчиков газеты. Был опрос и анализ газетных публикаций. Социология на факультете журналистики все еще была буржуазной лженаукой, и никто не соглашался быть оппонентом. Фактическим руководителем этой работы Божкова был А.Н. Алексеев, а формальным – Б.С. Смирнов, руководитель диссертационного исследования Алексева.

Писать для прессы что-либо острое, дельное становилось все сложнее, и, почувствовав вкус к изучению средств массовой

информации, Божков стал работать в исследовательском отделе факультета общественных наук в Политехническом институте, где под руководством Г.И.Хмары именно эта тематика и разрабатывалась [28].

* * *

По моему мнению, приведенные краткие описания вхождения в науку 19 представителей третьего поколения социологов (более основательно жизненные пути этих ученых отражены в интервью, собранных в Томе 2) убедительно иллюстрируют утверждение о том, что эта профессиональная когорта формировалась не самостоятельно, но прежде всего социологами двух первых поколений. Так, Э.В. Беляев, Л.Е. Кесельман, Г.И. Саганенко, Е.Э. Смирнова начинали свою карьеру под руководством В.А.Ядова, В.Б.Голофаст проходил первичное обучение у А.Г.Харчева, автор этой книги – у А.Г. Здравомыслова и Б.М.Фирсова, Д.Л. Константиновский – у В.Н.Шубкина, Е.С.Петренко и Ф.Э. Шереги – у В.Э.Шляпентоха, Я.С. Капелюш – у Б.А.Грушина. Темы диссертационных исследований Беляева, А.Б.Гофмана, Л.Г. Ионина были предложены И.С. Коном. Г.И. Хмара и А.Н.Алексеев консультировали О.Б. Божкова, А.В.Баранов был первым наставником Т.З.Протасенко. У И.И Травина учителей социологии не было, но в понимании многих вопросов ему помог И.В. Бестужев-Лада. Толстова пришла в социологию после завершения аспирантуры по математической логике в МГУ, азы новой науки она осваивала по книгам и в беседах с коллегами-ровесниками, но отмечает, что в решении теоретических вопросов, которые стояли перед ней, существенную роль сыграло общение с В.А.Ядовым.

Молодые специалисты помогали своим тогда молодым руководителям в сборе первичного материала и его начальной обработке, в переводах Западной литературы, в проработке различных теоретико-методологических проблем, в составлении бесконечного числа аналитических таблиц, часто выполняли лаборантские обязанности. Работа начинающих социологов развивалась в русле тем, разрабатывавшихся их руководителями, однако деятельность каждого носила творческий характер и во многом была самостоятельной.

Кроме биографий 19 социологов третьего поколения, вошедших в *Основной массив*, были рассмотрены и дороги, которые привели в социологию еще 11 ученых, также сгруппированных в три подгруппы: «математики», «философы» и «филологи».

Таблица 4

**Опорные точки профессионального движения представителей
третьего поколения 11 человек**

	Даты жизни	Годы прихода в социологию	Год защиты канд/докт дис.
«Математики»			
Готлиб Анна Семеновна	1945	1970	1990/2005
Силин Анатолий Николаевич	1946	начало 70-х	1984/1990
Чесноков Сергей Валерианович	1943	1969	1969/-
«Философы»			
Бороноев Асалхан Ользонович	1937	середина 60-х	1969/1980
Голенкова Зинаида Тихоновна	1939	середина 60-х	1974/1980
Голод Сергей Исаевич	1935	начало 60-х	1970/1987
Голосенко Игорь Анатольевич	1938–2001	середина 60-х	1967/1980
«Филологи»			
Башкирова Елена Ивановна	1946	1969	1981/-
Гудков Лев Дмитриевич	1946	1970	1978/1995
Дубин Борис Владимирович	1946	начало 70-х	-
Левинсон Алексей Георгиевич	1944	середина 60-х	1980/-

Основная часть этих социологов получили образование и работали (большинство продолжает работу) в Москве (Е.И.Башкирова, З.Т. Голенкова, Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, А.Г. Левинсон и С.В. Чесноков) и в Ленинграде / Петербурге (А.О.Бороноев, С.И.Голод и И.А. Голосенко), но двое – представляют другие социологические центры. А.С. Готлиб – Самара и А.Н. Силин – Тюмень. Безусловно, вхождение в соци-

ологию этих двух исследователей отличается от траекторий движения их коллег из столичных городов, но в целом, изучение биографий ученых, имена которых собраны в Таблице 4, подтверждают факты и выводы, обнаруженные при изучении *Основного массива*.

В интервью с О.Б. Божковым я задал ему такой вопрос: «Нашу генерацию я называю “призванной помогать”, вспомни, тогда активно призывали математиков, лингвистов, философов. К моменту, когда мы немного накопили опыт, власти начали “прикрывать” социологию, во всяком случае, карьерные лифты были почти отключены. Согласен ли ты с тем, что наше поколение можно назвать “призванное помогать”? Вот его ответ: «Мне это название кажется очень уж искусственным. Дело в том, что мы (наше поколение) не столько помогали, сколько искали себя и, кажется (а теперь уже и не кажется), нашли. Если первые два поколения только наметили тропинку, то мы её протаптывали и сделали похожей на дорогу. И следующие поколения уже шагали более спокойно и более уверенно» [29, С. 5].

Безусловно, каждый входящий в науку как и в целом новое поколение исследователей ищет себя, старается предложить новые взгляды на старую проблематику и открыть новые темы, совершенствовать старые методы и разработать новые и т.д. С этими словами Божкова трудно спорить. Но сейчас я не «замахиваюсь» на анализ сделанного тем или иным поколением (хотя не соглашусь с ним в том, что «первые два поколения только наметили тропинку», они очертили общие границы современной российской социологии), а говорю о его генезисе, механизмах рекрутирования. Все почти тридцать социологов, биографии которых рассматривались в этом разделе, начинали работу в уже сложившихся научных командах, и их приглашали – такова логика развития научных коллективов – не для того, чтобы они сразу начинали «искать себя». Сначала от них ожидалась помощь тем, кто уже имел опыт социологических исследований.

Литература

1. Беляев Э.В.: «Естественно-научные и социальные интересы – определяющая черта моей личности» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 3. С. 2–11; см. также Том 2, С. 572–599.
2. Беляев Э.В. Проблемы социологического измерения // Вопросы философии. 1967. № 7. С. 22–33 <<http://sysres.isa.ru/vf-s/docs/67-7-22.pdf>>.

3. Саганенко Г.И.: «Дороги хватит на всех» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 5. С. 2–14; см. также Том 2, С. 878–914.
4. Саганенко Г.И. Измерение уровня надежности исходной информации в социологическом исследовании. Опыт разработки основных процедур. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филос. наук. М.: ИСИ АН СССР, 1974.
5. Саганенко Г.И. Уровни эмпирической доказательности в социологии: Дис. На соиск. Учен. Степ. Д-ра социолог. Наук в форме научно-го докл. ИС АН СССР. М.: 1991.
6. Петренко Е.: «Социологический поворот в моей профессиональной жизни носил несколько мистический характер...» // Социальная реальность. 2007. №2. С. 79 – 95; см. также Том 2, С. 817–842.
7. Петренко Е.С. Проблемы проектирования выборочных социологических исследований. (На примере описания больших городов РСФСР). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филос. наук. М.: ИСИ АН СССР, 1973.
8. Шереги Ф.Э.: «Тогда я и пришел к выводу: СССР стоит перед распадом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 5. С. 5–14; см. также Том 2, С. 1000–1026.
9. Константиновский Д.Л.: «Такие вот динамические ряды...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 4. С. 2–13; см. также Том 2, С. 725–758.
10. Толстова Ю.Н.: «Некорректно говорить о том, что математика “прикладывается” к социологии». Том 2, С. 942–971.
11. Смирнова Е. Э.: «...По профессиональной части претензий не было, но инкриминировалось распечатывание гороскопов» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. №1. С. 2–10; см. также Том 2, С. 915–941.
12. Панова Л.В.: «Самые интересные мысли были упакованы в многослойную обертку партийных документов» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 4. С. 2–9; см. также Том 2, С. 796–816.
13. Травин И. И.: «В социологию я пришел совершенно сознательно» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 1. С. 2–11; см. также Том 2, С. 972–999.
14. Кесельман Л.Е.: «...Случайно у меня оказался блокнот “в клеточку”...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №5. С. 2–13; см. также Том 2, С. 688–724.
15. Докторов Б. Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 6. С. 8–13.
16. Воронков В.М.: «Я осознал себя социологом в возрасте 43 лет» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 6. С. 2–6; см. также Том 2, С. 609–620.
17. Кон И.С. 80 лет одиночества. – М.: Время, 2008.

18. Гофман А.Б.: «Социальная реальность ... – это сфера свободы» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 2. С. 2–13; см. также Том 2, С. 621–653.
19. Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д. социол. н. М.: ИС РАН, 1994.
20. Ионин Л.Г.: «Надо соглашаться с собственным выбором» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 3. С. 2–14; см. также Том 2, С. 654–687.
21. Докторов Б.З. Яков Капелюш. Эмпирическая социология в стране начиналась с таких людей; см. также Том 3, С. 148–158.
22. Капелюш Я. Общественное мнение о выборности на производстве // Под ред. Б.А. Грушина. Информационный бюллетень № 39 (54). М.: Научный Совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований, 1969.
23. Интервью с М.Е. Поздняковой. Архив Б.З. Докторова.
24. Протасенко Т.З.: «Становление меня как социолога шло зигзагами» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 2. С. 2–13; см. также Том 2, С. 878–914.
25. Могилевский Р.С.: «Я бы назвал себя социологом–консультантом...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 2. С. 2–13; см. также Том 2, С. 759–795.
26. Докторов Б. Валерий Голофаст. Независимый ум // Социальная реальность. 2008. № 3. С. 67 – 82; см. также Том 3, С. 125–147.
27. Ядов В.А. Валерий не скупился на разбрасывание идей. 2004 <http://www.pseudology.org/Golofast/Golofast_Yadov.htm>.
28. Божков О.Б.: «...Горизонт раздвинулся и стал намного шире» // Социологический журнал. 2004. №.1–2. С. 159–183.
29. Божков О.Б.: «Каким я был, таким остался» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 4. С. 2–5; см. также Том 2, С. 600–608.

ГЛАВА 8

ИХ СПАСЛА ПЕРЕСТРОЙКА

Понятно, почему и в книге о российской социологии, вышедшей под редакцией В.А.Ядова в конце 90-х, и в коллекции биографических материалов, собранных под руководством Г.С. Батыгина, и в монографии по истории отечественной социологии Б.М. Фирсова, и в биографических интервью, опубликованных в социологических журналах, представлены – за редчайшим исключением – лишь истории жизни и деятельности социологов первого и, много реже, второго поколений. Во-первых, к рубежу веков с их именами были связаны основные достижения советской социологии, и они были главными участниками всех важнейших событий, в происходивших в нашем профессиональном сообществе. Соответственно, они были – и остаются – главными акторами историко-социологических исследований, затрагивающих вторую половину прошлого столетия.

Во-вторых, путь в социологию и деятельность тех, кто составляет третье поколение еще не представлялись оформившимися и не попадали в рамки науковедческого анализа. Тем более сказанное относится к следующей профессионально-возрастной группе. В-третьих, предметно-объектные характеристики любой тематики расширяются крайне медленно, и историко-науковедческая область – не исключение. Должно было многое произойти как внутри российского социологического сообщества, так и в методологии изучения прошлого-настоящего-будущего, чтобы эта традиция была нарушена и жизненные траектории третьего-четвертого поколения оказались частью историко-науковедческого изучения. Замечу, что методология исследований прошлого, в значительной мере опирающихся на биографический материал, предполагает и включение в разработку биографий представителей пятого поколения постхрущевской социологии. Образующие его, согласно изложенной выше лестнице поколений, родились в интервале от 1959 до 1970 гг., таким образом, старшие в этой общности уже отметили свой полувековой юбилей, а младшие – «разменяли» пятый десяток. Однако организационные причины не позволили мне опросить кого-либо из них.

Четвертое поколение выше условно было обозначено «детьми первого поколения социологов», и не потому, что среди них уже могли быть и есть дети тех, кто начинал развивать социологию в СССР, но таково соотношение возрастов представителей этих групп. И как в любой подвижной общественной системе родители и дети входят в мир в разных социальных обстоятельствах и устраивают свою жизнь по-разному, в мире науки, в частности – в социологии, должна наблюдаться эта закономерность. Для историко-биографического исследования признание этого обстоятельства становится импульсом к выявлению этих различий.

Название настоящего раздела кратко итожит важнейшие положения сравнительного анализа деятельности первых трех поколений социологов и четвертого. Перестройка определила оригинальность этой младшей в проводимом анализе плеяды социологов. Если бы не принципиальные политические, идеологические, социально-экономические изменения, произошедшие в тот период, то профессиональная жизнь четвертого поколения складывалась бы принципиально иначе: концептуальный аппарат, предметно-объектное поле их исследований, арсенал методов и прочие аспекты их профессиональной деятельности были бы, прежде всего, продолжением освоенного их старшими коллегами. Во всем этом было бы мало новизны.

Есть один существенный момент в изучении деятельности социологов четвертого поколения; он почти очевиден, но мне не встречалось его обсуждение в отечественной науковедческой литературе. Если обратить внимание на творческую и общественную активность представителей первого и второго поколений социологов и учесть, что младшим из них уже свыше 75 лет, а старшим – более 80, и допустить, что подобная включенность в дело и подобное небезразличие к вопросам развития профессионального сообщества будут присущи и ученым четвертого поколения, то становятся яснее некоторые черты движения российской социологии в следующие десятилетия. Ведь в 2030-е – 2040-е годы определенная часть рассматриваемого поколения еще будет проводить исследования, преподавать, формировать отношение к прошлому, в том числе – к достижениям тех, кто создавал постхрущевскую советскую социологию. Многие во всех нишах социологии того периода, кажущегося сейчас весьма далеким, будет задаваться ими и их учениками. Фактически, четвертое поколение – последнее, представители которого являются одновременно и советскими, и российскими социологами. Следующие – будут «чисто» российскими.

Перестройка открыла перед ними перспективу

М.А. Тарусин, интервью с которым проходило в 2007 г., оказалось первым, в котором моим респондентом стал представитель четвертого поколения советских/российских социологов. Мы познакомились в конце 1980-х, вместе работали во Всесоюзном (позже – Всероссийском) центре общественного мнения, но в начале 90-х я уехал из России, и к моменту начала нашей беседы мы полтора десятилетия не виделись. Мне казалось, что этот факт и наше заметное различие в возрасте помешают общению, но этого не произошло. Сложная, явно не линейная траектория карьеры Тарусина отчасти была отражена в его словах: «Мы формировались во времена отрицания». Проиллюстрирую сказанное.

Биографический сюжет № 99. М.А. Тарусин

Самиздат, прежде всего поэтический, стал появляться в середине 1950-х гг., но распространение и чтение его было крайне рискованным. В 70-е годы этого типа литература, особенно в Москве и Ленинграде, уже была не редкостью, потому было естественным спросить Тарусина читал ли он самиздат,

обсуждали ли они «голоса». Его ответ был достаточно развернутым:

Светлые и романтические шестидесятые сменились мрачноватыми и какими-то тухловатыми семидесятыми. Мы выросли, и вместе со всей интеллигенцией переместились на кухни. Табуретки, портвейн, крепкий чай и сигаретный дым – вот декорации того времени. Самиздат гулял по рукам сокровищем, золотыми слитками, часто слепой текст – пятая копия на машинке – давали на одну ночь. Но у нас скоро появились ксероксные варианты, наша квартира стала центром, откуда «срамиздат», как его назвал Зиновьев, растекался по Москве. Авторханов, Солженицын, Шаламов – это все были наши учителя, и слова их ложились на подготовленную почву – уж как-то резко в стране потушили свет 60-х, и теперь только настольная лампа освещала страницы правды, отпечатанной на ксероксе.

А самое трагичное было в том, что в 70-е мы думали, что советская власть – это еще лет на двести минимум, и осознание того, что вот так ты в этой фальши и официальной идеологической злобе и проживешь всю жизнь, было мучительно. Я тогда и не представлял, что можно будет спрашивать людей о многом – и они будут открыто, не боясь, говорить то, что думают. Это казалось совершенно нереальным. Книги о современной западной социологии, попадавшие случайно, были как манна небесная и оставляли чувство зависти и досады [1, С. 59].

Уже на первом курсе философского факультета сложилась четверка друзей, в которую входил и Тарусин, они называли себя «поручиками». Как не вспомнить приведенное выше замечание Мамардашвили о том, что их братство диастанкуров возникло по гусарским канонам? Исходно «поручики» имели разные философские воззрения. У одного были идеи модернизации «развитого социалистического общества», другой считал необходимым, прежде всего, разобраться с самим марксизмом, который, может и был неплохой экономической теорией для своего времени, но к тому моменту не был «всесилен» и далеко не факт, что «верен». Третий полагал, что если бы система расширила рамки своей идеологии, то, возможно, была бы удобоваримой. Тарусин стоял на самых жестких позициях, считая, что не имеет оправдания власть, планомерно уничтожавшая собственный народ, и отказывал ей в легитимности. Под влиянием дискуссий позиции друзей менялись, и к четвертому курсу все они окончательно утвердились в мысли, что советская власть – зло и Божья кара. Но именно поэтому они не считали целесообразным идти против нее с дреколем – не против же Божьей воли идти?

Я сказал Тарусину, что за три десятилетия до их четверки на том же факультете МГУ существовала группа диастанкуров, и они, несмотря на «крутые времена», отталкиваясь от

ортодоксального марксизма, смогли найти свои пути в науке. И спросил: «Что им мешало?». Его ответ, представляется характерным для значительной группы молодежи тех лет, стремившейся понять и марксизм, и социализм:

... параллель твоя интересна – наши учителя отталкивались от ортодоксального марксизма, то есть имели неплохую пружину. Мы же, отринув марксизм изначально, отталкивались от пустоты, поскольку знали только, как не надо. Видимо, 60-е годы, при всей наивности платформы «исправленного» марксизма, были все же утверждающим временем. Мы формировались во времена отрицания. Но отрицание не может быть продуктивным, в нем нет цели, нет опоры, нет смысла. Конец 70-х был периодом некоего окостенения, но живая университетская атмосфера позволяла выживать. Когда же университет закончился, мы окунулись в безвременье, которое особенно тяжело людям амбициозным и эмоциональным [1, С. 78].

Биографический сюжет № 100. Е.А. Здравомыслова

То же настроение присутствует в воспоминаниях о конце 70-х – начале 80-х у Е.А. Здравомысловой, она тогда начала работу в ленинградском Институте социально-экономических проблем АН СССР в должности младшего научного сотрудника сектора социально-экономических проблем труда. Дело было так:

Работа была никакая – мы все это знаем. Социология эта была странная. Я даже писала когда-то об этом. Раз в полгода – аврал – производство отчетов. За все время работы один массовый заводской опрос, в котором я принимала участие как интервьюер (1978 г.). Он меня полностью разочаровал в эмпирической социологии. Рабочих на заводе «Русский дизель» в обеденный перерыв загнали в красный уголок, где они со смешками заполняли многостраничную анкету «Ваш труд и быт» из серии «все про все»... При заполнение присутствовал парторг... Когда я попыталась индивидуально кого-то проинтервьюировать у станка, мне поставили на вид координаторы поля. Потом я несколько раз была свидетелем того, как интервьюеры сами заполняли анкеты за респондентов (no comment)... На работе регулярно праздновали дни рождения, престольные праздники. Новичок должен был проставить коллективу.... При этом соблюдалась трудовая дисциплина на вход – в 9.15 и на выход 18.15 (не считая библиотечных дней). Анекдот, да и только! Но народ до чего же культурный!!! Филармония, игра «в балду» и «в слова», стихи наизусть, сочинение стихов на случай, распространение самиздата, очереди на кинофестивали, добровольная народная дружина, овощебаза и колхоз, вязание, кофе, общество книголюбов, шуры и муры... В общем, живая формально не регламентированная жизнь сообщества «на рабочем месте» во вполне публичном пространстве в контексте советского застоя [2, С. 11].

В те годы и я работал в том же институте. Собственно научно-организационная деятельность в разных секторах была поставлена по-разному, но что касается описания трудовой дисциплины, особенно в кругу ровесников Здравомысловой, то не согласиться с ней невозможно.

Подобная мысль высказывалась в интервью и другими представителями этой генерации, и потому исходно слова: «мы формировались во времена отрицания» были вынесены в заголовок настоящего раздела. Однако позже мне показалось более целесообразным использовать для заголовка позитивное «продолжение» этого утверждения.

В разработанной выше схеме поколений годы рождения четвертого расположены в интервале 1947 – 1958 гг., в котором центральными оказываются 1952 и 1953 гг.; это двенадцатилетие почти полностью «покрыто» годами рождения наших респондентов. Со многими из опрошенных, прежде всего – с петербуржцами – я знаком многие годы, и мое предложение участвовать в опросе базировалось на указанных выше критериях (Гл. 2), с рядом будущих респондентов я познакомился относительно недавно через их публикации. Оценивая многие особенности процесса становления социологов во второй половине 70-х – начале 80-х гг., можно предположить, что общая численность ученых этого поколения много выше, чем социологов каждой из предыдущих когорт, но никакие иные параметры всей совокупности социологов четвертого поколения мне не известны. В выборке настоящего проекта (Таблица 6) пять женщин и восемь мужчин, двое – без научных степеней, трое – кандидаты наук и восемь докторов. По месту работы основная часть опрошенных (семь человек) – москвичи, четверо – петербуржцы и по одному человеку из Иваново и Тюмени.

Таблица 6

Опорные точки профессионального движения представителей четвертого поколения

ФИО	Даты жизни	Годы прихода в социологию	Годы защиты канд/докт дис.
Батыгин Геннадий Семенович	1951–2003	1974	1977/1987
Бачинин Владислав Аркадьевич	1949	конец 80-х	1980/1991
Беспалова Юлия Михайловна	1955	середина 80-х	1984/1999

ФИО	Даты жизни	Годы прихода в социологию	Годы защиты канд/докт дис.
Давыдов Андрей Александрович	1954	начало 80-х	1989/1996
Здравомыслова Елена Андреевна	1953	начало 70-х	1997/
Илле Михаил Евгеньевич	1952	1976	без степ.
Ильин Владимир Иванович	1950	конец 80-х	1980/2000
Козлова Лариса Алексеевна	1956	1973	1989/
Мягков Александр Юрьевич	1954	конец 70-х	1984/2003
Семенова Виктория Владимировна	1950	первая половина 70-х	1981/2000
Тарусин Михаил Аскольдович	1958	начало 80-х	без степ.
Чирикова Алла Евгеньевна	1951	конец 80-х	1978 / 2003
Ядов Николай Владимирович	1957	начало 80-х	1989 /

К сожалению, из-за ограниченности пространства я не могу рассказать о семьях социологов четвертого поколения и их ранней социализации. На ряде примеров покажу лишь, как перестройка «вмешалась» в судьбы этих людей и позволила им отыскать, проложить свой профессиональный путь.

Биографический сюжет № 101. Г.С. Батыгин

По своему году рождения Геннадий Семенович Батыгин входит почти в середину временного интервала, отведенного стратификационным алгоритмом под четвертое поколение социологов, т. е. с определением его положения в структуре поколений отечественных социологов не возникает проблем. Вместе с тем, его огромная работоспособность, природная одаренность, общая эрудиция и стремление к познанию нового стали основой его более быстрого в сравнении с ровесниками профессионального роста. Он быстро стал лидером своего поколения, и одновременно его старшие по возрасту коллеги начали признавать его одним из членов своей профессиональной когорты.

Я дружил с Батыгиным многие годы, но, поскольку настоящий проект начался после его смерти, побеседовать с ним о его семье, детстве, вхождении в профессию не мог. Ниже используются материалы интервью, взятого у Батыгина Н.Я. Мазлумяновой за полтора года до его смерти [3].

Биографический сюжет № 102. Г.С. Батыгин

Со второй попытки Батыгин поступил на философский факультет МГУ; вот фрагмент его воспоминаний о студенческой поре:

С самого начала у нас сложился круг умничающих студентов-гениев. Я не считался гением... не старался выделяться особенно. Существовала атмосфера возвышенной поэтической речи, независимо от сюжета. В центре внимания было чтение стихов. Здесь я впервые узнал таких поэтов, как Николай Гумилев, Игорь Северянин, которого читали нараспев. Читали наизусть Есенина, а чтение стихов Есенина сопровождается беспробудной пьянкой, что все время и происходило, но без особых эксцессов.

Я не буду сейчас утверждать, что мы образовывали студенческое освободительное движение. Это была обычная богема, причем иногда довольно разнузданная. Но у нас все было романтизировано [3, С. 140].

При поступлении в МГУ Батыгин не добрал одного балла и был зачислен на отделение научного коммунизма. В интервью он отметил: «На отделении научного коммунизма с преподавателями была беда: знания их имели большей частью пропагандистский характер. Философский факультет не давал никакой профессиональной подготовки вообще, за исключением нескольких направлений: кафедры логики, где был очень сильный контингент, кафедры истории зарубежной философии и отчасти кафедры научного атеизма, к которой я примкнул. По этой причине я всегда писал две курсовых и защитил два диплома» [3, С. 141–142].

Окончив университет, Батыгин (тогда он носил фамилию отца – Гантман и сменил ее на фамилию матери, уже работая в Институте социологии), стал ходить по разным московским вузам. Он так описал типичную ситуацию: «Я был лохматый, долговязый, кроткий с виду малый. Прихожу и говорю: «Здравствуйте». Меня спрашивают: «Что вам, мальчик?» Я: «Вам не нужны преподаватели научного коммунизма?» Молчание, потом некоторые тетki, доценты научного коммунизма, начинают смеяться. Другие сразу же выгоняли. В общем, нигде работы не было. Я чувствовал, что дистанцирован от сис-

темы, деваться мне некуда. Все мои ожидания, красный диплом, знание Аристотеля – и полная ненужность. И это ощущение вызвало чувство страха, связанного с неопределенностью положения» [3, С. 145–146].

В конце сентября он случайно пришел в Институт социологических исследований, поступил в аспирантуру и «устроился прокалывать дырки в перфокартах». Стал работать, как сумасшедший, сутками, через полгода его приняли на постоянную работу лаборантом, а через год, после сдачи кандидатских экзаменов, сделали младшим научным сотрудником.

Работы, написанные Батыгиным до середины 1980-х и составившие основу его кандидатской и докторской диссертаций, были выполнены в русле тематики, активно изучавшейся советскими социологами: методология исследования образа жизни, природа социальных показателей, логические и эмпирические методы социологии. Он мог бы еще многие годы разрабатывать круг интересовавших его тогда задач, тем более что его блестящая философская подготовка и увлеченность в проведении прикладных исследований позволяли ему дать новую интерпретацию осваивавшейся им проблематики. Однако в начале 1990-х под воздействием многих обстоятельств он отходит от изучения известного не только ему, но многим предметного пространства и начинает зондировать поверхностно описанные или совсем нехоженые предметные области. Так произошло, что к тому времени советские социологи много лучше были знакомы с парадигматикой и методами классической и послевоенной западной социологии, чем с опытом, достижениями дореволюционных русских социологов и социологов, работавших в 1920-1930-е годы. Вот именно освоением всей этой многослойной тематики начал заниматься Батыгин, более того, в сферу его интересов попало также становление и развитие постхрущевской советской/российской социологии. В указанном выше интервью он сказал: «В 1990-е годы окончательно сформировалась основная тема моих интересов – история советской общественной мысли, реконструкция интеллектуальной истории советского периода, который считался временем мракобесия» [3, С. 158], при этом слово «советский» тогда было одиозным. Батыгин шел от «истории идей» к научным биографиям и типам научных карьер.

К концу 1990-х, охватив своими историческими исследованиями социологию постреволюционных лет и родившуюся в постоттепельный период, создавая «портрет интеллектуальной и институциональной химеры, которая называлась «советский марксизм»» [3, С. 159], обращаясь к документам и вос-

поминаниям, разрабатывая общеметодологические проблемы историко-социологических поисков, Батыгин укрепил лидерские позиции в своем поколении и приобрел новый статус. Он занял ведущую позицию среди социологов разных поколений, причастных к изучению прошлого отечественной социологии. Симптоматично, что В.А. Ядов, собрав для работы над фундаментальным томом «Социология в России» [4] очень сильный коллектив авторов, доверил написать первую и крайне сложную главу – о российской социологической традиции – Батыгину, возможно, самому молодому в той команде.

Мне не пришлось обсуждать с Батыгиным, каким образом он окунулся в историко-социологическую тематику, но можно попытаться построить общую объяснительную схему того, как это произошло.

Начало 90-х: общество стремится понять, что собой представляет новая независимая Россия, огромен интерес к прошлому страны, возвращаются из забвения многие имена, начинается пересмотр семидесятилетней истории СССР. Это происходит во всех сферах жизни, в том числе – в социологии. Представители двух первых поколений послевоенной социологии – уже разменяли седьмой десяток, значительная часть принадлежащих к третьему – отпраздновала свое пятидесятилетие, образующие четвертую профессиональную когорту приближаются к сорокалетию или лишь недавно отметили его.

Социологи старших поколений были вовлечены в разработку давно начатых тем, увешены должностями, отягощены членством во множестве формальных и неформальных профессиональных сетей, придавлены массой текущих дел. Батыгину – 40 лет, он – доктор наук и профессор, у него нет карьерных устремлений, есть лишь желание быть абсолютно самостоятельным и независимым. Ему нужна была область исследований, которая относилась бы, в его понимании, к ядру социологии, учитывала бы социокультурные тренды, но не была бы откликом на события, ежечасно обсуждавшиеся в СМИ, была бы «академичной» (работа в тиши библиотек и архивов, изучение каталогов, чтение книг и журналов, которые не раскрывались более полувека, беседы с интеллигентными людьми) и открыла бы ему возможность для использования накопленных ранее знаний, в частности – умения анализировать тексты. Конечно же, она должна была отвечать его глубинным, еще юношеским, представлениям о науке и ученом. Все вместе это могло бы обеспечить свободу и душевный комфорт.

Добавляя к сказанному детали, можно показать, что с большой вероятностью именно представителем четвертого поколения социологов мог начать систематические и широкоохватные ис-

следования истории современной российской социологии. Этот человек должен был обладать рядом ценностей и способностей, которые были у Батыгина.

Биографический сюжет № 103. В.А. Бачинин

Владислав Аркадьевич Бачинин, родившийся в 1949 г., относится к старшему слою четвертого поколения, траекторию своей жизни он описал следующим образом: «Всё, что было в моей жизни до 2001 года, можно сравнить с хорошо загрюнтованным холстом с едва намеченным рисунком. Внешне это вполне вписывается в шекспировскую схему “Вся жизнь – театр. Все люди в нем актеры, и каждый не одну играет роль...” Классик, как известно, перечисляет семь ключевых социальных ролей, которые удастся сыграть человеку от рождения до смерти. У меня их было чуть больше: я был школьником и студентом, солдатом и офицером, мужем и отцом, кандидатом философии и доктором социологии, ассистентом и профессором, подполковником милиции и пастором протестантской церкви и т. д.» [5, С. 128].

О своем детстве и родительской семье он сказал предельно кратко:

Что же касается моей генеалогии, то она вполне обычна: единственный сын простых родителей. Отец работал на Уралмашзаводе. Начиналась семейная жизнь родителей в том самом классическом советском бараке, который описал корифей нашей андеграундной поэзии Игорь Холин [5, С. 124]:

<...>

Пили. Ели. Курили.

Пели. Плясали. Орали.

Сорокин лез целоваться к Оле.

Сахаров уснул на стуле.

Сидорова облевали

Отец Бачинина был большим книголюбом, подписывался на все выходявшие в 1960-е годы собрания сочинений, так в доме образовалась большая библиотека. Благодаря этому юноша хорошо учился в школе и, демобилизовавшись после службы в армии в июне, в августе поступил в ЛГУ, сдав вступительные экзамены на все пятерки.

Еще в юности Бачинин полюбил Достоевского, его первая курсовая работа на третьем курсе называлась «Гегель и Достоевский: к проблеме “разорванного сознания”». Когда он показал ее крупнейшему специалисту по творчеству Достоевского Г.М. Фридендеру, он тут же принял ее в академический сбор-

ник. Затем были диплом «Достоевский и Сартр», десятки статей и две монографии о творчестве Достоевского.

Бачинин вспоминает, что в студенческие годы он не мог достать Библию, хотя, замечает, особого желания не было, а окружавшие его учителя зарождению такого желания никак не способствовали. В этих условиях огромное влияние на него оказал Достоевский, большее, чем все философы Запада и Востока, прошлого и настоящего вместе взятые; их он воспринимал только умом, а Достоевского еще и сердцем. По мнению Бачинина, более антисоветского писателя в русской литературе не было, он делал что-то невероятное с его душой. Бачинин пишет: «Внешне я оставался как бы “советским человеком”, комсомольцем в университете, затем членом КПСС на работе в вузе, а внутри что-то происходило. Помню, например, с каким трудом я изучал и сдавал историю КПСС и политэкономии социализма. Учеба давалась легко, с третьего курса вообще в зачетке пошли одни пятерки. А эти два предмета переваривал со страшным трудом. Сейчас догадываюсь, что, вероятно, на почти бессознательном уровне срабатывал духовный иммунитет, включалась здоровая, спасительная реакция отторжения суррогатных дисциплин, в которых зло преподносилось как добро. Одновременно происходили внутренние мутации, незаметные не только для внешнего взгляда, но и для самого себя. Они исподволь меняли структуру души и духа. Тексты Достоевского оказались для меня пролегоменами к Библии» [5, С. 129]

В 1980 г. после полутора лет заочного обучения в аспирантуре Института философии АН ССР Бачининым была защищена кандидатская диссертация по моральной культуре личности. В конце 1980-х он начал размышлять о теме докторской диссертации. Тогда он осознал, что ему не хочется «прозваться профессиональным философом, быть доктором философии», он обнаружил серьезное несоответствие между политическим режимом страны и статусом философа, в СССР можно было быть только преподавателем философии, но не философом. И тогда он решительно развернулся в сторону социологии, где противоречия, подобные этим, ощущались не столь болезненно. Он почувствовал, что в некогда стройных рядах профессиональных идеологов начались разброд и шатания, уже не надо было следовать генеральной линии, можно было спокойно прислушаться к своим внутренним ощущениям, к внутреннему голосу.

Бачинину, сложившемуся кандидату наук, опытному преподавателю не составляло труда найти в социологии тему докторской диссертации по душе. Это оказалась проблематика, связанная с методологическими основаниями социологии мо-

рали. В 1991 г. он становится доктором социологии и почти сразу же профессором, поскольку занимал тогда должность заведующего кафедрой.

Его никогда не привлекала эмпирическая социология. Наибольшей привлекательностью для него «обладала сорокинская модель социологического дискурса, тесно соприкасающегося с дискурсами историософии, социальной философии, культурологии, эстетики, литературоведения, правоведения и т. д.» [5, С. 126]. Добавлю сюда девиантографию, криминографию, социологию права и религии.

Сейчас размышления, подчеркивающие связь социологии с литературой, с художественной социографией привлекают все большее внимание исследователей, но в 1980-е годы советские социологи почти не замечали литературу. Однако Бачинин, специализировавшийся в университете по кафедре этики и эстетики, видел множество точек соприкосновения между антропоцентрированной социологией и социально озабоченной литературой. На эту тематику, он опять же вышел через Достоевского.

«Путь в Дамаск», духовное прозрение, возрождение Бачинин отсчитывает с начала 2001 года, когда цепочка событий в его личной жизни привела его к религии, точнее – к протестантизму. Вот что он ответил мне на мой вопрос относительно того, можно ли называть его религиозным, христианским социологом и как он сам определяет предмет и тематику его исследований.

Да, именно так я себя идентифицирую, поскольку полагаю, что фундаментальная мировоззренческая типологизация всех социологов обусловлена мировоззренческим водоразделом: вера – безверие, религиозность – секулярность, христианство – атеизм. Среди религиозных социологов есть, разумеется, не только христиане, но и иудеи, мусульмане, а среди христианских социологов – православные, католики и протестанты. Но всех их связывает одно: они считают Бога главной, первичной детерминантой всех социальных явлений и процессов, воздействующей на ход последних через конкретных социальных субъектов, их мотивационные, нормативно-ценностные, экзистенциальные и прочие душевно-духовные структуры [5, С. 131–132].

Очевидно, что появление в постхрущевской социологии религиозных ученых – явление новое и пока редкое, поэтому В.А. Ядов, публикуя в руководимом им «Социологическом журнале» интервью с Бачининым, решил прокомментировать это обстоятельство. В написанном им введении отмечается, что он сильно сомневался, принимая решение опубликовать интервью, так как Бачинин представляет достаточно маргинальное

направление, не вполне вписывающееся в отечественную социологию. Но коллеги по журналу посчитали разумным опубликовать текст, чтобы показать разные пути, которыми молодые люди входили в социологию в постперестроечное время. Ядов обращает внимание на то, что Бачинина в социологию привело его увлечение философией и русской литературой и подчеркивает убежденность Бачинина в том, что сциентистски ориентированное мировоззрение, в отличие от религиозного, ограничивает рамки понимания социального [5, С. 123].

Пути в социологию и жизнь внутри социологического сообщества Батыгина и Бачинина различны. Первый вошел в социологию конце первой половины 70-х, сразу после завершения высшего образования, в 20 с небольшим лет, вошел случайно, но сразу оказался в центре развития социологической науки в стране. Второй пришел в социологию в конце 80-х уже сложившимся исследователем, кандидатом наук, автором ряда книг; и пришел осознанно, понимая, что философией даже в перестроечном СССР заниматься крайне сложно.

Жизненно-профессиональные траектории Батыгина и Бачинина различны, но их сближает то, что обе эти «кривые» в постперестроечный период вошли в области, в которых ранее не могли пролегать, ибо в советской социологии их просто не было. Для исторического исследования не характерно домысливать, как развивалась бы деятельность каждого из них, если бы не изменения в стране, произошедшие во второй половине 80-х – начале нового столетия 90-е, но их рассказы позволяют сказать, что их работа была бы менее творческой, свободной, продуктивной. И в этом отношении перестройка их спасла.

Приведу слова Батыгина, дающие основание так сказать о его деятельности: «Мне исключительно повезло, что я уже не живу при советском режиме, всю отвратительность которого понимаю только сейчас. В биологических терминах его можно назвать рецессивным, то есть вырождающимся, тупиковым. Если бы советская власть продолжалась до сих пор, моя судьба была бы катастрофической. Я бы никогда не увидел тех возможностей, которые есть сейчас. Я не могу себе представить без ужаса, что творилось. А сейчас есть огромные возможности – это величайшее благо» [3, С. 164].

А вот как вспоминает свой переход из философии в социологию Бачинин. Он исходил из того, что философ – это мыслитель, а значит – всегда нонконформист. «В СССР же нонконформисты всегда были обречены. Даже самых ярких из них не спасали их таланты, напротив, усугубляли их участь. Всё совершалось по Достоевскому: Цицеронам отрезали языки, Коперникам выкалывали глаза, Шекспиров побивали камень-

ями. В результате такая порода людей, как свободные философы, вывелась. Зато мощно работала государственная машина по производству преподавателей марксистской философии» [5, С. 125]. Он исходил из того, что в контексте истинной, не суррогатной, философии идти на компромисс с какими-то внешними силами постыдно, но в социологии состоять на государственной службе вроде как бы и не очень-то унижительно. Так что в социологию он двигался не от объекта, не от его проблем, требующих решения и пробуждающих познавательный интерес, а от субъекта, то есть от самого себя, от своего самоощущения.

Мне показалось, что сказанное Бачининым можно интерпретировать как указание на то, что перестройка предоставила ему возможность для активизации его исследований, что, если говорить о человеке, работающем в науке, крайне много, другими словами, что она его спасла. На мой вопрос, так ли это, он ответил весьма обстоятельно:

Что касается «спасения», то, говоря, естественно, только за себя, могу заметить, что для меня, моей жизни, судьбы, личности это слово означает очень многое и понимается мной гораздо шире, присутствуя не только в социально-историческом, биографическом, творческом смысле, но и в смысле экзистенциально-теологическом. Я принадлежу к тем, кто спасен Богом. Перестройка не спасла, а только создала некоторые социальные условия для спасения. Одни ими воспользовались, а другие нет. Одни воспользовались узко (спасли свой профессиональный интеллект), а другие гораздо шире (спасли душу и дух). Первых много и вторых, уверовавших, много. Но таких, кто бы принадлежал и к первым и ко вторым, кто по максимуму использовал бы все открывшиеся ресурсы парадигмы спасения (интеллектуальные, душевные и духовные), оказалось много меньше, чем хотелось бы. В социологии их вообще единицы¹⁹.

Относительно того, что мне представляется сейчас главным, позиции Батыгина и Бачинина на перестроечные и постперестроечные общественные трансформации сходятся: первый отметил появившиеся огромные возможности, признав их величайшим благом, второй – указал на открывшиеся социальные условия для спасения.

Называя четвертое поколение советских/российских социологов спасенными перестройкой, я и имел в виду, что вместе с нею для 30–35-летних социологов расширились горизонты возможного, пришло то, на что они не могли надеяться в пери-

¹⁹ Электронное письмо В. А. Бачинина Б. З. Докторову от 12 февраля 2011 г.

од застоя с его устоявшейся предметностью поисков, идеологической заданностью анализа социальных процессов, сложностью публикации результатов, оторванностью от многих тенденций, развившихся в Западной социологии. Такое представление основано на анализе проведенных интервью, его не было исходно, потому я напрямую не спрашивал моих респондентов о том, что им как профессионалам принесла перестройка. Однако, в начале февраля 2011 г. я разослал всем им письма с просьбой прокомментировать мое решение назвать их поколение «спасенными перестройкой»; откликнулись на мою просьбу одиннадцать человек. Некоторые из ответов рассматриваются в процессе анализа траекторий жизни конкретных социологов, но основной массив текстов – как анонимных и отражающих позиции представителей четвертой когорты социологов – приведен ниже. Ответы были достаточно развернутыми, аргументированными, ниже цитируются лишь их фрагменты:

- ... согласен – поколение «спасенных перестройкой». Раздвинулась структура возможностей, и те, кто получили и сохранили профессию, реализовали себя – думаю, что так...
- ... я подумал и пришел к выводу, что это определение точно отражает реальность, по крайней мере, по отношению ко мне и многим моим сверстникам. Годится! Во-первых, состоялась сама профессия... Во-вторых, именно мы как раз и оказались к тому времени уже вошедшими в социологию, но еще только пять минут как. Т.е. мы только стартовали, и новые возможности оказались прямо перед нами. И, в-третьих, рядом были еще не старые зубры науки, которые и сами взяли новый старт и нам даже помогли своим опытом, знаниями и мастерством. Вот так все сошлось в одно время в одной стране, и именно наше поколение получило историческую возможность (не каждому поколению такое дается) делать социологию по мировым стандартам, учась у наших великих учителей.
- ...лично про себя я не думала, что меня «спасла перестройка». Но точно она круто поменяла и мою, и моих коллег жизнь в профессии. Стало свободно идеологически, стало больше самых разных возможностей для работы в социологии. Думаю, что перестройка повлияла на изменение моей траектории в профессии... Что касается меня лично, моих личных обстоятельств, то трудно сейчас сказать, что было бы со мной, если бы не было перестройки.
- Если брать меня как типичного представителя поколения, то точнее названия не придумать: мы «спасенные перестройкой». Если бы не перестройка, если бы все шло, как шло, то я имел очень мало шансов стать социологом.

- ...на мою профессиональную жизнь постперестроечные реалии оказали очевидное влияние. В советские времена невозможно было и подумать об издании журнала отдельным энтузиастом, не включенным ни в какую официальную структуру.
- Отлично! Именно спасенные... Но не только перестройкой, но и всеми возможностями после 1992 года... Потому что в перестройку всем было здорово, а потом как раз точки бифуркации – для кого разочарование, а для кого – новые возможности. Спасенные мне нравятся... но знаешь, еще бы важно подчеркнуть в названии не пассивный залог – структурные изменения спасли, а и собственные усилия, субъектность.
- Очень удачное название (яркое, запоминающееся, и по сути). В значительной мере можно сказать, что я – «спасенный перестройкой».

Итак, некоторые из респондентов сразу примерили и приложили «спасенные» к себе, другие – не считают себя «спасенными», но всех объединяет общее согласие с тем, что перестройка открыла перед представителями этого поколения много возможностей. При этом, «спасение» стало не просто продолжением внешних обстоятельств, но и результатом собственных усилий.

Лишь один из опрошенных не увидел в перестроечных преобразованиях позитивного влияния на свою профессиональную жизнь: «Нет, я себя к поколению, спасенному перестройкой, не отношу. Все, что я получила в плане профессиональном и научном, я получила в советскую эпоху: встречи с ведущими учеными, школы молодых ученых, конференции в пространстве всего Союза».

Приведу фрагменты из еще одного рассуждения относительно «спасающей функции» перестройки. В нем признается освежающее значение происходивших перемен и одновременно отмечается их временный, ограниченный характер: «Мне кажется, что «спасенные перестройкой» – чрезмерно оптимистичная оценка. Конечно, перестройка и первые постперестроечные годы для всех и во многих отношениях были отдушиной. Но если события той поры и были «спасением», то, на мой взгляд, лишь временным и частичным. День сегодняшний вынуждает именно к такой констатации. Дышать становится все труднее, причем с каждым годом. ... Так что тогдашнее спасение, в лучшем случае, оказалось лишь временным...

Элементы нового пространства деятельности

В настоящем разделе продолжается анализ деятельности представителей четвертого поколения российской постхрущевской социологии. Как и выше обсуждаться будут материалы проведенных интервью, но здесь представляется более оправданным движение не по столбцам матрицы биографий (Гл. 4), а по ее строкам, т.е. фокус анализа направлен не на субъекта деятельности, но на тематику и другие особенности исследовательской активности ученого. Другими словами, ставится задача очерчивания того нового в работе данной когорты, что возникло в постперестроечном социоидеологическом пространстве и отразилось в обновленной российской социологии.

Пожалуй, первое, что обнаруживается в анализируемых интервью, это новая тематика-проблематика в работах представителей четвертого поколения. Безусловно, работая над кандидатскими и докторскими, они опирались на поддержку старших по возрасту и более опытных социологов, тем не менее, очевидно, что они первыми осваивали многие ниши предметного пространства современной российской социологии. Так, Батыгин во второй половине 90-х оказался пионером исторического анализа современной советской/российской социологии. Нельзя сказать, что за истекшие два десятилетия изучение постхрущевского этапа российской социологии превратилось в развитую исследовательскую область, однако в разработке соответствующей проблематики сделано немало, и значение сделанного Батыгиным признается всеми. Бачинин – стал первым и одним из весьма малочисленной группы современных отечественных религиозных социологов.

Биографический сюжет № 104. Ю.М. Беспалова

В силу многих обстоятельств можно предположить, что уже в ближайшие годы в России активизируются разработки в области религиозной социологии – и не только применительно к христианству. Приведу мнение Ю.М.Беспаловой, также представляющей четвертое поколение, относительно развития православной социологии:

Религиозная социология предполагает исследование социальной реальности с религиозных позиций, при условии использования строго научных социологических методов познания. Вместе с тем, современная социологическая наука не имеет необходимого набора познавательных средств для изучения иррациональной компоненты религиозной жизни. Однако, на мой взгляд, появление религиозной социологии это, прежде всего, напоминание о полипарадигмальности современной науки. Это и попытка научного исследования с уче-

том религиозного опыта, религиозной (в том числе православной) точки зрения. На первый план выступает духовное бытие общества, сфера отношения человека к Богу (общение человека с Богом, жизнь в Боге). Я думаю, что религиозная социология расширит возможности социологии, введет в нее большое количество неизученной или неучитываемой ранее информации, заключающейся в изучении связей человека и Бога [6, С. 11].

Хотя Беспалова критически относится к утверждению о том, что перестройка расширила исследовательские возможности социологов, динамика направленности ее собственных исследований четко указывает на следующее обстоятельство: представители рассматриваемого поколения социологов «естественно» для них, для их понимания окружающей их реальности обратились к тем темам, которые их старшие коллеги не могли разрабатывать. Даже если бы у них и возникло подобное желание.

В социологии, по ее словам, она оказалась «и случайно, и неслучайно». В 1975 г. после завершения с отличием филологического факультета Тюменского государственного университета она почти сразу была приглашена на недавно созданную кафедру этики и эстетики, которой уже многие годы руководит философ и социолог В. И. Бакштановский. Вскоре она стала преподавателем и соискателем при очень сильной кафедре этики ЛГУ. В 1984 г. там ею была защищена кандидатская диссертация по философии на тему: «Морально-деловые качества руководителя социалистического коллектива: характеристика, пути формирования». Диссертация основывалась и развивала ряд концепций, предложенных Бакштановским, содержала определенную новизну, но – и это хорошо читается в ее названии – явно фокусировалась на анализе классических для того времени субстанций: «морально-деловые качества», «социалистический коллектив», «пути формирования». На это же указывает и методология исследования: коллектив традиционно рассматривался в советской социологии скорее как объект воздействия, нежели как активный субъект.

Через 15 лет на том же совете ею была защищена докторская диссертация на тему: «Ценностные ориентации западносибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX вв.: становление и развитие». В определенной мере эта работы продолжала ее кандидатское исследование, но очевидно и то, что в доперестроечное время предприниматели, купцы, промышленники не могли быть объектом социологического исследования, а их ценностные ориентации – предметом поиска. Тематика докторских исследований жестко контролировалась руководством институтов, кафедр, партийными органа-

ми, и образ российского предпринимателя, как «стяжателя», «кровопийцы» был закреплен в школьных учебниках, и если кто знал, что среди его предков были предприниматели, то не заявлял об этом. Лишь изменение отношения к российской истории и возникновение нового российского предпринимательства актуализировало избранную Беспаловой исследовательскую тему и формировало общую цель работы – реконструировать экономическую и духовную жизнь российского общества и установить наличие преемственности в ценностных ориентациях прошлых и современных предпринимателей. Мало освоенным в то время в российской социологии был и биографический метод, с помощью которого реконструировались ею экономические, социально-политические, правовые, нравственные, эстетические и другие ценности в деятельности ведущих предпринимателей Западной Сибири.

Биографический сюжет № 105. В.И. Ильин

Интересным и невозможным для социологов первых трех поколений является и путь в социологию В.И. Ильина [7], и развитие направленности его исследований. Его вхождение в социологию не было случайным, оно вытекало из стремления понять логику прошлого и настоящего. Обучаясь на историческом факультете ЛГУ, он уже в первой половине 70-х почувствовал необходимость более глубокого, теоретического понимания общества. Ильин пытался получить ответы на философском факультете, расположенном в том же здании, но марксистско-ленинская философия поднимала его на такие высоты, «с которых земной мир становился неузнаваемым», а слова «социология» он не находил, встречались лишь «разнообразные варианты теологии», называвшейся «научный коммунизм». Поиски привели его в отделе специального хранения Публичной и университетской библиотек, так «железный занавес» для него рухнул задолго до перестройки. Особых проблем с допуском к «антисоветской» литературе не было, необходимо было лишь придумать подходящую тему и написать заявление, заверив его у научного руководителя и в деканате. В итоге он подготовил дипломную работу «Структура леворадикального сознания студенческого движения США в 1968–1970 гг.» На защите ему сказали, что его исследование имеет сомнительное отношение к истории, но он расценил эти слова как комплимент.

Окончив в 1975 г. университет с красным дипломом, Ильин узнал от коллеги по котельной, где он подрабатывал кочегаром, что заведующий кафедрой истории КПСС в Сыктывкарском университете ищет преподавателей с перспективой аспи-

рантуры в Ленинграде. Так он отправился на Север, думал поработать там пару лет, но как и многие задержался до 2001 г.

В Сыктывкаре было две возможности: преподавать зарубежную историю или историю КПСС. Первый вариант ему не показался серьезным, изучать Запад приходилось исключительно по советским публикациям, иных там не было. Он остановился на втором варианте, ему представилось, что это откроет для него партархивы и даст ему ключи к пониманию советской системы. Он вступил в КПСС, для него открылись партийные архивы и упростился путь в аспирантуру, правда, по истории партии. Поработав в архивах, он понял, вся партийная тайна состоит в ее отсутствии.

В аспирантуре истфака ЛГУ (1977–1980 гг.) его научный руководитель на все его попытки найти серьезную нишу отвечал: «Сначала защити диссертацию, а потом уже занимайся наукой» [7, С. 144]. Ильин провел более двух лет в спецхранах, изучая англо-американскую литературу по истории и теории советского общества. И однажды нашел книгу Дж. Хафа о механизме функционирования партийных органов на уровне регионов и предприятий [8]. Так родилась тема кандидатской диссертации, ее методология и методика. Созрело решение проверить схему Хафа в эмпирическом исследовании архивных материалов первичных партийных организаций Коми АССР и понять, в чем состоит менеджерский смысл существования партийных организаций на предприятиях. Тема оказалась для него интересной, но результаты надо было переводить на язык истории партии, который и в те годы ассоциировался у него с шаманскими заклинаниями. На кафедре истории партии ЛГУ его тему перевели на этот язык: «Деятельность КПСС по вовлечению трудящихся в управление производством».

После защиты диссертации в 1980 г. Ильин вернулся в Сыктывкар на кафедру истории КПСС; для занятий наукой ситуация становилась тупиковой. За пять лет он вымучил пару статей; писать «как надо» не мог, как мог – было нельзя. Но тут заведующий кафедрой философии и научного коммунизма отправил его в Институт повышения квалификации при ЛГУ. Когда он вернулся, перестройка уже становилась политическим процессом. Он отмечает: «И большая политика повернула мою биографию: в 1987 г. появилась возможность на историческом факультете Сыктывкарского университета заменить курсы истмата и научного коммунизма «марксистско-ленинской социологией» [7, С.145].

В 1990-м Ильин пошел на полугодовые Высшие социологические курсы Советской социологической ассоциации, на которых выступали Ю. Н. Давыдов, В. А. Ядов, О. И. Шкаратан,

Б. Г. Грушин, А. Б. Гофман, и др., преподавали заметные фигуры западной социологии: З. Бауман, М. Кастельс, Э. Гидденс, С. Кларк и др. Здесь Ильин получил свое формальное социологическое образование и после курсов рискнул называть себя социологом.

Хотя, отмечает Ильин, исходный импульс для его занятий социологией шел от шестидесятников, он не стал бы специалистом без помощи Западных фондов и зарубежных коллег. Ключевая роль в этом процессе им отводится Саймону Кларку, профессору Уорвикского университета (Великобритания), инициировавшему множество проектов по изучению трудовых отношений и рынка труда России. В частности, благодаря ему был организован Институт сравнительных исследований трудовых отношений, имевший филиалы в нескольких российских городах нашей страны. Также очень многое было сделано Майклом Буравым, профессором Калифорнийского университета в Беркли. Начиная с 1991 г. он ежегодно приезжал для проведения полевых исследований в Сыктывкар. Там же Ильин познакомился с видным датским экономистом О. Соренсеном, изучавшим стратегии российских предприятий. Соренсен организовал его стажировку в Данию и Швецию, где он и написал свою книгу «Поведение потребителей» [9]. Благодаря фонду Фулбрайта Ильин почти два года провел в США, исследуя жизнь американцев – не столько в тиши библиотек, сколько в бесчисленных интервью в семьях, на предприятиях, в тюрьмах и т. д. Ю. Фельдхофф из Билефельдского университета (Германия) внес огромный вклад в процесс европеизации социологического образования на факультете социологии СПбГУ. Он помог Ильину неоднократно выезжать в Германию для проведения полевых исследований повседневной жизни немецких переселенцев из стран, ранее входивших в Советский Союз. Результаты многочисленных исследований Ильина стали основой его книги по социальному неравенству и докторской диссертации, защищенной по этой теме [10].

Главное в концепции Ильина – отказ от понимания неравенства как объективного и очевидного феномена, свой подход к раскрытию природы неравенства он обозначает как деятельностно-конструктивистский. В работах первой половины 90-х он трактовал государство в качестве творца почти всех основных групп общества. В книге о «Социальном неравенстве» широкий круг форм социального неравенства рассматривается как порождение деятельности уже не только государства, но и индивидов, строящих свою судьбу. При обсуждении механизмов социальной иерархии он исходит из того, что за пределами борьбы за физическое выживание многие важные жизненные ресурсы теряют объективный характер: нужное одним излиш-

не для других. Тогда классические схемы изучения социальной стратификации, идущие от Маркса и особенно от Вебера, теряют свое значение. Власть, собственность, престиж перестают быть универсальными критериями, возникает значительно более широкий круг индикаторов социального неравенства, из которых ни один не является общепризнанным и не занимает фиксированного места в некоей иерархии ценностей. Их индивидуализация ведет к нарастанию релятивизма этой иерархии. Отсюда следует размывание коллективной субъектности как механизма формирования и воспроизводства социального неравенства.

Разумеется, все эти конструкции даже при очень сильном камуфлировании в советское время не могли быть вынесены для публичного обсуждения.

Рассказанное Ильиным объясняет, почему он относит себя к спасенным перестройкой: он оказался готовым к начавшимся в стране переменам, был настроен на освоение Западного теоретического и эмпирического опыта. Проблематика, которую он разрабатывал, оказалась интересной и для зарубежных специалистов, а его подготовка, в том числе языковая, позволили ему достаточно быстро и эффективно включиться в международное сотрудничество ученых. Что мне особенно хотелось бы подчеркнуть, что все это было им сделано, будучи преподавателем провинциального Сыктывкарского университета. В Петербург он переехал после защиты докторской диссертации.

При всей уникальности профессиональной траектории Ильина, в развитии постперестроечной деятельности других представителей его поколения обнаруживается описанная им коллизия: участие в международных проектах и как следствие – выход на изучение той проблематики, которая мало и совсем с иных методологических позиций исследовалась в СССР, и обращение к тем методам, которые слабо, редко использовались советскими социологами ранее.

Биографический сюжет № 106. Е.А. Здравомыслова

Наверное трудно сказать, когда Е.А.Здравомыслова узнала о существовании такой науки как социология, ведь один из первых советских социологов А.Г. Здравомыслов был рядом, дома. Училась она на философском факультет ЛГУ в 1970–1975 гг. Об эмпирической социологии у нее были смутные представления, писала диплом с удовольствием по социологии знания, изучала М. Шелера, К. Мангейма, Р. Мертона. По ее воспоминаниям, ко времени защиты диплома она находилась в каком-то ламинальном жизненном и социальном пространстве. Полностью разочаровавшись в советской публичности, жила

в контркультуре. Решила про себя: отслужив аспирантуру, найти работу «непыльную», карьеру не делать никогда – это позор, подразумевающий массу компромиссов нравственного порядка в смысле вступления в КПСС; получить возможность иметь больше свободного времени для своих интересов. В 1978 г., завершив аспирантуру без диссертации, она начала работать в Институте социально-экономических проблем АН СССР в секторе социально-экономических проблем труда. Ее описание атмосферы тех лет в ИСЭП размещено в начале этой главы, приводимое ниже дополняет, конкретизирует ее рассказ.

По надуманному делу В.М. Воронкова²⁰ ее пригласил к себе директор института И.И. Сигов и сообщил, что грядет переаттестация, и это означало, что ее уволят: по ее идеологическим воззрениям она не имеет права работать на передовом фронте советской общественной науки. Ей предложили срочно искать себе работу, иначе уволят с «волчьим билетом», и тогда ей останется только идти в охранники или уборщицы. Отец помог ей получить работу в Ленинградской высшей профсоюзной школе (ВПШК), где, вспоминает Здравомыслова, отсиживались слабо репрессированные и не вполне благонадежные. Над ней существовал негласный контроль, о чем она не сразу узнала; легкомыслие спасало ее от худшего, социология была где-то далеко. Работать в ВПШК было скучно, она закончила курсы экскурсоводов и стала зарабатывать, показывая туристам достопримечательности города. Ее жизнь мало соприкасалась с пространством официальной публичности, круг чтения и круг ее друзей отделял ее от трудового коллектива, о профессиональном продвижении не могло быть и речи ни по морально-идеологическим, ни по политическим основаниям. Социология для нее не существовала ни как поприще, ни как интерес.

Во второй половине 1980-х Здравомыслова стала активно заниматься социологией общественных движений. Через некоторое время она вернулась на работу в ИСЭП в сектор, которым руководил В. Б. Голофаст, и начала работать в группе изучения общественных движений. То была уже иная академическая среда и возникла новая мотивация. «Вот теперь, пишет Здравомыслова, – действительно профессиональный выбор состоялся... (Не поздновато-ли? Мне было уже тридцать три!). Перестройка – время энтузиазма и надежд – дала толчок развитию российской социологии, новому отношению к этой дисциплине и осознанию ее очевидной демократической востребованности» [2, С. 12].

²⁰ Воронков В.М.: «Я осознал себя социологом в возрасте 43 лет» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 6. С. 2–6; см. также Том 2, С. 609–620.

Изучение общественных движений подвело ее к гендерным исследованиям – новому для того времени направлению российской социологии. Счастливые стечение обстоятельств вкупе с демократическими переменами открыли для нее эту проблематику и познакомили с людьми, разрабатывавшими ее за пределами страны. В 1990–1991 в течение трех месяцев она стажировалась в США по программе IREX в качестве приезжего исследователя – *visiting scholar*: первые два месяца – в Беркли, последний месяц – в Новой школе социальных исследований (New School for Social Research) в Нью-Йорке у Чарльза Тили (Charles Tilly).

Уже многие годы Здравомыслова занимается гендерной тематикой, которая увязана с феминистской теорией, с социальным конструированием власти и неравенством в отношениях между группами, определяемыми по категориям пола. Она называет несколько причин для таких занятий. Во-первых, академическое любопытство. Во-вторых, западные исследовательницы-феминистки представлялись ей загадочными и непонятными, *другими* женщинами. Одновременно, они поражаются российскими гендерными нравами, сочетанию формального равенства, женской эмансипации, семейного лидерства женщин с сексизмом, отсутствием домашней ответственности мужчин и символическим патриархатом. Все это вместе заставило ее начать сомневаться в этих вечных культурно заданных представлениях о том, что такое настоящая женственность и настоящая мужественность. В 1997 г. ею была защищена кандидатская диссертация по методологии изучения общественных движений.

Биографический сюжет № 107. В.В. Семенова

Рассказанное Ильиным и Здравомысловой об их до- и после перестроечной профессиональной жизни в целом узнаваемо и в воспоминаниях В.В. Семеновой. В начале 70-х вскоре после окончания журфака МГУ она начала работать в Научно-исследовательском Отделе Высшей школы профдвижения ВЦСПС; исходно – секретарем-референтом, затем – сотрудницей исследовательской структуры. В 1975 г. она поступила в аспирантуру Института конкретных социальных исследований. Ее тема касалась измерения моральности личности и была ближе к социальной психологии и проблемам становящейся личности, нежели к социологии. В 1981 г. кандидатская была защищена, и она приступила к работе в этом институте. Лишь тогда Семенова начала считать себя социологом, все предыдущее было подготовкой.

Вспоминая первую половину 80-х, она пишет:

Я бы те годы назвала «годы без лица». Для младшего научного сотрудника жизнь была встроена в узкие рамки системной иерархии и бесперспективна на долгие годы. Иерархические отношения были сконструированы достаточно жестко, и все мы, молодые сотрудники, были как пешки, которых переставляли из одного подразделения в другое, исходя из соотношения сил в руководстве института, без внимания к собственным научным интересам и потребностям. Мы были как солдаты невидимых армий, пополняли ряды одних или ослабляли ряды других.

Профессиональная жизнь сводилась к участию в сериях серых сборников, которые теперь бесславно пылятся на моих полках одним безликим блоком. Хотя были и конференции, и поездки на исследования, но сейчас, по прошествии времени, это представляется именно так: мы были винтиками в иерархических отношениях мэтров разного ранга. Это было вплоть до исторического для Института времени, когда директором стал В.А. Ядов [11, С. 6–7].

Самым ярким событием того времени она считает свою работу в лонгитюдном Всесоюзном проекте М. Х. Титмы «Пути поколения», или более точно: «Включение молодежи в рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенцию» (1982–1996 г.г.). Задумывалось долговременное отслеживание социальной и поселенческой мобильности одной когорты с момента окончания среднего образования на базе 8-летней школы в 1982/83 и 1983/84 гг. и до их 30-летия. Проект базировался на методологии образцовых западных лонгитюдов, предполагалось доказать существование различий в жизненных путях молодых людей в отдельных регионах (особенно в Прибалтике) в противовес действовавшей тогда формуле о формировании «единой общности советских людей».

Начало перестройки запомнилось Семеновой несколькими крупными событиями, фактически, отмечает она, положившими начало ее профессиональной самостоятельности.

В 83–84-ом гг. она решила вступить в КПСС, до того – не откликалась на призывы вступать в партию, поскольку для людей ее поколения это четко означало «делание карьеры», а она не планировала двигаться в ту сторону. Но в начале перестройки она написала заявление о приеме в партию, запомнила, что там были слова: «хочу быть в рядах тех, кто участвует в перестройке». Однако вскоре пошла волна громких разоблачений деятельности партии и массовый выход из ее рядов. В институте она оказалась одной из первых.

Во-вторых, в 1987 г. Семенова впервые выехала за границу, в Париж, на конференцию. Иностранцам надоело видеть на международных мероприятиях, посвященных молодеж-

ной проблематике, маститых советских ученых преклонного возраста, и они попросили пригласить кого-нибудь из молодых. Эта поездка сломала многие из ее тогдашних стереотипов, представление о поездке за рубеж как о «прыжке в другую реальность» сработало и на ней. Новый для нее образ жизни «нормального» общества, встречи с коллегами, которые, как выяснилось, многое знали об СССР и были весьма толерантны к выступлениям молодых неопытных исследователей, новое профессиональное окружение. Другими словами, она приобрела во всех отношениях новый социальный опыт; процитирую ее слова: «Для меня это была действительно «поворотная точка» биографии, которая стала определяющей для всей последующей траектории».

В 1990 г. по «наводке» В.А. Ядова, знавшего о когортном лонгитуде, к Семеновой и ее коллегам обратился французский исследователь Даниэль Берто. Он приехал в Москву для проведения проекта «Социальная мобильность в России в трех поколениях». Берто, считающийся основателем метода «истории жизни», и его сотрудники стали проводниками российских ученых в область методологии и техники биографического метода. В отличие от традиционного взгляда на жизненные пути как типизированные потоки социальной мобильности, французские социологи на рубеже 60-х–70-х стали заниматься проблематикой жизненных стратегий людей, человек рассматривался ими как субъект своей биографии, который осуществляет различные жизненные выборы и выстраивает свою биографическую стратегию в условиях определенных социальных нормативов, а иногда и изменяющий их. Такой взгляд на социальное со стороны индивидуального оказался противоположным советскому (позитивистскому) социологическому представлению об обществе как об «обществе порядка». В 1992 г. произошло еще одно судьбоносное событие в жизни Семеновой. По конкурсу она получила грант на пребывание в Кембридже в качестве приглашенного исследователя в колледже St. John's в течение семестра. «Fellowship» как статус означает приглашение исследователя в качестве «члена колледжа» (как члена избранного клуба, это членство остается на всю жизнь) для самостоятельных занятий по его собственной проблематике. Пребывание там она считает своим вторым рождением, а сам колледж своей второй родиной.

Итоги нового теоретического и практического опыта были обобщены Семеновой в книге по качественным методам [12], вышедшей в 1998 г.; она стала первым русскоязычным учебником по этому направлению методологии. Через два года, при поддержке Ядова, она завершила работу над докторской диссертацией по этой теме. Во время защиты была «рубка», но только четверо проголосовало «против».

Биографический сюжет № 108. А. Е. Чирикова

В начале анализа материалов беседы с А. Е. Чириковой мне было сложно понять, какого типа, знака перемены внесла перестройка в ее профессиональную жизнь. Но многое прояснилось после получения ее ответа на вопрос, оправданно ли обозначать ее поколение социологов «спасенные перестройкой»: «Безусловно, перестройка позитивно повлияла на меня и на мою работу. Мы перестали быть зажатыми догмами и правилами. Был дан сигнал к свободе, в том числе профессиональной». Теперь кратко о том, как складывалась ее профессиональная деятельность.

Успешно закончив психологический факультет МГУ, Чирикова продолжила обучение в аспирантуре и защитила кандидатскую диссертацию 1978 г. . Затем в течение многих лет она работала как социальный психолог в команде игротехников в Институте Москвы.

Первое знакомство Чириковой с миром социологии состоялось в 1985 г., когда она со своей коллегой подготовила статью о профессиональных ориентациях молодежи. Закончив работу, они отправили текст в журнал «Социологические исследования», и через некоторое время их пригласил к себе Батыгин, который тогда был заместителем главного редактора. Ему статья понравилась. Чирикова не знала, кто такой Батыгин, однако он показался ей умным и понимающим человеком. А.Г. Харчев пытался притормозить выход работы, но Батыгин настоял на ее публикации. Так она узнала первого социолога.

В 1987 г. весь коллектив игротехников перешел в Институт социологии, но работали они достаточно обособленно. Решение Чириковой постепенно входить в социологию, было в определенной степени обусловлено случайной беседой с Ядовым в конце 80-х, когда он, недавно став директором института, зашел к ним в комнату. Вот описание состоявшейся беседы:

До этого я видела Ядова по телевизору и была поражена тому, как раскованно он вел себя перед телевизионными камерами, не считаясь ни с какими иерархиями. Я тогда с интересом отвечала на поставленные мне вопросы, наблюдая за его реакциями. В конце разговора мой диагноз его личности был готов: талантливый человек, необыкновенно тонкий и неуправляемый, сензитивный, всегда готовый к непредсказуемым поворотам мысли и чувств. При этом достаточно рациональный, знающий себе цену, и умеющий настоять на своем. Рациональность и эмоциональность в нем являли собой удивительный симбиоз. Передо мной тогда сидел человек, явно мало уважающий формальные позиции и умеющий мгновенно расположить к себе собеседника. Сегодня, не исключено, я бы уточнила свою оценку, но

в принципиальном видении психологической структуры Ядова, я тогда была права – это был уникальный человек, который не стремился к власти и признавал общение на равных. В те годы это было редким достоинством, тем более у начальника. Я была не против, работать рядом с таким талантливым человеком, который к тому же, не допекал меня дурацкими распоряжениями и ежедневными проверками дисциплины. Иначе говоря, позволял делать то, что хочется. Будь тогда во главе института другой человек, я не знаю, как бы сложилась моя дальнейшая профессиональная судьба [13, С. 10].

В 1994 г. Чирикова начала серию исследований по лидерам российского предпринимательства с использованием метода глубинного интервью. Этот метод ей был хорошо знаком, так как ей многократно приходилось делать предигровую диагностику для команды, которая строилась на оценке ситуации ключевыми фигурами предприятия или компании. Самое трудное в диагностике заключалось не в сборе мнений, но в их последующей «аналитической сборке», результаты которой крайне важны для проведения игры.

Элитистская концепция долго не приживалась в России, в советском общественном сознании беспощадной критике подвергались концепции элит как идеологическое выражение господства крупного капитала. Элитистские концепции считались предшественниками расистских, фашистских идеологий. Несмотря на столь серьезное обвинение, понятие элиты не только не исчезло из употребления, но оказалось весьма востребованным в политологии, социологии, психологии. Разработка категории элиты в российских исследованиях стартовала в начале 1990-х годов (если не считать работ Г. Ашина, опубликованных значительно раньше) и получила наиболее выраженное развитие в середине 1990-х годов, когда стало очевидным, что проблема формирования новой постсоветской политической элиты приобрела общесоциологический статус.

В 2003 г. Чирикова успешно защитила докторскую диссертацию по теме «Политическая элита в российских регионах: власть и политические институты».

Биографический сюжет № 109. М.А. Тарусин

Заканчивая в 1982 г. философский факультет МГУ М.А. Тарусин [1], писал диплом на тему «Сравнительный анализ социально-психологического климата трудовых коллективов», тогда он уже работал младшим инженером во ВНИСИ и сравнивал коллективы опытного производства института. По его воспоминаниям, в работе не было ни одного упоминания Ленина и Маркса, по той причине, что они ничего не написа-

ли о социально-психологическом климате. Диплом не хотели принимать к защите, но, говоря по-школьному, свои «четыре» он получил.

Прожить в те годы в Москве на 150 руб. в месяц было крайне трудно, и Тарусин работал в бригаде, занимавшейся укреплением дверей в квартирах. Ходили такие бригады, звонили в дверь и говорили: ...здрасьте, сегодня в вашем доме проводится работа по укреплению дверных коробок, замков и так далее. Это была индивидуально-трудова́я деятельность. Тарусин был «съемщиком», он должен был позвонить в дверь и уболтать растерянного хозяина квартиры. А это было время, когда еще в подъезд можно было войти и в квартире спокойно дверь открывали. Стоила «укрепка» двери 30 рублей. В среднем он получал примерно 600–700, а иногда и 800 рублей в месяц... вместе с зарплатой у него выходило больше, чем у министра союзного значения. Причем ему надо было выйти на работу два раза вечером в будни и один полный выходной.

Через три года заводская социология Тарусину надоела, он понял, что в ней делать нечего, захотелось чего-нибудь более интересного. Он сменил несколько мест работы: всюду встречалась культурная публика, много умных разговоров, но своего дела он найти не мог.

В 85-м г. у Тарусина, как и у очень многих создалось впечатление, что что-то такое должно случиться, чувствовалось дуновение новой эпохи. Хотелось изучать общество в целом. Какие мы есть и какими будем в XXI веке? И будем ли? И какой багаж остался у нас от 1000 лет прошлой жизни? Какое наследство есть у нас сегодня и вообще вступили ли мы в права наследования или же решили идти далее налегке? В диссертации он не видел смысла.

Когда Е. С. Петренко, с которой он работал в одном из исследовательских институтов, позвала его во ВЦИОМ, он ни секунды не колебался. Он вспоминал: «Вот оно, впервые в истории Совдепии – масштабные, всесоюзные опросы общественного мнения! Чувство было такое: ну теперь-то мы все и выясним! И миру все объясним. А главное – сами себе. Вопросов-то к тому времени накопилось много. Направление моих мыслей было такое: я хотел понять общество. Его движения, структуру, устремления, короче – жизнь народа, в котором я родился и живу» [1, С. 72].

В 1989 г. Тарусин начал работать во ВЦИОМЕ, вот его описание того времени:

... наступила самая, пожалуй, счастливая пора в моей трудовой деятельности. Все было совершенно необычно. Такого со мной не было

никогда. Сидят люди, у которых внутри что-то горит, внутри происходит что-то очень радостное, как в фильме «Я шагаю по Москве». Там все были счастливы – и наш коллектив, в котором все счастливы. Я понимаю почему. Столько лет все гнобилось, все было под спудом. И эти люди, эти профессионалы, пришедшие сюда, копили силы, думая, что эти силы никогда не пригодятся, так и придется уходить в могилу. И вдруг они оказались востребованы. Они, как Илья Муромец, который 33 года на печке лежал, а потом встал – и с легкостью все можно сделать – и дерево выдрать, и камень отвалить откуда хочешь [1, С. 71].

Я в те годы тоже работал во ВЦИОМ и испытывал ощущение, подобные описанным Тарусиным.

Вскоре Тарусина назначили руководителем отдела по сбору данных. То была каторжная работа: модемов еще не было, ксероксов – мало, телефон работал плохо. Потому чрезвычайно важно сохранить для истории его описание того, как посылались анкеты в регионы и как они оттуда извлекались:

То были благословенные времена, когда самой скорой и дешевой почтой были поезда дальнего следования и почтальоны – проводники вагонов. Посылались курьеры, увешанные посылками, на вокзалы к поездам – и ранним утром, и поздней ночью. Крайне важно было, чтобы они тут же отзвонились с вокзала (без мобильных жили) и прокричать в трубку номер поезда и вагона, да когда будет на месте, да как зовут проводницу. И тут же сотрудница отдела организации садилась на телефон, часами дозванивалась в разные города и республики и сама уже выкрикивала в трубку заветное. Связь телефонная по межгороду в те годы напоминала кадры военного фильма: комбат ревет в полевую трубку что-то насчет снарядов, причем немец через поле его слышит, а на том конце провода – нет. Некоторые поезда шли всего ночь (скажем, в Ленинград), поэтому оперативность была необходима.

Периодически посылки терялись, но когда в ту сторону – еще победы, а вот когда обратно, уже с бесценным, желанным, ожидаемым общественным мнением в каждой анкете – вот тогда беда. Чаше опаздывал курьер к поезду. Поезд отгоняли на запасные пути, и провинившийся лез в вокзальные “зады”, разыскивая пропавший поезд, а потом еще и искомый вагон – поезда имели вредную привычку менять номера вагонов на пересцепке. Тогда шли в ход особые приметы: толстая такая проводница, нос красный такой, Клава, в розовых гольфах. А Клава заперла вагон и пошла в город за колбасой (сама она из Ижевска, а там колбасы уже пять лет нема). И сидит на бревнышке курьер и ждет ее. И тащится она с пятью батонами “Любительской” и еще издала орет: «Вовремя приходите надо, вот жди теперь, пока с делами управлюсь!» Но главное – вот оно, общественное мнение – 150 анкет, бесценный груз. И отдел организации облегченно вздыхает в полном составе, а рядом так же вздыхает ответственный за проект социолог, которому, как только что выяснилось, без Удмуртии – смерть, и он уже почти готов был принять ее. И так... ну, не

каждый день, но в неделю раз-другой – точно [1, С. 73].

Потом Тарусин перешел работать в созданный Фонд «Общественное мнение», но ушел и оттуда. Он пишет: «...что-то во мне надломилось. Я отправился на вольные хлеба, был страшным шакалом. Работал политтехнологом, черным пиарщиком, работал на выборах – на десяти кампаниях или даже больше – и нажрался этим делом по горло» [1, С. 75].

Был момент, когда он ничего не мог делать, ел два пакетика китайской лапши в день и курил «Приму» – на большее денег не было. Сократил до минимума общение со всеми и ушел в себя; он был в то время разведен. Как-то позвонил ему приятель и спрашивает: «Ты чем сейчас занимаешься?». Узнав, что ничем, предложил заниматься предвыборной психологией, деньги платили немалые. Приехал Тарусин в один город, где раскручивались губернаторские выборы, но его предупредили, он должен быть «персоной нон грата», никто его не должен видеть в лицо; «черный пиарщик».

Оказалось, надо распространять черные пиарные листовки. Для начала он нашел местных фашистов. Они были прекрасно организованы и обожали шпионские игры. Вскоре он от них отказался, их фюрер устраивал ему встречи в ресторане, выставляя охрану за две улицы, и все они были бритые, их всех сразу видно. Потом была группа спортсменов, человек пятнадцать. Они проносили листовки и газеты в городскую администрацию, во всех туалетах оставляли, во всех коридорах. Трамвай выходит из депо, толпа врывается в него – там уже на сиденьях разложены газеты. Во всех электричках, в троллейбусах. Тексты показывали конкурента их кандидата полностью аморальной личностью. Газеты печатались в соседней области и доставлялась «конспиративными партизанскими дорогами». Трейлер привозил на границу, а там все сгружали и дальше развозили по разным городам.

Был он в Ингушетии, на Северном Кавказе ваххабитов видел. Они в машине приезжали и оценивающе смотрели на него: добыча он или не добыча? А его охраняли четверо автоматчиков.

Это все было до 2001 года. Но настал момент, когда он понял, дальше этим нельзя заниматься. Потому что либо надо махнуть на себя и не думать о той подлости, которой занимаешься, либо уходить и отмываться, очень долго отмываться.

В 2004 г. Тарусин начал работать в Институте общественно-го проектирования, занимающемся комплексными политическими, социологическими и экономическими исследованиями. В целом эта работа дает ему возможности для макроанализа текущей российской действительности и построения краткосрочных прогнозов.

Ильин, Чирикова некоторые другие мои собеседники из чет-

вертого поколения говорили о своих коллегах, знакомых, друзьях, которые на рубеже 80-х – 90-х гг. были вынуждены оставить науку и заняться чем-либо иным. Я потому процитировал многие куски из интервью с Тарусиным, что ему многое пришлось испытать и о многом подумать, прежде, чем он решил вернуться к исследовательской, аналитической деятельности. Выше приводились его воспоминания о студенческих друзьях-поручиках, и на мой вопрос о том, как сложилась их профессиональная жизнь, он ответил: «Сегодня, по прошествии почти 30 лет, не могу сказать, что жизнь нашей четверки сложилась счастливо. Только мне нечего Бога гневить, ко мне судьба милостива, а друзей моих ждали тяжкие испытания, которые для одного из них уже закончились, а остальных еще проверяют на прочность. Но я могу сказать, что они остаются людьми чести, какими и были всегда» [1, С. 57].

Биографический сюжет № 110. Л.А. Козлова

Тонко и точно обозначила в нашем интервью и в регулярной переписке новые, постперестроечные возможности исследований прошлого советской/российской социологии Л.А.Козлова [14], некоторые позиции которой по данной проблематике излагались и обсуждались выше.

В 1989 г. ею была защищена кандидатская диссертация по истории советской/российской социальной мысли в 1920–1930-х гг.: социология и истмат, социальная психология, коллективная рефлексология, педология, религиозно-философская социальная мысль. То был период радикальных изменений в социальных науках, ряд рассмотренных ею направлений были тогда на излете, другие только появлялись, но ни одно из них не находилось в состоянии «покоя». Козлова не ставила перед собой задачу «реабилитировать» или покритиковать кого-то из персоналий, было желание спокойно и по возможности основательно описать то, как сразу после революции в идейном корпусе общественных наук или шире – общественной мысли, включавшей самые разные направления, – менялось отношение к человеку как члену общества.

Об этих направлениях историки науки писали и раньше, но интерес к некоторым дисциплинам к какому-то моменту был закрыт, прежде всего, по идеологическим причинам. Никаких особых запретов в этой области в 1970–1980-е гг. уже не было, но в историческом анализе оставались стереотипы и клише, от которых и следовало освободиться.

В начале 90-х, уже после защиты кандидатской диссертации Козлова стала работать в группе Г. С. Батыгина; в его планах был

большой проект по реконструкции социологии советского периода – с послереволюционного времени и до наших дней. Предполагалось отойти от принятых в советское время канонов историографии, выяснить неизвестные или забытые факты истории и персоналии. Попробовать найти объяснения происходившему, свободные от принятых в советское время идеологем.

Это исследование было частью более широкого исторического проекта, который с конца 1980-х гг. проходил в СССР и связывался с возможностями непредвзято, вне идеологических ограничений, изучить прошлое, пользуясь открывшимися архивами и свободой слова. Тогда выходило много исторических книг и статей, содержавших настоящие откровения о советском времени и его деятелях. Изучавшие российскую и советскую социологию в советское время, правдиво излагали факты, но лишь доступные, да и возможности интерпретации были весьма ограниченными. Следовательно, существовала принципиальная, фундаментальная недосказанность и неполнота истории. В какой-то момент историческое описание – даже самое прогрессивное – достигло своего предела, и история как жизнеописание, как последовательность значимых фактов пришла в застой, стагнировалась. В рамках советской «парадигмы», пользуясь привычными стереотипами, фактически уже ничего нельзя было добавить к написанному ранее советскими историками социологии.

Команда Батыгина поставила перед собою задачу внимательного исследования фактологического аспекта истории социологии, особенно ее «темных» периодов. Перестройка открыла для этого необходимые возможности, сулившие новые результаты, «расширение» истории социологии, ее реконструкцию. Несколько лет было проведено в архивах, а в середине 1990-х, началось проведение автобиографических интервью с социологами, на глазах и при участии которых прошел большой отрезок истории советской социологии.

Очевидно, что в доперестроечное время «странное» по своей методологии и предметной особенности исследование А.А. Давыдова тоже не могло возникнуть в рамках Института социологии, тем более – быть возведенным до докторской диссертации и успешно защищенным.

Биографический сюжет № 111. А.А. Давыдов

В 1989 г. А.А. Давыдов, выпускник психологического факультета МГУ и сотрудник Института социологии, защитил кандидатскую диссертацию по традиционно для того времени звучавшей тематике – методолого-методические проблемы измерения ценностей в сфере труда. Но вскоре после этого, вспо-

минает он, его «схватила намертво» тема «золотого сечения» для анализа социальных систем, что-то притягивало, просматривалась научная перспектива; в вычислительном плане все было просто, но в теме чувствовалась глубина. Он стал работать с учеными Института системного анализа РАН, в частности, с Вадимом Николаевичем Садовским, классиком системного подхода в СССР.

Вот что он рассказывает:

В «Ленинке» я регулярно просматривал научные и научно-популярные журналы по разным наукам, реферативные журналы, новинки книг. Однажды я прочитал научно-популярную книгу А. С. Сониной о симметрии и связанных с нею понятиях [15], и эта работа определила мою научную увлеченность «золотым сечением» на долгие годы. «Золотое сечение» – это одна из мер соразмерности частей в целой системе, где $a/b = 1.618\dots$, где a – размер большей части, b – размер меньшей части. Например, для целого (100%), состоящего из двух частей, «золотое сечение» будет иметь место тогда, когда $a=61.8\%$, $b=38.2\%$. «Золотое сечение», как один из общесистемных параметров гармоничного соотношения частей, имеет солидное теоретическое и эмпирическое обоснование в общей теории систем, теории природных и социальных систем [16, С. 1094–1095].

Давыдов продолжал активно работать по планам Института социологии, регулярно публиковался, но тема «золотого сечения» оставалась как наваждение, от которого невозможно было избавиться. На мою просьбу к нему уточнить, были ли какие-либо внутренние предпосылки к размышлениям по этой теме, было ли ощущение дискомфорта, поисков чего-то неосознаваемого он ответил:

Не могу рационально объяснить, почему меня «захватила» эта книга. Так же, как и не могу рационально объяснить свой постоянный интерес к функционированию мозга и космологии. Возможно, социология изначально менее таинственна (как попроще), чем эти темы [16, С. 1095].

Некоторые из коллег Давыдова, в частности, математики, восприняли его поиски критично, другие – со скептической ухмылкой. Но были и те, кто пытался разобраться в его начинаниях. В целом, большинство относилось к ним безразлично, поскольку были незнакомы с данной проблематикой, или негативно. Никто не препятствовал заниматься «золотым сечением», воспринимая это как чудачество научного маргинала. Но Давыдова активно поддержал В.А.Ядов. Сначала он был рецензентом его монографии [17] по этой теме, опубликованной в 1994 г., а потом написал предисловие к ней. Он отметил, что ни-

чего в построениях Давыдова не понимает, но допускает, что в них что-то есть. Вторым рецензентом этой работы был В.Н. Садовский, которого Давыдов считает своим научным учителем в области системного подхода. В 1996 г. итоги работы по «золотому сечению» были оформлены в докторском исследовании и успешно защищены в Институте системного анализа.

Основная идея модульного анализ социума состоит в признании наличия механизмов, обеспечивающих связь между размерами и функциями частей в социальных системах. В приводимой ниже таблице этот механизм иллюстрируется для системы из двух частей, хотя созданные Давыдовым алгоритмы позволяют производить расчет пропорций между частями системы для любого числа элементов²¹.

Соответствие пропорций и функций в социальных системах

Размеры двух частей	Пропорция	Функция
50 : 50	$50:50=1$	Статичное равновесие
51,5 : 48,5	$51,5 : 48,5=1,062$	Динамическое равновесие
55,3 : 44,7	$55,3 : 44,7=1,237$	Развитие новых элементов
61,8 : 38,2	$61,8 : 38,2=1,618$	Развитие новых свойств
69,1 : 30,9	$69,1 : 30,9=2,236$	Развитие новых отношений
76,4 : 23,6	$76,4 : 23,6=3,237$	Баланс сохранения и развития
83,3 : 16,7	$83,3 : 16,7=4,998$	Сохранение сложившихся отношений
89,4 : 10,6	$89,4 : 10,6 = 8,434$	Сохранение сложившихся свойств
94,4 : 5,6	$94,4 : 5,6 = 16,857$	Сохранение сложившихся элементов
99,7 : 0,3	$99,7 : 0,3 = 297,2$	Динамический коллапс

Примечание: золотое сечение – $61,8:38,2=1,618$ (ряд Фибоначчи).

Согласно теории Давыдова, данные пропорции выступают в качестве аттракторов (притягивающих режимов функционирования), своего рода указателей особенностей функционирования социальных систем. «Переход» от одной пропорции к другой осуществляется «скачком», причем наиболее вероятно к соседней пропорции. Это подтверждают результаты обширных эмпирических исследований по различным показателям (экономика, демография, культура, политика, общественное мнение и т.д.) для разных стран на протяжении длительного периода времени.

²¹ Электронное письмо А. А. Давыдова Б. З. Докторову от 12 марта 2010 г.

Работы Давыдова трижды выдвигались на ежегодную премию РАН им. М.М.Ковалевского по социологии, но безуспешно. В первый раз выдвигал Н.И. Лапин, во второй раз – Институт системного анализа РАН, социологический факультет МГУ и Н.И. Лапин. В последний раз – Институт социологии РАН и Институт системного анализа РАН. Члены экспертной комиссии по премии ему откровенно говорили, что они его работу не понимают и потому не могут оценить полученных эмпирических результатов и разработанных компьютерных систем. В тоже время журнал «Социологические исследования» и другие издания Института социологии РАН, статьи о «золотом сечении» в социальных системах постоянно публиковали.

Представители четвертого поколения отечественных социологов первыми осваивали еще одну форму деятельности, чрезвычайно важную для развития новой социологии, Речь идет об издании независимых профессиональных журналов, о чем, естественно, их старшие коллеги не могли даже мечтать в молодые годы. Допускаю, что в разных городах России издается целый ряд независимых социологических журналов, в том числе – онлайн-новых, и может быть собран богатый материал для освещения многих аспектов этой темы. Здесь же ограничусь рассмотрением воспоминаний тех, о деятельности кого рассказывается в этом разделе.

Биографический сюжет № 112. Г.С. Батыгин

Г.С. Батыгин окунулся в журнальную работу в 1979 г., когда его взяли старшим научным сотрудником в редакцию журнала «Социологические исследования». В 1986 г. умер первый и многолетний редактор журнала А.Г.Харчев, и Батыгин остался за него. Он хотел делать настоящий, сильный, свободный, интеллектуальный и популярный журнал, и в редакции все его поддерживали, то было настоящее журналистское братство. Команда молодых социологов и редакторов, собранная им, заняла резко либеральную (леворадикальную) позицию и стала издавать почти что неподцензурный журнал. Цензура находилась в то время в тяжелом положении, но, по словам Батыгина, судьба научила его уважать цензоров, не считать их «душителями свободы слова». Они выполняли свою работу, и он сотрудничал с ними. Вместе они находили способы обхода цензурных запретов. Тираж «Социологических исследований» начал резко возрастать; отчасти это было обусловлено общим ростом тиражей толстых журналов. К тому моменту, когда его выбрали замом главного редактора, тираж составлял около 20 тысяч. Фантастическая цифра для научного журнала.

Вскоре пришел новый главный редактор – Анатолий Васильевич Дмитриев, который имел свою точку зрения на редакционную политику, Батыгин начал терять свою независимость. Статьи, которые он считал хорошими и вводил в журнал, изымались из номера. Ситуация становилась безысходной, и он ушел в Институт книги заместителем директора. Вскоре ушла и вся его команда.

В 1988 г. директором Института социологии становится В.А. Ядов, и Батыгин возвращается в институт. В 1994 г. при поддержке Ядова и Теодора Шанина, руководившего тогда фондом Сороса, Батыгину удалось получить грант на издание независимого «Социологического журнала».

Журнал существует уже почти два десятилетия и стал одним из ведущих российских социологических изданий, он имеет свое лицо, постоянных авторов и значительную читательскую аудиторию. После смерти Батыгина огромную собственно издательскую и организационную работу на посту заместителя главного редактора проводит Л.А. Козлова.

Биографический сюжет № 113. В.И. Ильин

В.И. Ильин, работая в Сыктывкарском университете, пришел к выводу о том, что единственно возможный способ возрождения социологии в России заключается в критическом освоении достижений западной науки. Возвращение к русской социологии начала XX века он считал важной, но второстепенной задачей, ибо научная модернизация через возврат на три четверти столетия назад – это опасная утопия. Чтобы идти вперед, следует отталкиваться от самых передовых научных достижений.

Этот принцип Ильин положил в основу издававшегося им альманаха «Рубеж». Будучи главным редактором этого издания, он, с одной стороны, активно вводил в оборот забытое наследие русской социологии, и в этом ему помогли И.А. Голосенко, В. В. Сапов и другие. С другой стороны, основной упор все же делался на введение в отечественный научный оборот достижений западной социологии. С первого номера он сотрудничал с Майклом Буравой, который и писал для «Рубежа», и делал для него интервью (например, с Эриком Райтом), и помогал с отбором авторов. В подготовке номеров «Рубежа» участвовали социологи из ряда стран Западной Европы. Альманах «Рубеж» Ильин начинал с женой, как почти семейное предприятие: вся работа выполнялась ими бесплатно, при этом жена на год ушла с хорошо оплачиваемой работы. Первую финансовую поддержку альманаха получил в виде спонсорской помощи одного бизнесмена, а затем – от фонда «Культурная инициатива» (Фонд Сороса) была получена издательская техника

на 6000 долларов. Через пару лет Сыктывкарский университет начал в минимальном объеме финансировать ключевые (полиграфические) расходы альманаха.

В описании своей «социологической одиссеи в Сыктывкаре» Ильин отмечает, что альманах просуществовал 10 лет и прекратил свое существование (2001 г.) без всяких веских внешних причин. Это было осознанное и добровольное хакакири на пике успеха. Причина проста: ему надоело это хлопотное, неблагодарное и дорогое для семейного бюджета дело [18].

Биографический сюжет № 114. М.Е.Илле

Теперь – о журнале, который с 1997 г. в Петербурге издает М.Е. Илле [19], это издание мне особенно близко, ибо я не просто многие годы сотрудничаю с ним и в последние годы являюсь членом его редакционного совета, но главное – на его страницах появилось большинство интервью, составляющих эмпирическую базу данной книги.

В декабре 1995 г. Илле был избран генеральным директором Социологического научно-исследовательского центра (СНИЦ), и он предложил издавать информационный бюллетень, в котором публиковать результаты собственных исследований и распространять его по подписке. В начале 1996 г. этот проект был реализован, начал выходить информационный бюллетень «Телескоп: наблюдения за массовым сознанием и повседневным поведением населения Петербурга». В нем публиковались результаты опросов населения по различным темам; стоимость – 300 рублей в год (шесть номеров, 50 рублей за номер). Тираж: количество подписчиков плюс некоторое число экземпляров в рекламных целях. Весь тираж печатался на ксероксе, шивку он осуществлял собственноручно. К концу года набралось около двадцати подписчиков, и Совет директоров принял решение о закрытии проекта в связи с его неэффективностью.

Но Илле было жаль бросать начатое дело, и в декабре 1996 года он зарегистрировал издание в Комитете по печати как средство массовой информации. Он планировал назвать журнал просто «Телескоп», но к тому времени СМИ с таким названием уже существовали, и возникло более длинное название; так появился «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев» (сейчас он называется: «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований»). С 1997 г. издание журнала стало индивидуальным проектом Илле, и в феврале вышел первый номер.

С должности генерального директора он ушел, полагая невозможным быть руководителем компании и при этом иметь свой

параллельный бизнес, но остался работать в СНИЦе в качестве исследователя. Доходов издание не приносит, все это скорее хобби, чем бизнес. Но журнал живет. Во-первых Илле всегда хотелось издавать журнал, на его шкале ценностей издание журнала имеет более высокий рейтинг, чем руководство исследовательской компанией. Немаловажную роль сыграло еще одно обстоятельство: статьи, которые он писал по результатам эмпирических исследований, всегда охотно принимались к публикации в разных изданиях, но когда он предлагал редакциям тексты теоретического характера, то возникали трудности. Желание не зависеть от вздорных и необоснованных отказов в публикации и варварских редакционных правок было немаловажным стимулом попытаться сделать собственный журнал. Учитывая свой печальный опыт, он редко отказывает авторам, присылающим свои статьи в «Телескоп», и время от времени публикует тексты, которые вряд ли были бы опубликованы в других изданиях. Кроме того, любые сколь-нибудь существенные правки он в обязательном порядке согласовывает с авторами.

Журнал выходит шесть раз в год, и с 1997 г. вышло свыше 80 номеров; общее количество опубликованных статей – около семисот, авторов – много сотен. Илле считает, что социология сродни фотографии, документальному кино, социологи помогают сохранить и передать будущему описание времени в фактах, деталях, ракурсах, доступных именно социологии. Через полвека историки из данных социологических и маркетинговых исследований будут узнавать, какие проблемы волновали людей, живших в конце XX – начале XXI века, какие фильмы они смотрели, какие товары покупали. Поэтому он активно публикует результаты эмпирических исследований, содержащих подробное описание поведения и сознания населения и его основных групп.

Новый вызов: изучение общественного мнения и рынка

Настоящий раздел – продолжение предыдущего, но в силу двух важных для логики описания четвертого поколения отечественных социологов обстоятельств, он выделен в самостоятельную «единицу» структуры книги. Во-первых, восемь из четырнадцати проинтервьюированных представителей этой группы в определенный период своей жизни были в той или иной степени вовлечены в проведение опросов населения или рассматривают изучение общественного мнения в качестве главного направления своей деятельности. Во-вторых, изучение общественного мнения и, особенно, исследование рынка представляется той областью социологической деятельности,

в которой в настоящее время занята значительная часть специалистов, имеющих социологическое образование или опыт прикладных социологических исследований. Произошедшее явно не случайно, это отражение комплекса событий, относящихся к перестройке и к политико-экономическим процессам, ставшим ее продолжением.

Не четвертое поколение первым приступило к зондированию общественного мнения в СССР/России. Все началось за несколько десятилетий до начала перестройки с опросов и теоретических разработок Б.А. Грушина. Изучением массовых установок до середины 80-х занимался и ряд социологов предыдущих поколений, профессиональные траектории которых рассматривались выше; напомним: Е.И. Башкирова, Т.И. Заславская, Я.С. Капелюш, Л.Е. Кесельман, Ю.А. Левада, Е.С. Петренко, Ж.Т. Тощенко, Б.М. Фирсов, Ф.Э. Шереги, В.Э. Шляпентох, автор данной книги тоже относится к этой группе. Ряд этих ученых сохранял интерес к этой области социологии в «нулевые» годы нового тысячелетия и продолжает работу в начале «десятих». И все же, ни в одном из поколений социологов полстерская деятельность не была столь распространенной, как в четвертом.

Вернемся к рассмотрению жизненных путей тех представителей четвертого поколения, элементы профессионального движения которых уже обсуждались в этой главе. В начале 80-х, когда в течение непродолжительного времени Батыгин сотрудничал с «Литературной газетой», он проводил опросы читателей.

Тарусин несколько лет работал во Всесоюзном (Всероссийском) центре изучения общественного мнения, а затем – в Фонде «Общественное мнение».

Работая в Сыктывкарском университете, Ильин и его коллеги создали социологическую лабораторию, где начали проводить первые эмпирические исследования, которые уже можно было не согласовывать с людьми, знавшими, какие выводы надо получать. Пик активности их лаборатории – 1988–1989-й годы, когда они круглый год изучали электоральный процесс в Коми АССР и консультировали некоторых кандидатов в народные депутаты СССР. Все трое победили на выборах, а один даже стал министром юстиции СССР.

Давыдов в 1984 г. поступил в заочную аспирантуру Института социологии АН СССР, а через год был принят в институт на должность младшего научного сотрудника в Центр изучения общественного мнения – одного из институтских подразделений. Он занимался расчетом выборок и статистическим анализом результатов опросов общественного мнения на ЕС ЭВМ. Определенные навыки в этом он приобрел на прежней работе, кроме того ему был интересен анализ данных.

Биографический сюжет № 115. М.Е. Илле

Илле свыше двух десятилетий работает в небольшой независимой фирме, известной в Петербурге как СНИЦ – Социологический научно-исследовательский центр, занимающий заметное место среди организаций, проводящих опросы общественного мнения и изучающих рынок; его воспоминания вводят в процесс создания подобного рода аналитических структур. «История СНИЦ, – по мнению Илле, – это большая тема, тесно переплетенная с историей становления и развития исследований рынка и общественного мнения в Петербурге, которая может быть предметом самостоятельного исторического исследования. Если коротко коснуться этой темы, то в начале 90-х годов СНИЦ был одним из крупнейших независимых центров в городе и занимал лидирующее положение на рынке, но в дальнейшем сохранил лидерство организации не удалось. Это произошло, на мой взгляд, по двум основным причинам» [19, С. 4].

Во-первых, отмечает Илле, на этапе акционирования в 1992 г. основателями компании было принято благородное, но стратегически неверное решение – пакет акций был распылен между всеми основными сотрудниками, работавшими в то время. Отсутствие контрольного пакета в руках одного или, по крайней мере, двух-трех собственников сделало принятие решений по стратегическим вопросам дальнейшего развития непростым и конфликтным делом. Демократия в бизнесе сыграла плохую службу. Во-вторых, в то время в СНИЦ собрались амбициозные, энергичные люди, с высоким уровнем притязаний, которым оказалось тесно в одной лодке, и, кроме того, возможности капитана оказались весьма ограниченными. Поэтому, начиная с 1994 г., происходило не наращивание мощи и потенциала компании, а сдача завоеванных позиций. Уходившие специалисты уводили с собой часть клиентов, с которыми они непосредственно работали. Особенно чувствительным оказался уход в 1995 г. Р.С. Могилевского [20], с которым ушел весь отдел маркетинга. Итогом этого процесса стало то, что во второй половине 2010-х гг. в Петербурге работало шесть исследовательских центров, созданных или возглавлявшихся бывшими сотрудниками СНИЦ.

Биографический сюжет № 116. А.Ю. Мягков

Обращение к интервью с А.Ю. Мягковым одновременно показывает изменения, которые внесла перестройка в его профессиональную жизнь, и путь его движения в сторону изучения общественного мнения. В январе 1983 г. он защитил в ИСИ АН СССР кандидатскую диссертацию по критике советологических концепций интеллигенции, правда, вспоминает он, «нака-

нуне предзащиты, когда диссертация была почти готова, мне было настоятельно предложено заменить в названии слово «советологические» концепции на «социологические» с учетом профиля института» [21, С. 6].

Завершились его аспирантские годы в Москве, он вернулся в Иваново и через месяц после защиты приступил к работе на своем прежнем месте – кафедре научного коммунизма в сельхозинституте.

Он полагал, что вернется из суетной Москвы в тихое и спокойное Иваново, но это было заблуждением. Во-первых, он оказался в тяжелой психологической атмосфере: фальшь, лицемерие, интриги, постоянные «проработки» на всех уровнях, высокомерие, унижение и несправедливость. Во-вторых, он встретился с полной профессиональной невостребованностью, никакая социология (равно как и история, философия и проч.) никому не была нужна. Всех мучили «общественной работой», которая была тогда главным критерием оценки профессиональной деятельности любого преподавателя.

Не будучи членом партии, а к тому времени уже и комсомольцем, он открыто начал возражать и возмущаться против этих порядков, отказываться от бесчисленных «нагрузок» и поручений. Сначала декан на каком-то из партсобраний назвал его фамилию и заявил: «Такие преподаватели нам не нужны». В 1984 г. один из областных партийных чиновников в его присутствии на полном серьезе обсуждал по телефону с ректором института, в котором он работал, возможность подготовки официального письма в ВАК с ходатайством о лишении его ученой степени кандидата наук за то, что он «не любит партию». Хотя серьезных оснований для каких бы то ни было санкций против него у его недоброжелателей не было, ему запретили читать лекции студентам и надолго заблокировали избрание на должность доцента. Свое первое ученое звание он получил лишь через пять лет после защиты диссертации, в конце 1988 г.

Но от одного общественного поручения он не смог отказаться и выполнял его с удовольствием и интересом. Это было в начале 1986 г., сменилось руководство вуза, пришел молодой, прогрессивный ректор и был избран новый секретарь, мысливший в перестроечном духе, уволили прежнего декана. В вузе заговорили о необходимости систематического изучения и учета общественного мнения преподавателей и студентов и, соответственно, о создании социологического Центра ИЭИ. Сначала Мягкову поручили заняться организационными вопросами, а затем и возглавить работу Центра.

Поначалу они вели только внутривузовские исследования, но с 1987 г., стали выходить на уровень города и области, ра-

ботать с промышленными предприятиями, с редакциями областных газет, радио и телевидения, а с конца 1980-х гг. – и с органами городского и областного управления.

Стали поступать заказы на проведение исследований, просьбы о публикации наиболее значимых результатов в различных СМИ. За три перестроечных года им было опубликовано свыше 50 больших социологических материалов (объемом до целой газетной полосы) на разные темы во многих ивановских газетах и журналах. В те годы Центр был единственной в Иваново организацией, проводившей опросы населения.

В конце 1990 г. пришло время для проведения электоральных исследований и прогнозирования исхода голосований. Выборы мэра г. Иваново в 1990 г. стали для работников Центра первой серьезной проверкой на профессионализм, прогноз, к всеобщей радости, оказался удачным и на редкость точным. К рекомендациям Центра стали прислушиваться, а прогнозам – доверять.

Хотя социологический Центр имел общеинститутский статус, фактически он существовал при кафедре научного коммунизма. Но под влиянием деятельности Центра менялась и кафедра. В 1989 г. она была переименована в кафедру теории социализма и социологии, а в 1990 г. – в кафедру политологии и социологии.

В процессе анализа материалов опросов, при проведении методических исследований у Мягкова постепенно возник особый интерес к диагностике и профилактике неискренних ответов респондентов. Полувековая разработка этой классической проблематики американскими методистами давала массу ярких примеров опасности «ошибок сообщения» респондентов. Стимулировала его поиски и небольшая брошюра его московских коллег «Измерение искренности респондента» [22]. Мягков не уходил в докторантуру, не брал творческий отпуск, до дня защиты в полном объеме выполнял обязанности заведующего социологической кафедры, не было особого периода, в течение которого он «писал» диссертацию. Все происходило непринужденно, естественным образом. Докторская выростала из всей совокупности сделанного им.

Выше отмечалось, что Батыгин достаточно быстро стал лидером своего поколения. Еще одной иллюстрацией этого положения является рассказ А.Е. Чириковой о ее первой встрече с Батыгиным и его активной помощи в публикации ее статьи в «Социологических исследованиях». Аналогичное внимание Батыгина к ровесникам, начинавшим свой путь в социологию, и, с другой стороны, признание в нем старшего по цеху, присутствует и в воспоминаниях Мягкова.

Текст диссертации им был завершён в ноябре 2001 г., и в начале декабря он приехал к Батыгину. Привез статью для «Социологического журнала», а заодно решил посоветоваться по диссертации и прозондировать возможность защиты в совете ИС РАН. По словам Мягкова, ему нужна была объективная оценка проделанного человеком, которого он чрезвычайно ценил и к которому всегда относился с огромным уважением. К тому моменту они немного знали друг друга, так как познакомились ещё в начале 1980-х годов. Мягков – тогда начинающий аспирант, а Батыгин – заметная фигура в «Социологических исследованиях». Затем были периодические встречи в Ленинской библиотеке.

Мягкова, приехавшего с текстом докторской диссертации, поразили теплота приема и непринужденность общения. «Вот это – тот самый Мягков», – сказал Батыгин, представляя его сотрудникам своего сектора и журнала. Он выложил на стол план (оглавление) диссертации, список своих трудов, рукопись монографии, двумя часами ранее сданную в издательство «Флинта; Наука», и рассказал о своих планах на подготовку защиты. На его просьбу выступить в роли научного консультанта по диссертации Батыгин ответил: «Зачем же консультантом, я мог бы пригодиться вам в качестве официального оппонента. Это гораздо важнее» [21, С. 10].

С этого времени их общение стало регулярным, они часто обменивались звонками или и-мейлами. В конечном счете у них сложились теплые, искренние человеческие отношения, взаимное партнерство и сотрудничество. Они вместе работали над международным проектом по изучению молодежных девиаций, задуманным Г.С. Батыгиным совместно с социологами из Швейцарской академии социального развития, а затем в Иванове обсуждали результаты исследований. Вместе ходили по ивановским «коридорам власти» и различным общественным организациям, продвигая общий проект, а потом готовили и проводили международную конференцию «Будущее российской молодежи» в конце мая 2003 г..

В конце декабря 2002 г. успешно прошла предзащита. Через некоторое время Мягков привез Батыгину отпечатанный автореферат, он, мельком взглянув впечатанную дату защиты, заметил: «А вот это вы зря!» – «А что, – удивленно спросил я, – разве что-то еще может произойти?» – «Может... – ответил он, – ...может быть все что угодно, даже самое непредвиденное... нужно быть готовым к любым неожиданностям». Конечно, никто не мог предвидеть случившегося вскоре: 1 июня 2003 г. Батыгина не стало... Совет, назначенный на 4 июня, отложили, были похороны. Защита состоялась двумя неделями позже [21, С. 10–11].

Биографический сюжет № 117. Н.В. Ядов

С перестройкой связан и переход в область изучения общественного мнения и рынка Н.В. Ядова. До этого он многие годы работал в социологической лаборатории Кировского завода в Ленинграде, одной из сильнейших заводских социологических служб города. Свой переход в создававшееся в конце 80-х Северо-Западное отделение ВЦИОМа он объясняет так: «Я ушел именно потому, что хотел работать в области исследований общественного мнения. Это, конечно, звучит громко, но я считал, что открытые опросы общественного мнения – верный признак демократического государства, тем более, что о маркетинге тогда никто не слышал. Нужно вспомнить атмосферу того периода. Всю свою сознательную жизнь я читал и слышал в СМИ, что “весь народ в едином порыве” и проч. А в своем окружении никакого порыва не обнаруживал. И тут появлялась возможность понять, какова ситуация на самом деле. Так что интерес был совершенно не академический» [23, С. 16].

В 1989 г. он защитил кандидатскую диссертацию по психологии и сразу вслед за этим возглавил названную службу, и затем преобразовал ее в независимую российско-финскую фирму по изучению общественного мнения и рынка. Потому одной из центральных тем нашей беседы стал комплекс вопросов по организации деятельности нового типа полстерской службы.

На первых порах, рассказал Николай Ядов, никаких особых трудностей не было, строили сеть интервьюеров на северо-западе. Тогда отношение людей к опросам, включая местные власти, было очень благожелательное. Лишь иногда приходилось получать разрешения на опрос у местных партийных или милицейских начальничков. Опросов тогда было – один в месяц. Общение с респондентами ничего кроме удовольствия не вызывало. Приглашали попить чайку и проч. Нельзя сказать, что это удивляло полстеров. Людей впервые в жизни спрашивали об их мнении. В их глазах они были представителями государства. О тех годах у Ядова осталось впечатление того, что отказов практически не было, во всяком случае, в сравнении с тем, что стало наблюдаться позже.

Профессиональных бригадиров в селах и малых городах, конечно, не было и быть не могло, но среди местной интеллигенции находились люди, готовые помогать; как правило, это были учителя. Платили бригадирам по тем временам довольно неплохо, правда, покупать было особенно нечего. А вот его общее ощущение от работы в тот период: «Конечно, не все было гладко, но в памяти остается общий эмоциональный настрой. Было ощущение, что мы делаем хорошее дело, и в целом все это

было интересно. А кроме того, во время и после путча 91-го года у меня, я помню, появилась уверенность, что вокруг нас граждане страны, а не население, как, например, сейчас» [23, С. 16].

Однако наступил 1993 г., государственное финансирование практически прекратилось. Руководство ВЦИОМ не гарантировало постоянный объем заказов, последовала команда «Спасайся, кто может!». Волнения Ядова тогда концентрировались на финансовой стороне их деятельности. Цены начали опускаться, потихоньку формировался рынок, но никто в этих условиях работать не умел. Опрашивать они уже научились, а независимую финансовую и хозяйственную деятельность вести не умели. Однако среди сотрудников был С. В. Дукальский, в прошлом – военный финансист. Это было огромное везение; ведь бухгалтеров фактически не было, одна тысячная от потребностей экономики. Работал и молодой сотрудник Алексей Кропотов, начинавший интервьюером. Он первым сообразил, что пора заняться собственными проектами, а не только делать «московские поля». Они потихоньку начали проводить маркетинговые опросы и постепенно дошли до простой мысли: уметь хорошо сделать – это меньше половины дела, главное – продать результаты.

Первые лет пять они в основном собирали данные для ВЦИОМа и других исследовательских центров, тематика была почти исключительно общественно-политическая. Развивались мелкие кооперативы, крупные предприятия еле дышали, кроме того, потенциальные заказчики не знали, что они заказчики. Зато стали появляться некоторые западные компании, задумывавшие что-то продавать в России.

Первое исследование, которое они сделали от анкеты до таблицы, состоялось зимой 1993–1994 гг.. Заказчиком выступила финская компания Fazer, известная тогда в России лишь своими плитками шоколада. Тема была классическая: имидж марки. Проект оказался историческим для питерских исследователей, они плохо представляли сроки обработки, и чтобы успеть в срок, работали сутками, ночевали на работе. Тогда сформировался костяк коллектива, почти не изменившийся в течение последующего десятилетия.

В 1994 г. вторая по размеру финская маркетинговая компания Талоустуткимус ОЙ (сокращенно ТОЙ) искала партнера в России. Насколько запомнил Ядов, возглавлявшуюся им компанию финнам рекомендовал А.А.Ослон. Первая встреча состоялась в Таллине, потом – в Хельсинки и в Петербурге. В итоге образовалась совместная компания «Той-Опинион». Вслед за этим к ним не пришли какие-либо совсем новые методы исследований, но финские коллеги помогли им усвоить некоторые базовые принципы коммерческих исследований.

Советская академическая наука, по большому счету, не считала ни времени, ни денег.

С 1994 г. доля маркетинговых исследований в портфеле «Той-Опiniон» медленно росла, практически все они заказывались иностранными производителями товаров первой необходимости. После кризиса 1998 г. начала резко увеличиваться доля российских заказчиков при почти полном отсутствии иностранцев, начали появляться проекты под дорогие товары, например, автомобили.

Приведенные воспоминания Илле, Ильина, Мягкова и Ядова представляются чрезвычайно важными не только для изучения жизненных и профессиональных траекторий представителей четвертого поколения советских/российских социологов. Они показывают, как в постперестроечный период расширилось поле деятельности социологов, как они осваивали электоральные опросы и процедуры прогнозирования итогов выборов, как учились измерять отношение разных групп населения на происходившие в стране социальные и политические преобразования, как осваивали методологию и приемы изучения рынка. Ильин и Мягков представили варианты того, как это происходило в небольших городах – Иваново и Сыктывкаре, где до перестройки фактически не проводились социологические исследования, где опросы были безусловным знаком времени. Воспоминания Илле и Ядова относятся к Ленинграду/Петербургу, где зарождалась постхрущевская социология и где существовала продолжительная традиция опросов населения, в том числе изучения общественного мнения. При всем различии того, что обнаруживается в рассказанном ими, их объединяет то, что осуществлявшиеся ими зондажи политических, социальных, потребительских установок проводились на локальном уровне: город и область.

Литература

1. Тарусин М.: «Мы формировались во времена отрицания» // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 55–79; см. также Том 2, С. 1262–1287.
2. Здравомыслова Е. А.: «Моя профессиональная жизнь характеризуется “счастливым браком” гендерных исследований с качественной методологией» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 6. С. 9–15; см. также Том 2, С. 1103–1120.
3. Батыгин Г.С. «Никакого другого пути я даже помыслить не мог...» // Социологический журнал. 2003. №2. С. 115–131.
4. Социология в России / Под редакцией В.А. Ядова. 2-е изд. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН. 1998.
5. Бачинин В. А.: «...Объединяющим началом веры и науки выступает личность ученого-социолога, его мировоззрение» // Социологический журнал. 2010. №3. С. 123–147; см. также Том 2, С.1032–1058.

6. Бесплова Ю.М.: «В социологии я оказалась и случайно и неслучайно» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 1, С. 2–11; см. также Том 2, С. 1059–1087.
7. Ильин В.И.: «Социология как образ жизни – это автономная сторона социологии как профессии» // Социологический журнал. 2010. №2. С. 134–160; см. также Том 2, С. 1136–1165.
8. Hough J.F. Soviet Prefects: the Local Party Organs in Industrial Decision-making. Cambridge: Harvard University Press, 1969.
9. Ильин В.И. Поведение потребителей: Краткий курс. СПб.: Питер, 2000.
10. Ильин В.И. Социальное неравенство. М.: Центр социологического образования ИС РАН, 2000.
11. Семенова В.В.: «Мой долгий путь к профессии» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 6. С. 2–12; см. также Том 2, С. 1231–1261.
12. Семенова В. Качественная методология: введение в гуманистическую социологию. М: Добросвет. 1998.
13. Чирикова А.Е.: «Мой профессиональный выбор был правильным» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 1. С. 2–13; см. также Том 2, С. 1288–1320.
14. Козлова Л.А.: «Мы были маргиналами, только следующее поколение получило профессию “социолог”» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 4. С. 6–16; см. также Том 2, С. 1166–1195.
15. Сонин А. С. Постигание совершенства. Симметрия, асимметрия, диссимметрия, антисимметрия. М.: Знание. 1987.
16. Давыдов А.А.. «Мои занятия “золотым сечением” воспринимали как чудачество научного маргинала». Том 2, С. 1088–1102.
17. Давыдов А.А. Модульный анализ и конструирование социума. М.: ИС РАН, 1994.
18. Ильин В. И. Социологическая одиссея в Сыктывкаре: очень субъективные заметки // Мир России. 2005 г. XIV № 4, С. 192–205.
19. Илле М.Е.: «За 10 лет “Телескоп” опубликовал не менее 500 статей не менее сотни авторов» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 1. С. 2–7; см. также Том 2, С. 1121–1135.
20. Могилевский Р.С.: «Я бы назвал себя социологом–консультантом...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 2. С. 2–13; см. также Том 2, С. 759–795.
21. Мягков А.Ю.: «Иной судьбы для себя просто не представлял» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 2. С. 2–11; см. также Том 2, С. 1196–1230.
22. Давыдов А.А., Давыдова Е.В. Измерение искренности респондента. М.: Институт социологии РАН, 1992.
23. Ядов Н. В.: «Хочется жить в нормальной либеральной стране» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 2. С. 12–19; см. также Том 2, С. 1321–1342.

РАЗДЕЛ III

От биографий к истории

Название Раздела III «От биографий к истории» – это переформулировка исследовательского направления, названного выше «история в биографиях». Его главный ориентир – через изучение воспоминаний социологов попытаться воссоздать далекое и близкое прошлое советской/российской социологии. Признавая принципиальную возможность подобного перехода, имеет смысл указать на сложность реализации такого замысла. Во-первых, само прошлое – многоаспектно, процессуально, многоцветно. Во-вторых, в силу объективных и субъективных причин картины прошлого разных участников опроса различны. Каждый воспринимал лишь отдельные звенья цепочки происходившего и все «прочитывал» по-своему, к тому же, нередко в воспоминаниях освещались события многодесятилетней давности, в частности те из них, которые в свое время человек не пытался запоминать. Хотя среди них были и те, которые оказались поворотными в его жизни. Безусловно приходится учитывать еще одно обстоятельство: мало кто способен сохранить в себе неизменными чувства и отношение к происходившему и через многие годы в точности передать их.

Представляется, что методология перехода от биографий социологов к истории социологии должна включать в себя два следующих базовых допущения. Первое, семантическое, или событийное пространство, конструируемое историком, – неоднородно, в нем есть области «сгущения» и есть зоны меньшей «плотности». Таким образом, анализ прошлого, прежде всего, включает в себя поиск «тяжелых точек», т.е. очерчивание кластеров, плеяд, констеляций «близких» событий, присутствующих в воспоминаниях респондентов. Это может быть временная, или хронологическая близость, географическая или территориальная, тематическая, может быть «соседством» в коммуникационной сети. Пока сложно даже в первом приближении обозначить координаты обсуждаемого пространства.

Второе допущение – картина прошлого не может писаться быстро, большими мазками и небольшим набором красок. Историю надо представлять в виде огромного мозаичного панно, годами составляемого из множества разноцветных, разнофактурных и разновеликих элементов разной формы. По законам восприятия такую мозаику, как и любое крупномасштабное произведение – архитектурное, живописное, скульптурное – надо рассматривать на удалении, приближаясь к ней в тех случаях, когда оказывается возможным достроить какой-либо ее фрагмент.

К настоящему времени задуманы и частично «выложены» несколько мозаичных исторических сюжетов. Так, через ка-

кое-то время весьма интересной окажется коллекция воспоминаний о том, как социологи находят, открывают тему, которую сразу признают «своей» и затем в течении ряда лет активно ее разрабатывают. Общее представление об этой слабо изученной стороне творчества ученых можно получить, обратившись, например, к интервью с А.А.Давыдовым, Т.И.Заславской, Л.Г.Иониным, Л.Е.Кесельманом и В.А.Ядовым (том 2), а также к биографическим очеркам об А.Н. Алексееве и Б.А.Грушине (том 3).

Уже сейчас представляется обыденным существование независимых социологических организаций, однако до середины 1980-х их не только не было в стране, но и не могло быть. Накопленный материал пока не позволяет достаточно объемно описать становление в России исследовательских, аналитических организаций нового типа, но воспоминания тех, кто стоял у истоков этого процесса (том 2, интервью с В.М. Воронковым, М.Е. Илле, Р.С. Могилевским, Ф.Э. Шереги, Н.В. Ядовым), крайне полезны для понимания многих научно-организационных изменений, происходивших в отечественной социологии в конце прошлого века.

Еще один пример, совместное изучение биографических интервью с 25 социологами разных поколений (Гл. 4), профессиональное становление которых проходило в Ленинграде, дает возможность для углубленного анализа особенностей «ленинградской социологической школы», оказавшей заметное влияние на развитие всей советской и постсоветской социологии.

В настоящий раздел вошли два историко-социологических сюжета, построенные с учетом описанных методологических положений. Они – о слабо освещенных в российской специальной литературе сторонах деятельности социологов в доперестроечные годы.

Андрей Платонов сказал о себе: «Народ без меня не полон», но это и о каждом. Так и написанная история не передает правды, если в ней нет полноты. Сегодняшняя история постхрущевской советской/российской социологии – не говоря о более удаленном прошлом отечественной социологии – может быть представлена как множество «белых пятен», внутри которых и в пространстве между которыми и есть нечто изученное, известное.

Прежде всего, написанная история слабо наполнена именами тех, кто ее делал и продолжает делать. Численность двух первых профессиональных когорт была невелика, но и не настолько мала, как это может следовать из опубликованных историко-научоведческих исследований. Особенно слабо представлены в них социологи, работавшие вне Москвы, Ленинграда и Новосибирска. Более десяти лет назад одним из первых на этого рода «цен-

тризм» в освещении истории социологии советского периода справедливо указал Н.А. Аитов [1].

Есть второе, существенное по площади, «белое пятно». Советская социология делалась не только на территории России. Сильные коллективы работали в Украине, Белоруссии, Эстонии, Литве, создавались школы в Грузии и Армении. Без изучения сделанного в этих странах история советской социологии не может считаться полной. Приведу мнение Ж.Т. Тощенко по поводу высказанного мною в нашем интервью суждения: «Ведь Москва становилась центром социологических исследований»:

Я хотел бы высказать сомнение по поводу Вашего утверждения, что Москва в то время была центром социологических исследований. В первой половине 1960-х годов еще только созревали предпосылки для появления значительных лиц и проектов, если не считать исследования Г.В. Осипова, посвященного рабочему классу. В шестидесятые годы существовало даже расхожее выражение «Москва – социологическая провинция». В то время признанными центрами были Ленинград (В.А. Ядов), Свердловск (Л.Н. Коган), Уфа (Н.А. Аитов), Новосибирск (Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина, В.И. Бойко). Достаточно уверенно демонстрировали свои силы социологи Минска (Г.П. Давидюк), Харькова (Е.А. Якуба), Тбилиси (А.А. Габиани). Были серьезные социологические центры (я не говорю о своей лаборатории при Красноярском университете) на Алтае (В.Н. Барулин, затем С.И. Григорьев), в Иркутске (Г.И. Мельников), Горьком (С.Ф. Фролов), Куйбышеве (Е.Ф. Молевич), Перми (З.И. Файнбург), Орле (И.Т. Левыкин), Саранске (А.И. Сухарев), Челябинске (В.Г. Мордкович), Донецке, Ростове, Ереване, Ташкенте и других городах. Каждый из этих центров внес серьезный вклад в развитие социологических исследований. Тогда существовала практика регулярных встреч – конференции, семинары, круглые столы; все это давало новые возможности для углубленного решения теоретических и прикладных задач [2, С. 155].

Никогда ранее не слышал о «социологическом провинциализме» Москвы на советском фоне, но очевидно, что тема соотношения «центра» (или центров) и «периферии» в процессе развития социологии в СССР в 60-е годы и позже требует своего направленного анализа.

Еще одна скрытая, не известная нам социология «лежит» в квартирах ученых, в шкафах давно существующих секторов, на полках научных библиотек, в темных кладовках институтов, в закромах КГБ, в архивах документов КПСС и других властных организаций. Определенная часть информации хранится в библиотеках зарубежных университетов и исследовательских центров. К примеру, часть своих богатейших архивов были переданы Б.А. Грушиным и Л.Н. Столовичем в Стэнфордский университет.

Одна из целей исторических поисков – сокращение количества и уменьшение площадей указанных «белых пятен». И этого никак нельзя откладывать на «попозже». Уходят свидетели полувекowego процесса развития советской/российской науки, и многое из еще сохраняющегося вскоре может исчезнуть навсегда.

И все же проблема есть

Прежде всего, именно опубликованные книги, статьи, сборники тезисов позволяют очертить предметную направленность исследований советских социологов, оценить состояние методического арсенала и значение полученных ими результатов. Столь же ясно, что существовало множество объективных и субъективных, внешних и внутринаучных, локальных и повсеместно проявившихся обстоятельств, препятствовавших публикации сделанного, адекватному изложению полученных исследователями фактов и выводов.

Т.И. Заславская считает попросту «стертыми» три года своей жизни. В 1959–1961 годах она и ее коллега разрабатывали методику сопоставления производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США. Получалось, что в конце 1950-х гг. производительность сельскохозяйственного труда в США была выше, чем в СССР, в среднем в 4–5 раз, но незадолго до окончания их работы Н.С. Хрущев с трибуны партийного съезда заявил, что разница составляет «в среднем в 3 раза». Отдел науки ЦК КПСС немедленно распорядился вернуть в институт, поместить в сейф и опечатать уже разосланные экземпляры доклада, более того, у них отобрали даже все расчетные материалы. О публикации почти готовой монографии и думать не приходилось. Она радовалась тому, что их не уволили, не понизили в должности и не дали партийных или административных выговоров.

Интересна история публикации книги «Человек и его работа», с которой во многом начиналось становление постхрущевской российской социологии. По воспоминаниям В.А. Ядова, при подготовке книги издательство «Мысль» запросило официальную рецензию у Н.И. Лапина. Он ничего не говорил об этом Здравомыслову и Ядову, а сами они узнали это лишь после публикации в 2003 г. «Человек и его работа в СССР и после» [3]. В обновленном издании они восстановили главу о советских и американских рабочих и пояснили, что цензура изъяла ее в первом издании. Подарили они новую книгу Лапину, и вскоре он звонит и говорит: «Что вы там нафантазировали? Какая цензура? Вы знаете, что редакция вообще отказывалась

принять работу только потому, что был подзаголовок “Социологическое исследование”? Я, обормоты, вас спас, предложив убрать пятую главу» [4 С. 4].

Теперь этот же сюжет в изложении Н.И. Лапина. В 1965 г. директор издательства «Мысль» попросил его дать внутреннюю рецензию на рукопись книги «Человек и его работа», поскольку поступила авторитетная внешняя рецензия, в которой выражались большие сомнения в целесообразности издания книги в представленном виде. Лапин поддержал издание рукописи, предложив снять только одну, последнюю главу, в которой авторы полемически сопоставляли свою позицию с позицией одного из американских социологов и которая вызвала наибольшие возражения рецензента и сомнения директора издательства. Авторы согласились, и книга была опубликована.

В серии исследовательских вопросов историко-наукovedческого плана, порождаемых приведенными и схожими историями, возникает и такой: «В какой мере опубликованные работы отражают множество проблем, изучавшихся социологами в предпрестроенные годы, и характер научных выводов?». В электронной беседе с Н.И. Лапиным я привел ряд названий работ, которые были опубликованы через много лет после того, как они были написаны, и заметил: «Эти и подобные примеры, не говоря о самоцензуре, дают возможность предположить, что анализ советских социологических публикаций не позволяет историкам науки сейчас, тем более – в будущем сделать обоснованный вывод о результатах исследований советских социологов в конце 1960-х – начале 1980-х годов. Что Вы думаете по этому поводу?». Лапин отметил [5, С. 162], что приведенный мною перечень фактов можно продолжить, но все же сказал, что мои опасения сильно преувеличены. Вместе с тем, по его мнению, *проблема соотношения опубликованного и не увидевшего свет существует*, и ее решение требует интенсивной работы, в том числе кандидатских и докторских исследований, проводимых в центре и регионах.

Тема соотношения ставшего гласным, «приторможенного» и «замороженного» обсуждалась и с Т.И. Заславской. Исследовательские вопросы звучали так: В какой мере вообще историки могут на основании опубликованных работ судить о развитии, направленности, размахе советской социологии? Вам удалось опубликовать основные результаты своих исследований?

Приведу фрагмент ответа Заславской:

Тот факт, что опубликованные и неопубликованные результаты – вещи существенно разные, очевиден. И догадаться о том, что именно было сделано, но погребено в архивах КГБ, невозможно. Но вот интересный момент. Когда нам с Аганбегяном давали выговор на обкоме

КПСС за семинар и «Манифест», одним из докладчиков был главный цензор Новосибирской области Ващенко. Его доклад базировался на огромном количестве вырезок из материалов, представлявших журнал Аганбегяна «ЭКО» и не допущенных бдительной цензурой к публикации. Генеральная идея выступления Ващенко заключалась в том, что журнал «ЭКО» – антисоветское издание, по существу каждый его номер содержит недопустимые утверждения, и ЛИТО вынуждено постоянно «стучать ножницами», искореняя крамолу. Вывод же был простым – закрыть журнал. Я вспомнила об этом потому, что ведь у Ващенко-то эти материалы остались. И, возможно, в каждом городском или областном цензурном комитете хранятся различные вырезки, представляющие интерес для историков науки.

Когда в 1970 г. мы представили в ЛИТО книгу о миграции сельского населения, цензор потребовал исключить главу о миграции молодежи. А ведь в этом была вся суть, уезжала-то, главным образом, молодежь. Было безумно обидно... в конце концов, мы большую часть данных все же распахали по другим главам. Но в результате исчез «эффект букета», и для читателя проблема как таковая исчезла, можно было увидеть лишь ее отдельные аспекты.

И все же основные результаты нашей работы были опубликованы, пусть и с определенной задержкой. Категорически не проходили скорей отдельные соображения, разделы, редко – целые главы. Мы научились обманывать цензуру, облекая свои мысли в такую форму, что умному читателю они были понятны. Стремясь уйти от цензуры, мы значительную часть работ выпускали в форме препринтов (тиражом до 100 экз.), для этого достаточно было визы директора института. Но их могло прочесть только близкое научное окружение, и это больше всего препятствовало распространению наших идей [6, С.155–156].

В нашей беседе с Заславской я сказал, что если бы текст доклада, позже ставшего известным как «Новосибирский манифест», не «уплыл» на Запад, то его, скорее всего, постигла бы судьба ее раннего исследования о производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США, и он не сыграл бы никакой роли ни в ее жизни, ни в жизни страны, ни в развитии социологии, и лишь через много лет историки советской социологии обнаружили бы его в архивах КГБ или в других хранилищах, Заславская комментировала кратко и определенно: «Абсолютно правильно. Конечно» [6, С. 155].

Для понимания механизмов развития социологии важен не только поиск неопубликованных материалов, их оценка и, возможно, публикация с комментариями специалистов, но представляется целесообразным рассмотрение и неких, скажем фоновых обстоятельств, в которых все это происходило. Прежде всего, надо говорить о восприятии властными структурами уже опубликованного, о характере санкций, предпринимав-

шихся властями против работ, не устраивавших их, и против их авторов. В воспоминаниях Заславской отмечается партийный выговор, полученный ею и А. Г. Аганбегяном за семинар и «Манифест».

В ряде книг по истории социологии рассмотрены события, связанные с критикой «Лекций по социологии» [7] и жестким наказанием их автора Ю.А.Левады. Это было в конце 60-х. Позже Левада называл свой курс примитивным и популярным, но для того времени это было совсем не так. Новым было отчетливое стремление автора показать самостоятельность социологии как науки, раскрыть ценность эмпирических методов при анализе социальных процессов, указать на сложность механизмов взаимоотношения личности и общества. Последующие события, которые теперь стали далекой историей, показали, что ни эти утверждения Левады, ни ряд методических недочетов, ни несколько двусмысленных фраз не могли бы сами по себе стать предметом резкого осуждения «Лекций» и расправы с их автором. Просто время не стояло на месте, идеологи старой идеологические воззрения и приглушить карьерные амбиции, больше не могли и не хотели ждать.

Фраза о том, что личность в обществе подвергается разного рода давлению со стороны власти и массового общества и что ее пытаются задавить танками, сказанная задолго до «Пражской весны» и пропущенная цензурой, в 1969 г. была интерпретирована как осуждение ввода советских войск в Прагу. В сравнении почти тождественных высказываний Гитлера и Сталина о том, что человек – ничто, а массы – все, нашли идеологическую ошибку. Разразился скандал, поднялась волна злобной критики. Статьи в «Правде» и «Коммунисте», главных печатных органах партии, обсуждения (осуждения) в партийных школах. Главная вина – отступление от марксизма, преклонение перед буржуазной социологией. Потом обсуждение в ИКСИ, уход из университета, выговор по партийной линии, запрет на публикации. Социологический фольклор конца 1960-х включал и такую частушку: «Ой не надо, ой не надо нам рубить-то горяча, не расстреляли бы Леваду, да к столетию Ильича» [8].

Ненадолго Леваду оставили в покое, но летом 1972 г. к руководству ИКСИ пришел М.Н. Руткевич. По мнению Левады, в то время Руткевич имел и славу, и силу главного погромщика социологии, он на этом делал карьеру, для чего специально и приехал из Свердловска. Леваде стало ясно, что им не жить в одном Институте, надо уходить. Он знал о настроении, поведении Руткевича и сразу ему сказал, что думает уйти. Руткевич «улыбнулся своей кривой улыбочкой (есть у него такая беспо-

добная) и сказал: “А я об этом давно договорился с Федосеевым”» [9, С. 155].

Во влиятельных партийных и научно-бюрократических кругах за Левадой закрепились слава злодея, и потому найти новое место работы ему было нелегко. В конце концов друзья помогли ему устроиться на скромную должность старшего научного сотрудника в Центральный экономико-математический институт АН СССР (ЦЭМИ). Так, «сам по себе», он работал 16 лет, занимался чем-то вроде социологии экономического развития. У него не было аспирантов, его не публиковали, он не мог преподавать и выезжать за рубеж. Он был обречен молчать.

К рассматриваемой теме относится еще один фрагмент воспоминаний Здравомыслова. Здесь случай заметно более «мягкий», но – с другой стороны, скорее всего, более распространенный. В 1969 г. на основе курса лекций для слушателей Ленинградской высшей партийной школы (ВПСШ) он издал книгу «Методология и процедура социологических исследований» [10]. В ней была таблица распределения бюджета рабочего времени сотрудников районных комитетов партии. Выяснилось, что публикация такого рода данных противоречит инструкции ЦК КПСС, изданной еще в тридцатые годы! Ответственный сотрудник обкома КПСС попросил его сдать все материалы социологической группы ЛВПШ и объявил о его отстранении от этой деятельности. Ему было предложено: либо остаться в ЛВПШ без всяких занятий социологической работой, либо вернуться в Академию наук, в ИКСИ. Здравомыслов выбрал второй вариант.

В нашем интервью А.Г.Здравомыслов согласился, с тем, что историкам будет сложно делать выводы о состоянии социологии в 1960–80-х годах лишь по опубликованным текстам. И при этом заметил, что помимо указанной выше «Пропаганды и ее восприятия», неопубликованными остались: «Чехословацкий кризис и его последствия» (1989), «Сдвиги в массовом политическом сознании в ходе перестройки» (1990), «Положение в партии накануне июньского (1991) Пленума ЦК КПСС» (июнь 1991).

Многое может дать и изучение процесса подготовки книги. Ведь он – не только часть собственно биографии ученого, но и производственной среды, в которой происходит работа.

Сначала – рассказ В.А.Ядова о том, как шла работа над первым изданием его книги по методологии социологических исследований [11], долгие годы служившей учебником по этому разделу социологии. Эстонский социолог Юло Вооглайд пригласил его прочесть курс по методологии в Тартуском университете и издать стенограмму. Жил Ядов в маленькой гостини-

це «Park», на верхнем втором этаже, по скрипучей лестнице спускался к завтраку, хозяйка приносила его завтрак и спрашивала: «Когда Вам принести кофе в номер?». Ядов замечает: «Полный отпад. Другой мир» [4, С. 10].

Утром он читал лекцию, к полудню была готова аудиозапись, к ночи – текст раздела учебника. Так книга и родилась в Тарту, и она, несмотря на серенькую мягкую обложку, греет душу автора больше, чем поздние более солидные издания.

А теперь – воспоминание Вооглайда об этой работе [12, С. 464]: «Последние чистовики (второй раз перепечатанный текст) Ядов получил в автобусе, который через две минуты должен был выехать в Ленинград. Еще пару недель пошло на окончательную шлифовку текста. Потом в Ленинград за текстом приехал курьер, текст перепечатали на самоновейшей печатной машинке на ротапринтной бумаге со специальной рамкой, и через два-три месяца от начала цикла лекций, в августе 1968 г., на свет появился первый учебник социологии в так называемом социалистическом лагере. Почему мы так спешили? Время было столь переменчивое, а мероприятия столь важное и опасное, что каждый день на этом пути мог стать последним. Мы подготовили учебник до того, как его успели прочитать те, кто мог бы (и должен был бы) его запретить». В конце Вооглайд замечает, что отовсюду, куда была направлена книга, пришли поздравления и заказы на 400 – 700 экземпляров. Но весь тираж был 500 экземпляров.

Не пришедшие вовремя

Есть еще одна тема, представляющаяся интересной для исторических поисков и оценок. Суть вопроса заключается в том, что какая-то, возможно, значительная часть результатов социологических исследований уже была подготовлена к печати, иногда тексты проходили в издательствах все стадии редактирования и были готовы к передаче в типографию, но затем по распоряжению тех или иных структур тексты уничтожались. Бывало, когда процесс торможения движения текстов к изданию начинался несколько раньше, но все же после завершения полевых работ и анализа собранной информации. Наконец, в тране проводилось большое число исследований, результаты которых объявлялись заказчиком, чаще всего это были высокие партийные структуры, «закрытыми», «секретными», и публикация результатов становилась невозможной.

Скорее всего, основная часть книг, оказавшихся в описанной ситуации, уже никогда не будет опубликована, а сохранившиеся материалы исследований – не проанализированы заново и не

доведены до публикации. Кое-что из книг, не увидевших свет в момент их завершения, были опубликованы позже, но – можно допустить – их воздействие на процесс развития социологии не будет таким, каким он мог бы быть при их своевременном издании. В целом же, ясно одно: существует множество результатов социологических исследований в виде готовых текстов, в форме отчетов, в табулеграммах, в которых отражены различные стороны жизни советского общества в 60-е–80-е годы. Они не вошли в науку вовремя. И это не только драма социологов, но нарушение нормального режима развития науки, вне зависимости от того, насколько значимыми были эмпирические находки и теоретические выводы тех исследований. Любые нарушения непрерывности чувствительны для развития науки, тем более – на фазе ее становления. Теперь рассмотрим несколько иллюстраций сказанного.

О книге, которой нет

При обучении на философском факультете МГУ, классика давалась Я.С. Капелюшу с трудом и не вызвала у него особого интереса, а вот прикладные социальные теории занимали его очень сильно. Из всех преподававшихся дисциплин он избрал социологию, она была ближе к реальной жизни, позволяла ему максимально проявить свою энергию и гражданскую позицию. Как отмечает его студенческий друг А.И. Пригожин, Капелюш «был стихийным коммунистом», разделял идеалы всеобщей и повсеместной демократии, изложенные Лениным в «Государстве и революции», и централизованного планирования. И именно этим Пригожин объясняет то, что на протяжении значительной части жизни Капелюш изучал выборность руководителей на производстве; он провел первое в стране исследование по выборности прорабов на стройке. Тему выборности он воспринимал не столько как научную, сколько как идеологическую, политическую [13, С. 15].

Капелюш вошел в социологию, работая в Институте «Комсомольской правды». Б.А. Грушин вспоминал: «Тогда это не было просто профессией. Нужно было иметь, как имел Яков, беспредельную преданность делу (иногда на уровне жертвенности); готовность выполнить любую нужную для дела работу; гражданскую принципиальность и высокое мужество. Сейчас я перелистал свою последнюю на настоящий момент публикацию – книгу с анализом большого числа эмпирических исследований общественного мнения, осуществленных большим коллективом моих соратников и учеников в 1966–1971 гг. И везде, где я упоминаю Я.С. Капелюша, отмечаю его роль разработчика программ исследований, анкет, руководителя полевых иссле-

дований, организатора процесса обработки информации. Он, конечно, был природным эмпириком: в сфере эмпирической социологии он, как никто, знал все до тонкостей и умел абсолютно все. <...> После закрытия ИОМ «Комсомольской правды» Яков лично вынес из более чем строго охраняемого здания редакционно-издательского комбината «Правда» три с лишним тысячи полевых документов, относившихся к опросу «Комсомольцы о комсомоле», – около двух мешков. Сейчас можно вспоминать об этом как о детективной истории, однако, все это в совокупности могло реально привести к его исключению из партии, а по тем временам это означало бы конец его самозабвенной научной и организационной деятельности по изучению общественного мнения» [14, С. 13–14].

Историю подготовки и защиты Капелюшем кандидатской диссертации Грушин называет историей долгих мытарств и злоключений, в том числе кардинального сокращения в тексте диссертации ссылок на результаты его опроса. Диссертация была написана в 1968 г., а защита состоялась лишь пять лет спустя. По воспоминаниям Грушина, «он ее защитил, но еще долго текст, как и текст уничтоженной по прямому указанию тогдашнего секретаря МГК КПСС по пропаганде В.Н. Ягодкина его книги «Общественное мнение о выборности на производстве» [15] оминался партийными деятелями Института конкретных социальных исследований в качестве «идейно и теоретически ошибочного» [14, С. 13–14].

Прошло четыре десятилетия после выхода этой небольшой книги – время достаточное, чтобы в профессиональном сообществе могло сложиться к ней определенное отношение. Но этого не произошло в силу простой причины: фактически книги нет. Ее тираж был 980 экземпляров, сколько из них не было уничтожено и сохранилось до настоящего времени, трудно сказать. Но так случилось, что у меня она есть. И рассказать о ее содержании надо, так как в ней представлены результаты первого теоретико-эмпирического исследования отношения советских людей к производственной демократии. История российской социологии должна включать эту книгу; любой обстоятельный обзор прошлого нашей науки, тем более – анализ становления в стране исследований общественного мнения, не будут полными без, по крайней мере, упоминания этой пионерной работы Капелюша [16].

Импульс к изучению общественного мнения о выборности на производстве был дан публикацией «Комсомольской правды» 24 сентября 1966 г., озаглавленной «Кому быть прорабом?» В ней рассказывалось о том, что в одном из строительных управлений Красноярска рабочие выбрали старшего прораба, т.е. он получил полномочия не от руководства, а от своих подчи-

ненных. Материал привлек широкое внимание читателей, возникла дискуссия о сути этого эксперимента, о возможностях и последствиях его расширения.

Опрос проводился в январе 1967 г. по стратифицированной непропорциональной выборке среди групп населения, непосредственно связанных с проблемой выборности на производстве, т.е. тех, чье мнение могло представлять общественный интерес. Анкетирование рабочих, рядовых специалистов и младших командиров производства проходило на 12-ти предприятиях восьми городов Союза, было опрошено 900 человек. Остальные группы опрашивались по почте; было разослано 1200 анкет, получено – 400.

Была в выборке и заметная группа «рабочей аристократии»: 71 рабочий-депутат Верховного Совета СССР и 34 рабочих, являвшихся депутатами городских Советов. Было опрошено также около сотни журналистов и ученых, среди которых были экономисты, философы и социологи. Таким образом, выборкой были охвачены представители важнейших групп, мнение которых по проблемам выборности на производстве могло расцениваться как компетентное.

Почти четыре десятилетия назад подавляющее большинство представителей компетентных групп работников промышленных и строительных организаций считало целесообразным проведение выборов на некоторые руководящие должности на производстве. Среди рабочих и рядовых инженеров и техников подобную точку зрения разделяли восемь-девять человек из десяти. Близки к ним (81%) были ученые и журналисты, а также руководители общественных организаций (77%). Заметно иную позицию занимали младшие и старшие руководители; среди первых – две трети (66%) полагали выборность целесообразной, среди вторых – лишь половина (52%).

От 60% до 80% представителей опрошенных профессиональных групп высказывались за выборы непосредственных организаторов производства: мастеров, старших мастеров, прорабов, начальников участков. При этом заметная доля респондентов считала важным сделать выборными все управленческие должности, от бригадиров до директоров и министров.

В среднем для рассматриваемых групп респондентов треть из тех, кто считал выборы целесообразными, объясняли свою позицию тем, что «низы» оценивают кандидатов объективно и потому выборы обеспечат улучшение состава руководителей. Вторым важнейшим мотивом поддержки института выборности было понимание того, что в этом случае усиливается ответственность руководителей за порученное дело. Так думала примерно четверть опрошенных.

С позиций нормальной, не замутненной идеологическими предубеждениями логики выводы исследования Капелюша могли иметь серьезное значение для деятельности различных структур, ответственных за поиски механизмов улучшения системы управления на производстве и активизации участия работников в делах производственного коллектива. Ничего подобного не произошло. Наоборот, тему закрыли, и было сделано все, чтобы ничего не напоминало о состоявшемся исследовании. Грушин вспоминает: «Однако главные доказательства неприятия официальными структурами обсуждаемого общественного мнения обнаружили себя, ...когда высшие партийные, профсоюзные и комсомольские органы признали результаты опроса ошибочными и когда начатые в 1968 г. против Я.С. Капелюша гонения едва не привели к его исключению из партии, стало быть, к концу его самозабвенной научной и организационной деятельности на ниве изучения общественного мнения» [17, С. 303].

Анатомия закрытия

Полстолетия назад советский философ и историк науки Б.М. Кедров [18], изучая архив Д.И. Менделеева, описал процесс создания Периодической таблицы химических элементов. Им было показано, каким образом исследования многих ученых породили проблему упорядочения информации о свойствах химических элементов и в силу каких обстоятельств Менделеев включился в поиск решения этой проблемы. Кедрову удалось восстановить буквально по часам момент озарения Менделеева, когда после долгих размышлений и проб разложился его «пасьянс» с карточками, содержащими названия известных к тому времени элементов и значения их атомных весов. Другими словами, Кедровым была описана «анатомия открытия».

Сейчас, на примере возникновения «издательских трудностей», с которыми встретилась редколлегия готовившегося в Ленинграде сборника материалов по изучению процессов массовой коммуникации, будет показан один из вариантов «анатомии закрытия». Этот случай интересен тем, что все события – локальны, т.е. протекали внутри отдельной организации, и в этом отношении – типичны для всего доперестроечного периода, даже – буквально в преддверии перестройки. Документальной основой этого раздела является датированная 21 мая 1984 г., «Докладная записка»²² заведующего сектором Института социально-экономических проблем АН СССР, доктора

²² Докладная записка Б.Д.Парыгина. 21 мая 1984 года. Архив Б.З. Докторова.

философских наук, профессора Б.Д. Парыгина, направленная заведующему социологическим отделом института кандидату экономических наук Н. А. Лобанову. Документ – значительен по объему, почти шесть машинописных страниц, отпечатанных без пробела. Поэтому ниже приводятся лишь его фрагменты. Объектом рецензирования Парыгиным была рукопись уже подготовленного к печати 5-го тома советско-венгерских исследований, осуществлявшихся на протяжении многих лет двумя научными организациями. С советской стороны, сектором социальных проблем массовой коммуникации ИСЭП АН СССР (руководитель – д.ф.н. Б.М. Фирсов), с венгерской – Научным центром Венгерского радио и телевидения, возглавлявшимся доктором Тамашем Сечке. Проект развивался в высшей степени успешно, и его результаты регулярно отражались в сборниках, публиковавшихся в Ленинграде и Будапеште.

Докладную записку следует рассматривать как часть начатого в 1984 г. Дирекцией ИСЭП по команде Ленинградского Обкома КПСС «дела Фирсова» [19], итогом которого было его изгнание из Института. Писал ли Парыгин записку по собственной инициативе или по просьбе руководства Института, мне не известно. Равновероятны оба варианта.

Документ начинается словами: «Обсуждение на Совете отдела сборника статей «Процессы массовой коммуникации в социалистическом обществе (теория и методы современного изучения массовой коммуникации и общественного мнения) по результатам советско-венгерского исследования массовой коммуникации, состоявшегося 11 мая с.г., показало, что, несмотря на всю серьезность и аргументированность высказанных в процессе обсуждения замечаний, некоторые авторы и редактор сборника (с советской стороны) – д.ф.н. Б.М. Фирсов неадекватно отнеслись к критике. Об этом свидетельствует, в частности, попытка квалифицировать некоторые выступления с замечаниями в адрес статей сборника в качестве необоснованных (Б.М. Фирсов), либо клеветнических (В.Б. Голофаств). Это вынуждает меня, наряду с устным выступлением, касавшемся главным образом статей Б.М.Фирсова и В.Б. Голофаства, дать и более развернутую письменную оценку как этих, так и ряда других работ, содержащихся в рассматриваемом сборнике»

Автор Записки отметил, что его соображения будут высказываться в порядке расположения статей в сборнике, и потому он начал с анализа работы Фирсова. Однако все его замечания свелись к одному абзацу: «Статья Б.М.Фирсова «Актуальные проблемы социального развития средств массовой коммуникации (территориальный аспект)» носит не научный, а публицистический характер. В статье отсутствует постановка воп-

роса, которая должна была бы обеспечить определение места позиции и концептуального подхода автора в большом потоке научной литературы, посвященной данным вопросам. Остается неясным, о каких проблемах социального развития средств массовой коммуникации (МК) хотел сказать автор. В его работе речь идет вначале о тенденциях (а не проблемах) развития МК (стр. 10–12), а затем о задачах изучения и выявления общественного мнения (22–27 стр.)».

Основным объектом критики оказалась статья В.Б. Голофаства «Эволюция социальной коммуникации». Этот текст, объемом в девять страниц, вызвал у Парыгина массу претензий; по его мнению, он вообще не отвечал требованиям, «обычно предъявляемым» к научной работе, в нем не обнаруживалось «научной постановки вопроса» и ссылок на монографическую литературу.

Парыгин, не замечая, что анализировал не монографию, а тезисы к обсуждению сложнейшей теоретико-методологической проблемы, винит автора в отсутствии строгой дефиниции «эволюции социальной коммуникации», перечисления ее этапов, или фаз, тенденций и перспектив, в том, что не было показано связи эволюции социальной коммуникации с «техническими революциями». Затем, претендуя на знание феноменологии социальной коммуникации, рецензент указывает на два подхода к этой теме: марксистский, рассматривающий социальную коммуникацию частью общественно-экономической формации, и подход Маршалла Маклюэна, трактующий социальную коммуникацию как некий автономный механизм человеческой жизнедеятельности. Это единственное в Записке теоретическое отступление рецензента весьма странно, ибо он не мог не знать, что и Фирсов, и Голофаств, и все другие советские и венгерские авторы материалов сборника были хорошо знакомы с марксистскими и маклюэновскими концепциями функционирования массовой коммуникации.

Позиции Голофаства критиковались за отрыв эволюции социальной коммуникации от процесса развития и смены общественно-экономической формации и за рассмотрение – вместо этого – централизованных и децентрализованных институциональных структур. Очевидное всем сегодня (и многим тогда) указание Голофаства на то, что социальная структура не только определяет уровень информационной структуры, но является и ее продуктом, было объявлено несостоятельной попыткой подмены фундаментального марксистского понятия общественно-экономической формации. Далее рецензент сборника заявлял, что идеологическая ущербность исходных позиций Голофаства приводила к возникновению иных аномалий в изложении материала.

Прошло более четверти века, и время показало, что методология исследований массовой коммуникации в мире и в России развивается именно по тем направлениям, которые обсуждали в своих статьях критиковавшиеся рецензентом авторы. Удивляться этому не приходится, Лауристин, Сечке, Фирсов, и их коллеги в те годы не просто внимательно следили за мировыми новинками в области исследований массовой коммуникации, но сами активно участвовали в этом процессе. Парыгин, не являвшийся в те годы экспертом ни в вопросах методологии социологических исследований, ни в области практики массовой коммуникации, по сути ничего серьезного не мог противопоставить всем этим начинаниям. Лишь консервативную, догматическую интерпретацию марксизма, насаждавшуюся идеологами страны, и поверхностное, крайне далекое от профессионального понимание механизмов функционирования средств массовой коммуникации.

Конечно, судьба сборника решалась не Парыгиным, но Дирекцией ИСЭП, от него ожидался лишь отрицательный отзыв. Составление подобного документа было делом техники и базировалось на многолетней традиции написания разгромных отзывов. Чтобы на пути рукописи к читателю поставить шлагбаум, достаточно было указать на наличие в ней идеологически неверных утверждений.

Анатомия закрытия оказалась простой. Сборник не был издан, а работа советской части советско-венгерский проекта по проблемам массовой коммуникации – остановлена.

40 лет спустя

Мне давно хотелось отыскать для исторического анализа такие события, в обсуждении которых могли бы участвовать несколько человек и которые в том или ином отношении были бы отражены в документах. Он нашелся «совсем рядом», когда в первой половине марта 2009 г. Б.М.Фирсов нашел в Центральном государственном архиве историко-политических документов в Санкт-Петербурге Фонд, называющийся: «Разработка информационно-вычислительной системы Ленинградской областной партийной организации. Материалы социологических исследований. 1967–1986». Эти материалы были произведены при нашем участии более трех десятилетий назад, и многого мы с тех пор не видели. Они считались секретными.

С начала 70-х и до 1984 г. небольшая группа сотрудников ленинградских структур Института социологии под руководством Фирсова изучала общественное мнение населения Ленинграда, все делалось под эгидой Ленинградского Обкома КПСС и при его немалой поддержке. Тогда этот факт был из-

вестен относительно небольшому числу социологов в стране, самые общие сведения о том, как все делалось, были скупо изложены в журнале «Социологические исследования» [20] и ряде малотиражных сборников. Но в целом эта страница развития ленинградской социологии пока скорее «чистая», чем заполненная.

Назову три обстоятельства, в силу которых считаю целесообразным обращение к этому фрагменту прошлого. Первое, этот проект длился достаточно долго и в нем было многое сделано. Второе, по тем временам проект явно обладал признаками новизны и мог бы стать актуальным, т.е. иметь определенное практическое значение. И не наша вина, а наша беда, что этот опыт оказался глубоко «законсервирован». Третье, без описания ленинградских опросов общественного мнения история становления этого направления российской социологии, явно будет неполной.

Основой этого раздела является наша обстоятельная беседа с Фирсовым, состоявшаяся вскоре после нахождения им упомянутого архива [21]. И считаю целесообразным при раскрытии обозначенной темы в отдельных местах сохранить стиль интервью.

Прежде всего, мы решили высказать наше понимание – в прошлом и теперь – того, зачем руководству ленинградской партийной организации потребовалось изучать общественное мнение.

БФ: Я и сейчас понимаю это намерение обкома так, как я понимал его (намерение) тогда. Следов высокой политики, прозрения, желания установить обратную связь я во всей этой истории обнаружить не могу. В начале 1970-х гг. областные партийные организации начали обрастать автономным информационным хозяйством. Создать свою информационную систему в числе первых в стране решил и Ленинградский обком. Идея красивая, у других таких систем нет. Обком заметно выделялся на фоне родственных структур своими починами. Вот и записали пункт об информационной системе в решение очередного пленума в 1969 г., но записали с оговорками, что на воплощение идеи потребуется время. Что это такое, тогда мало кто знал. <...> Заместителем заведующего организационно-партийным отделом обкома КПСС в ту пору был Борис Алексеев, которому поручили воплотить в жизнь идею информационной системы. В недавнем прошлом секретарь Ждановского райкома комсомола, а затем, один из секретарей Ждановского РК КПСС гор. Ленинграда, он был инициативным и думающим человеком, любил все делать не только четко, но и

хорошо. Он начал приглашать к себе разных людей, кому мог доверять, и спрашивал, как им видится такая система, как ее лучше сделать, я оказался одним из них. Я сказал ему, что система должна ориентироваться на использование современной вычислительной и множительной техники, символами которой тогда были ЭВМ и ксероксы. На мой вопрос, какая из наук ближе всего стоит к целям и задачам системы, я безапелляционно ответил: «Социология!».

БД: В то время я мало задумывался о политической составляющей проектов, в которых участвовал, воспринимал их как задание по работе и как возможность применить знание математических методов. <...> Сейчас же мне кажется, что исследования бюджетов времени партийных работников и опросы общественного мнения были следствием временного и ограниченного успеха либеральной части партийного аппарата в стремлении улучшить социализм, хотя тогда это формулировалось как «дальнейшее повышение качества партийной работы». Алексеев и многие его сотрудники <...> были молоды, имели хорошее образование, читали «Новый мир» и любили Окуджаву. Они были достаточно амбициозны и связывали успех своей карьеры с допустимыми изменениями в политической жизни страны.

Затем я попросил своего собеседника вспомнить, как все началось.

БФ: Алексеев просил подготовить записку на его имя <...> Я написал, развил несколько положений: разработка и эксплуатация системы должна опираться на потенциал академических и проектных институтов; изучение общественного мнения населения Ленинграда может быть одной из внешних задач системы и ряд других. Записку мы с ним обсуждали несколько раз, внося в нее коррективы. Вопросов о ее судьбе я никогда не задавал до поры, когда мне стало известно, что проект всей системы будет разрабатываться специальной организацией, а я стану одним из его соисполнителей, представляя академическую науку. Но давно все это было, многое забылось, могу ошибаться в датах.

БД: Недавно я нашел записную книжку, в которой отражены события моей жизни с 20-х чисел апреля 1971 г. по июнь 1972 г. Ясно, что тогда никаких планов на воспоминание всего происшедшего через три с половиной десятилетия у меня не могло быть. Писал для себя, скорее всего потому, что в течение долгого времени чувствовал неопределенность в своем профес-

сиональном будущем. <...> Так вот, записи позволяют конкретизировать сказанное тобою, и это важно не только в фактологическом отношении, но и в методическом плане. Мы оба занимаемся историей российской социологии и понимаем, что наши построения в значительной степени зависят от информационной базы, которой мы располагаем. А память – инструмент не очень надежный, теперь мы оба в этом постоянно убеждаемся.

Потому сказанное тобою: «В начале 1970-х гг. ...», можно уточнить и дополнить эти слова теми событиями, о которых мы оба забыли, но которые – в цепи всех других обстоятельств – играли свою роль.

БФ: ...да, интересно..

БД: В нашей статье в журнале «Социологические исследования» [20], написанной тремя Борисами – Алексеев, ты и я – было сказано, что в 1969 г. ЦК КПСС (Алексеев это знал наверняка) принял постановление «О состоянии и мерах по улучшению партийно-политической информации». И вот, конкретизируя это указание вышестоящей инстанции, Ленинградский обком КПСС решил создать свою систему изучения мнений и настроений трудящихся, привлечь к этому научные силы города и обеспечить материальную базу всей этой деятельности – специализированный вычислительный центр. Помимо этой публикации, появившейся через восемь-девять после начала создания системы и проведения опросов, в 1981 г. у нас была еще одна совместная с Алексеевым статья [22]. Других текстов, рассказывавших о той работе у нас не было, значит в течение десяти лет мы не «раскрывали рты» по поводу проводимых исследований.

В апреле 1970 г. – тогда я еще не вел записей, но у меня есть анкета, на которой это указано, – было проведено исследование по участию рабочих в управлении делами коллективов (я пользуюсь терминологией того времени), которое разрабатывалось Л. С. Бляхманом, А.Г. Здравомысловым, О. И. Шкаратаном, В. А. Ядовым и тобою. Я отвечал за обработку этого массива на ЭВМ.

БФ: Понимай это как «обкатку» идеи системы и ее социологической части. Скорее всего, осенью того же года у меня состоялась беседа в обкоме о создании специализированной системы по изучению общественного мнения. Там обсуждалась в общих чертах вопросы разработки документа, я его назвал Аванпроект, обосновывающего цели и технологию изучения обще-

ственного мнения рабочих и служащих Ленинграда, а также описывающего методы, процедуру сбора первичной информации и возможные варианты оперативной обработки собранных данных.

Речь шла о проверке реализуемости идей, закладываемых в Аванпроект. Обком согласился с нашим предложением связать первый опрос с главным политическим и идеологическим событием следующего года – XXIV съездом КПСС. Съезд намечался на 30 марта – 9 апреля 1971 г., и было необходимо получить как можно быстрее реакции ленинградцев.

БД: Вспоминая то время, я думаю, что этот опрос можно было провести только имея кураж, огромное желание выложиться и доказать, что мы не просто «мечтатели», строители «воздушных замков». Передо мною анкета того исследования, в выходных данных указана дата нашего заказа – 7 апреля 1971 г.. Я помню, мы до последнего момента ждали, не будет ли каких непредвиденных обстоятельств в работе партийного форума, и оттягивали завершение подготовки опросного документа и его тиражирование. Проводился он под шапкой Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации, сбор данных проходил, мне кажется, в последний день съезда, а результаты обработки мы имели на следующее утро...

БФ: Да это был еще один экзамен, на этот раз для всех, кто имел отношение к исследованию.

Наша беседа с Фирсовым опубликована, и в ней есть детали организации опросов, включая описание системы выборки. Замечу, за долгие годы работы мы не сорвали ни одного опроса и не имели никаких, как тогда говорили, рекламаций. Сейчас кратко о том, как все завершилось. Это во многом объясняет, почему материалы опросов не были опубликованы во второй половине 80-х.

Предпоследний Генсек ЦК КПСС Ю.В. Андропов был человеком большим, поэтому, придя в 1982 г. к власти, он поставил перед собой цель – улучшить систему здравоохранения, поднять медицину. По его просьбе, референты начали собирать как можно больше убедительной информации из разных источников, которая говорила бы в пользу неотложного и радикального реформирования медицины. Один из высоких аппаратчиков знал о системе изучения общественного мнения в Ленинграде. Он вспомнил об этом и сообщил референтам.

В конце 1983 г., когда Фирсов был в ЦК КПСС, этот аппаратчик спросил его, нет ли в отчетах материалов и фактов, нужных Андропову. Он ответил, что есть, но что он не имеет

права их показывать без ведома «хозяев» информации. Фирсов попросил своего собеседника позвонить в обком и запросить эти сведения официально. Звонок последовал, но реакция обкома оказалась необычной: представитель Обкома не уточнял, что нужно в ЦК, а спросил, откуда стало известно о существовании запрашиваемой им информации. Дело стало быстро раскручиваться и дошло до руководившего в те годы Ленинградской партийной организацией Г.В.Романова. Он усмотрел в произошедшем намеренно допущенную социологами утечку информации и распорядился отказать от научных услуг сектора ИСЭП АН СССР, возглавляемого Фирсовым. В тот же день у нас были отобраны пропуска в Смольный, а все наши разработки, включая и материалы опросов общественного мнения рабочих и служащих Ленинграда, реквизирует прибывший в институт порученец.

Опубликовано через тридцать лет

Суть рассматриваемого ниже фрагмента прошлого советской социологии аналогична только что обсужденному. С конца 60-х группой социологов Института социологических исследований АН СССР при поддержке властных структур на протяжении нескольких лет разрабатывалась важная в научном плане и отвечавшая потребностям общества проблема. Но в начале 70-х изменилась социальная обстановка в стране, результаты исследования показывали не то, что отвечало интересам партийных органов, и проект был закрыт. Но через треть века у этой истории появился «happy end». В 2005 г. сохранившиеся материалы были опубликованы в виде 900-страничной книги под редакцией руководителя проекта Н.И. Лапина [23].

В начале этой главы была приведена часть ответа Лапина на мой вопрос относительно того, что в силу существовавших барьеров и фильтров анализ лишь опубликованного советскими социологами в конце 1960-х – начале 1980-х годов не позволяет историкам науки делать обоснованные выводы о результатах проводившихся исследований. Речь шла о том, что мои опасения сильно преувеличены. Но затем было сказано: «Но все же их число и объем содержащейся в них информации несоизмеримо меньше генеральной совокупности публикаций советских социологов» [5, С. 162]. С последним утверждением Лапина в целом можно согласиться, однако оно не снимает задачи поиска и анализа того, что пока не дошло до профессионального сообщества.

Во-первых, следует однозначно понимать, что не опубликованное, часто потому оказывалось таковым, что публикация этих материалов была «приторможена» или «заморожена» по

идеологическим причинам, а не в силу их низкого качества. Так, в предисловии к названной книге, Лапин писал: «Однако хрущевская «оттепель» находилась уже на излете, все более подмораживаемая начинавшимся «застоем». Одним из свидетельств этого регрессивного процесса стал разгром прежнего руководства ИКСИ, <...> разгром сопровождался прекращением многих проектов, в том числе и проекта «Социальная организация», как якобы неэффективного. Два тома его материалов, составлявшие около 35 печатных листов, были отправлены в архив, а большинство ведущих членов авторского коллектива вынуждены были мигрировать в другие научные учреждения» [23, С. 5].

Во-вторых, в десятилетиями хранящихся материалах могут содержаться теоретико-методологические построения и методические разработки, полезные современным социологам. Даже эмпирические данные, вообще говоря, устаревающие быстрее концептуального аппарата, представляют интерес для сегодняшней науки, ибо могут стать частью сравнительных социологических исследований.

Отмечу и третье обстоятельство, относящееся к собственно историко-научоведческой тематике. Тому, что не опубликовано, грозит никогда не оказаться в поле зрения историков науки, что нежелательно как для отдельных ученых и коллективов, разрабатывающих ту или иную проблематику, так и для анализа развития социологии в целом. Некоторые пробелы могут быть небольшими, но отсутствие цельной публикации материалов Генерального проекта «Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов» имело бы своим следствием заметный перекося в изучении прошлого ряда направлений советской социологии. Как отметил в начале 2004 г. Лапин, создавший и возглавлявший этот исследовательский проект, молодые социологи слышаны, но конкретно мало что знают об этом проекте, а последующие поколения социологов вовсе не смогут узнать ничего достоверного, и далее: «Ныне, спустя тридцать лет, возникла опасность утраты накопленного в проекте теоретико-методологического материала и методического потенциала» [23, С. 5].

Свой рассказ о проекте Лапин начинает с замечания о том, что субъективных истоков этого исследования было множество, но объективный исток – один, послесталинская оттепель, породившая надежды шестидесятников на быструю либерализацию жизни советского общества и их мечты о социализме с человеческим, демократическим лицом. В собственном исследовательском плане «речь шла о создании научной социологии промышленных организаций, выражающей их особенности

в условиях социалистического общества» [23, С. 8]. По мнению Лапина и других участников этого проекта, к началу нового столетия ставших признанными специалистами в ряде направлений социологии, проведенные ими на рубеже 60-х – 70-х гг. исследования «стали истоком современной российской социологии организаций, программой ее развития как самостоятельной дисциплины» [23, С. 8].

Зарождение проекта относится к лету 1968 г., тогда основная исследовательская проблема выдвинулась в соотношении факторов стабилизации и факторов изменения социальной организации промышленного предприятия. Но вскоре обнаружилось начало торможения косыгинских реформ, проходивших в стране с 1965 г., появились признаки «эпохи застоя». Осознание необходимости углубления программы исследования и обращение к наработкам в области системного подхода и структурно-функционального анализа подвели социологов к пересмотру ключевой поисковой проблемы. Центральным стало изучение соотношения планируемых и спонтанных процессов в социальной организации предприятий. По сути речь шла о признании ограниченности возможностей программирования развития социалистического производства, общества в целом.

К середине 1972 г. была создана программа проекта и разработан богатейший инструментарий, из значительного числа общесоюзных министерств было получено свыше 100 планов социального развития, отобрано 50 лучших и начат их критический анализ, проведено около тридцати конкретных исследований на разных предприятиях страны, написана серия отчетов. Проект с момента его зарождения обсуждался со многими западными специалистами и некоторыми своими программами входил в крупные сравнительные социологические исследования.

Одновременно участникам проекта приходилось все более задумываться о маскировке целей исследования и переформулировке поисковых задач в терминах, принятых в идеологических документах. Лапин называет два важных «косметических мазка». Во-первых, в формулировке основной проблемы проекта пришлось вернуться к тому, от чего отказались в ходе углубления программы поисков. Понятие «спонтанного процесса» было заменено более традиционным для того времени понятием «спонтанных факторов». Во-вторых, пришлось «идеологически насытить» введение, т.е. наполнить его цитатами из «Материалов XXIV съезда КПСС и других директивных документов. Лапин отмечает: «Этот “мазок” оказался настолько густым, что его присутствие мешает восприятию действительного содержания концепции. Поэтому мы не включили

официозное «Введение» (всего 4 машинописные страницы) в публикуемый текст “официальной версии” общей концепции»; имеется в виду рассматриваемая книга.

Но ничего не помогло. Директор института М.Н.Руткевич не принимал словосочетание «Социальная организация предприятия», а для его покровителя из Московского городского комитета КПСС В.Н. Ягодкина подозрительная была сама социология. Все кончилось тем, что в июне 1973 г. проект прекратил свое существование, а незадолго до этого были уволены ведущие сотрудники сектора, ушел из него и Лапин.

Мое интервью с Лапиным состоялось через четыре года после опубликования Генерального проекта, и в нашей беседе он подвел итоги этой большой работы. Несмотря на трудности различного плана, идеи и методы проекта не исчезли. Более того, они определили логику становления и дальнейшего развития отечественной социологии организаций. Уже после окончания проекта его участниками было опубликовано около 40 монографий и тематических сборников. Удалось сохранить и спустя треть века после закрытия проекта полностью опубликовать его материалы. И общий вывод: большая часть проблематики, теории и методологии современной отечественной социологии организаций и управления выросла из проекта, разработанного на рубеже 1960–1970-х годов.

В этом месте мне показалось естественным узнать у Лапина, как после трех десятилетий после описываемых событий он оценивает деятельность Руткевича. Ответ оказался развернутым и потому интересным для истории. Приведу его полностью:

Первоначально М.Н. Руткевич заявил о себе как способный философ. Я помню шумную защиту его докторской диссертации по философским проблемам физики, проходившую в Институте философии при большом стечении публики. Впоследствии, став заведующим кафедрой философии в Уральском университете, он помогал начинавшимся исследованиям социологической лаборатории. Его перевод в ИКСИ (вместо выдвинутой ранее кандидатуры Г.Л. Смирнова) был осуществлен при поддержке консервативной части московских философов и работников аппарата ЦК КПСС. Именно ими «многое было предreshено», в том числе предварительно обговорено с будущим директором, который и должен был непосредственно решать поставленную задачу «разгона», «погрома» ведущих социологов Института. Он осуществил это не просто как послушный исполнитель, а как инициативный и очень энергичный начальник.

С приходом Руткевича начался новый период в жизни института. После удаления из него многих талантливых людей стали говорить, что осталась «дырка от бублика». Хотя те, кто остался, несмотря ни на что, продолжали делать свое дело, и они достойны уважения. Дело не

в том, что мы «сами ушли», как бесстрастно констатирует Руткевич. Он сознательно создал ситуацию, в знак протеста против которой многие были вынуждены уйти. Я всегда очень сожалел об этом.

Руткевич действовал достаточно убежденно, искренне, хотя и признавал неприглядность ряда своих акций. Я не слышал, чтобы он хотя бы в чем-то раскаялся. Напротив, он постоянно оправдывает свои действия и упрекает тех, кто стал их жертвой. В целом его сегодняшняя позиция остается скорее просоветской. Что тут скажешь? Время уже рассудило: каждому – свое [5, С. 153–154].

«Четверокнижие» Б.А. Грушина

В конце 1990-х годов, после долгих и трудных лет подготовки Грушин начал проект «Четыре жизни России в зеркале общественного мнения», который он назвал не просто очередным крупномасштабным исследованием, но «гражданской акцией» [24, С. 5]. Проект предусматривал обобщение результатов исследований, проведенных им на протяжении четырех десятилетий и касающихся практически всех сфер жизни советского/российского общества в эпохи Хрущева (опросы 1960–1964 гг.), Брежнева (1965–1974 гг.), Горбачева (1989–1991 гг.) и Ельцина (1992–1999 гг.). Другими словами, Грушин задумал трактовать информацию, собранную им в периоды заката оттепели, ряда стадий застоя, перестройки и становления ельцинской России, в координатах более поздних социальных преобразований и социологических концепций. Продолжительное прошлое и короткое настоящее разделялись тем, что Грушин называл «социотрясением». Менялся мир социальных отношений, менялось сознание населения, менялось понимание им природы общественного мнения.

По воспоминаниям Н.И. Лапина, первоначальный замысел Грушина был еще грандиознее: он намеревался вместе с В.Э. Шляпентохом представить миру всю совокупность информации, полученной советскими социологами: собрать ее, перенести на электронные носители в современном дизайне и кратко реинтерпретировать. Но дело уперлось в деньги, и немалые, требовавшиеся для этого суперпроекта. В США Шляпентох не получил на этот проект ни доллара, даже Джордж Сорос ответил отказом, а в России положительно откликнулся только Российский Гуманитарный Научный Фонд. На эти скромные гранты и вел Грушин свою работу, уже в границах исследований общественного мнения, а по сути, в рамках собственных исследований.

Смерть Грушина остановила эту работу. Он успел выпустить лишь две книги: об эпохе Хрущева и времени Брежнева (в двух томах) [25], [26]. Начатая книга о России Горбачева осталась

незавершенной. Но, естественно, не только из-за понимания уникальности своего массива социальной информации Грушин возводил свою работу в ранг гражданской акции, подчеркивая, что эта ее особенность «представляется наиболее важной» [24, С. 7]. Дело в ином – в целях задуманного им исследования и в характере движения к ним.

Выше было сказано, что опросы общественного мнения были начаты Грушиным в период его работы в «Комсомольской правде», но не только это делало его журналистом. Он многие годы преподавал на факультете журналистики и одно из главных его достижений – «Таганрогский проект» по своему замыслу – и социологический, и журналистский. Более того, он был журналистом по темпераменту, в его стремлении довести результаты опросов до общества, населения. И в целом, его осмысление социальных процессов было бифокальным: социологическим и журналистским.

Ламинарное, гладкое застойное движение прошлых лет не способно было бы даже подвести исследователя к перепро чтению давно собранной им информации. В крайнем случае, если бы это произошло, то новая интерпретация была бы лишь детализацией и некоторым обобщением прежней картины. Наоборот, турбулентность, вихреобразность – спутники, говоря словами Грушина, «социотрясения», скачкообразность развития всех социальных институтов, появление кардинальных разломов в массовом сознании россиян, ослабление памяти населения, потеря им привычных социальных ориентиров и невозможность отыскания новых маршрутов движения, постоянно требовали от всех серьезных социологов, в том числе и от Грушина, историчности в рассмотрении объекта и предмета их анализа.

В относительно спокойные времена развитие многих процессов в обществе, по сути, сводится к самовоспроизводству, и потому их познание оказывается сродни изучению, описанию гладких фигур, которые в каждом их сечении вдоль временн ́й оси имеют одно и то же строение. Скажем, образуется нечто, напоминающее составленный из цветных колечек детский цилиндр или ровенькую стопку аккуратных блинов. В последнем случае каждый слой имеет одну и ту же форму, один и тот же цвет, вкус и запах. Наблюдать эту фигуру с равным успехом можно с любой точки обзора. В бурные моменты истории явления, развивавшиеся в разных нишах социального бытования, сплетаются, склеиваются необычным, хитрым, неожиданным способом. Процессы, долгие годы демонстрировавшие непрерывность и гладкость, разрываются или претерпевают скачки, и геометрия каждого года приобретает свою уникальную конфигурацию. В итоге получается фигура, мало похожая на упомянутый

выше цилиндр, она скорее напоминает химеры, украшающие средневековые соборы. Описать каждую из них с одной позиции в принципе невозможно; исследователь должен либо обходить их вокруг, либо многократно их поворачивать.

Грушин стал первым, кто осознал необходимость реинтерпретации прошлой информации, воспринял эту необходимость как вызов. Возможно, это случилось потому, что он объективно был готов к этому более, чем другие российские социологи. Путь к «четверокнижию» продолжался у него около сорока лет. Напомню, еще в 1958 г., с третьей попытки, он защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Приемы и способы воспроизведения в мышлении исторических процессов развития». То движение начинал не Грушин-социолог или журналист, но Грушин – философ-диастанкур.

Начиная работу, Грушин исходил из того, что его многолетние наблюдения за различными проявлениями общественного сознания россиян помогут ему дойти до сути перестроечных и более поздних «социотрясений». При этом он был озабочен «не столько самой мыслью о тотальном непонимании происходившего в России, сколько желанием докопаться до глубинных корней бесконечных иллюзий и заблуждений...» [24, С. 8–9]. Отсюда следовали три направления деятельности, которые автор выдвигал для социологии в целом, но прежде всего – для себя: социологизация изучения исторических процессов, происходивших в России; разработка новых методов сбора и интерпретации данных; представление обществу достоверной информации, помогающей ему понять себя [24, С. 9–11].

Мне бы хотелось подробнее остановиться лишь на одном из направлений, выделенных Грушиным – реинтерпретации данных, собранных им за сорок лет работы. В эпоху Хрущева им было проведено 13 исследований (никто другое общественное мнение вообще не изучал), в годы правления Брежнева – 106, при Горбачеве – 92, а в период президентства Ельцина – без малого 500.

Исходным пунктом всех теоретико-эмпирических обобщений Грушина является система критериев [24, С. 34–38], определяющих логику его анализа массового сознания. В отличие от многих историков, политологов, социологов, подчеркивающих неуловимость, неформализуемость того, что обозначается понятием «менталитет», Грушин осуществлял свои поиски в четко описываемой им десятимерной системе координат, которую можно назвать «ментальным пространством Грушина».

Эти критерии позволили Грушину разработать метод «оживления» и прослушивания голосов, «оцифрованных» им же многие десятилетия назад, и эта научная технология действительно решает поставленную им перед собою задачу – «умножить знание

общества о самом себе» [24, С. 21]. По сути, анализ Грушина дает возможность кому-то вспомнить, но преобладающему большинству будущих читателей – узнать менталитет ряда поколений советских людей. В целом, то, что им делается, можно назвать созданием истории современной российской ментальности.

И вот здесь обнаруживается интересный науковедческий феномен: если в строительстве «ментального пространства» Грушин предстает, прежде всего, логиком, то при сопоставлении и сравнении всех видов «разношерстной информации» он действует как обществовед и журналист, стремящийся к максимально тщательному анализу и описанию массового сознания и мира мнений.

Разработанный и испытанный Грушиным подход к осмыслению «фотографий» сознания прошлого хотелось бы называть «голографическим». В основе голографии, как направления физики, лежит способ получения объемных изображений предметов на фотопластинке (голограмме). Грушину удалось плоское в прошлом «изображение» сделать объемным; при этом становится возможным рассмотреть и описать те свойства «сфотографированной» много лет назад реальности, которые не обнаруживались в ее плоскостной, двумерной проекции.

Вообще говоря, известная доля голографичности – временнй, пространственной, предметно-объектной – присуща любому профессионально выполненному вторичному анализу социологической информации; при отсутствии «выпуклости», лучше сказать, вытянутости по оси времени или географической растянутости, вторичный анализ просто выхолащивается, вырождается.

В физике для получения голограммы необходимо одновременно осветить фотографическую пластинку двумя когерентными световыми пучками: предметным, отраженным от снимаемого объекта, и опорным – приходящим непосредственно от лазера. Многокритериальность грушинского анализа, то есть облучение познаваемого феномена качественно разными «световыми пучками» создает основу, логический каркас интерпретации прошлого. Технологичность предложенного Грушиным метода делает последний научным, то есть в целом воспроизводимым.

Тем не менее думается, что голографичность интерпретации Грушина – особая: она творческая и потому принципиально личностная.

Во-первых, в нашем случае вторичная интерпретация огромного массива данных об общественном мнении россиян осуществляется не «человеком со стороны», но автором или соавтором программ и методик, использовавшихся в опросах. Таким образом, современное прочтение результатов многих,

ставших уже далекими, зондажей общественного мнения для Грушина является не новой исследовательской задачей, не «игрой с листа», но поиском ответов на вопросы, которые он давно задавал сам себе. Тогда ответы, которые в полной мере удовлетворяли бы «сегодняшнего» Грушина, либо не были найдены, либо – учитывая специфику времени – не были озвучены. Зная о глубочайшей включенности Грушина в свое дело, можно утверждать, что эти вопросы или их модификации фактически постоянно находились в поле его зрения и поиск ответов на них не прекращался. Будь это не так, он, скорее всего, не пытался бы искать на них ответы и сегодня.

Во-вторых, в грушинской голографичности присутствуют следы того, что сам автор обозначает термином «социотрясение». За годы, отделяющие настоящее от 1960–1970-х и даже 1980-х годов, в СССР/России произошли глубинные социальные преобразования различной направленности и окрашенности. Все это объективно требовало от социологов углубления методологии и уточнения языка познания и ориентировало их на поиск новых методов, приемов изучения всех граней мира социальных отношений, в том числе – массового сознания. Можно утверждать, что аналогичной продолжительности время, но лишенное драматической тишины и неимоверного грохота эпохи «социотрясения», не дало бы Грушину того видения прошлого, которое обозначается здесь понятием «голографическое».

Стремление Грушина к изучению чудом сохраненного им архива и его установка на создание исследовательской технологии нового прочтения прошлого стали прямым продолжением его гражданского и профессионального осмысления цивилизационных изменений, начавшихся в России в годы перестройки. Он говорит о «кардинальной ломке социальной структуры», «коренной смене самой человеческой породы», «полном крушении существовавших в обществе до того модусов человеческого бытия». Суть происходящего видится им в «замене традиционной российской формы жизни» новыми формами, которые «в современном мире связываются с понятием евроамериканской цивилизации». На смену рабу и холопу придет свободная личность. Россия отойдет не только от идеологии и практики коммунизма, но от русизма как такового. Произойдут коренные изменения в натуре российского народа, в его менталитете [24, С. 11–12]. Таким образом, «четверокнижие» Грушина – это не только итог его почти полувекового теоретико-эмпирического изучения менталитета россиян, но одновременно – программа и инструмент мониторинга массового сознания населения меняющейся России.

Озабоченность сохранением прошлого

В методологическом плане этот раздел соотносится с темой «толстого настоящего», в предметном – с рассмотрением еще одного аспекта проблемы обеспечения правдивости, полноты истории советской/российской социологии. Речь пойдет об обеспечении доступа к результатам ранее проведенных исследований.

Рассматривая мой небогатый домашний архив газетных публикаций материалов опросов второй половины 80-х – начала 90-х, а также малотиражных брошюр и регулярных изданий того времени, отчетливо понимаешь, что казавшееся тогда отчасти проходным, отчасти очевидным, за два десятилетия приобрело иное значение. Эти документы рассказывают о том, каким было массовое сознание советских людей в момент их расставания с привычным, знакомым, ставшим родным, и об их встрече с неизвестным, неизведанным и пугающе чужим. За спиной были семь трудных, драматичных десятилетий жизни, выработавших в людях понимание окружавшего их мира и некоторую уверенность в завтрашнем дне. И вдруг все стало меняться, зашаталось, казавшееся незыблемым, и стали проступать черты социальной системы и социальных отношений, к которым десятилетиями формировалось негативное отношение населения.

В начале второй половины 80-х ряд социологов, прежде всего, третьего поколения, начали создавать коммерческие независимые организации и приступили к изучению установок населения относительно всего комплекса политических, экономических и социальных трансформаций, происходивших в Союзе. По заказам властных структур, нарождавшихся политических и бизнес организаций они проводили всесоюзные (несколько позже – всероссийские опросы) и локальные, писали отчеты, некоторые активно публиковали отдельные результаты в центральной и местной печати. Подавляющее большинство руководителей этих новых исследовательских фирм имело немалый опыт работы в академических организациях, и потому опросы и анализ собранной информации осуществлялись ими на уровне, отвечавшем методическим эталонам советской социологии того времени.

Однако, в силу разных причин многое из полученного социологами в те годы не нашло отражения в монографических публикациях. С одной стороны, это произошло в силу серьезных объективных обстоятельств: разрушился складывавшийся десятилетиями порядок планирования и подготовки книг, крайне сложно было найти деньги для издания, постоянные изменения в обществе и государстве не располагали к серьезной обобщаю-

щего характера работе. Но были и субъективные моменты: недооценка научной значимости результатов собственных поисков и слабость установки на углубленный анализ собранной информации. Следует учитывать и крайне бедное в те годы финансирование научной работы. Все это обернулось тем, что по всем историческим канонам недавнее, хранящееся в памяти нескольких живущих поколений, стало для социологии сложно восстанавливаемым прошлым. Фактически это означает появление своего рода разрыва в развитии отечественной социологии.

На этом фоне ярко выделяется деятельность Ф.Э. Шереги по сохранению прошлого, по увязыванию в нечто единое результатов собственных многолетних исследований и по ознакомлению молодых социологов с работами представителей старших поколений. Выше отмечалось, что кандидатское исследование Шереги, защищенное им в 1976 г., было сконцентрировано на рассмотрении ряда проблем проектирования выборки. В те же годы он целенаправленно изучал методический арсенал российской социологии в 20–30-х гг. В его статье, суммирующей некоторые итоги исследования этой темы [27], была приведена библиография, включавшая около 90 наименований публикаций тех лет, ко многим из которых на протяжении предыдущего полувека никто не обращался.

Сейчас в рамках историко-наукоеведческого анализа мне кажется необходимым зафиксировать два обстоятельства. Во-первых, раскрытие диссертационной проблематики, вообще говоря, по тем временам не делало однозначным обращение к методологическому опыту довоенных советских социологов, скорее диссертанты ориентировались на демонстрацию знакомства с достижениями Западной социологии. Во-вторых, даже доведя до публикации результаты своих историко-методических поисков и переключившись на проведение прикладных исследований по актуальной тематике, Шереги сохранил интерес к изучению прошлого и нашел путь к «приближению» этого прошлого, погружения его в настоящее. Сверхзадачей было включение результатов социологических исследований, полученных социологами разных поколений, в учебную литературу и монографии, предназначенные для студентов и преподавателей.

Первое направление – переиздание работ советских социологов, опубликованных десятилетия назад, но оставшихся интересными для современного специалиста и ставших значимыми для понимания развития отечественной социологии.

Так в 2006 г. Шереги, к тому времени уже многие годы возглавлявший созданную им социологическую и маркетинговую фирму «Центр социального прогнозирования» (ЦСП), переиз-

дал работы В.Э.Шляпентоха, объединив слегка отредактированные монографии этого автора, изданные в 70-х годах в СССР [28]. Эти книги Шляпентоха были в высшей степени полезными в период становления советской социологии, они вводили читателя в слабо освещенные в те годы вопросы конструирования анкет, выборки, правил интерпретации эмпирической информации. Но в конце 70-х, после его эмиграции в США, эти работы не вносились в списки рекомендовавшей студентам литературы, не цитировались в новых книгах, редко упоминались в обзорах по тем направлениям социологии, в разработке которых участвовал и Шляпентох. Его имя вернулось в российскую социологию лишь после перестройки. Переиздание Шереги работ Шляпентоха по проблематике качества социальной информации позволит новым поколениям социологов познакомиться с приемами повышения достоверности и репрезентативности результатов прикладных исследований, сохранившими свое значение и в настоящее время, а также даст им возможность увидеть, как в 60–70-е гг. в советской социологии трактовалось методолого-методическая проблематика.

Тематически и в общенаучном плане близки переизданные Шереги работы В.Н.Шубкина [29] и Д.Л.Константиновского [30]. С точки зрения принятой классификации направлений социологии – это книги по социологии образования, но в более широком плане – о некоторых особенностях формирования социальной структуры советского общества. Шубкин первым в СССР вывел проблему образования школьников в число краевых проблем долгосрочного развития важнейших социальных институтов страны, Константиновский – активно и успешно продолжил разработку этого проблемного пласта.

Для тех, кто лишь входит в проблематику социологии семьи, кто занимается ею многие годы и кто анализирует пути становления этого направления советской/российской социологии, будет интересна переизданная Шереги книга А.Г.Харчева [31] о браке и семье в СССР. Первое издание этой монографии вышло в 1964 г., второе – в 1979 г., но за прошедшие десятилетия она не потеряла своего научного значения.

Впервые книга И.И.Чангли по социологии труда была издана в 1973 г. и касалась ряда обсуждавшихся социологами и идеологами в те годы вопросов коммунистического труда. Многие положения этой работы представляются сегодня архаичными, так как трактуют нечто, далеко отстоящее от современной реальности и от проблем, изучаемых в настоящее время прикладной наукой. Тем не менее, эта книга, переизданная Шереги, сначала в 2002 г., а потом – в 2010 г. [32], может быть полезной не только для истории социологии, но и при прове-

дении широких социолого-политологических исследований, затрагивающих динамику трудовой этики на разных этапах развития российского общества.

Для изучающих процесс второго рождения советской/русской социологии представляет интерес изданная ЦСП небольшая книга М.Н. Руткевича о развитии социологии в Уральском университете в 40–70-е гг. [33]. Материалов о становлении социологии вне Москвы, Ленинграда и Новосибирска крайне мало, и воспоминания Руткевича представляются особо значимыми.

Не могу не отметить и того, что в рамках поддержки историко-социологических исследований и ознакомления российских ученых с зарождением технологии опросов общественного мнения Шереги издал две мои книги. В первой, рассматривались многие аспекты жизни и деятельности большой плеяды американских полстеров, в 1930–50-е годы создавших методический арсенал измерения установок населения и выработавших общие принципы профессиональной этики этой профессиональной группы [34]. Во второй, предметные и хронологические рамки темы были заметно расширены за счет включения результатов исследований зарождения и развития американской рекламы, в том числе – методов измерения ее эффективности [35]. В работе над этими книгами, как отмечалось выше, были сформулированы общие подходы изучения истории того или иного направления науки через анализ биографий ученых, находившихся у истоков его становления.

Теперь – о серии книг, отражающих собственные исследования Шереги и демонстрирующих его понимание сути прикладной социологии и необходимости регулярного монографического издания получаемых результатов. Основопологающей для развития этого направления стала изданная еще в 1985 г. под его и М.К.Горшкова редакцией коллективная монография «Как провести социологическое исследование» [36]. Через несколько лет она была переиздана, а затем переработана и в 1990 г. вышла уже как учебник для вузов под названием «Основы прикладной социологии» [37]. В 2009 г. на базе этой книги было издано учебное пособие для студентов университетов – «Прикладная социология» [38]. Кроме того, с начала 90-х годов Шереги, по моим оценкам, опубликовал около двух десятков собственных или написанных с соавторами, книг по ряду разделов прикладной социологии. Более всего – по социологии образования и молодежи, включая изучение девиантных групп (наркоситуация в молодежной среде, отношения к ВИЧ-инфицированным, дети с особыми потребностями). Отмечу авторские книги Шереги, образующие серию «Прикладные

исследования». В нее вошли: «Социология образования» (2001 г.), «Социология права» (2002 г.), «Социология предпринимательства» (2002 г.), «Социология политики» (2003 г.) и др. Все эти книги весьма объемны (от 400 до 700 страниц) и, как правило, направлялись в библиотеки и специализированные кафедры университетов, в которых ведется подготовка социологов, политологов и исследователей рынка, за счет ЦСП.

Основной материал, обсуждаемый в этих книгах, отражает итоги прикладных исследований, проведенных Шереги с начала второй половины 80-х годов по середину первого десятилетия нового столетия. Объяснение этому весьма простое: к примеру, предпринимательства раньше легально не существовало, правовая культура населения была крайне низкой, политическая жизнь в стране была локализована в узком социально-идеологическом пространстве и имела весьма ограниченное число форм. Однако и здесь Шереги удалось привести весьма необычный материал [39] – отношения различных групп молодежи к ряду съездов ВЛКСМ (1978, 1982 и 1987 гг.), восприятие комсомольцами реформ начала 90-х, их видение перспектив существования СССР, степень доверия новым партиям и политическим организациям. Все, что касалось отношения населения к войне в Афганистане, было закрыто. Шереги приводит фрагменты из исследования, проведенного летом 1988 г. среди взрослого населения 13 регионов СССР, включая Белоруссию, Украину, республики Прибалтики и Юга страны. Есть и результаты, скорее всего, одного из последних, проведенных в стране (ноябрь 1990 г.) опросов об отношении к В.И.Ленину и его наследию.

Эти и подобные им материалы уже сегодня, теми, кто помнит события тех лет, кто хорошо знаком с политико-идеологической атмосферой периода застоя и перестройки, читаются с интересом, поскольку они содержат дополнительное объяснение событий, происходивших в России в начале 90-х и определивших многое в последующем политико-социальном устройстве страны. И очевидно, значение социологической информации о событиях конца 70-х – начала 90-х будет постоянно расти. И, следовательно, будет происходить и уточнение оценки роли социологов в познании советского общества.

Литература

1. Аитов Н.А. История с историей социологии // Социологические исследования. 1970. № 3. С. 139–142.
2. Тощенко Ж.Т.: «Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина» // Социологический журнал. 2007. №4. С. 149–70; см. также Том 2, С. 471–500.

3. *Здравомыслов А.Г., Ядов В.А.* Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2003.
4. Ядов В.А.: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2005. №3. С. 2–11; см. также Том 2, С. 183–209.
5. Лапин Н.И.: «Наша социология стала полем профессиональных исследований, свободных от идеологического диктата» // *Социологический журнал.* 2007. №1. С. 141–175; см. также Том 2, С. 89–127.
6. Заславская Т.И.: «...Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие – это наука» // *Социологический журнал.* 2007. №3. С. 137–169; см. также Том 2, С. 16–49.
7. *Левада Ю.А.* Лекции по социологии. Вып. 1–2. М.: Институт конкретных социальных исследований, 1969.
8. Интервью с проф. В.Т. Лисовским // *Журн. социол. и социальн. антропол.* 2000. Т. 3. № 4. <<http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/11/20/0000184127/002intervyu7-25.pdf>>.
9. Левада Ю.: «Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе // *Социологический журнал.* 2008. № 1. С. 155–174.
10. *Здравомыслов А.Г.* Методология и процедура социологических исследований. М.: Мысль, 1969.
11. *Ядов В.А.* Методология и процедура социологического исследования. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1968.
12. *Вооглайд Ю.* Ядов – Учитель. В кн.: *Vivat, Ядов! К 80-летию юбилея: сборник / Ред.-сост. Данилова Е.Н., Козлова Л.А., Козырева П.М. и др. М.: Институт социологии РАН.* 2009.
13. *Пригожин А.И.* Прикладные социальные теории занимали его очень сильно // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2005. № 2. С. 14–15.
14. *Грушин Б.А.* Вспоминая Якова // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2005. № 2. С. 13–14.
15. *Капелюш Я.* Общественное мнение о выборности на производстве // Под ред. Б.А. Грушина. Информационный бюллетень № 39 (54). М.: Научный Совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований, 1969.
16. *Докторов Б.З.* Рассказ о книге, которой нет // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2005. № 2. С. 15–19.
17. *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я «Эпоха Брежнева». Часть 1. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
18. *Кедров Б.М.* День одного великого открытия. Наука, М, 1958.
19. Фирсов Б.М.: «...О себе и своем разномыслии...» // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2005. №1. С. 2–12; см. также Том 2, С. 535–566.
20. *Алексеев Б.К., Докторов Б.З., Фирсов Б.М.* Изучение общественного мнения: опыт и проблемы // *Социологические исследования.* 1979. №4. С. 23–32.

21. Почти сорок лет спустя. Б. Докторов и Б. Фирсов вспоминают о ленинградских опросах общественного мнения в 1970-х. // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 3. С. 6–15; см. также Том 3, С. 247–277.
22. *Алексеев Б.К., Докторов Б.З., Фирсов Б.М.* Изучение общественного мнения: вопросы организации исследований // Социологические исследования. 1981. №1. С. 78–85.
23. Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов /Под ред. Н.И.Лапина. М.: Изд-во «Academia», 2005.
24. *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция. 2001.
25. *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. (Часть 1). М.: Прогресс-Традиция. 2003.
26. *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. (Часть 2). М.: Прогресс-Традиция. 2006.
27. *Шереги Ф. Э.* Методический аппарат прикладной социологии 20-х годов (проблемы репрезентативности исследований) // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 192–201.
28. *Шляпентох В.Э.* Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: ЦСП, 2006.
29. *Шубкин В.Н.* Социология и общество: научное познание и этика науки. М.: ЦСП, 2010.
30. *Константиновский Д.Л.* Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М.: ЦСП, 2008.
31. *Харчев А.Г.* Социология семьи: становление науки. М.: ЦСП, 2002.
32. *Чангли И.И.* Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования. М.: ЦСП, 2002.
33. *Руткевич М.Н.* Развитие философии и социологии в Уральском университете (40–70 гг. XX в.). М.: ЦСП. 2003.
34. *Докторов Б.З.* Отцы-основатели. История изучения общественного мнения. М.: ЦСП. 2006.
35. *Докторов Б.З.* Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. М.: ЦСП. 2008.
36. Как провести социологические исследования. Коллективная монография под редакцией Горшкова М.К. и Шереги Ф. Э. М.: Политиздат, 1985.
37. Основы прикладной социологии. Учебник для вузов. Коллективная монография. Под редакцией Шереги Ф.Э., Горшкова М.К.. М.: Интерпракс, 1996.
38. Прикладная социология. Методология и методы. Учебное пособие / Под редакцией Шереги Ф.Э., Горшкова М.К.. М.: «Альфа», «ИНФРА». 2009.
39. *Шереги Ф.Э.* Социология политики. М.: ЦСП. 2003.

ГЛАВА 10

НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ ДОПЕРЕСТОЕЧНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В начале книги отмечалось, что историко-научное исследование советской/российской социологии, опирающееся на анализ биографической информации, не является альтернативой другим подходам в изучении прошлого настоящего отечественной социологии. Оно дополняет институциональный анализ социологии как науки и сопряжено с рассмотрением социологии как процесса смены теоретических представлений об обществе. При этом собственно биографический анализ трактуется как инструмент, позволяющий не только описать жизненные траектории индивидов, но и перейти к обсуждению специфики состава и характера деятельности поколений ученых.

Исходно предполагалось после изложения путей прихода представителей различных профессионально-возрастных когорт в социологию построить и описать межпо-

коленные и внутр поколенные коммуникационные сети. Имеющийся эмпирический материал позволяет обозначить методологию подобного поиска применительно к социологическому сообществу в целом и сверх того – уточнить и иллюстрировать общую схему применительно к становлению и развитию «ленинградской социологической школы»: в нашем архиве около 30 рассказов ленинградских/петербургских социологов о себе. Но обращение к содержанию предыдущих глав показало, что значительная часть материалов, раскрывающих механизмы взаимодействия между «старшими» и «младшими», уже отражена в книге.

Тогда показалось целесообразным в плане продолжения начатых выше предметных линий и чрезвычайно важным для понимания прошлого проанализировать отношение ученых – прежде всего представителей первых двух поколений – к прожитым годам и к сделанному. Однако в силу грустного характера итоговых выводов многих социологов от этого «поворота» в развитии содержания книги пришлось отказаться. Пара примеров в подтверждение сказанного приводится ниже, и в будущем, после разработки ряда методологических вопросов необходимо вернуться к рассмотрению данной темы. Проблема заключается в нахождении приемов для соотнесения вполне обоснованных оптимистических заявлений о достижениях советской/российской социологической науки в целом и пессимистическим взглядом ученых на сделанное ими.

Попытка примирить написанное с тем, что ранее предполагалось изложить в этой главе, высветила круг вопросов, почти не рассматривавшихся в работах по истории современной отечественной социологии. Речь идет об изучении повседневного мира, в котором протекала деятельность ученых.

Методологические замечания

При изложении ряда сюжетов слово «повседневность» несколько раз встречалось в этой книге, но никакого акцента на его использовании не было, оно выступало лишь как синоним слов «обычное», «каждодневное». Вместе с тем, многое из изложенного выше можно рассматривать как анализ повседневности, характерной для всех периодов советской/российской социологии, и все можно интерпретировать в рамках категорий социологии повседневности. Трактовка науки как социального института и выбор в качестве ведущих соответствующих информационных источников и приемов их прочтения, а также естественный для подобного исторического изыскания спектр

и масштаб поисковых задач осуществляются в парадигматике, далекой от установок и концепций социологии повседневности. С другой стороны, рассмотрение науки как результата творчества ее создателей, природа главного для данного историко-наукоедческого исследования биографического метода, а также особенности используемой версии интервью создают предпосылки для обращения к опыту, накопленному в рамках изучения различных аспектов, компонентов повседневности. Или несколько иначе: биографический метод и то, как анализируются выявленные с его помощью сведения о прошлом, составляют набор микроисторий, соотносимых с макро- т.е. институциональной историей.

Одна группа микроисторий – это воспоминания индивидов, где, вообще говоря, все конкретно и может быть детализировано до бесконечности, или атомизировано. Другая группа – поколение социологов; это одновременно и некая реально существующая социально-профессиональная страта целостного социологического сообщества, и полезная для истории науки абстракция, учитывающая в себе сходство жизненных и собственно профессиональных путей людей, принадлежащих к достаточно узкой возрастной страте. Возможны и типы микроистории, распространяющиеся на ряд поколений социологов. К примеру, в наших построениях социологи первого и второго поколения почти «неразличимы» на ранних этапах своей социализации: видны общность практик семейного воспитания, переживания войны и победы, восприятия атмосферы политической оттепели. Но их различие обнаруживается, когда изучаются «миры», внутри которых проходили траектории их движения в социологию.

В настоящее время исследователи повседневности изучают как среду, образующую ее, так и широкое множество социальных отношений, или правил взаимодействия между людьми, складывающихся, протекающих в ней. Приведенные выше механизмы формирования поколений социологов, выявленные модели вхождения ученых в социологию, обстоятельства рождения идей, которые затем долгие годы разрабатывались ими, и другое, по сути есть описание ключевых для становления советской социологии форм отношений внутри профессионального сообщества. К сожалению, достаточно большой с точки зрения классики этнометодологии массив глубинных интервью и вынужденная сдержанность, скупость при воспроизводстве воспоминаний моих собеседников лишают приводимые рассказы многих важных и ярких деталей, присущих феноменологическим описаниям фрагментов повседневности, тем не менее, в них представлено многое о прошлом. Отчасти

меня успокаивает то, что все проведенные мною интервью приведены в Томе 2. Во всяком случае, очевидцы, современники тех событий подтверждают присутствие в воспоминаниях опрошенных черт наблюдавшихся ими явлений и атмосферы времени. Другими словами, в совокупности интервью обнаруживаются важнейшие черты существовавших в нарождавшемся социологическом сообществе практик, правил повседневного (обыденного) взаимодействия, часто встречавшихся ситуаций, т.е. в них присутствует отражение познаваемой реальности. А именно к этому и стремятся аналитики повседневности.

Направленность книги и стремление учитывать некоторые традиции в описании истории советской/российской социологии сдерживают меня от использования многого, что вообще говоря, заложено в «эго-документах», к которым относят биографии, мемуары, дневники и письма. И дело не только в том, что значительная, возможно, большая часть накопленного не представлена в книге, но скорее в том, что приводимые фрагменты не репрезентируют все содержание собранной информации. Методология социологии повседневности применительно к историческим исследованиям разрешает при анализе деятельности людей обсуждать не только их поведение, но мотивацию, настроение и другие аспекты их восприятия реальности и реакции по поводу происшедшего. В целом я воздерживался от этого, но при рассмотрении ряда сюжетов и эти фрагменты повседневного мира социологического сообщества нашли отражение в данной работе.

В определенной степени выход на этот слой повседневности задан избранной формой интервью, которое я называю «интервью-диалогом». Стремясь получить от человека максимально развернутые ответы о его жизни и работе, я – как в реальном диалоге, – если мне что-либо не ясно, прошу респондента уточнить сказанное (написанное), для чего могу модифицировать или развить мой вопрос. Он тоже свободен в интерпретации текстов вопросов. Но при этом я отдаю себе отчет в том, что наше интервью-диалог в действительности является «*публичным интервью-диалогом*», все делается с целью публикации, а не хранения в архиве.

Возможно, в тексте книги иногда проявляется пристрастность автора к тем или иным социологам или в изложении тех или иных направлений отечественной социологии. С одной стороны, я стремился минимизировать проявление пристрастности, с другой – опять же в соответствии с духом ряда подходов этнометодологии, считаю, что историк, биограф имеет право быть пристрастным.

Несмотря на то, что отбор респондентов базировался на четко сформулированных правилах и ряд социологов, особенно среди представителей четвертого поколения, мне не были известны до начала интервью, определенная пристрастность в формировании массива опрошенных несомненно присутствовала, особенно на раннем этапе исследования. Остается лишь признавать, что от подобной пристрастности невозможно избавиться, если сам свыше сорока лет проработал в этом профессиональном цехе и десятилетиями знаком и дружен со многими. Однако, в силу таких особых отношений с респондентами, интервью приобретает тот уровень открытости, доверительности, который невозможен между не знакомыми друг другу людьми, но который необходим при познании прошлого.

Более того, пристрастность ориентирует исследователя на всесторонний анализ жизненного пути и творческого наследия людей, долгие годы работавших в науке. Биографу трудно оставаться нейтральным, да и возможна ли в принципе нейтральность, отстраненность от героя биографического анализа, нужно ли к ней стремиться? Идеал научной беспристрастности, по мнению М. Полани, даже в точных науках оказывается ложным, более того, в социологии он просто может стать разрушительным. Полани пишет, «что в каждом акте познания присутствует страстный вклад познающей личности» [1, т. 4, С. 221].

Нейтральность биографа не гарантирует объективности исследования, ибо нейтральность, холодность не побуждают к новым поискам. Наоборот, пристрастность может быть базой объективности, заставляя искать правду. Так, небольшая заметка Пушкина, резко критиковавшего Радищева за его «Путешествия из Петербурга в Москву», заканчивается словами: «...нет истины, где нет любви» [2, С. 210].

Боязнь быть обвиненным в пристрастности в действительности снижает поисковый потенциал историко-наукovedческих исследований, сдерживает аналитика от поиска новых тем и перехода на новые уровни постижения прошлого. Так, размышления над материалами недавно вышедших книг воспоминаний о Б.Г. Грушине [3] и Ю.А. Леваде [4], [5] показывают, что мы не разрешаем себе признавать наших современников выдающимися учеными, возможно, полагая это нескромным и считая, что только время выявляет значение наследия того или иного исследователя. Мне не кажется это верным, более того, я вижу некую ущербность подобного подхода к оценке жизнедеятельности современных ученых. В нем есть что-то надуманное, проистекающее из недооценки роли личности в историческом процессе, есть признак недооценки способности самого научного сообщества определить своих лидеров.

Рывок в познании истории постхрущевской советской/рос­сийской социологии, сделанный во второй половине 1990-х, дал многое. Но накопленный потенциал движения достаточно быстро разрядился. Отчасти это произошло в силу «пассивности» информации, традиционно используемой при анализе социологии как социального института, ее недостаточной пропитанности судьбами людей, отдавших свои жизни этой институции.

Л.Г.Иониным [6] было введено понятие «тоталитаризм повседневности», указывающее на существование в советской действительности обстоятельств, затруднявших коммуникацию повседневности с другими смысловыми сферами опыта. Мне бы хотелось указать на существование в наших историко-научно-ведческих разработках «*тоталитаризма объективности*», под которым я понимаю существование в этой малоизученной области исследований представлений о возможности понять и объяснить прошлое нашей науки, без наполнения используемой методологии положениями социологии повседневности.

Обращение к теоретическому каркасу анализа повседневности позволяет указать на один серьезный пробел в избранной схеме изучения истории становления советской социологии, прежде всего – в описании жизни социологов. Речь идет о том, что тематика бесед охватывала – и то в не исчерпывающей полноте – лишь процесс профессионализации ученых и собственно их профессиональную деятельность. Но ведь повседневный мир человека, тем более – творческой личности – принципиально шире, многообразнее, богаче. И конечно же, построение более точных, реалистичных портретов людей, создававших социологию и развивавших ее, априорно требовало и иного, более просторного очерчивания собственно профессионального пространства, и выхода за его рамки.

Еще несколько лет назад было много сложнее, чем сейчас, обозначить рамки пространства историко-биографического исследования, отвечающего требованиям социологии повседневности, ибо отсутствовала информация, для обоснованного конструирования необходимой координатной сетки, или аналитического пространства. Ситуация медленно начала меняться, когда увидели свет мемуары ряда советских/российских социологов первого поколения, а также книги воспоминаний о живущих и недавно умерших социологах. Результаты направленного структурно-семантического анализа этих текстов позволят понять, как в первом случае их авторы описывали прожитое и пережитое, и во втором – что редакторы-составители считали необходимым включить в состав воспоминаний о человеке, каким видели его и каким запомнился он его друзьям, коллегам, современникам.

Но уже сейчас ясно, что история социологии должна передавать не только факты из жизни социологов, не только рассказывать об их поисках и находках, но стараться передать их увлеченность своим делом, преданность своей профессии, их переживания, связанные с пониманием своей несвободы в выборе исследовательских тем и в интерпретации получаемых результатов, их оценку времени, в котором они жили, их самооценки сделанного.

Так в любом «безлюдном» рассказе о советской/российской социологии будет отмечаться вклад И.С.Кона в становление советской социологии в целом и в рождение ленинградской социологической школы, в развитие многих направлений социологической науки: истории социологии, методологии позитивистских и феноменологических концепций, социологии личности, детства и молодости, поколенческой проблематики, семейных отношений, гендерных исследований, сексологии и других областей социологии. И это верно. Однако – лишь с фактологической стороны, но не с исторической, ибо подобный перечень слишком «бравурен», и потому поверхностно отражает и мир ученого, и собственно сделанное им. Ведь видимая часть результатов творчества Кона много меньше, тоньше невидимой. И для нормального исторического анализа и описания важно не только признание этого обстоятельства, но выявление и фиксация причин произошедшего. Настоящее творчество – всегда процесс интимный, личностный, и потому ученый обречен на одиночество, но не такой степени глубины, чтобы назвать свои мемуары «80 лет одиночества» [7].

Приведу несколько фрагментов из книги Кона, показывающих, что перечисление направлений, разрабатывавшихся ученым, и книг, изданных им, это лишь поверхностный слой исторических изысканий, что в действительности не было этой «бравурности», были разочарования из-за невозможности сделать то, что Кон считал важным и что было бы весьма полезно для развития советской социологии. Вспоминая о своей работе в области истории социологии, он пишет:

В 1968 г. я основал сектор истории социологии в ИКСИ, а в 1970 г., во время Всемирного социологического конгресса в Варне, Исследовательский Комитет по истории социологии Международной социологической ассоциации, в состав которого вошли крупнейшие социологи мира, начиная с Парсонса и Мертонса. В течение 12 лет я был сначала его президентом, а затем вице-президентом; поскольку советские власти ни разу за эти годы не выпустили меня для участия в его работе, меня выбирали заочно. Я поддерживал личную переписку с ведущими западными социологами и имел репутацию единственного советского социолога, который всегда отвечает на письма (это была лишняя работа и некоторая степень риска) [7, С. 215].

В 1964 г. вышла книга Кона «Позитивизм в социологии», которая превратилась в учебное пособие по курсу истории социологии. Несмотря на малый по тем временам тираж работы – 2000 экземпляров, – она сразу получила признание специалистов и стала широко цитируемой. Уже через три года эта работа была переведена на венгерский язык, в 1979 г. – на финский. В 1968 г. и 1973 г. вышли расширенные переводы на немецкий, сначала в ГДР, затем – в Западном Берлине. Но в СССР новых изданий книги не было, и она быстро стала труднодоступной.

Весьма интересным является рассказ Кона, как завершились его двадцатилетние исследования по юношеской психологии [7, С. 137–138]. Однажды после беседы в Смольном, там располагалось руководство Ленинградской городской и областной организации КПСС, он сложил все скопившиеся у него рукописи, оттиски зарубежных статей, документы в большую коробку, написал на ней «Париж» и пристроил все это на полке в уборной. Это означало, что он вернется к этой тематике только вернувшись из Парижа. Он оформил все документы для поездки, но, как и ожидал, получил немотивированный отказ. Через некоторое время прорвало водопроводную трубу, архив был подмочен, и он не знал, что с ним делать. Раскрыть – означало нарушить данное себе слово. Не открывать – все начнет гнить. И здесь неожиданно в дверь квартиры позвонили. Это были пионеры, собиравшие макулатуру. Кон оценил их появление как знамение и отдал коробку им.

Последний сюжет касается многолетних исследований Кона в области сексологии. Его работа оказалось не востребованной в России, но получила широкое международное признание. В 1979 г. он был избран действительным членом Международной академии сексологических исследований, а затем ряда национальных сексологических сообществ. В 1990 г. Институт Кинзи посвятил Кону коллективный труд «Юность и пубертат» за новаторские и смелые научные исследования советской молодежи и сексологии, а Всемирная сексологическая ассоциация в 2005 г. наградила его Золотой медалью за выдающийся вклад в сексологию и сексуальное здоровье. Однако, раздел мемуаров, посвященный исследованиям Кона в области сексологии, завершается словами: «В то же время процветают халтура и самодеятельность, многие «научные» публикации похожи на современную сексологию не больше, чем советская «мичуринская биология» – на настоящую генетику» [7, С. 332]. Кон предполагал уничтожить и свой сексологический архив, но не сделал этого, поскольку переехал в Москву, где жизнь была чуть полегче [7, С. 140].

Внимательное прочтение мемуаров Кона, учет массы «повседневных» обстоятельств, определявших более, чем полувековую и в высшей степени плодотворную деятельность ученого, объясняет заключительное предложение его кратких воспоминаний, относящихся ко второй половине 1990-х: «Доволен ли я своей жизнью? Я никогда не мог заниматься своим прямым делом. Раньше этому мешала идеологическая тупость, теперь – обнищание страны, которой ученые практически не нужны. Пожилым людям революции вообще противопоказаны. Подобно большинству своих ровесников, в славном новом мире дико-первоначального накопления я чувствую себя посторонним. Старая жизнь кончилась, на новую не осталось сил. Но эпоху не выбирают...» [8, С. 131]. Прошло десять лет, но эти же грустные слова завершают книгу воспоминаний: «Всякая прожитая жизнь полна нереализованностей, но эпоху и тип личности не выбирают» [7, С. 394].

Классикой советской социологии и одним из крупнейших достижений Б. А. Грушина признан его «Таганрогский проект» [9], связанный с многомерным изучением массовой информации в советском среднем городе. Изучались средства массовой коммуникации и массовой устной пропаганды, письма трудящихся в разные инстанции; собрания общественных организаций, коллективов предприятий и учреждений; контакты населения с депутатами Советов и работниками органов управления. При этом рассматривались все типы органов управления: партия, государство, советы, комсомол, профсоюзы, органы правосудия, милиция и т. д. снизу доверху. В рамках проекта в 23 исследованиях был применен анкетный опрос, в 17 – интервью, в 18 – контент-анализ разных текстов и т. д. В ходе полевых работ были заполнены 8882 бланка самофотографии, проведены 471 акт наблюдения, 10762 интервью и т. д. Всего в проекте было 85 полевых документов общим объемом 58,7 п. л.. По материалам исследований было защищено свыше 20 кандидатских диссертаций.

Грушин и его коллеги испробовали многие формы организации сбора данных. Казалось, можно поехать в Таганрог и провести там «поле». Но, понимая, что им предстояло провести 70 исследований, они создали там таганрогскую лабораторию. В ноябре 1969 г. Грушин попытался обобщить их огромный организационный опыт и в течение девяти дней «под стенограмму» прочитал 18 лекций (43 часа) на эту тему. Предполагалось издать книгу «Социологическая лаборатория», но в 1972 г. М.Н. Руткевич выкинул ее из издательского плана.

По результатам анализа собранной информации была подготовлена книга в двух томах. Первый – вышел в Политиздате

в 1980 г., спустя шесть лет после его написания, второй том – о потоке информации от населения к власти – был зарублен. Грушин привел, хранившийся в его архиве, отзыв академика Д.М. Гвишиани: «Работа вряд ли может быть рекомендована к изданию в виде монографии, т. к. не содержит научно-достоверных выводов, обобщений ни относительно методов изучения вопросов, ни относительно существенных механизмов, факторов, процессов, конституирующих данное явление. В рукописи содержится ряд утверждений, публикация которых может дать превратное представление о деятельности советских и партийных органов» [10, С. 224].

Издательские неудачи продолжались. С 1967 г. под руководством Грушина было проведено 47 семинаров, они проходили по пятницам. Предполагалось, и было соответствующее решение дирекции, что их содержание будет опубликовано в 47 выпусках – «47 пятниц», в которые должны были войти программы и полевые документы с инструкциями, чтобы «вооружить» зарождавшуюся социологию. Однако, все произошло иначе. Первый выпуск появился в 69-ом г., потом вышел пятый выпуск с сюжетами контент-анализа. Затем были последовательно подготовлены II, III и IV выпуски, но наступили новые времена, и возникли проблемы с цензурой. Посчитали, что все это – абсолютно засекреченная информация, даже сами техники и процедуры исследований, не говоря уже о программных положениях исследования. Четвертый выпуск (о деятельности Советов) был уничтожен на корню, а тираж второго арестован и запрещен к распространению. Тогда Грушин попытался вместо «47 пятниц» издать 50–70 выпусков с последовательным представлением количественных результатов исследований. Однако после первых пяти-семи брошюр и от этой затеи пришлось отказаться.

По мнению Грушина, скорее всего с ним следует согласиться, «Таганрог» был крупнейшим проектом в истории советской социологии и одним из самых крупных в мировой социологии. Но, в конце 90-х он писал о полученных результатах: «Никому не нужные. Ни тогда, ни теперь...» [10, С. 226]. Сложившееся вокруг Грушина содружество могло стать серьезной научной школой, если бы не внешние обстоятельства, если бы не общий социальный контекст, который полностью исключал и исключил такую возможность. Он был готов уйти из социологии.

Приведенное выше объясняет заголовок написанного Грушиным на исходе 90-х короткого биографического текста: «Горький вкус невостребованности» [10]. А еще через несколько лет Грушин сказал, что его жизнь была бурной, но не состоявшейся. Затем уточнил: «...состоялась, но не удалась» [11].

Зная, как много было сделано Грушиным для становления в стране социологии, для изучения опросов общественного мнения, так и хочется прокомментировать это замечание словами: «У кого же тогда она состоялась? Кому же она удалась?».

Сюжеты, рассмотренные в предыдущей главе, и приведенные фрагменты воспоминаний Грушина и Кона явно указывают на то, что анализ сделанного и опубликованного советскими социологами непременно должен дополняться историей того, что учеными было сделано, но не опубликовано. Во-первых, можно предположить, что массив работ, классифицируемых таким образом, значителен по объему и, во-вторых, можно утверждать, что содержание этих работ отлично от совокупности того, что отражено в публикациях 60-х – 80-х гг. Ведь «не опубликование» не было игрой случая, но, как правило, следствием существования идеологической цензуры, боязни, испытывавшейся чиновниками, руководившими наукой, «позвоночного права» и прочих элементов повседневной среды, в которой работали и жили социологи.

Не приходится объяснять, в силу каких причин мемуары и «свободно» написанные биографические тексты дают значительно более широкое, многоплановое освещение пространства жизнедеятельности ученых, чем ответы на вопросы исследователей. Следовательно, результаты анализа этих текстов могут помочь в конструировании каркаса новых программ историко-научоведческих поисков. Так, для понимания диффузных процессов развития советской/российской социологии чрезвычайно важным представляется изучение системы межличностной коммуникации внутри поколений и между ними. Значительная часть мемуаров Т.И.Заславской и И.С. Кона – это рассказы об учителях, коллегах и учениках, а сборники воспоминаний о Б.А. Грушине, Л.Н.Когане, Ю.А.Леваде – это заметки тех, с кем они были близки, с кем работали. Конечно же, во всех известных мне интервью присутствует коммуникационная среда респондента, но в недостаточной полноте.

Принято считать, что ученые «сыты» идеями, теориями, спорами, статьями, книгами. Безусловно, в этом обыденном представлении отражена значительная часть правды, но явно не вся. Экономические, жилищные, бытовые условия жизни, особенно, когда респонденты вспоминают детство, юность, студенческие годы, представлены в проведенных интервью, но эта тема должна найти более полное развитие.

Еще один пласт повседневной среды – хобби, художественные интересы, литературные пристрастия социологов. Ведь все это, по большому счету, индикатор интеллектуального уровня науки.

Следующий параграф фокусируется на описании ряда сфер повседневной для социологии реальности, присутствие которой безусловно сказывалось, прежде всего, на профессиональной, но не только, жизни социолога и грани которой отражены во многих проведенных интервью и воспоминаниях.

Некоторые грани повседневности

Анализ среды, в которой протекала повседневная профессиональная деятельность социологов, и изучение собранной биографической информации указывают на сложность этой среды, ее многообразие и подвижность. Эта среда задавалась, прежде всего, макрообстоятельствами, связанными с особенностями состояния общества в целом и спецификой этапов становления социологии. Выше эти этапы были обозначены, сейчас лишь снова отмечу, что позднеоттепельный период, раннебрежневский и густо застойные времена, перестройка и первые два десятилетия новой России конечно же образовывали качественно разное политико-идеологическое пространство для работы социологов. Второй момент – география: Москва, Ленинград (позже Петербург), Новосибирск, другие города России создавали во многом различающиеся ниши для проведения исследований и публикации полученных результатов, для проведения встреч и обсуждения научных проблем, для роста профессионального уровня социологов. Третий фактор – тип научного коллектива, в котором работал ученый. К примеру, сотрудники академических секторов и университетских лабораторий имели более богатые возможности для работы и общения с коллегами, в том числе – зарубежными, чем социологи, работавшие в заводских подразделениях. Проиллюстрирую сказанное рядом примеров.

В своей небольшой автобиографической книжке В.Э Шляпентох [12, С. 167–168] отмечает, что новосибирский Академгородок до начала Пражской весны был либеральнейшим местом в стране. Там жило и работало множество интересных людей, непрерывно проходили всяческие конференции, семинары, остро проходили защиты диссертаций. Люди постоянно ходили в гости друг к другу, складывались «салоны».

В интервью с Т.И.Заславской я заметил, что, судя по воспоминаниям В. Н. Шубкина и В. Э.Шляпентоха, ее собственно научные достижения и видение ею политической ситуации в СССР в известной степени стало следствием особого социально-психологического климата, существовавшего тогда в Новосибирске. Там не было того партийного давления, которое в

конце 1970-х – начале 1980-х задушило ростки ленинградской социологической школы. Заславская согласилась с этим:

Да, мы были на порядок свободнее коллег из других городов. Наряду с прогрессивными установками основателей СО АН СССР немалую роль играла и отдаленность Академгородка от Новосибирска. В Томске, Иркутске и Красноярске академические городки составляют часть этих городов, находясь «на расстоянии вытянутой руки» от обкомов и горкомов партии. Мудрый же академик Лаврентьев выбрал место для Академгородка в 30 км от Новосибирска. Хотя Академгородок и считался Советским районом Новосибирска, в действительности он представлял собой самостоятельный город ученых. Обстановка там была достаточно либеральной, хотя свои «носороги» имелись. Заезжие партийные чиновники чувствовали себя здесь не в своей тарелке. У нас выступали самые известные барды, активно функционировал дискуссионный клуб «Под интегралом», при Доме ученых существовал «Клуб межнаучных контактов», где и я не раз выступала с рассказами о наших исследованиях [13, С. 165].

Интересно воспоминание Е.Э.Смирновой об обстановке в Научно-исследовательском институте комплексных социальных исследований ЛГУ, когда его директором был опытный юрист Алексей Степанович Пашков, один из авторов концепции социального развития предприятий. Смирнова замечает:

Никого не «гноил», умел представить НИИКСИ на любом уровне. Его чутье, умение вести свой корабль среди идеологических рифов вызывают удивление и сейчас. Его толерантность к научной тематике, как мне кажется, помогла удержаться в институте и даже что-то сделать для науки таким людям как Павел Лебедев, Яков Гилинский, Юрий Сулов, Роман Могилевский и другим. Все перечисленные имена известны сейчас в российской социологии. Конечно, кто-нибудь сегодня может сказать, что они могли сделать гораздо больше. Да, могли, однако стоит рассмотреть и другой вариант – они могли быть вообще потеряны для науки. НИИКСИ в те времена был неким заповедником, в котором в достаточно суровых условиях ограничения высказываний и публикаций, тем не менее, выросли люди, которыми сегодня можно гордиться [14, С. 6].

Выше отмечалось, что в 1966–1969 гг. на небольшом эстонском хуторе Кяэрику собирались социологи, изучавшие теорию и практику массовой коммуникации. Время показало, эти встречи сыграли заметную роль не только в плане развития методологии социологических исследований, они стали импульсом для формирования круга социологов-единомышленников, во многом определивших концептуальную составляющую оте-

чественной социологии и социальный климат в нашем профессиональном сообществе. Вот как оценивает В.А.Ядов значение этого форума:

Встречи в Кяэрику – событие в советской социологии. Эстония была в СССР своего рода «западом». Языка московские начальники не понимали, и генсек Эстонской компартии Иоханнес Кэбин точно играл роль «крыши». В Кяэрику участники собраний чувствовали себя, примерно как сегодня на любой международной конференции. Говорили то, что думали, а думали как шестидесятники, если переводить на язык идеологии. В собственно научном плане там блистали Юрий Лотман, узнадзовец Венори Квачахия, Юрий Левада и многие другие выдающиеся интеллектуалы [15, С. 10].

Из всего обозримого множества граней повседневности я отобрал для рассмотрения следующие три. Во-первых, создание и некоторые аспекты деятельности Советской социологической ассоциации (ССА). Во-вторых, прямые контакты социологов с партийными функционерами различного уровня. Третий срез – знаки присутствия в повседневной среде социологического сообщества другой мощнейшей структуры власти – КГБ. Выбор именно этих направлений описания повседневности – не является лишь непосредственной реакцией на содержание проведенных интервью.

Присутствие ССА в среде жизнедеятельности советских/российских социологов отмечалось нечасто, и, прежде всего, лишь в интервью тех, кто занимал в ней лидирующие позиции, т.е. имел непосредственное отношение к Ассоциации. Вместе с тем, понимание ряда скрытых от многих механизмов работы ССА и значимости ее роли в становлении современной социологии стало основанием для краткого освещения истории ее возникновения и ряда сторон ее работы.

Наоборот, о присутствии в жизни социологического сообщества КПСС и КГБ говорилось респондентами много, так что рассмотрение этой темы, прежде всего, наваяно эмпирически-данными. Безусловно, представители двух старших поколений социологов касались этой темы много чаще и затрагивали ее глубже, чем пришедшие в науку после них, но присутствовала она и в беседах с их молодыми коллегами.

Немного о Советской социологической ассоциации

В середине 50-х ряд советских философов, занимавших видное положение в ЦК КПСС и Президиуме АН СССР, стали выезжать за границу, участвовать там в крупных международных форумах и затем приглашать в СССР западных обществоведов.

Тогда-то «в верхах» возник вопрос о создании некоей структуры для развития контактов – прежде всего – генералов от науки с западными социологами. «Собрались два-три человека», вспоминает Г.В. Осипов, «больше никого, в общем, тогда и не было» [16, С. 94] и создали Советскую социологическую ассоциацию (ССА); это был 1958 год. Председателем правления стал Ю.П. Францев, вице-председателем – Г.В. Осипов. Ясно, что эта общественная организация могла появиться и функционировать лишь по инициативе и под «зорким оком» власти, более точно – ЦК КПСС. Исходно перед ССА ставились две главные цели: ознакомление зарубежных социологов с позициями советских ученых по важнейшим вопросам общественного развития и препятствование распространению Западной информации относительно СССР. Была еще одна цель – контролировать зарубежные контакты советских ученых. В нашей «электронной беседе» Ж.Т. Тощенко так охарактеризовал возникновение Ассоциации: «Прежде всего, я напомним, что социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина. В конце 1950-х годов была создана Советская социологическая ассоциация во главе с академиком Францевым, под эгидой которой представители официальных структур, в основном философы, стали ездить на международные социологические конгрессы. В 1960-е годы социология развивалась самостийно в рамках ряда социальных наук – экономики, философии, истории» [17, С. 165].

Сведения о ССА разбросаны во многих статьях по истории советской социологии и присутствуют в воспоминаниях ряда ученых, однако более или менее систематическое описание рождения ССА и направлений деятельности этой организации дано в небольшой брошюре И.А. Бутенко, вышедшей 10 лет назад в связи с проведением 27–30 сентября 2000 г. в Санкт-Петербурге Первого Всероссийского социологического конгресса Российского общества социологов, правопреемника ССА [18]. Материалы этого издания используются в настоящем параграфе.

Поскольку в годы создания ССА все ученые в стране работали только в государственных учреждениях, которые несли полную ответственность за тематику проводимых исследований, сбор и анализ информации, а также представляли исследователям возможности для публикации, постольку в первые годы в ассоциации были лишь коллективные члены. В 1958 г. ССА объединяло немногим более десяти коллективных членов, к 1966 г. их число выросло до полусотни. Позже, наряду с коллективным членством, было введено и индивидуальное; в 1972 г. на учете ССА было 1500 индивидуальных членов и 300 – коллективных.

Как отмечает Бутенко, прежде всего ССА начинает заниматься представительскими вопросами: участие в международных форумах, публикации работ советских социологов в западных изданиях или в странах социалистического содружества. При этом все темы выступлений, все кандидатуры, тексты докладов многократно обсуждаются с руководством институтов и затем согласуются в ЦК КПСС. Сегодня все это может казаться вымыслом, мифом. Но вот лишь один пример.

В конце 1963 г. Отдел науки и Международный отдел ЦК КПСС просят вышестоящее руководство дать согласие на командировку в Норвегию на семь дней за счет принимающей стороны доктора философских наук Г.В.Осипова для прочтения лекций на тему «Советская социология сегодня» и «Социальные аспекты разоружения и мирного сосуществования». Отмечается, что Академия наук считает эту поездку целесообразной. Записка подписывается двумя партийными функционерами очень высокого уровня: заведующим Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС и заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС. Далее Записку изучают и подписывают четыре человека, входившие в высшее руководство страны: П.Н. Демичевым, секретарем ЦК КПСС, Б.Н. Пономаревым, заведующим Международным отделом и секретарем ЦК КПСС, И.В. Капитоновым, заведующим Отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС и, наконец, М.А.Сусловым, членом Президиума ЦК КПСС, который многие годы был главным советским идеологом. Замечу, что и до этого Осипов неоднократно выезжал за рубеж и к тому же, в Норвегию он должен был ехать после окончания командировки в Финляндию, которая в свою очередь была санкционирована Президиумом АН СССР и ЦК КПСС [19, С. 76].

Область взаимодействия советских социологов с иностранными коллегами, тем более – поездки за рубеж была достаточно закрытой и могла интересовать весьма немногочисленное количество ученых, которые были «выездными». Но были другие направления деятельности ССА, которые, действительно распространялись на большинство социологов. Это – региональные отделения и исследовательские комитеты и секции. В начале 70-х были созданы первые пять региональных отделений: Ленинградское, Украинское, Сибирское, Уральское и военное. К 1977 г. их было уже 12, в том числе: Азербайджанское, Армянское, Белорусское, Молдавское, Прибалтийское и Среднеазиатское. Наличие региональных структур ССА помогло в решении многих проблем. По грифом ССА проводились опросы, печатались полевые документы, организовывались конференции, выпускались сборники тезисов.

Работа социологов по различным направлениям координировалась центральными и региональными секциями, мало заведывавшими от центра. В 1983 г. в ССА было 35 центральных и порядка 150 региональных секций.

Францев недолго возглавлял ССА, в 1959 г. его сменил Осипов, работавший на этом посту до 1972 г. . Этот период, несомненно, был наиболее плодотворным в истории советской социологии и ССА. Затем несколько лет во главе ассоциации был М.Н. Руткевич, то было трудное время и для Института социологических исследований, и для значительной части социологического сообщества. В 1976 г. президентом стал Ф.Н. Момджян, он руководил кафедрой философии Академии общественных наук при ЦК КПСС и, естественно, решал главные вопросы развития социологической науки с сильной оглядкой на партийные органы.

В 1986 г., согласно Уставу ССА, готовилось перевыборное собрание, и если в прежние годы подобные мероприятия проводились достаточно формально, то в начале перестройки такого уже не могло быть, силу набирала практика реальных выборов. Выборы пятого президента ССА были достаточно подробно описаны в воспоминаниях А.Г.Здравомыслова, рассказанным им я и воспользуюсь [20, С. 173–176].

Момджян не стремился покинуть этот пост, и у него были достаточно сильные позиции в Отделе науки ЦК КПСС. Он не был профессиональным социологом, скорее – историком общественной мысли и достаточно тонким дипломатом. Другим реальным претендентом на пост президента ССА был директор ИСИ АН СССР – Вилен Николаевич Иванов, которого поддерживала заметная институтская группировка.

К тому времени Ядов, Левада, Осипов, Шубкин, по мнению Здравомыслова, не располагали достаточным авторитетом ни внутри страны, ни за рубежом для выдвижения их на пост президента ССА, его собственная кандидатура, отмечал он, также была непроходной. Но нужный человек, утвердившийся именно в социологии, уже был, Т.И. Заславская — академик АН СССР, обладавшая высоким профессиональным и личностным авторитетом. Оставалось: 1) убедить Заславскую в необходимости такого шага и, соответственно, переезда из Новосибирска в Москву; 2) убедить инстанции, что при любом ином решении вопроса социология проиграет, и это отразится на международном авторитете страны. В конце концов – после ряда совещаний в Отделе науки ЦК КПСС – избрание Заславской состоялось. Это произошло 26 ноября 1986 г. Борьба за это, вспоминая Здравомыслов, велась около трех лет. Сам он, поскольку не скрывал своей позиции, на протяжении этого времени подвергался нападкам по разным линиям.

За несколько месяцев до перевыборного собрания, в августе 1986 г. состоялся очередной конгресс Международной социологической ассоциации (МСА) в Индии, в Нью-Дели. В то время действовали еще старые механизмы формирования делегации. Официальным руководителем делегации назначили В.Н. Иванова – в качестве директора Института. Заславская и Осипов не поехали на конгресс. Делегация должна была руководствоваться специальной инструкцией ЦК, главный пункт ее – провести в состав Исполкома МСА Г.В. Осипова.

Здравомыслов совместно с известным шведским социологом Ульфом Химмельстрандом руководил сессией по проблеме направленности социальных изменений и в организационных вопросах МСА не участвовал. Сессия, в которой он работал, успешно прошла в огромной аудитории, но как только он вышел в фойе, преисполненный радостных чувств от удачного мероприятия, В.Н. Иванов сообщил ему, что он сорвал выполнение инструкции ЦК КПСС. Получилось так, что одновременно с сессией проходило заседание Национального совета МСА, на котором в состав Исполкома кем-то из его членов была выдвинута кандидатура Заславской: она и получила поддержку большинства. Иванов же решил, что это был результат закулисной деятельности Здравомыслова. Такие обвинения в то время были чреваты серьезными последствиями, поэтому он их отверг с порога и постарался незамедлительно придать все произошедшее огласке.

Т.И. Заславская в своих мемуарах не останавливается на том, как происходило ее избрание президентом ССА, но слегка обрисовывает состояние дел в социологии на тот момент [21, С. 569–570]. Социология уже не считалась «буржуазной лженаукой», однако не имела статуса полноценной науки. В стране существовал лишь один социологический институт и один социологический журнал, не было профессионального социологического образования, не присуждались ученые степени по социологии. На собрании Заславская выступила с докладом «О роли социологии в ускорении развития советского общества» и сразу же передала его в газету «Правда», но опубликован он был более, чем через месяц, 6 февраля 1987 г. под заголовком «Социология и перестройка». В своем дневнике Заславская записала: «... С тех пор и пошло. В тот же день, 6-го, меня принял А.Н.Яковлев. Он в течение 45 минут слушал мои соображения о положении социологии и необходимых мерах по его исправлению» [21, С. 573]. После этого были еще встречи с высокими партийными руководителями, а затем – с руководством АН СССР. В результате была создана комиссия из «главных социологов» страны, которой были выработаны меры по развитию социологии.

В 1990 г. к руководству ССА пришел триумvirат: А.Г.Здравомыслов, Ж.Т. Тощенко и В.А. Ядов, однако в связи с распадом СССР вскоре прекратило свое существование и ССА. Ее правопреемником стало Российское общество социологов.

Присутствие КПСС в повседневности социологов

КПСС пронизывала насквозь повседневный мир социологов и социологического сообщества. Присутствие КПСС было всеохватным: явным и латентным, направленным на сообщество в целом, на его подгруппы и на индивидов, ощущавшимся членами партии и теми, кто не состоял в ее рядах. Партия детерминировала кадровый состав социологов и их карьере, формировала тематику исследований и часто управляла опросной «машиной», от нее зависело, быть человеку аспирантом или нет, с нею часто согласовывали проблематику кандидатских диссертаций и, как правило, – докторских. Без согласования с партийными структурами невозможно было провести какую-либо научную конференцию, через каналы партии шло оформление всех поездок за рубеж.

Срез «КПСС и советская социология» присутствует во всех историко-наукведческих разработках, но в полном объеме эта чрезвычайно важная и серьезная тема еще долго не будет раскрыта. И будет ли? Вполне возможно, что определенную фактологию относительно характера взаимоотношений КПСС и социологии можно будет отыскать в диссертациях, защищавшихся в Академии общественных наук при ЦК КПСС по темам, формулировавшимся по формулам: «О роли партийного руководства К-ой области в развитии социологии в Р-ой области». Но следует понимать, что, возможно – важнейшее, в том, как принимались партийные решения, что им предшествовало, как обеспечивалось их выполнение, не отражено в документах. Более того, часто и не произносилось. Общение рядовых членов партии и руководителей секторов, отделов, лабораторий, институтов с партийными функционерами районного, городского, областного, центрального уровней происходило на особом языке, о котором представители молодых поколений не имеют представления, а будущие историки отечественной социологии – тем более. Часто определяющими были не слова, а интонации, дух, атмосфера общения, но их нет в архивных документах. Социологи, не понимавшие по-настоящему того языка или не желавшие его понимать, часто продолжали работать на своих местах по избранной проблематике, но на некоторое время или навсегда отлучались от прямого общения с

партийным руководством. Однако это автоматически и заметно снижало организационные возможности этих ученых (проведение опросов, публикации), а нередко вело к тому, что они были вынуждены менять многолетнюю тематику своих исследований, бывало – и место работы.

Вместе с тем, если учесть, что в стране вообще ничего невозможно было сделать без поддержки партийных органов, а социология постепенно развивалась, исследования проводились, новые научные коллективы создавались, книги выходили и т.д., то надо признать, что роль КПСС не сводилась лишь к запретам деятельности социологов, многие начинания и предложения ученых поддерживались партией.

История возникновения всех крупных исследовательских разработок, оставивших заметный след в советской социологии, таких как «Человек и его работа» (В.А. Ядов и А.Г. Здравомыслов), «Таганрог» (Б.А. Грушин), Генеральный проект по социальной организации промышленного предприятия (Н.И. Лапин), «Человек после работы» (Л.А. Гордон и Э.В. Клопов), исследования деревни Т.И. Заславской, изучение читательской аудитории центральных газет (В.Э. Шляпентох), опросы общественного мнения работающего населения Ленинграда (Б.М. Фирсов), проблемы молодежи и образования (В.Н. Шубкин), политическая и трудовая активность молодежи (Ф.Э. Шереги) и др. не могли быть проведены без плотного взаимодействия с местными и центральными структурами КПСС и ВЛКСМ, их помощи. Но одновременно приходится говорить и о том, что эти же структуры тормозили исследовательский процесс, иногда просто прерывали его.

В беседе с Н.И. Лапиным мне показалось возможным связать две эти стороны деятельности КПСС по отношению к социологам с тоталитарной природой власти в стране: власть хотела – помогала, хотела – закрывала. В целом, ответ Лапина совпал с моим пониманием ситуации, ибо в нем просматривается связь положения социологии в обществе с характером динамики самой власти: «Думаю, ответ на этот вопрос требует конкретного подхода. Действительно, отсутствие социологических исследований было следствием тоталитаризма, которому противопоказана объективная информация о нем. Возобновление эмпирической социологии, в том числе возникновение супер-проектов, стало одним из проявлений начавшегося латентного кризиса тоталитарной системы. Власть нуждалась в социологии, чтобы лучше понять, в какой ситуации она оказалась. Как только она начала понимать опасность этой информации, то стала жестко дозировать деятельность тех социологов, которые ее производили. Прежде всего, консервативные круги

партийных «инстанций» перетряхнули ИКСИ, удалив из него энтузиастов объективной информации и введя более контролируемых специалистов. Но процесс социологических исследований «пошел» и давал всплески нежелательной информации в самых неожиданных местах. Слабеющая власть уже не могла контролировать ее локальные очаги; в ходе перестройки этот контроль вовсе прекратился» [22, С. 161].

Говоря о «конкретике подхода» мне представляется, что следует иметь в виду как макроситуацию в стране, так специфику возможностей властей разных уровней и понимание возможностей социологии конкретными представителями аппарата партии. Так, интересна, затрагивающая одну из важных сторон связки «КПСС – социология» реакция Т.И. Заславской на вопрос: «Власть не понимала роли социологии и потому сдерживала ее развитие или, наоборот, сдерживала ее развитие, ибо понимала, что выводы социологов могут оказаться для нее неприятными?» Ответ Заславской одновременно носит и общий характер, и конкретику:

Безусловно, второе. Во власти сидели, в общем, неглупые люди, и большинство из них понимало, что такое социология. Но ее выводы были им категорически противопоказаны. Запомнился случай, о котором рассказывал, кажется, З.И. Файнбург. Пермские социологи приехали в один промышленный город, чтобы опросить молодых рабочих о нормах сексуального поведения в их среде. Начали, как тогда водилось, с горкома и сразу же натолкнулись на категорический запрет исследования его секретарем (это была женщина). Социологи спросили ее: «Неужели вас не интересует, что творится в этой сфере, можно сказать, у вас под носом?» А она ответила: «Что творится, я знаю и без вас. А если вы мне об этом официально напишете, я обязана буду принимать какие-то меры. Сделать же я все равно ничего не могу. Так что ищите другой город». Случай частный – но за ним, как мне кажется, кроется общее. Рекомендации социологов носили преимущественно управленческий характер, но кормило реального управления уже вырывалось из рук партийных руководителей, и «не знать» о разложении общества им было удобней, чем «знать», но не быть в силах что-либо сделать [13, С. 152].

Ж.Т. Тощенко перед тем, как стать социологом, занимал ответственные посты в партийном аппарате, потом учился в Академии общественных наук при ЦК КПСС, затем – там же руководил социологической лабораторией. Так что в беседе с ним было естественно спросить о типе присутствия партии в среде жизнедеятельности социологов: «Сейчас часто говорят о притеснениях, которые социологи испытывали со стороны партийных органов; ограничения в тематике исследований,

несправедливая критика. Сталкивались ли Вы с такими проблемами?» [17, С. 156]. Ответ Тощенко был весьма развернутым, здесь приведу лишь общую канву сказанного им.

По мнению Тощенко, в истории нашей социологии были позорные страницы: расправа над Ю.А. Левадой, различные санкции против В.А. Ядова, запреты проводить те или иные исследования, распространять анкеты в Москве, Минске, Киеве и других городах. Немало было выговоров, замечаний практически у каждого из социологов. Но в то же время он не согласен с заявлениями о «репрессиях против социологов», особенно часто звучащими в начале 1990-х годов.

Собственные отношения Тощенко с партийной властью начали складываться успешно. Первым было социологическое исследование на Красноярском алюминиевом заводе. Тогда его возглавлял 40-летний директор В.В. Стриго, представлявший яркий образец социоинженерного мышления. Свой заказ он сформулировал так: «Я знаю технологию и внедрил на заводе все лучшее, что есть в мире. Я знаю технику и использовал все, что есть лучшего в стране. Я знаю, как организовать производство и наладить управление. Но я, по большому счету, не знаю людей, их настроений, суждений, их оценки моей работы и моей команды. Дайте мне инструмент, который поможет мне более эффективно строить работу с людьми» [17, С. 157]. И социологи дали свои предложения: это была аттестация инженерно-технических работников, которая включала в себя оценку специалиста снизу – подчиненными, по горизонтали – коллегами и сверху – руководством.

Однажды Тощенко был приглашен на беседу к первому секретарю крайкома КПСС А.А. Кокареву. Это был человек из сталинской эпохи: крут, но дело знал, на партийную работу пришел с поста директора завода. Зашел Тощенко к нему, после приветствия и некоторой паузы хозяин кабинета говорит: «Вот тут мне докладывают, что ты ходишь по заводам и пристаешь к рабочим с какими-то анкетками. Это правда?» Тощенко сказал, что именно этому его научили в Академии общественных наук, куда он был направлен вышестоящим партийным органом. После некоторого молчания, кряхтения и раздумий Кокарев сказал: «Брось ты это дело, лучше ходи на рабочие собрания, там ты услышишь всю правду-матку». Но запрещать заниматься этой работой не стал, ведь он сам подписывал направление Тощенко на учебу в АОН. Рассказав этот эпизод, Тощенко добавил: «думаю, что если бы эту науку я привез из МГУ, другого вуза или академического института, то разговор был бы иной» [17, С. 158].

Именно «иной» разговор вспоминает Л.Э.Смирнова, работавшая, правда, не в МГУ, но в одной из лабораторий НИИКСИ при ЛГУ. Тогда она с коллегами проводили исследование на за-

водах и в НИИ химической отрасли. Многие из респондентов работали в закрытых предприятиях, и поэтому интервью часто приходилось брать то в проходной (без стола и стула), а то и в скверике около предприятия. Потом заказчики говорили социологам, что результаты их исследования использовались, т.е. их труд не пропал даром. Но одним из следствий проведенной работы был ее вызов в Смольный, где тогда располагались городской и областной комитеты КПСС. Оказалось, что прогнозы ученых относительно развития области тонкой химической технологии попали в поле зрения КГБ. И инструктор в Смольном сказал приблизительно следующее: «Ты что, сукина дочь, соображаешь, что натворила?» [14, С. 6]. И вот шла она после этой беседы по коридору Смольного и заметила на красной дорожке какие-то пятна – оказалось, что это были ее слезы. Потом все эти проблемы постепенно переросли в вотум недоверия к ней лично, ее – беспартийную – стали вызывать на партком НИИКСИ и есть поедом.

Теперь еще два сюжета из рассматриваемой ниши повседневности социологов. Первый вспомнил В.А. Ядов на конференции в 1994 г., фокусированной на истории возникновения ленинградской социологической школы. Как-то звонят из Смольного в его лабораторию и сообщают, что его вызывает первый секретарь Обкома В. С. Толстиков. Приезжает курьер, везут Ядов в Смольный. Входит он в огромный кабинет, где очень далеко сидит его хозяин. Ядов направляется к нему и вдруг слышит: «Ты что это там делаешь?». Сесть не предлагает, просто грубо матерится: «Вы что это там, гребена мать, делаете?!». Ядов сам садится, чтобы во всем разобраться. Хозяин говорил «ты», что на партийном языке того времени означало, что он ругает Ядова как своего, это было понятно. Затем вопрос: «Что за опрос про секс ты проводишь...?» и называет город. Ядов: «Ничего мы в этой области не проводим. Понятия не имею, кто там проводит опрос». (Позже выяснилось, что кто-то проводил такой опрос по анкете С.И.Голода). Толстиков звонит по прямому телефону в Москву: «Нет, это не мы. Мы не проводим». И, обращаясь к Ядову: «Чтоб, твою мать, больше не было этого! Иди!» [23, С. 15].

Следующий сюжет – о создании в Куйбышеве (Самаре) первой социологической лаборатории в 1969 г. при кафедре философии Технического университета. Инициатором ее создания был лично первый секретарь Куйбышевского обкома партии. Это был опытный и талантливый руководитель. Но даже для него подобный шаг представлял собой в те годы рискованную инициативу. Идеологическое ведомство ЦК КПСС жестко пресекало активность по распространению социологической практики на периферии, поэтому все кафедры обществоведения

технического университета г. Куйбышева, где должно было появиться социологическое подразделение, делали все возможное, лишь бы не позволить новому научному коллективу закрепиться на кафедре философии. Смелость секретаря обкома, основывалась на особом статусе Куйбышевской области, значительная часть ее промышленности представляла собой ракетно-космический комплекс. Важность для руководства страны этого комплекса создавала для Областного комитета партии определенный статус «неприкасаемости» и даже «вседозволности» [24, С. 13].

Аппарат КПСС, люди, наделенные немалой властью, занимались не только решением общих проблем развития социологии в стране, но и кадровыми, «штучными» проблемами. Рассказанное В.Э.Шляпентохом [25], беспартийным, было ответом на мой вопрос о том, что заставило его перебраться из новосибирского Академгородка в Москву. Главная причина – создание Института социологических исследований и стремление работать в нем. Но была и более общая причина – реакция на Пражскую весну почти разрушила социологию в стране. Шляпентоху отвели руководящую роль в подписании писем протеста в Академгородке в начале 1968 г., хотя все было не так. С большим трудом, с помощью ректора НГУ С.Т. Беляева и корреспондента «Правды» Бориса Евладова Шляпентоху удалось отвести удар от его подразделения, к которому враждебно относился и первый секретарь Новосибирского обкома Ф.С. Горячев. Однако тучи над ним сгустились, Ученый Совет университета не утвердил его в звании профессора, что было обычно формальностью для обладателей степени доктора наук. Только благодаря Ф.М. Бурлацкому, бывшему в те годы заместителем директора ИСИ и имевшему значительный вес в руководящих структурах ЦК, удалось сломить сопротивление инструктора ЦК по социологии Г.Г. Квасова, Шляпентох смог получить приглашение в ИСИ.

В течение многих лет возглавляя социологическую лабораторию в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ, Ф.Э.Шереги провел множество исследований по заказам высокого уровня партийных и комсомольских структур. Поэтому его мнение о взаимодействии с этими организациями вполне может быть названо экспертным. Мой первый вопрос касался того, насколько спокойно протекала его работа, не мешали ли ему. Его ответ содержит и оценку ситуацию, и объяснение характера имевших место контактов.

По воспоминаниям Шереги [26], никто его исследованиям не мешал, наоборот, поддерживали и предоставляли средства для их проведения. Более того, творчество в политических организациях отличалось большой степенью свободы: ни Глав-

лит (цензура), ни политические руководители в дела ученых в целом не вмешивались. Он даже старался помогать коллегам из академических институтов в тех организационных вопросах, решение которых для них было затруднительным. По мнению Шереги, парадоксально, но уже в начале 1980-х годов критика застойности государственной системы в политических образовательных и научных учреждениях звучала более остро и открыто, чем в академических. Не случайно и реформы были инициированы политическими институтами. Отсутствие заметных помех в работе отчасти вызывалось тем, что многие научные сотрудники в политических учреждениях в прошлом были партийными или комсомольскими работниками, ставшими невостребованными для дальнейшей политической карьеры. Они не стремились заниматься такими «черновыми» работами, как прикладные исследования, для этого имелись «рабочие лошади», Шереги был одной из них, не допускаясь в «масонскую» элиту. А вот его объяснение того, почему партийная и комсомольская элита стремилась знать общественное мнение и работать с социологами:

Повышенный интерес и партийной, и комсомольской элиты СССР к информации о политическом настроении советских людей был естественным, так как происходил из необходимости «ежеминутно» контролировать это настроение и формировать его в соответствии с коммунистической идеологией. Однако ни у партийной, ни у комсомольской элит прямой потребности в социологической информации, тем более, в социологическом изучении общественного мнения не было. Для работы с социологическими данными у них не хватало грамотности. Я помню, что даже в конце 1970-х годов в информационных записках в ЦК Комсомола вместо символа «%» нас заставляли писать слово «процент» из опасения, что некоторые секретари ЦК Комсомола не знают значения этого символа. В тот период информационным обеспечением власти о настроении населения СССР занимался сугубо КГБ. Что касается «дозволенности» заниматься прикладной социологией в ограниченных масштабах (в основном в академических институтах и образовательных учреждениях при высших органах власти) – это был «жупел» для молодой интеллигенции, позволявший перенаправить ее «идеологическое диссидентство» в русло некоей «социальной забавы», естественно, под контролем КГБ и идеологических органов партии и комсомола. Кроме того, у власти была возможность демонстрировать Западу некие «зачатки» демократизации научной жизни в СССР. Поэтому, хотя в советский период существовала относительно широкая практика (чаще всего на дилетантском, но не на профессиональном уровне) прикладной социологии, она скорее служила формой занятия ученых-обществоведов «для себя» и не была востребована ни политиками, ни представителями экономической сферы [26, С. 78].

По сути, с самого начала развития социологии в стране КПСС не только проявляла интерес к результатам академических и заводских социологов, но готовила свои кадры, способные самостоятельно проводить исследования. С одной стороны, долго сдерживая развитие в стране системы университетского социологического образования, КПСС, с другой стороны, с начала 60-х знакомила обучавшихся АОН при ЦК КПСС и в региональных высших партийных школах с теоретическими основами и эмпирическими методами социологии. В этих учебных заведениях образовывались социологические лаборатории, утверждались диссертационные темы по философии, истории, научному коммунизму, включавшие в себя проведение опросов, анализ документов, использование математических методов при обработке собранной информации.

По инициативе партии в стране была развернута широкая сеть вечерних Университетов марксизма-ленинизма (УМЛ), на которые организации посылали людей, имевших высшее образование и нередко серьезно интересовавшихся философскими науками, историей. Оканчивавшие УМЛ фактически приобретали второе высшее образование, это помогало им при поступлении в аспирантуру, увеличивало их шансы стать членами КПСС.

Рассказ А.В. Баранова [27], создавшего в ленинградском УМЛ первое в стране отделение социальной психологии и социологии и по-началу бывшего там единственным лектором, дает представление о том, что из себя представляла эта система. В Москве был аналогичный УМЛ, но отделения социологии и социальной психологии там было образовано лишь в 70-е годы.

При двухгодичном сроке обучения на первом курсе читалась социальная психология, а на втором – социология. На курсе было порядка ста человек: инженеры, руководители промышленности, директора, интеллектуалы. Где-то с конца 60-х – начала 70-х регулярно учились молодые офицеры КГБ, потому что эта организация раньше других почувствовала острую необходимость в этих знаниях, знании людей, особенно – массовой психологии. Их было не более 10% от числа слушателей. За 10 лет лекции Баранова прослушали более 1000 человек.

Материалы интервью с А.Г. Здравомысловым [20, С. 178–179] позволяют затронуть еще один аспект рассматриваемой темы: социолог в «мозговом центре партии» – Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; он проработал там 17 лет. По оценке Здравомыслова, в 1970-е годы явной функцией этого учреждения был контроль идеологической работы в стране, прежде всего в той части, которая касалась публикаций произведений Маркса, Энгельса, Ленина; разработка вопросов со-

циальной политики партии, поддержание контактов с исследовательскими учреждениями внутри страны и за рубежом. В социологии Здравомыслов чувствовал себя уверенно, в ИМЛ он оказался чужим. Для начала пытались «воспитывать» его анонимными письмами, поступавшими в дирекцию, в отделы ЦК КПСС, в которых прямо оспаривалось решение дирекции о приеме его на работу в столь «ответственное партийное учреждение». К примеру, выискивались тексты, в которых он «отступал от принципов марксизма-ленинизма», а в личном плане он не соответствовал критериям сотрудника этого учреждения уже потому, что дружил со Шляпентохом, который к тому времени уехал в США.

В первые годы работы в ИМЛ Здравомыслов занимался проблематикой социальной политики. В частности, ему удалось найти новый подход к социальной дифференциации в советском обществе. Разработанные им теоретические конструкции оказались применимыми не только к плановой системе хозяйствования, но и к рыночным отношениям.

Перестройка внесла оживление во все стороны жизни КПСС, изменилась ситуация и в ИМЛ. В 1989 г. Здравомыслова ввели в комиссию специалистов, занимавшихся «белыми пятнами» в истории страны, а точнее, неприглядными моментами в деятельности руководства КПСС прошлых составов. Работу возглавлял член Политбюро А.Н. Яковлев, но он ни разу не появился, а передавал поручения через доверенных лиц. Здравомыслову было поручено изучение Чехословацкого кризиса в 1968 г. и ситуации, связанной с вводом войск стран советского блока на территорию Чехословакии. За три месяца он написал доклад примерно на четыре печатных листа с анализом причин и хода событий.

В 1990 г. ИМЛ был преобразован в Институт теории и истории социализма, и Здравомыслов возглавил в нем сектор социологии партии. В мае 1991 г. им был подготовлен доклад на тему о ситуации в партии, в нем было показано существование в КПСС трех различных общественно-политических позиций и предлагалось оформить реально сложившийся развод. Но М.С. Горбачев не сумел прочесть этот материал до августовских событий, которые, по сути дела, положили конец перестройке.

Еще одна сторона повседневности советских социологов – партийность. Формально социолог мог быть беспартийным, и незначительный процент социологов первых двух поколений не состоял в КПСС, но большинство – были членами партии. Для заканчивавших философский и другие обществоведческие факультеты членство в партии было практически обязатель-

ным для последующего обучения в аспирантуре и для допуска к преподаванию. Тогда одним из путей вступления в партию была освобожденная комсомольская работа. В силу многих причин среди социологов третьего и особенно четвертого поколения членов партии было уже меньше. Молодежь, студенчество 60-х – 70-х было много критичнее по отношению к политической системе в стране, чем их ровесники в конце 40-х – 50-е гг. Они чувствовали «усталость», и у многих не было желания делать карьеру. Наконец, уже в 70-е интеллигенции было много сложнее, чем рабочим вступить в партию; КПСС жестко контролировало демографическую структуру партийцев: поскольку стало сложнее рекрутировать в партию рабочих, постольку усложнилось и вступление в нее интеллигенции. Приведу несколько отвечающих рассматриваемой теме фрагментов из интервью с социологами разных поколений.

Б.И. Максимов начинал свой трудовой путь у станка, служил в армии, входил в состав управления Кировским (Путиловским) заводом, но был беспартийным. Вот его разъяснение: «Опять же по причине моего идеализма. Сначала я не хотел идти в партию, считая, что в нее вступают карьеристы. Потом, когда надо было все же вступать, – я был начальником социологической лаборатории, председателем секции социологов трудовых коллективов Советской социологической ассоциации и руководителем семинара в ЛДНТП – встал в очередь (ты помнишь эту специфическую очередь ИТР). Но так моя очередь и не дошла, грянула перестройка, когда доблестью стало остаться беспартийным. Правда, мне эту доблесть некуда было применить» [28, С. 9].

Вот комментарии беспартийной Л.В.Пановой [29] относительно того, предпринимала ли она попытки вступления в КПСС, предлагали ли ей вступить в партию. Она не предпринимала, но ей предлагали. В школе, в начале студенческих лет у нее было ощущение необходимости участия в каких-то общественных делах, затем этот энтузиазм был сбит слишком рьяной непримиримостью институтской комсомольской организации к тому, что могут существовать другие взгляды и интересы. То, что позже называлось оттепелью, представлялось ей, как осуждение и отказ от ужасного прошлого, но пришли 70-е годы, с партсобраниями по поводу тех, кто хотел уехать, и лозунгами типа «КПСС – ум, честь и совесть нашей эпохи». Желания участвовать в этом не было, не было и необходимости, потому, что верхней точкой своей карьеры она всегда рассматривала должность старшего научного сотрудника.

По воспоминаниям Л.Г.Ионина, шестидесятые были счастливыми годами любви, надежд, ученья, космических полетов

и открытых горизонтов. Последние переживались им как события жизни страны и его собственной жизни. В семидесятые на жизнь легла некоторая тень. В восьмидесятые горизонты закрылись. Но он поясняет:

Это не социальная хронология, а моя персональная. Шестидесятые годы для меня – не «оттепель» (хотя Эренбурга я читал с интересом) и не «возрождение надежд на подлинную реализацию идеалов социализма», а мои личные весна и юность, лишь совпавшие с «оттепелью», на которую мне, строго говоря, было наплевать. На социализм мне тоже было наплевать. У меня была философия (точнее, романтическое представление о ней), была любовь, я жил в великой стране, и этого мне было достаточно. Этого порыва мне хватило надолго – на обе диссертации, на несколько книг, на поездки за границу. Я мало замечал существовавшие мрачные реалии [30, С. 7–8].

И все это было не потому, что он был приспособленцем или, наоборот, искренним партийцем. В партию Ионина не принимали, хотя он несколько раз подавал заявление. Очевидно, у тех, кто его рассматривал, было безошибочное классовое чутье. По его словам, он долго оставался счастливым и наивным человеком, полагавшим, что таланта и честного труда достаточно.

А.Ю. Мягков – представитель четвертого поколения социологов – несколько раз в процессе интервью указывал на трудности в его жизни, возникавшие в связи с его беспартийностью [31]. Сначала было распределение после завершения образования в Ивановском государственном педагогическом институте, шел 1976 г. . Ему хотелось остаться в университете, но на специальные исторические кафедры молодые преподаватели не требовались, а аспирантура в вузе была только по философии и истории КПСС. Но на «идеологические» кафедры, не будучи членом партии, попасть было невозможно. Когда узнавали, что он – лишь комсомолец, говорили: «Поработайте пару лет, может быть, вступите в партию, тогда и поговорим». Он стал учителем истории средней школы в небольшом городке Кинешме. В 1978 г. по возвращении он снова начал искать работу. После долгих поисков ему удалось узнать, что в энергоинституте на кафедре научного коммунизма образовалась вакансия; его пригласили на собеседование. Оно закончилось благополучно, но все кадровые вопросы необходимо было согласовывать в обкоме партии, никак не ниже. Кончилось это тем, что обком его кандидатуру не поддержал. Однако опытное руководство института и кафедры нашло решение этой проблемы: Мягкову поручили разрабатывать какой-то курс, но официально его оформили на должность лаборанта одной из технических кафедр.

Принадлежащий младшему слою четвертого поколения, выпускник философского факультета МГУ М.А. Тарусин и его друзья не думали о карьере и считали вступление в партию несмыслаемым позором, да и на людях не очень-то молчали – «в целом говорили что думаем». Правда, по его словам: «к тому времени и власть уже ослабла, и стукачи обленились, так или иначе, нам все сходило с рук» [32, С. 60].

В Гл. 9 рассматривалась практика проведения Л.Е. Кесельманом уличных опросов, технология которых родилась в начале 1989 г. на волне подготовки к горбачевским выборам в Верховный Совет СССР [33]. В преддверии дня голосования, отталкиваясь от серии зондажей установок избирателей, ему удалось точно предсказать крупное поражение партийной элиты города и победу политиков новой волны. Его результаты были распространены многими средствами массовой информации города и центральными изданиями. Так, примерно через месяц ленинградские корреспонденты «Правды» писали: «Факт ныне общеизвестный: шесть партийных и советских руководителей Ленинграда и области, в том числе первый и второй секретари обкома КПСС Ю. Соловьев и А. Фатеев, первый секретарь горкома А Герасимов, не набрали достаточного количества голосов избирателей и не получили мандаты народных депутатов СССР» [34, С. 2]. В статье отмечалось о предупреждении социологов о том, что на выборах «может не пройти ни один из руководителей города». Вскоре после выборов, итоги которых в полной мере подтвердили предсказание Кесельмана, состоялась заседание Бюро Северо-Западного (Ленинградского) отделения социологической ассоциации, на котором в присутствии почти всего руководства ленинградских Обкома и Горкома КПСС обсуждались итоги серии предвыборных уличных опросов. Далее, приведу фрагменты интервью с Кесельманом:

Где-то около трех часов дня, у входа в ИСЭП, располагавшийся на «правительственной трассе» точно посередине между Смольным и Большим домом, нас с Машей Мацкевич²³ остановил первый секретарь Дзержинского райкома И.А.Бобров. «Похоже, Леонид Евсеевич, вы на свой праздник опаздываете?» – обращается ко мне, доброжелательно улыбаясь, человек, которого до этого я имел честь видеть лишь издалека – он в президиуме, я в последних рядах «на галерке». А тут выясняется, что он знает меня в лицо и по имени-отчеству. Когда к тебе обращается такое высокое начальство, надо соответство-

²³ Мацкевич Мария Георгиевна, кандидат социологических наук, СИ РАН (Петербург), тогда активный член команды Кесельмана, проводившей уличные опросы

вать. «Да, нет, еще есть минут десять. А Вы тоже к нам?» – «Не только я». Остановились на солнышке. Обмениваемся какими-то ни к чему не обязывающими словами. Вдали на фоне по-весеннему высокого неба контур Смольного собора и практически пустынная – без пешеходов – улица. В какой-то момент где-то на полпути от Смольного замечаю большую группу людей, идущих во всю ширину тротуара. «Похоже, какая-то демонстрация» – указываю я нашему собеседнику на приближающуюся к нам толпу. «Да, гости на ваш праздник идут» – ухмыляется он. В центре приблизившейся группы различаю знакомый по газетным фотографиям характерный седой «ежик» первого секретаря Ленинградского обкома, а рядом с ним такие же «широко известные» лица других партийных начальников города и области. «Неужто и в самом деле к нам?» – искренне удивляюсь я. «К вам, к вам», – смеется он и устремляется навстречу своему начальству. <...> К этому моменту наша семинарская комната, рассчитанная, в лучшем случае, на полсотни человек, уже была забита коллегами и другими сотрудниками института, которым пришлось размещаться по трое-четверо на каждой двухместной «парте». <...> Похоже, заработавшись в ВЦ, мы пропустили начало подготовки к этому мероприятию и только теперь поняли, что отчитываться придется не только перед своими коллегами, но заодно и перед практически полным составом бюро Ленинградского ОК КПСС, который мы терроризировали своими «подметными письмами» все последнее время [33, С. 9].

Теперь прокомментирую сказанное Кесельманом в опоре не только на запомнившееся мне как участнику того мероприятия, но и на записи в дневнике, который я вел в ту пору. Названное заседание состоялось 28 апреля 1989 г. и исходно планировалось как рядовое профессиональное мероприятие, мне это известно, так как в то время я был Председателем Бюро, участвовал в подготовке этого заседания и вел обсуждение. Для истории это все интересно, так как приоткрывает «кухню» взаимодействия социологической ассоциации с КПСС [35].

10 апреля 1989 г. мне как одному из руководителей социологической ассоциации позвонила инструктор ОК КПСС А.М. Никитина; от имени заведующей отделом пропаганды Г.И. Бариновой и от себя она просила поблагодарить Кесельмана за материалы о выборах, которые он им направлял. Тогда же она обещала организовать встречу с Бариновой. Никитина хорошо знала социологов города, несколько лет она проработала в ИСЭП.

14 апреля Баринова и Никитина говорили со мною около полутора часов о необходимости создания в городе и области системы изучения общественного мнения. Через несколько дней членам Бюро ассоциации была направлена повестка заседания, намеченного на 28 апреля на 15 часов. Предполагалось

рассмотреть четыре вопроса, среди которых основным был: «Об участии социологов в выборах народных депутатов СССР». По существовавшей в то время традиции информация о планировавшемся Бюро была направлена и Никитиной, «курировавшей социологию» по линии Обкома КПСС.

27 апреля меня неожиданно пригласили в Обком КПСС, где на встрече с Бариновой и Никитиной мне было сказано о возможном приходе на заседание Бюро руководителей партийных организаций области и города. Подчеркивалось, что это будет встреча именно с социологами, а не с руководством ИСЭП, которое будет об этом извещено. Меня просили не популяризировать намечавшуюся встречу; и я сообщил о ней лишь членам Бюро.

Далее было все, как описал Кесельман. Когда я, встретив высокое партийное руководство в вестибюле института, поднялся в предназначавшуюся для заседания аудиторию, я увидел в ней очень много народу. Не знаю, как это произошло, как распространялась информация. По главному вопросу Бюро выступил 21 человек; видимо эта встреча мне сразу показалась необычной, в дневнике зафиксированы даже данные о том, сколько времени говорил каждый из них. Началось все в три дня, и до половины седьмого «гости» слушали социологический анализ избирательной кампании и причины их неудач. В те перестроечные годы все случалось.

В 18:32 я сказал: «Еще пару месяцев назад мне могло лишь присниться, что я говорю: «Слово представляется кандидату в члены Политбюро КПСС, первому секретарю Ленинградского Обкома КПСС, тов. Соловьеву Юрию Филипповичу», но вот именно это я сейчас и говорю». Слова Соловьева у меня записаны так: «Жизнь заставила нас придти к вам. Не то, что мы провалились. Это – благо. Жизнь заставила нас пересмотреть планы. То, что вы сегодня рассказываете, для меня – откровение. Я не знаю, где лежат материалы ваших исследований. Мы должны работать совместно. Без социологии нам не обойтись. Общество так быстро изменяется, что нужно его изучать, прогнозировать. Мы проведем Бюро обкома КПСС по социологическим исследованиям. Будем решать ваши вопросы».

Мои записи в целом совпадают с тем, как в небольшой заметке «Завершилась война с социологами?» передала содержание выступления Соловьева корреспондентка «Московских новостей» Н. Беляева КПСС [36], не знаю как оказавшаяся на этом заседании. Ленинградские газеты ничего не писали об этом событии, скорее всего – не был на то указания.

Возможно, это было одно из последних в истории КПСС рассмотрений проблем социологии. Говорилось о многом, планы

были приняты напряженные и многообещающие. Однако выполнять все это никому не пришлось. В стране начинались события, в которых социологов никто не слушал, а через два года с небольшим не стало КПСС, а затем и страны.

Присутствие КГБ в повседневности социологов

Социология в СССР не могла родиться как без «разрешения» КПСС, так и без согласия КГБ. В разные периоды истории страны власть каждой из этих организаций была велика, во много они конкурировали, но в главном они были едины и существенным образом участвовали в разработке и реализации внутренней и внешней политики страны.

Как в каждой организации страны были партийные организации, так каждая из них входила в поле наблюдения сотрудников Комитета безопасности. В крупных социологических организациях существовали «первые отделы», задачей которых было отслеживание потоков профессиональной информации, поступающей к сотрудникам и создававшейся ими по результатам исследований. Эти отделы оформляли документы на сотрудников, которым по условиям работы приходилось иметь допуск, или специальное разрешение на ознакомление с секретной информацией, для посещения закрытых НИИ и КБ, если там проводились опросы. Сотрудники этих отделов определяли гриф отчетов, готовившихся социологами, и нередко получалось так, что, завершив работу, авторы, если они не имели допуска, сами не могли ознакомиться с ими же написанным. По поручению своих «кураторов» из КГБ работники «первых отделов» собирали информацию о сотрудниках институтов, записывали их выступления на партийных собраниях, научных семинарах, особенно на тех, где присутствовали зарубежные коллеги.

Еще один канал сбора КГБ информации о всем, происходившем в социологическом сообществе, это люди, сотрудничавшие с органами, или «стукачи»; они были и в крупных организациях, и в небольших.

Рассказывая о своих контактах с социологами и их исследованиями, В.М. Воронков, работавший в одном из экономических секторов ленинградского Института социально-экономических проблем АН СССР со второй половины 70-х до начала 90-х, отмечает, что они участвовали в связи с его «кагэбэшным» делом. Его судили за распространение антисоветской литературы, но, поскольку Ю. Андропов указал переключить подобные дела из политических в уголовные, то он шел по «валютной» статье, к которой никакого отношения

не имел. Однако его адвокат, опытный специалист по защите диссидентов, посоветовал ему согласиться с продажей золотой монеты. По мнению Воронкова, ИСЭП отличал высокий процент стукачей. Кагэбэшный куратор Института чуть ли не открыто вербовал сотрудников, а в период расследования его дела постоянно вызывал сотрудников социологического отдела в органы [37].

В ходе моих интервью я спрашивал некоторых моих собеседников о разных формах их отношений с КГБ. Сейчас приведу фрагмент из интервью с А.Г. Здравомысловым:

Один из моих бывших друзей-эмигрантов опубликовал в нынешней России книгу, в которой признается в том, что в какой-то момент своей жизни то ли в расчете на поддержку государства, то ли исходя из надежды на более широкий допуск к запретной информации, он дал подписку о сотрудничестве с органами госбезопасности. Это было еще до смерти Сталина, а когда Сталин умер, он прекратил контакты с сотрудником ГБ, так как ему самому это было крайне противно. Другой мой давно умерший коллега рассказывал мне аналогичную историю, сказав про себя, что он был «стукачом», но затем прервал сотрудничество и написал об этом официальное заявление в органы. Меня такая судьба миновала, но гордиться этим я не вижу смысла [38, С. 9].

Ну и конечно же в компетенцию партийных органов и КГБ входило определение круга лиц, которым были разрешены контакты с иностранцами: речь шла не только о поездках за границу, но относительно участия в международных семинарах, конференциях, проходивших в Союзе, о встречах с иностранными специалистами, проходившими в стенах институтов, и т.д. Выше приводились воспоминания И.С.Кона о том, как он помогал И. А. Голосенко с литературой, необходимой для изучения творчества Питирима Сорокина. Вместе с тем, Кон предупреждал своих аспирантов, соискателей не вступать в прямые контакты с зарубежными учеными. Однако на одной из американских выставок Голосенко с приятелем забыли этот совет, побеседовали с гидом, и в результате Голосенко «несмотря на безупречное «арийское» происхождение и наличие партбилета, до самого конца советской власти был невыездным» [7, С. 217].

Еще один характерный пример, указывающий на внимание КГБ к прямым контактам людей с иностранцами. В мае 1970 г. в Таврическом дворце в Ленинграде проходила XIII сессия Международного комитета по космическим исследованиям (КОСПАР), в огромном белоколонном зале была развернута выставка, на которой были выставлены образцы лунного

грунта, привезенные на Землю американскими астронавтами. Участвовал в конференции и Нейл Армстронг, первым из землян, вступившим на поверхность Луны. В Таврическом дворце размещалась Высшая партийная школа (ЛВПШ), и все сотрудники – я там тогда работал – могли осмотреть выставку и слушать доклад Армстронга. В интервью с А.Г. Здравомысловым, в 1970 г. он заведовал кафедрой философии ЛВПШ, он вспомнил, что получил от КГБ фотографию, на которой он был снят с Армстронгом. В рассказе астронавта о чувствах, испытанных им во время прилунения и высадки на поверхности Луны, Здравомыслов не разобрал одной детали. Он подошел к нему и спросил: «Вы сказали, что оставили на Луне книгу, о какой книге Вы говорили?». Армстронг посмотрел на него с некоторым удивлением и ответил «Библию!» » [38, С. 9]. Этот момент и был запечатлен на фотографии.

Рассказ В.А. Ядова показывает, что отправлявшимся на Запад социологам, в начале 60-х это было большой редкостью, КГБ давало различные задания, в том числе – вербовку иностранных специалистов. Незадолго до его поездки в Англию звонит ему некто, представляется просто «сотрудником» и предлагает встретиться в Таврическом саду. Спрашивает, очень ли он хочет поехать, а потом говорит: «Вы понимаете, что должны будете выполнить наше задание?» Ядов интересуется, какое именно. Он говорит, что сам не знает, но его коллега в Москве перед вылетом в Лондон объяснит. Спрашивает у Ядова имя его тестя и на ответ «Николай Григорьевич» замечает: «Вот, к вам и обратится Николай Григорьевич».

В Москве, где собрались десятка два стажеров разных специальностей, «коллега», представившийся Николаем Григорьевичем, звонит Ядову в гостиницу и назначает randevu возле ресторана «Берлин». Подходит к Ядову молодой человек с военной выправкой и на главный вопрос о задании повторяет слова ленинградского коллеги: суть поручения он узнает от «Николая Григорьевича» из советского посольства в Лондоне. В посольстве на Хайгет-стрит третий Н.Г. формулирует задание: следует подружиться с британским студентом, который может в будущем стать заметной фигурой в науке или политике.

В общежитии Лондонской школы экономики и политических наук Ядов приятельствовал с парнем по имени Майк лишь потому, что его комната оказалась рядом. Парень был из семьи предпринимателя средней руки. Его он и назвал в качестве перспективного в будущем политика. Перед отъездом домой Н.Г. из службы атташе по культуре сказал, что он должен представить его Майку как своего друга. Нашли они приятеля Ядова в студенческом баре, познакомил он их, и на другой день

Н.Г. диктует ему текст на почтовую открыточку, даты, сказал, ставить не надо. Текст примерно следующий: «Дорогой Майк. Извини, что долго молчал. Много работы преподавательской и исследовательской. Посылаю с моим другом (пропущено) небольшой сувенир. Надеюсь, тебе понравится. Обнимаю, Володя». Далее Н.Г. инструктирует, что с этой минуты с адресатом послания я должен прервать всякие связи.

Через 36 лет включили Ядова в делегацию Российской академии наук для подписания в Лондоне соглашения о сотрудничестве с Британской академией. Получает он по электронной почте письмо: ваш товарищ по LSE, (т.е. мой друг Майк) узнал о вашем визите в Лондон и хотел бы встретиться. У него нет электронного адреса. Сообщите где и когда это было бы возможно. Визит затягивался, Ядов ушел с поста директора института и не был включен в делегацию РАН. Таким образом, насчет успешности своей деятельности как агента КГБ он остался в неведении...

«Глазами» КПСС и КГБ были органы цензуры, без визы которых ничего невозможно было опубликовать, даже – размножить анкету. Если в тексте были незначительные, с точки зрения цензора, «идеологические ляпы», то их исправление могло быть доверено автору или редактору, однако после коррекции текст необходимо было вновь направлять в цензуру на повторную вычитку.

В более серьезных случаях тексты передавались в городские, областные Комитеты КПСС или в КГБ для консультаций и принятия решений. Цензуре принадлежало также право определять, какие книги советские граждане, в том числе, социологи, имели право читать, а что было идеологически вредным. Подобные книги направлялись в «спецхраны» – специальные помещения в библиотеках, в которых люди, имевшие документ о том, что они разрабатывают определенные темы, могли получить и читать соответствующую литературу. Так, в спецхраны направлялось значительно число издававшихся на Западе книг и журналов по социологической тематике. Хранение дома книг, запрещенных для чтения, тем более – их распространение было опасным, подсудным.

Тексты, готовившиеся для публикации на Западе и для произведения на международных конференциях, проходивших в капиталистических странах, невозможно было залитовать в Ленинграде, разрешение можно было получить лишь в Москве.

В воспоминаниях Воронкова, фрагмент которых приведен выше, есть слова: «Якобы в связи с моим делом провели обыск у Андрея Алексеева, с которым я до того был едва знаком» [37, С. 4]. Действительно, так оно и было, но «дело» А. Н. Алексеева

оказалось настолько резонансным, что заслуживает отдельного рассмотрения. Все случившееся подробно описано Алексеевым в его книге «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», однако все приводимое ниже базируется на специально написанном им «абстракте» на эту тему²⁴.

Во времена упомянутого дела, первая половина 80-х, он работал слесарем механосборочных работ на Ленинградском заводе полиграфических машин. При этом в 1980–1982 гг. еще и совместительствовал в Институте социально-экономических проблем АН СССР.

16 сентября 1983 г. по дороге домой после дневной смены Алексеев был остановлен в книжном магазине у станции метро «Петроградская» и вежливо приглашен к себе домой для присутствия при производстве обыска на его квартире. Согласно протоколу, у было изъято 39 позиций: несколько книг (в том числе под грифом «для служебного пользования»), машинописные конспекты и перепечатки, а главное – многостраничный архив личной и деловой переписки и рукописи неопубликованных работ.

Повод для обыска – предположение следователя, что на квартире у Алексеева «могут находиться предметы и документы, имеющие значение» для уголовного дела о «валютных операциях». Причина, понятно, была другая, и, как вскоре удалось «вычислить», она состояла в поиске материалов андерграундного экспертного опроса на тему «Ожидаете ли Вы перемен?», одним из организаторов которого был Алексеев.

Текстов экспертных интервью дома, по счастью, не оказалось, равно как и запрещенной литературы, какое-то предчувствие у Алексеева было. Пришлось обыскивающим удовольствоваться письмами-дневниками-отчетами социолога-рабочего, адресовавшимися коллегам и друзьям, под шутливым названием «Письма Любимым женщинам» и проч.

Здесь важно отметить два обстоятельства, одно – социологическое, другое – личное. Социологическое: большая часть акций политической полиции (КГБ) тогда проводилась «под прикрытием» органов МВД. Личное обстоятельство: диссидентом, противником режима социолог-рабочий вовсе себя не считал, да, похоже, и не был им.

Оставаясь как бы «за кадром», сотрудники «Большого дома» в данном деле все же обнаружили себя тем, что стали опрашивать коллег и знакомых Алексеева на тему: 1) Случалось ли им получать от Алексеева какую-либо запрещенную литературу?; 2) Знакомились ли они с «Письмами Любимым женщинам?»;

²⁴ Электронное письмо А.Алексеева Б. З. Докторову от 4 ноября 2010 г.

3) Приходилось ли им отвечать на вопросы анкеты «Ожидаете ли Вы перемен?». 12 человек конфиденциально сообщили Алексееву об этих беседах, а двое даже сумели сохранить копии своих «объяснений», которые им пришлось писать по поводу общения с «заподозренным» субъектом.

Уже позднее Алексеев узнал, что «Письма...» были отправлены на экспертизу в Управление по охране государственных тайн в печати при Ленгороблисполкомах и получили там соответствующую квалификацию.

Его собственная встреча с сотрудниками КГБ состоялась несколько месяцев спустя – для объявления ему так называемого *официального предостережения* в качестве «меры профилактического воздействия», в соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 15.12.1972 (разумеется, никогда не публиковавшимся).

Ну, дальше – прямые следствия и более или менее отложенные эффекты вышеуказанного события, механизм которых был запущен справкой Управления КГБ по Ленинградской области «В отношении Алексеева А. Н.», направленной по месту его работы, где социолог-рабочий изобличался, в частности, в том, что «распространял в своем окружении изготовленные им машинописные документы, содержащие политически вредные и идеологически невыдержанные оценки отдельных сторон советской действительности».

Формулировки были относительно «мягкими», на уголовную статью они не тянули, но были вполне достаточными для исключения из партии, Союза журналистов СССР и Советской социологической ассоциации. Например, постановление бюро Ленинградского обкома КПСС от 23.05.1984: исключить из рядов КПСС за: «... проведение социологических исследований политически вредного характера, написание и распространение клеветнических материалов на советскую действительность и грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования».

Несколько лет тянулась «тяжба» между исключенным из партии социологом-рабочим и партийными органами (последовательные многочисленные апелляции, вплоть до обращения к XXVII съезду – март 1986 г.). Из «Большого дома» за этой неравной борьбой (поддержанной и некоторыми коллегами Алексеева – как социологами, так и рабочими) наблюдали дистанционно, не мешая своему «подопечному» отстаивать свои права «коммуниста и гражданина» и опровергать «несправедливые обвинения».

Когда поднялась «перестроечная волна» (1987–1988 гг.), ситуация «опального социолога», продолжавшего работать на заводе стала постепенно меняться. В сентябре 1987 г. в «Ли-

тературной газете» появился очерк Л. Графовой «Преодоление пределов», посвященный «эксперименту социолога-рабочего», и т. д. Интересно, что еще до этого предусмотрительные чекисты сочли за благо отменить вышеупомянутое официальное предостережение. Об этом он был информирован двумя сотрудниками УКГБ ЛО, приехавшими на завод с текстом будто бы того же самого официального предостережения 1984 г., хотя Алексееву показалось, что он чуть подредактирован, т. е. фальсифицирован. Была на том документе и очевидно свежая запись – о том, что... «Алексеев А. Н. в период с 5.01.84 по 14.05.87 действий, противоречащих интересам государственной безопасности, не допустил», и в связи с этим сотрудник Ленинградского УКГБ Ю. М. Вилочкин «полагал бы действие официального предостережения органов КГБ СССР в отношении Алексева А. Н. прекратить, о чем направить уведомление прокурору г. Ленинграда». Соответственно, в позднейшем документе под названием «Дополнение к справке Ленинградского ОК КПСС по партийному делу т. Алексева А. Н.», от февраля 1988 г. было сказано:

«...Допущенные А. Н. Алексеевым нарушения не привели ни к какимотягающим обстоятельствам, уголовной ответственности он не подлежал, но заслуживал строгой партийной оценки. На сделанное в 1984 г. предостережение тов. Алексеев реагировал правильно, никаких действий, противоречащих государственной безопасности, за прошедшее время не допустил, продолжал вести активную научную деятельность. За последние годы... (следовало перечисление всевозможных достижений в производственной сфере: победа в соцсоревновании, критика недостатков на производстве, рационализаторство и т. д.). Принимая все это во внимание, а также установившуюся в партии обстановку откровенности, бюро обкома партии принято решение: – просить КПК при ЦК КПСС о восстановлении тов. Алексева А.Н. в партии, без перерыва в стаже».

После всех этих событий Алексееву довелось посетить «Большой дом» лишь однажды, по собственной инициативе. В октябре 1988 г. он обратился в Ленинградское управление КГБ с настоянием вернуть ему изъятые при обыске в 1983 г. материалы. В расписке, которую он дал, указаны:

- (1) Выдержки из произведений Мао Цзэ-дуна (Пекин, 1967).
- (2) Книга Дж. Оруэлла «1984» (на английском языке), 1964.
- (3) Перепечатка писем и стихов М. Цветаевой.
- (4) Машинописный текст «Сандро (новые главы)», Ф. Ис-кандер.

- (5) «Тетради по БАМу» (подготовительные материалы к научному докладу, 1978 г.). 8 тетрадей.
(6–7) 2 тома «Писем Любимым женщинам» (всего 742 стр.).
8) «Исторический режим воспроизводства высшего политического руководства страны как предмет социологического измерения» (исп. – А. Алексеев)

Все эти материалы хранились в Ленинградском управлении КГБ в течение пяти лет и оказались в полной сохранности».

В свете всего говорившегося выше об изучении архивов, замечу, что в последнем абзаце «абстракта» Алексеева сказано, что он вовремя побеспокоился о своей собственности. Позже он узнал, его дело в 1991 г. было в УКГБ ЛО (как, видимо, и все остальные подобные «дела», кроме судебных) «аннулировано», т. е. уничтожено. Вместе с собственными документами и «разработками» были бы уничтожены и прилагавшиеся к ним «вещдоки».

В тот же день, что у Алексеева, и по тому же надуманному предлогу обыск был произведен у его друга, сотрудника Института социально-экономических проблем АН СССР Бориса Дмитриевича Беликова, автора ряда интересных работ по проблемам измерения в социологии. Ничего относящегося к тому уголовному делу у него не нашли, но отыскали 84 фотопленки – микрофильмы книг. Вместе с пишущей машинкой (как и у Алексеева) и использованными листами копирки все фотопленки были забраны у Беликова. В основном это были микрофильмы редких книг типа: «Полное солнечное затмение 1914 года»; «Труды по знаковым системам»; «Философия математики» Бертрана Рассела на английском языке; публикация «Улитки на склоне» братьев Стругацких в журнале «Байкал» 70-х гг. . Но среди них оказалось также несколько фильмокопий изданий «не подлежащих ввозу и распространению на территории СССР», вроде «Доктора Живаго» Б. Пастернака или «Второй книги» Н. Мандельштам. Дальше – та же схема, что у Алексеева: вызов к следователю районного Управления внутренних дел, возврат пишущей машинки; приглашение в Управление КГБ. В итоге Беликову было также объявлено официальное предостережение органов госбезопасности.

Алексеев так объясняет одновременность обыска у него и Беликова. Незадолго до описанных событий жена Беликова перепечатывала на машинке докторскую диссертацию жены Алексеева. Это обсуждалось по телефону. Если разговоры прослушивались, могло возникнуть предположение, что перепечатывалась не диссертация по биохимии, а что-то другое, например: материалы опроса «Ожидаете ли Вы перемен?», о котором в Управлении КГБ уже, скорее всего, было известно.

Интересно, что при обыске у Беликова был оставлен без внимания хранившийся у того экземпляр «Писем Любимым женой» Алексева, т.е. как видно, не это искали. После этих событий Б. Беликов вынужден был уволиться из ИСЭПа и записаться на Чукотку, начальником сейсмостанции, в соответствии со своей прежней специальностью. Вернуться к занятиям социологией он смог только в 1990-х годах.

Литература

1. *Алексеев А.Н.* Драматическая социология и социологическая аутореклексия: В 4-х т. СПб.: Норма. Том 3, 4. 2005. Дата обращения к документу: 09.09.2009. URL: <<http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/book.html>>.
2. *Пушкин А.С.* Александр Радищев // Пушкин А.С. Собрание сочинений: Т. VI. М.: Издательство художественной литературы, 1962.
3. *Открывая Грушина /* Ред.-сост. М.Е. Аникина, В.М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. 2010.
4. *Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде /* сост. Т.В. Левада. М.: Издатель Карпов Е.В. 2010.
5. *Памяти Юрия Александровича Левады /* сост. Т.В. Левада. М.: Издатель Карпов Е.В. 2011.
6. *Ионин Л.* Свобода в СССР // Его же. Свобода в СССР. Статьи и эссе. СПб.: Фонд «Университетская книга». 1997.
7. *Кон И.С.* 80 лет одиночества. – М.: Время, 2008.
8. *Кон И.С.* Эпоху не выбирают. В кн.: Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 110–131.
9. *Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования /* Под общ.ред. Б.А. Грушина и Л.А. О니кова. М.: Политиздат, 1980.
10. *Грушин Б.А.* Горький вкус неостребованности. В кн.: Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 205–228.
11. *Кучкина О.* Философ и социолог Борис Грушин: В России кипит неслышанный бульон // Комсомольская правда, 2001, 15 февраля <<http://www.kp.ru/daily/22493/7654/>>.
12. *Шляпентох В.* Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. СПб: Изд-во «Звезда». 2003.
13. *Заславская Т.И.*: «...Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие – это наука» // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 137–169; см. также Том 2, С. 16–49.
14. *Смирнова Е. Э.*: «...По профессиональной части претензий не было, но инкриминировалось распечатывание гороскопов» Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 1. С. 2–10; см. также Том 2, С. 915–941.

15. Ядов В.А.: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...». Часть 2. // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев 2005. №4. С. 2–10; см. также Том 2, С. 210–233.
16. Осипов Г.В.: «Мы жили наукой». В кн.: Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 95–109.
17. Тощенко Ж.Т.: «Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина» // Социологический журнал. 2007. №4. С. 149–70; см. также Том 2, С. 471–500.
18. Бутенко И.А. Российское общество социологов. Краткий курс истории объединения. М.: Российское общество социологов, 2000.
19. Социология и власть. Сборник 1. Документы 1953 – 1968 / Ред. совет, председатель Г.В.Осипов. М.: Academia, 1967.
20. Здравомыслов А.Г. Социология как жизненное кредо // Социологический журнал. 2006. №3/4. С. 151–186; см. также Том 2, С. 50–88.
21. Заславская Т.И. Избранные произведения. Том 3. Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: Экономика, 2007.
22. Лапин Н.И.: «Наша социология стала полем профессиональных исследований, свободных от идеологического диктата» // Социологический журнал. 2007. №1. С. 141–175; см. также Том 2, С. 89–127.
23. Ленинградская социологическая школа (1960-е – 1980-е годы)/ Отв. ред. В.Костюшев. М.-СПб: СПб ассоциация социологов. 1998.
24. Тукумцев Б.Г.: «То, что я оказался в социологии, связано со случайной случайностью и с моим интересом к проблемам управления» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 5. С. 11–23; см. также Том 2, С. 501–534.
25. Шляпентох В.Э.: «Только эмпирическая социология в СССР была ареной творчества для гуманитариев» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 6. С. 1–13; см. также Том 2, С. 128–182.
26. Шереги Ф.: «У нас был «генетический» иммунитет недоверия к любым формам власти» // Социальная реальность. 2007. № 9. С. 65–83; см. также Том 2, С.1000–1026.
27. Баранов А. В.: «А всё-таки она вертится» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 3. С. 2–16; см. также Том 2, С. 329–368.
28. Максимов Б.И.: «Социолог как лошадь, скачущая в стойле» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 4. С. 2–14; см. также Том 2, С. 400–422.
29. Панова Л.В.: «Самые интересные мысли были упакованы в многослойную обертку партийных документов» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 4. С. 2–9; см. также Том 2, С. 796–816.
30. Ионин Л.Г.: «Надо соглашаться с собственным выбором» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 3. С. 2–14; см. также Том 2, С. 654–687.

31. Мягков А.Ю.: «Иной судьбы для себя просто не представлял» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 2. С. 2–11; см. также Том 2, С. 1196–1230.
32. Тарусин М.: «Мы формировались во времена отрицания» // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 55–79; см. также Том 2, С. 1262–1287.
33. Кесельман Л.Е.: «...Случайно у меня оказался блокнот “в клеточку”...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №5. С. 2–13; см. также Том 2, С. 688–724.
34. *Волынский Н., Логинов В.* Затянувшаяся пауза. Размышления о некоторых уроках выборов в Ленинграде // Правда. 20 апреля 1989.
35. *Докторов Б.* Как это было. Комментарий к интервью с Л.Е. Кесельманом // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №5. С. 14.
36. *Belyaeva N.* Is The War With Sociologists Over? / Moscow News. №20. 14 May. 1989.
37. Воронков В.М. «Я осознал себя социологом в возрасте 43 лет // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 6. С. 2–6; см. также Том 2, С. 609–620.
38. Здравомыслов А.Г.: «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит – надо искать объяснение в мире людских отношений» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5. С. 2–10.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. ДОРОГА ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Выше отмечалось двуединство целей этого тома. Во-первых, в нем обозначена методология осуществленного историко-биографического исследования и изложены первые результаты анализа проведенных биографических интервью с советскими/российскими социологами разных поколений. Во-вторых, все изложенное здесь, рассматривается как введение в материалы двух следующих томов. Сказанное определяет структуру этого текста, завершающего первый том книги. Сначала – мое понимание того, что мне удалось сделать в области методологии изучения прошлого отечественной социологии, и мое видение рабочих характеристик интервью по электронной почте. Затем – «советы в дорогу», т.е. попытка немного рассказать о том, что ждет читателей в двух следующих томах, и предложить им возможные точки обзора лежащего перед ними историко-биографического пространства.

Осуществленный комплекс теоретико-эмпирических разработок и характер полученных выводов позволяют указать главную, критериальную, возможно, парадигматическую особенность данного историко-научоведческого проекта. В Гл.1 говорилось о моем стремлении создать историю современной российской социологии «с человеческим лицом» или истории, написанной от лица тех, кто ее делал и делает. Такая установка возникла на относительно ранней фазе работы, когда ее методология просматривалась крайне смутно и лишь складывалась технология проведения биографических интервью. Соответственно, еще невозможно было серьезно обсуждать предмет исследования и конкретизировать поисковые задачи. Теперь, после того, как многое сделано, мне представляется, что в целом установка написание истории российской социологии «с человеческим лицом» оказалась продуктивной. В рамках такой парадигматики удастся анализировать непростые задачи истории и социологии социологии, а также синтезировать значительные информационные массивы, релевантные этой многоаспектной проблематике.

Теперь вернусь к вопросу В.А. Ядова относительно того, предлагается ли в моем исследовании новая парадигма (Гл.1) и рискну назвать использованный в этой работе подход к изучению истории социологии *биографоцентричным*. В этом термине одновременно отражено то обстоятельство, что в этом случае воспоминания социологов становятся главным источником эмпирической информации исследования и что они же – база для формирования исследовательских гипотез и инструмент проверки этих научных допущений. Биографоцентричный подход не противопоставляется *институционально-*

му, но дополняет его; и – аналогично – институциональный взгляд на историю дополняет, достраивает биографоцентричный анализ прошлого.

В рамках институционального подхода важнейшими объектами изучения истории являются: наука (социология) как социальный институт, формальные исследовательские и образовательные структуры (сектора, отделы, лаборатории, кафедры и т.д.), наконец, ученый как профессионал. В биографоцентричном подходе главным объектом изучения, центральным элементом исследовательской матрицы является ученый в неразрывном единении профессиональных и личностных атрибутов. Институциональная трактовка процессов становления и развития науки, а также движения научных кадров крайне слабо учитывает то, в каких условиях, как происходила ранняя социализация будущих социологов, чем был обусловлен выбор ими их будущей профессии, какие обстоятельства повлияли на профессиональные интересы ученых и т.д. Для биографоцентричного подхода к истории все названное имеет важнейшее значение, равно как место, роли ученых в различных формальных и неформальных коммуникационных сетях.

Безусловно, в каждом исследовании по истории российской социологии присутствуют как черты институционального подхода (в большей мере), так и биографоцентричного (в меньшей степени). Их пропорции в такой «смеси» объясняются многими факторами: политико-идеологическими чертами общества, в котором социологическая наука функционирует как социальный институт, продолжительностью развития социологии в стране, вниманием общества к своему прошлому, объемом и качеством биографической информации, доступной историкам. Так, при ее отсутствии, бедности никакого «человеческого лица» у истории социологии вообще не может быть. Мне думается, что настоящее исследование – первое в ряду других историко-научоведческих работ, в которых при рассмотрении развития советской/российской социологии *доминирует* именно биографоцентричная парадигма.

Базовая установка настоящего исследования, внутренняя логика его движения и специфика его основного информационного архива на каком-то этапе работы подвели меня к необходимости стратификации социологического сообщества, учитывающей тот факт, что, с одной стороны, оно – главная сила созидания социологии, с другой – является производной от состояния социологии. Исходно возникающая задача воспринималась мною лишь как *технологическая*, нужен был «инструмент», позволяющий переходить от *биографий социологов к ис-*

тории социологии. Пока количество проведенных интервью было небольшим, они оставались коллекцией жизнеописаний нескольких интересных личностей. Но по мере роста информационного массива и – главное – появления значительно *различающихся* биографических описаний, актуализировалась задача типологии жизненных историй, учитывающей особенности путей, которыми люди, как правило, не готовившие себя к занятиям социологией, приходили в эту науку и вскоре становились социологами.

Так начало складываться представление о *профессиональных* поколениях и затем начался поиск правил поколенческой стратификации. Все это завершилось созданием *лестницы поколений с двенадцатилетними «ступенями».* Постепенно концепция поколений социологов, исходно рассматривавшаяся как технологический прием «сжатия» эмпирической информации (содержания биографических интервью), стала играть ведущую роль в определении методологии анализа жизненных историй социологов. Именно поколенческая стратификация российского социологического сообщества задает *логический каркас* всей схемы анализа первичной информации, проведенного в этой книге.

Стремление понять механизмы, которые цементируют присутствующие в российской социологии поколения ученых, и желание обнаружить нечто, в чем можно было бы увидеть связь послевоенной советской социологии с дореволюционной российской, вывело меня на *проблему генезиса* современного этапа отечественной социологии. Поскольку никто из представителей первой возрастной когорты не называл имен русских дореволюционных социологов, теоретические построения которых имели важное значение в их собственных разработках, а также принимая во внимание ряд других соображений политико-идеологического и собственно научного плана, был сделан вывод о том, что на рубеже 1950-х – 1960-х гг. произошло не *возрождение* российской социологии, а *ее второе рождение.* В принципе к подобному историко-научно-ведческому выводу можно было бы прийти и в рамках институциональной трактовки прошлого советской / российской социологии, однако без апелляции к мнениям тех, кто стоял у истоков нынешней отечественной социологии, он не выглядел бы столь естественным.

Очевидно, если история науки воссоздается на фундаменте воспоминаний людей, активно участвовавших в ее создании и непосредственно наблюдавших все происходившее, то результаты исследования, т.е. *картина прошлого,* во многом зависит от организации и технологии интервью с ними.

Внешне процедура опроса выглядит просто: по электронной почте я отправляю вопросы, таким же способом респондент отвечает на них. Но в середине первого десятилетия этого века, когда опрос начинался, многое даже в собственно инструментальной составляющей такой организации сбора данных было неизвестным и вызывало, если не критику, то сомнения. Аналогично воспринимался и факт отсутствия детальной схемы выборки. Однако за несколько лет работы мне удалось выработать такой план рекрутирования корпуса респондентов и такую форму *общения* с ними, которые обеспечивают получение представительной информации о жизненных траекториях социологов и о развитии социологии.

Содержание тома 2 – это истории жизни 44 российских социологов первых четырех поколений. Это огромный материал и лишь незначительная часть сообщенного ими представлена в различных разделах тома 1, так что в информационном отношении он заметно беднее, чем «полное собрание» проведенных интервью. Несколько десятилетий назад в СССР было немного социологов, и большинство активно работавших и участвовавших в различного рода семинарах, знало – в той или иной мере – друг друга лично. Сейчас подобное уже невозможно, таким образом, чтение биографий социологов, ранее известных лишь по их книгам или совсем не известных, определенным образом цементирует наше профессиональное сообщество, позволяет лучше ориентироваться в российском социологическом пространстве.

Назову еще одну функцию представленной совокупности биографий социологов: вполне возможно, что прочитанные воспоминания подтолкнут одних к описанию своей жизни и работы в социологии, а других – к собственным историческим исследованиям. Ведь мы как профессиональное сообщество имеем богатое прошлое, которое пока описано весьма поверхностно. И надо торопиться в его познании: то, что сейчас еще относительно просто узнать и описать, к сожалению, уже завтра может стать очень сложным или вообще невозможным.

Мне видятся два основных «чистых» вида рефлексий относительно биографических интервью, включенных в том 2. Читатели, давно работающие в социологии, будут комментировать его некоторые страницы словами: «Да, помню, так и было» или «Это было, но не так», а представители новых поколений социологов – «Неужели так было?». В моем понимании эти и другие реакции оправданы и полезны. В них – интерес к истории, без которого не может возникнуть установка на ее изучение.

Основная часть материалов тома 3 относится к редкому пока жанру – историко-биографических очерков о жизни и исследовательской деятельности социологов. При написании «портретов» я старался использовать различную доступную мне информацию о моих героях и опираться на опыт личного общения с ними. Завершает книгу серия материалов автобиографического плана, т.е. «автопортрет».

Таким образом, 3-томник содержит итоги различного рода историко-биографических поисков, касающихся современной российской социологии. Но поиски не завершаются. Они продолжают...

Научное издание

Докторов Борис Зусманович

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ:
ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОИСКИ**

В 9-ти томах

ТОМ 1

БИОГРАФИИ И ИСТОРИЯ

Корректурa *Бориса Никифорова*
Макет издания *Евгения Чичилова*

Издатель:
Центр социального прогнозирования и маркетинга

127106, Москва, ул. Гостиничная, 9.

Тел. (495) 481-18-38, 482-18-47
E-mail: info@sheregi.ru

Подготовка электронного издания:
IT центр Института социологии РАН
E-mail: delo@isras.ru

Тираж: 500 экз.